

Институт археологии Российской академии наук
Рязанский историко-архитектурный музей заповедник

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

Вып. 2

Рязань, 2013

УДК 902
ББК 63.4 (2Рос — 4Ряз)
М 34

Сборник утверждён на заседании Учёного совета Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук 13 мая 2012 г.

Ответственный редактор и составитель
доктор исторических наук В.И. Завьялов

Рецензенты:
профессор, доктор исторических наук Е.А. Рыбина,
профессор, доктор исторических наук А.В. Чернецов

М 34 **Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2.**
Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2013. — 288 с.: ил.

Второй выпуск сборника «Материалы по археологии Переяславля Рязанского» продолжает знакомить с новыми находками и открытиями во второй столице Великого княжества Рязанского. Статьи, включённые в настоящее издание, освещают разнообразные стороны историко-археологических исследований. В ходе этих исследований удалось проследить особенности усадебной застройки Переяславля Рязанского, охарактеризовать на большом фактическом материале климатические изменения на протяжении времени существования города.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902
ББК 63.4 (2Рос — 4Ряз)

На обложке:
Головка кожаного сапога. XVI век, Житный раскоп

ISBN 978-5-902096-43-6

© ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный
музей-заповедник», 2013
© Авторы, 2013

ОТ РЕДАКТОРА

В 2013 г. прошёл десятый полевой сезон работ Переяславль-Рязанской археологической экспедиции, созданной в 2004 г. по инициативе директора Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника Людмилы Дмитриевны Максимовой. Главной задачей экспедиции стало комплексное изучение культурного слоя, включая применение разнообразных естественнонаучных методов. За время работы экспедиции вскрыты десятки жилых и хозяйственных построек, настилы мостовых, усадебные комплексы. Полученные артефакты и результаты их аналитического исследования позволили во многом по-новому взглянуть на жизнь и деятельность населения средневекового города.

Ещё одной стороной деятельности экспедиции является мониторинг состояния культурного слоя на территории Кремля и охранные работы в зоне прокладки коммуникаций. В ходе этих работ были получены новые данные о характере верхних напластований и особенностях распространения культурного слоя. Так, при изучении шурфов у кремлёвского вала был сделан вывод о том, что постепенное накопление культурного слоя приходится на вторую половину XII—XIV вв., причём наиболее ранние домонгольские материалы происходят только из заполнения материковых ям. Резкое увеличение культурных напластований и находок приходится на XV — первую половину XVI в. Культурный слой XVII—XVIII вв. почти полностью отсутствует, материалы этого времени единичны, что, вероятно, связано со смещением линии жилой застройки.

В последние годы наблюдается интенсификация археологического изучения Рязани. Прежде всего, это обусловлено усилением строительной деятельности в городе и, как следствие, расширением охранных работ. Значительные раскопки проведены на Верхнем и Нижнем посадах, в Гончарной и Рыбацкой слободах, на южной окраине современной Рязани (селище Галенчино) (Буланкин, Иванов, 2010; Буланкин, Киселёв, 2011; Вячин, 2009; Судаков, Иванов, 2008; Челябинов, 2009).

Необходимость консолидации археологических исследований привела к созданию периодического издания «Материалы по археологии Переяславля Рязанского», первый выпуск которого вышел в 2011 г.

Второй выпуск сборника продолжает знакомить с новыми находками и открытиями во второй столице Великого княжества Рязанского. Изучение процессов, протекавших в таком крупном ремесленно-торговом центре, как Переяславль Рязанский, во всём их разнообразии, представляется важным фактором в создании общей картины развития русского города. Ввиду немногочисленности письменных источников

именно комплексное археологическое исследование является основным методом в изучении истории средневековой Рязани.

В этом отношении показательны раскопки напластований XVI в. на Житном раскопе в Кремле, которые позволили раскрыть многие аспекты жизни позднесредневекового города. Впервые в ходе этих работ удалось проследить особенности усадебной застройки Переяславля Рязанского, установить характерные черты бытового вещевого комплекса, охарактеризовать на большом фактическом материале климатические изменения на протяжении времени существования города, определить рацион питания населения вскрытых усадеб.

Наряду с работами в Кремле на территории исторического ядра древнего города постоянно ведутся наблюдения за земляными работами, в ходе которых получены важные сведения по характеристике культурного слоя Переяславля.

Систематическое изучение культурного слоя Кремля Переяславля Рязанского позволило сделать вывод о его неоднородности. Территорию Кремля условно можно разделить на две зоны. Первая, занимающая поверхность первой и второй надпойменных террас, содержит сильно увлажнённый культурный слой с хорошо сохраняющимися изделиями из органических материалов и металлов. Культурный слой с такими характеристиками прослежен на территории Архиерейского двора и сада (раскопки А.Л. Монгайта, А.А. Коновалова, В.И. Завьялова). Вторая зона, располагающаяся на большей части платформы, представлена сухим слоем, где органика сохраняется плохо (дерево в виде тлена, из органических материалов удовлетворительно сохраняется кость). При этом на отдельных участках этой зоны слой может быть в той или иной степени увлажнён, что тем не менее не влияет на его основные показатели (Буланкин, Завьялов, Судаков, 2010).

Как и в первом сборнике «Материалов по археологии Переяславля Рязанского», статьи, включённые в настоящее издание, освещают разнообразные стороны историко-археологических исследований.

Ю.Ю. Гордова приводит три основные версии происхождения топонима Переяславль Рязанский. Привлечение более широких лингвистических и археологических данных позволяет оценить степень достоверности каждой из них и по-новому взглянуть на хорошо известные факты. Описание топонимического ландшафта района в древнерусский период даёт возможность сделать несколько наблюдений, касающихся закономерностей развития топонимической системы.

В статье В.И. Завьялова рассматриваются результаты археологического исследования 2007–2009 гг. в Кремле Переяславля Рязанского

(Житный раскоп). Анализ керамики позволяет датировать вскрытые культурные напластования концом XV – XVI вв. Слой характеризуется повышенной влажностью, что способствовало хорошей сохранности изделий из органических материалов. Исследовано более десяти построек. Большую часть участка занимала усадьба А. Комплекс находок свидетельствует о привилегированном положении жителей усадьбы. Среди находок выделяются костяная печать-матрица, фрагменты орнаментированных сапог, резной костяной крест, фрагменты селадонных сосудов.

Значительная часть сборника посвящена публикации результатов аналитических исследований археологического материала. В работе А.А. Алёшинской, Е.А. Спиридоновой и М.Д. Кочановой представлены результаты палинологических исследований культурного слоя из Житного раскопа. Так, было выделено шесть спорово-пыльцевых комплексов, характеризующих изменения растительности на протяжении формирования культурного слоя. Для изученного временного отрезка была свойственна однородность растительных сообществ. По-видимому, климатические условия мало менялись, а незначительные изменения в растительном покрове были связаны с колебаниями увлажнения и с деятельностью человека. Только в последнем комплексе намечаются изменения, видимо связанные с начинающимся похолоданием климата.

В другой своей статье авторы представляют результаты спорово-пыльцевого анализа образцов из шурфа 3, заложенного у подножия кремлёвского вала. Раскопки позволили определить разные по литологическому составу слои, вмещающие отложения, накопившиеся за значительный отрезок средневековья. В результате проведённого анализа, по исследованному разрезу было выделено девять спорово-пыльцевых комплексов, которые дают характеристику растительности, начиная примерно с XI и кончая XVII в.

В статье А.А. Гольевой приведены результаты почвенных исследований на Житном раскопе (раскопки 2009 г.). Работы включали в себя морфологический анализ, определение валового фосфора и микробиоморфный анализ. Подобные работы в Переяславле Рязанском проводятся впервые, поэтому полученные данные имеют как научное, так и методологическое значение. Изучены три стенки Житного раскопа, условно обозначенные как «Улица», «Мастерская» и «Жилище». Выявлена специфика каждого из объектов. Основным объединяющим признаком является повсеместное очень высокое содержание валового фосфора, что свидетельствует об интенсивной жизни на участке в течение всего периода формирования толщи культурных слоев. Объект «Улица» указывает на

неравномерность, дискретность поступления в толщу различной органики. Скорее всего, эта контрастность отражает этапы функционирования улицы. Автор предполагает, что жилища восстанавливались после пожаров или на том же месте, или неподалёку от пожарища, т.е. периодов длительного существования пустырей не выявлено.

Исследование П.А. Сутягиной посвящено изучению растительных макроостатков из мокрого культурного слоя двух средневековых городов Рязанского княжества — Старой Рязани (середина XII в.) и Переяславля Рязанского (вторая половина XV — начало XVII в.). Целью работы являлась характеристика субфосильной флоры и растительного покрова этих городов и их ближайших окрестностей. Автор приходит к заключению, что флора Переяславля Рязанского была богаче старорязанской. Основными источниками диаспор в культурных слоях, предположительно являлись навоз, грязь, переносимая на ногах человека и сельскохозяйственных животных, и в меньшей степени — сено, солома и зерно, привозимые на территорию усадеб. Состав субфосильной флоры позволяет предполагать наличие в окрестностях Старой Рязани и Переяславля Рязанского луговой и древесно-кустарниковой, а в самих городах — богатой сорной, придорожной и рудеральной растительности.

Выводы, полученные Л.Н. Соловьёвой о составе древесины поделок из Житного раскопа, свидетельствуют о преобладании в качестве поделочного материала лиственных пород, что полностью коррелируется с результатами палинологического анализа.

Разнообразные предметы, связанные с торговлей и импортом, рассмотрены С.И. Миловановым. В статье приводится характеристика торговых связей и динамика их развития на протяжении второй половины XII—XV вв. Автор приходит к выводу, что во второй половине XII — начале XIII в. количество изделий импортного происхождения не велико. Подавляющее большинство среди них связано своим происхождением с Приднестровьем. Пики поступления импортных товаров приходятся на вторую половину XIV — начало XV в. Вещи этого времени происходят непосредственно с территории Золотой Орды или поступали через неё.

В статье Т.Н. Козловой вводятся в научный оборот предметы игры, шахматные фигуры и шашки, обнаруженные в Переяславле Рязанском. В результате исследования удалось выявить типовую принадлежность фигур и определить время их бытования.

Две статьи посвящены результатам изучения изделий из цветного металла, найденных в различных частях Переяславля Рязанского. В статье О.А. Фатюниной рассматриваются находки Житного раскопа, обнаруженные в ходе археологических раскопок 2004—2011 гг. В ста-

тье В.В. Судакова и О.А. Фатюниной приводится комплекс артефактов с территории Верхнего посада.

В статье Д.А. Иванова представлены результаты охранных работ на поселении Галенчино 2. Полученные материалы представляют интерес для изучения сельских памятников ближайшей округи Переяславля Рязанского во второй половине XII—XIII вв.

Статья В.А. Попова посвящена графической реконструкции трёх деревянных построек Житного раскопа, датируемых второй половиной XVI в. На основании этой реконструкции стало возможным создать макет одной из усадеб Переяславля Рязанского, вошедшего в новую экспозицию Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника по истории столицы Рязанского княжества.

Таким образом, наши знания о средневековой истории Переяславля Рязанского пополнились принципиально новыми данными, которые постоянно вводятся в научный оборот. Во многом этому способствует публикация данного сборника.

Литература

Буланкин В.М., Иванов Д.А., 2010. Археологические исследования на территории Рыбацкой слободы Переяславля Рязанского (современный г. Рязань) в 2008 г. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 24. Рязань.

Буланкин В.М., Завьялов В.И., Судаков В.В., 2010. Характеристика культурного слоя кремля Переяславля Рязанского // РА. № 1.

Буланкин В.М., Киселёв В.Ю., 2011. Результаты археологических исследований в Рыбацкой слободе средневекового города Переяславля Рязанского в 2008 году // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань.

Вячин А.А., 2009. Раскопки в Гончарной слободе г. Рязани // Битва на Воже и средневековая Русь. Рязань.

Судаков В.В., Иванов Д.А., 2008. Новый средневековый памятник на территории г. Рязани (Галенчино II поселение 1) // Четвёртые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, Рязань, 24—27 октября 2006 года. Рязань.

Челяпов В.П., 2009. Исследования на Нижнем посаде г. Переяславля Рязанского (современный г. Рязань) в 2007 г. // Битва на Воже и средневековая Русь. Рязань.

Ю.Ю. Гордова

ТОПОНИМИЯ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Топоним *Переяславль Рязанский* и другие названия территории древнего города — прежде всего названия опоясывающих его рек *Трубежа* и *Лыбеди* — на протяжении долгих лет вызывают стойкий научный интерес. Происхождению данных названий посвящены исследования разных авторов, создавая ощущение, что история топонимов уже хорошо известна.

Однако специфика топонимики как науки заключается в том, что этимология названий, даже при самой сильной аргументации, всегда остается на уровне гипотезы. Новые факты, новые обстоятельства, открывающиеся благодаря развитию научных знаний, постоянно корректируют, а в некоторых случаях и кардинальным образом меняют, кажется, уже хорошо знакомую картину.

Обращаясь вновь к топонимам района Переяславля Рязанского, свою задачу мы видим в том, чтобы посмотреть на них в свете более широких лингвистических и новых археологических данных. Взятые в совокупности, эти данные помогают подтвердить или поставить под сомнение имеющиеся версии, установить возраст топонимов, описать топонимический ландшафт района в древнерусский период.

Для топонима *Переяславль* существует три гипотезы. Первая связывает его с антропонимом *Переяслав* («перенять» + «слава») и, таким образом, с номинацией, отражающей связь поселения с неким человеком, его основавшим.

Вторая — с сочетанием «перенявший славу», которое якобы перекликается с историей возникновения города (предполагается, что он перенял славу Рязани, разоренной в 1237 г.).

Третья версия говорит о том, что название является перенесенным из Киевской земли, а значит, не связано напрямую с семантикой лежащего в его основе апеллятива или имени.

Одним из лингвистических аргументов, используемых для подтверждения той или иной версии, является типологическая характеристика, при которой исследуемое название сопоставляется с другими названиями, аналогичными или близкими по структуре и семантике. Как правило, такие названия построены по одной модели —

по одному образцу, актуальному в тот или иной период, что и помогает установить путь происхождения исследуемого имени.

С этой точки зрения топоним *Переяславль* тяготеет к названиям типа *Ростиславль*, *Ярославль*, *Дедославль*, *Бориславль* и им подобных. Все они образованы от основы антропонима при помощи суффикса притяжательности *-ѣ*, давшего в исходе топонимов *-славль*. Названия, построенные по данному образцу, отражали принадлежность поселения определенному лицу, чаще всего предводителю рода или князю, его основавшему.

В образовании топонимов по данной модели участвовали не только антропонимы на *-слав*, но и другие двусосновные славянские имена: на *-мир* (*-мер*), *-гость*, *-нег* и подобные (*Ярослав*, *Володимер*, *Перенег*), а также древнерусские имена простой структуры (*Глеб*), христианские имена (*Иван*, *Степан*), народные формы имен разных типов (*Добрыня*, *Грустьня*).

Модель с использованием двусосновных антропонимов относится к праславянской, она была известна, как полагают, уже в первой половине I тысячелетия н.э. и изначально служила для именования центра родовой общины. Очевидно, рано начали использоваться в данной модели и древнерусские имена простой структуры, а христианские имена были вовлечены в топонимические процессы позднее.

По письменным источникам модель известна с X в., до конца XII — начало XIII в. она оставалась продуктивной в славянском мире [Чумакова, 1992, с. 57]. Но уже в начале XII в. в древнерусской топонимии активизируются названия на *-ин*, *-ов*, *-ев* (типа *Микитин*), которые постепенно вытесняют модель с *-ѣ*, приводя к ее архаизации. Отметим, что в топонимии Среднего Поочья этот процесс проходит позднее.

В соответствии с древней моделью построены рязанские названия: *Ростиславль*, *Борисл[о]вль*, *Сологощъ*, *Добрынь*, *Грустьнь*, *Храпынь*, *Малынь* и др. (еще около 15 топонимов); а также топонимы других регионов: *Володимеръ* (волинск.; письм. упом. 988 г.), *Ярославль* (письм. упом. 1071 г.), *Володимеръ* (осн. 1108 г.), *Дедославль*, *Возвягль* (*Взягль*) (житом.; письм. упом. сер. XIII в.), *Воронеж* (черниг.; IX в.), *Воронеж* (донск.; письм. упом. 1147 г.) [Поспелов, 2002, с. 104].

Продуктивной в древнерусский период была и форма антропонимов со *-слав*. Это подтверждает хотя бы тот факт, что из 12 сыновей киевского князя Владимира семеро носили имена данного типа [988 г.; ПСРЛ, т. XXXVIII, с. 55]. В памятниках древнерусской письменности упоминаются имена *Болеслав*, *Воротислав*, *Вышеслав*, *Вя-*

чеслав, Горислав, Изеслав (Изяслав), Мечислав, Мстислав, Святослав, Станислав, Судислав, Ярослав.

Таким образом, морфема *-слав* является типичной для антропонимии, а в топонимии она вторична. От антропонима при помощи специального суффикса образовывались притяжательные прилагательные, затем географические имена, показывающие принадлежность объекта (чаще всего города) данному лицу.

Структура топонима *Переяславль* дает все основания говорить о том, что он также восходит к личному имени. И хотя имя *Переяслав* не зафиксировано в известных памятниках письменности, данное обстоятельство не может являться доказательством нереальности антропонима, так как на страницы древних документов не попало множество нарицательных и собственных имен.

Однако предложенная этимология возможна лишь для самого раннего Переяславля.

Как прецедент топоним упоминается в «Повести о взятии Олегом Царьграда» (Повесть временных лет), рассказывающей о событиях 907 г., в форме *Переаславль* [ПСРЛ, т. I, с. 31].

В «Сказании о Кожемяке» представляют интерес сведения о времени основания города (позднее это *Переяславль Южный*) — 992 г. — и о событиях, предшествовавших этому. Речь в повествовании идет о пятом — младшем — сыне одного человека, который, обладая удивительной силой, сразился в поединке с печенегом и победил его. «*Володимерь же радъ бывъ, заложи городъ на бродъ томъ и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко ть*» [ПСРЛ, т. I, с. 124]. Имени героя сказание не называет, *Кожемяк[a]*, очевидно, дополнительное имя, отражающее род занятий.

Согласно сообщению летописи, топоним связан не с эпонимом — именем реального человека, а с фактом обретения (перенятия) славы храбрым воином. Однако подобный принцип номинации древнерусской ойконимии неизвестен, и, скорее всего, приводимая в «Повести временных лет» легенда — пример ранней народной этимологии, оказывающей значительное влияние на восприятие отдельных названий и в наши дни. К этому склоняются многие исследователи (см., в частности, *Нерознак*, 1983, с. 134). Отметим также, что к народной этимологии относится и летописное объяснение происхождения топонимов *Киев*, *Щековица*, *Хоревница* от имен трех братьев (*Кий*, *Щек*, *Хорив*) — в «Предании об основании Киева» [ПСРЛ, т. I, с. 9].

В более поздних записях летописей ойконом *Переяславль* упоминается неоднократно, но сопоставить его с конкретным городом

в ряде случаев не позволяют следующие причины: 1) на территории древнерусского мира уже существовало три города с таким названием: Русский (Южный), Новый (Суздальский), Рязанский (на Трубеже); 2) источники (в записях до нач. XIV в.) не разделяют три Переяславля, а в большинстве случаев, о каком бы городе ни шла речь, называют его Переяславлем; 3) в тексте часто отсутствуют географические ориентиры, упоминаемая река Трубеж не может служить таковым ввиду однотипности топонимического ландшафта: каждый из трех городов стоял на реке с именем Трубеж.

Именно необходимостью в идентификации объектов вызвано появление дополнительных элементов в повторяющихся названиях древнерусских городов. Чаще всего в этой роли выступало определение, отражающее название региона: *Рязанский*, *Суздальский*, *Залесский* и подобные.

Самый ранний по времени возникновения город *Переяславль* (907 г. или 992 г.) именуется *Переяславлем Руским* в записи под 1199 г.: «Преставися князь Ярослав Мстиславич, внук Юриев, в Переяславле Руском» [Татищев, т. III, с. 166] (с 1943 г. — Переяслав-Хмельницкий, город в Киевской обл.). Другой *Переяславль* — *Переславлем Суздальским* («*Суздальским*») под 1214 г., хотя первое упоминание, без дополнительного определения, относится к 1152 г. [ПСРЛ, т. XXXVIII, с. 165; Пospelов, 2002, с. 326].

Дополнительное определение у рязанского *Переяславля* появляется в летописных записях только с 1339 г.: «Тогда же князь Иван Иванович Коротопол Рязанский сrete брата своего князя Александра Михайловича Пронскаго, во Орду идуща ко царю с выходом, и изыма его и ограби, и приведе его во град свой в Переславль Рязанский» [ПСРЛ, т. X, с. 211; см. также записи под 1342 г., 1365 г.] (другой рязанский город *Ростиславль*, основанный в 1153 г., фиксируется с региональным определением, то есть как *Ростиславль Рязанский*, только под 1342 г.).

Более или менее регулярно дополнительные указания у большинства названий разных русских княжеств встречаются лишь в записях начиная с 30–40-х гг. — второй половины XIV в. (хотя даже в это время новые летописные традиции выдерживаются не всегда, в частности, под 1364 г. Никоновской летописи: «Того же лета мор бысть в Переславли», в каком — не уточняется [ПСРЛ, т. XI, с. 3]).

Наряду с «территориальным» определением, одинаковые топонимы разных регионов могло разграничивать и обстоятельственное уточнение: «на Трубеже», «на Плаве», «на Осетре», «на усть

Проне», «в верх Дону», — назначение которого то же: идентифицировать топоним в ряду аналогичных, уже известных топонимов: *Переяславль на Трубеже* (он же *Переяславль Рязанский*) — *Переяславль Русский*, *Переяславль Залесский*; *Новгородок на Осетре* — *Новгород Северский*, *Нижний Новгород*, *Новоград Волынский* [Поспелов, 2002, с. 295] и т.д.

По записям памятников письменности четко просматриваются правила в употреблении добавочных определений и обстоятельств: необходимость в них возникала только при первом упоминании города в данном отрывке, далее он назывался однословно. Так, в записи Никоновской летописи от 1339 г.: «Тогда же князь Иван Иванович Коротопол Рязанский сrete брата своего князя Александра Михайловича Пронского, во Орду идуща ко царю с выходом, и изыма его и ограби, и приведе его во град свой в Переславль Рязаньский», далее: «И тако ис Переславля поиде князь Иван Коротопол...» [ПСРЛ, т. X, с. 211, та же тенденция в записи от 1342 г., с. 215].

Это заставляет рассматривать элементы не как часть названий, именно в таком виде часто представлены они в справочной литературе (в частности, в ТСРО: статья «Переяславль-Рязанский», с. 189), а как географический ориентир, необходимый для различения одноименных объектов. Подтверждает данное положение и список русских городов Воскресенской летописи, в котором приведенные нами названия регистрируются в формах: *Переяславль на Трубеже* (вместо ожидаемого *Переяславль Рязанский*), *Переяславль* (вместо *Переяславль Суздальский*) *Ростиславль* (вместо *Ростиславль Рязанский*) [ПСРЛ, т. VII, с. 241].

В ряде случаев название более позднего по времени основания поселения является перенесенным, соотносимым с названием первого поселения, а потому никак не связано со значением лежащего в его основе апеллятива или имени. Это замечание может относиться и к рязанскому *Переяславлю*.

Повторяющиеся названия разных регионов являются проявлением общей и стойкой традиции сохранения топонимов определенной культурно-языковой среды и как узус, и как память. При выборе названий для новых поселений и безымянных рек осваиваемых территорий переселенцы часто, по всей видимости, сознательно повторяли известные названия мест былого проживания в целях создания вокруг себя привычного топонимического ландшафта. Этим и объясняется близость, однотипность топонимического наполнения областей раннего и позднего славянского освоения.

Время появления топонима *Переяславль* в Поочье нам доподлинно неизвестно, так как ранние (не средневековые) письменные источники не называют дату основания города, в отличие от южного Переяславля. И хотя сам топоним, как мы уже отметили, упоминается в летописях неоднократно, лишь записи 1301 г. позволяют с уверенностью говорить, что речь в них идет о *рязанском* Переяславле: «Того же лета князь Данило Александрович Московский приходил ратью на Рязань, и бишася у града у Переславля» (Никоновская Лет.) [ПСРЛ, т. X, с. 173], в Лаврентьевской летописи о том же событии: «Того же лета, в осенине, Данило князь Московский приходил на Рязань ратью, и билися у Переяславля» [ПСРЛ, т. I, с. 209].

Следованная Псалтырь сообщает нам о том, что город был zaloжен в 1095 г., однако достоверность этих сведений вызывает некоторые сомнения. Во-первых, потому, что сам источник относится к памятникам письменности второй половины XV — начала XVI в., а следовательно, все свидетельства, касающиеся событий, произошедших за несколько столетий до составления документа, носят, как справедливо замечено в «Топонимическом словаре Рязанской области», «характер позднейшего припоминания» [ТСРО, 2004, с. 190], а во-вторых, потому, что в реликвийной для рязанцев записи (от указанной в ней даты ведется отсчет существования современного областного центра) город называется *Переяславлем Рязанским*, хотя уточняющее определение, как было показано выше, появляется у названия не ранее 30-х гг. XIV в., а до этого времени (и, видимо, в момент закладки) город назывался просто *Переяславлем*.

Более достоверные сведения о времени основания поселения оказались бы весьма полезными для топонимики, так как позволили бы проверить еще одну часто обсуждаемую в научной литературе версию происхождения названия — из сочетания «перенявший славу» (прежней столицы княжества): если город уже существовал до разорения Рязани в 1237 г., то такое объяснение топонима бессмысленно.

По традиции, сложившейся, очевидно, еще в глубокой древности, поселения получали названия в момент основания и не меняли их на протяжении всего времени своего существования. Топонимы переносились при переселении людей на новые земли, сохранялись за городами, селами и деревнями при смене места их расположения (например, если первоначальное место оказалось неудобным для проживания из-за разлива реки или по другим природным или социальным причинам), при изменении их статуса (например, когда город становился селом). И даже при ликвидации поселений их на-

звания еще долго оставались названиями пустошей и урочищ, селищ и городищ.

В древнерусских памятниках письменности не отмечено ни одного случая переименования русских городов или сел. А источники XVI в. сообщают нам «двусложные» и даже «трехсложные» имена деревень, бережно сохраняющие и старые и новые варианты названий: «Митякино, Исаково, Гремячка тож».

Определить, как долго функционировал Переяславль до начала достоверных летописных упоминаний о нем, позволяют археологические данные. Многолетнее изучение территории Кремля, древнейшей части городища, дает возможность говорить о том, что город возник не позднее конца XII в. [Судаков, Буланкин, 2005, с. 245], то есть еще до начала татаро-монгольского нашествия и не менее чем за 100 лет до первого письменного свидетельства.

Особенно активно территория застраивалась во второй половине XIII–XIV вв. после превращения Переяславля в столицу княжества. Но укрепленное поселение существовало здесь и ранее, об этом свидетельствует культурный слой XII – первой половины XIII в., хоть и небольшой, и древнерусский могильник, датируемый первой половиной XII в. [Там же, с. 250–252]. В домонгольский период, по данным археологии, были обжиты и другие части города: Верхний посад, Рыбацкая слобода (с конца XII в.), Нижний посад.

Таким образом, в топонимической системе славянского населения Среднего Поочья название *Переяславль* могло появиться в XII в. (возможно, уже в начале столетия, если исходить из предполагаемой датировки могильника), то есть приблизительно через 200 лет после появления первого такого топонима в Южной Руси.

Как раз с XII веком связывают южный поток новых колонистов Среднего Поочья, которые могли принести с собой не только традиции материальной культуры, но и привычные топонимы: кроме *Переяславля*, также *Трубезж*, *Лыбедь*, *Дунай* (совр. *Дунайчик*).

Еще раз отметим, что эти названия создавали привычное для переселенцев топонимическое окружение на новой земле и, возможно, помогали преодолеть ностальгию по родным местам.

В свете этих данных версия, согласно которой город получил свое название потому, что «перенял славу» сожженной Рязани, представляется нелепой. Город возник гораздо раньше трагедии 1237 г. и во время описываемых событий уже существовал под именем, которое получил еще в момент основания – в соответствии с топонимическими традициями.

Более логично предположить, что город перенял славу какого-то другого города (не Рязани), находившегося поблизости и по какой-то причине прекратившего существование (сильный пожар, неудачное местоположение, нападение врагов и полное разрушение, другие обстоятельства).

С началом функционирования города формируется городская топонимия, включающая в себя: 1) названия протекающих рядом рек; 2) названия церквей; 3) названия отдельных районов городского поселения: *Кремль* (укрепленная часть города), *Верхний посад*, *Нижний посад*, *Острог* (с кон. XIII в. резиденция рязанского епископа), которые сохранились до наших дней.

Трубезж. Гидроним фиксируется в летописях неоднократно. Наиболее раннее его упоминание встречается в Повести временных лет в уже называемом «Сказании о Кожемяке», описывающем события 992 г., происходящие в Киевской земле; далее он упоминается под 1185 г. [ПСРЛ, т. I, стб. 402], а как рязанский гидроним – только в конце XIV в. [ПСРЛ, т. VII, с. 241]. Однако древность модели и факт существования славянского поселения на самом берегу реки уже в XII в. дают основание относить возникновение рязанского *Трубезжа* к более раннему, нежели зафиксировано в памятниках письменности, времени.

Семантику гидронима связывают с географическим термином *труба* – «протока, рукав, ответвление реки». Такое объяснение признаётся большинством ученых (см.: ТСПО; Смолицкая, 2002, с. 354; Поспелов, 2002, с. 422) и подкрепляется географическими особенностями объекта. Тем не менее, нельзя окончательно исключать возможность субстратного происхождения топонима (из-за форманта *-еж*).

Лыбедь. Впервые *Лыбедь* упоминается в «Повести временных лет» в «Предании об основании Киева», являющимся, как было отмечено выше, топонимической легендой. *Лыбедь* в ней – сестра Кия, Щека и Хорива, основавших Киев [ПСРЛ, т. I, с. 9]. Как полагают, предание было известно уже в VII в., что указывает на время бытования апеллятива *лыбедь* и, очевидно, топонима *Лыбедь*, хотя в самом сказании это только имя женщины, за образом которой (по канонам топонимической легенды) и скрывается географическое название. И.М. Железняк относит возникновение гидронима, наряду с другими киевскими гидронимами – *Почайна* и *Сетомля*, к еще более древнему периоду, а именно ко времени существования раннего праславянского языка – III–II тыс. до н.э. [Железняк, 1988, с. 159].

Уже как название реки *Лыбедь* упоминается в памятниках письменности под 980 г.: «на Лыбеди» [«О Владимире Святославиче»; ПСРЛ, т. I, с. 124] и под 1230 г.: «у реки Лыбети» [«О землетрясении в Северной земле»; Татищев, т. III, с. 225–226]. Найти упоминание гидронима, имеющего отношение к древней Рязани, в летописях не удалось, однако, безусловно, он уже был известен в Поочье в древнерусское время.

Этимология гидронима окончательно не установлена. Топонимические словари, в том числе и региональный, осторожно обходят данное название, не находя достаточно аргументов для его объяснения. Согласно одной из гипотез, в основе названия лежит архаичный апеллятив *лыбедь* — «лебедь», который при образовании гидронима мог использоваться метафорически, отражая необычную поверхность реки, а именно белую пелену над водой — туман, образуемый при соприкосновении холодной воды и тёплых потоков воздуха или, наоборот, тёплой поверхности реки и холодных потоков воздуха.

Принимая во внимание формант топонима, нельзя исключать и возможность его субстратного происхождения, ср. *Ибредь, Ибердь, Сноведь, Сувадь, Мегредь*, которые находят объяснение на базе неславянских языков.

В округе рязанского Кремля известно название *Скоморошинская (Скоморошья) горка*. Велика вероятность того, что его появление также относится к древнерусскому времени. Само место, согласно археологическому заключению, обжито с XII — начала XIII в., в это время в древнерусском языке уже было известно и слово, лежащее в основе топонима.

Скоморох — в Древней Руси певец-музыкант, бродячий комедиант, остро слов и акробат [ТСРЯ, 2007, с. 889]. Возвышенность на правом берегу р. Лыбеди могла быть местом пребывания древних артистов, так же как и для *ваганов (вагантов)* — *Ваганьков холм*, находившийся рядом со стенами Московского кремля (позднее село *Ваганьково*, с XVIII в. *Ваганьковский*, а с 1922 г. *Староваганьковский* переулок). Согласно краеведческим данным, не подкрепленным документально, на Скоморошья горке в Рязани жили скоморохи, бежавшие из Москвы в конце XV в. во времена Ивана III. Сомневаться в этой легенде заставляет различие в названиях, употребляемых по отношению к народным артистам в Москве и Рязани. Скорее всего, топонимы *Ваганьков холм* и *Скоморошинская (Скоморошья) горка* говорят об общности бытовых и культурных традиций древнерусских городов.

Современное продолжение рязанского микротопонима — в официальном названии улицы *Скоморошинской* (в советское время — ул. 26 Бакинских комиссаров). Это, безусловно, способствует сохранению названия как памятника культуры, однако история развития топонимической системы, с одной стороны, и волна протеста жителей улицы, сопровождавшая акт возвращения исторического названия, — с другой, ставит под сомнение целесообразность каких бы то ни было переименований.

Говоря о топонимии *Переяславля Рязанского*, не можем не отметить два важных обстоятельства.

1) Как установлено, территория будущего города начала осваиваться славянами еще в IX–X вв., именно с этим периодом связывают самые ранние, хоть и немногочисленные, славянские поселения, которые располагались, в том числе, и на берегу реки, известной сегодня под названием *Трубеш*. Однако, как мы выяснили, рязанский гидроним носит немного более поздний характер, а освоенный человеком водный объект (особенно если на его берегу находились поселения) не мог не иметь названия. В связи с этим закономерно встает вопрос: как именовались реки Трубеж и Лыбедь до XII в. и почему, вопреки древним славянским традициям, касающимся устойчивости топонимической системы, возникла необходимость в присвоении рекам новых имен?

На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Мы можем лишь предполагать, что в данном районе сложилась такая ситуация, при которой жизнь здесь на неопределенное время замерла, а между старым и новым населением района не было преемственности (которая бывает, к примеру, когда в связи с изменением военной или политической ситуации люди возвращаются на старое место). Это привело к тому, что прежние названия забылись, и старая топонимическая карта была просто стерта, а спустя 100–200 лет составлена заново, но уже другой славянской группой.

2) По всей видимости, по той же причине на топонимической карте района были неумолимо стерты и все следы возможного присутствия топонимических элементов других народов. Археологические исследования свидетельствуют, что территория будущего Переяславля была заселена уже со времен неолита, здесь открыт и ряд поселений городищной культуры раннего железного века — то есть район был хорошо освоен человеком еще до прихода славян. Однако анализ сохранившейся топонимии свидетельствует, что все названия данной местности являются русскими.

Ту же ситуацию мы наблюдаем и в округе древней Рязани, где наблюдается скопление топонимии древнерусского типа: гидронимы *Серебрянь, Марицань, Алешина, Ярославка*, ойконимы *Рязань, Шатрище, Усторонь* (совр. *Устрань*) и др.

О пользовании только своими или преимущественно своими названиями говорят и результаты анализа топонимов, упомянутых в памятниках древнерусской письменности: из 60 летописных названий Рязанского княжества русские составляют около 85%, а в группе названий городов их доля близка к 100%.

Отмеченные обстоятельства важны для понимания того, как формировалось ономастическое пространство народа, осваивавшего новую для себя территорию, на которой до его прихода уже проживали другие народы: в ходе этого освоения охотно перенимаются малопонятные названия крупных рек, но поселениям, небольшим речкам, ручьям, полям непременно даются собственные названия, часто хорошо знакомые по прежнему месту жительства.

Свое новое имя Переяславль Рязанский получил в 1778 г. по императорскому указу. Топоним *Рязань* с начала существования княжества был для его территории основным, главным. Именно с ним олицетворялась вся область и соотносились региональные города. Вследствие этого главное имя региона не могло быть утрачено, даже в связи с утратой самого города. Поэтому некоторое время сохраняясь в названии региона (в древнерусских источниках наименования *Рязанская область (волость), Рязанские места, Рязань* употребляются как синонимы), оно вполне закономерно стало новым именем поселения, на которое перешли функции главного города. Невозможность утраты наиболее значимого для данного региона топонима является главной причиной замены имени *Переяславль* именем *Рязань*.

Источники и литература

1. Железняк И.М. К стратиграфии киевской гидронимии (р. Почайна) // ОЛА. Материалы и исследования. М., 1988.
2. Нерозник В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983.
3. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. М., 2002.
4. Полное собрание русских летописей. Т. I–XXXIX. СПб.-М., 1841–1994.
5. Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России. М., 2002.
6. Судаков В.В., Буланкин В.М. Культурный слой Переяславля Рязанского // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005.
7. Татищев В.Н. История Российская: в VII т. М.-Л., 1965. Т. III.
8. Топонимический словарь Рязанской области / Под ред. А.А. Никольского. Рязань, 2004.

9. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007.

10. Чумакова Ю.П. Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа, 1992.

В.И. Завьялов

ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИТНОГО РАСКОПА В КРЕМЛЕ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО (2007–2009 ГГ.)

В 2007–2009 гг. на Житном раскопе в кремле Переяславля Рязанского вскрывались напластования конца XV–XVI вв. (пласты 12–18). Исследованные слои отражают период, когда Рязанское княжество теряет самостоятельность и становится частью Московского государства.

На основании анализа керамического комплекса пласты 12–13 можно датировать первой половиной – серединой XVI в., пласты 14–16 – концом XV – первой половиной XVI в., пласты 17–18 – концом XV – началом XVI в. (Судаков, 2008, с. 142; 2009, с. 171; 2010, с. 84). Следует обратить внимание на быстрое накопление слоя в первой половине XVI в.: на этот период приходится около метра культурных напластований, в то время как на вторую половину столетия вдвое меньше.

По полевым сезонам пласты исследовались следующим образом:

2007 г. – пласты 11 (восточный участок), 12–13

2008 г. – пласты 14–15 и пласт 16 (восточный участок)

2009 г. – пласты 16 (западный участок), 17–18

Характеристика культурного слоя по пластам выглядит следующим образом.

Культурный слой 11 пласта характеризуется тёмно-коричневым цветом, плотной консистенцией, повышенной влажностью; основными примесями являются щепа и навоз; изредка встречаются линзы серо-голубого суглинка. В слое хорошо сохраняются фрагменты деревянных конструкций и предметы из органических материалов. В 11 пласте были разобраны остатки мостовой (лаги и подкладки), настил которой вскрывался в 9–10 пластах (Завьялов, 2011, с. 75). Ниже длительное время следов замощения улицы вскрыто не было, но трасса улицы направления не меняла, что документируется сохраняющимся из пласта в пласт направлением заборов.

Культурный слой 12 пласта отличается сравнительной однородностью. На большей части площади раскопа это плотный суглинок тёмно-коричневого цвета. Основной примесью в слое является щепа и серо-голубой суглинок. Примесь навоза прослежена, главным образом, в квадратах, связанных с трассой улицы (кв. 9, 14).

Основу культурного слоя 13 пласта составляет гумусированный суглинок тёмно-коричневого цвета. Основными примесями являются

щепа, навоз, примесь которого в 13 пласте гораздо заметнее, чем в предыдущем, и серо-голубой суглинок.

Культурный слой 14 пласта по своим основным характеристикам сходен с вышележащими напластованиями: это плотный тёмно-коричневый суглинок с повышенной влажностью; основными примесями являются щепа и навоз. Встречаются линзы серо-голубого суглинка естественного происхождения (Завьялов, 2008, с. 15; 2011, с. 69). В квадратах 10 и 15 в слое встречено большое количество древесного угля, что связано с пожаром постройки № 7. Большую часть этих квадратов на глубине около 250 см составляет мощная линза серо-голубого суглинка, практически не содержащая находок. Вероятнее всего, эта линза представляет подсыпку под сруб.

На большей части площади раскопа культурный слой 15 пласта представлен плотным суглинком тёмно-коричневого цвета. Основной примесью в слое является щепа и серо-голубой суглинок, образующий в отдельных случаях довольно значительные линзы. Отличается слой квадратов, связанных с сооружениями № 12 (кв. 27–29, 32–34, 38) и № 13 (кв. 10, 15). Здесь в слое присутствует значительная примесь золы, древесного угля и обожжённой глины. В северной части раскопа (квадраты 31, 31а, 36, 36а и 32) основной примесью в культурном слое является навоз.

Основу культурного слоя 16 пласта на восточном участке составляет гумусированный суглинок тёмно-коричневого цвета. Основной примесью в слое является щепа. В северо-восточной части участка, внутри огороженной забором территории, в слое присутствует значительная примесь навоза. В заполнении сооружения № 12 фиксируется примесь золы и обожжённой глины. Следует отметить, что внутри сооружения примесь щепы в слое незначительна. Повсеместно встречаются линзы серо-голубого суглинка, зачастую приуроченные к деревянным конструкциям. Как уже отмечалось, эти линзы носят естественный характер.

Культурный слой 16 пласта на западном участке раскопа представлен тёмно-коричневым плотным суглинком. Основной примесью в слое является щепа. Следует отметить почти полное отсутствие в слое включений серо-голубого суглинка, характерных для вышележащих напластований (Завьялов, 2008; 2009б; 2010г). В кв. 1 в слое на всю толщину пласта отмечается примесь навоза. В квадрате 16 и на границе квадратов 6 и 7 на глубине -301 – -308 см отмечены пятна песка, под которым располагается древесный уголь. В южной части участка (квадраты 10, 15) в слое отмечается примесь древесного угля,

связанная с остатками сооружения № 13, погибшего в пожаре (*Завьялов*, 2009б, с. 62). В центральной части раскопа (квадраты 17–19) слой супесчаный более рыхлый, чем на остальных участках.

На основной площади раскопа культурный слой 17 пласта по своим характеристикам сходен с напластованиями предыдущих пластов: это плотный тёмно-коричневый суглинок с повышенной влажностью; основными примесями являются щепа и навоз. При этом примесь навоза более значительна на западном участке раскопа. Из особенностей слоя следует отметить заметное сокращение линз серо-голубого суглинка. На восточном участке в квадратах, в которых расположено сооружение № 14 (кв. 23–24, 26–29, 31–33), слой по консистенции супесчаный, по цвету более светлый, чем на остальной площади раскопа. На этих квадратах в слое отмечается примесь золы, которая на некоторых участках образует линзы в культурном слое (кв. 29).

Культурный слой 18 пласта на большей части площади раскопа представлен плотным суглинком тёмно-коричневого цвета. Основной примесью в слое является навоз и щепа, образующие в отдельных случаях довольно значительные линзы. Отличается слой в квадратах, связанных с сооружением № 15 (кв. 27–29, 32–34, 38). Здесь в слое присутствует значительная примесь золы и обожжённой глины, а сам слой более светлый и по консистенции супесчаный.

В 2007–2009 гг. на раскопе было вскрыто несколько деревянных построек.

Сооружение № 5.

Сооружение № 5 в целом относилось к 9–10 пластам (*Завьялов*, 2011б, с. 79–80). В 11 пласт частично заходят лаги пола и подкладки под углы сруба. Углы сооружения опирались на мощные (диаметром 30–35 см и длиной 90–95 см) дубовые подкладки, которые располагались по линии северо-северо-запад–юго-юго-восток. Посередине сооружения параллельно западной стене расположены два бревна диаметром 16–18 см – переводины пола. По дендрохронологическим данным постройка была срублена в конце 60-х гг. XVI в. (*Карпунин*, *Соловьёва*, 2011, с. 184).

Сооружение № 6.

Непосредственно под сооружением № 5 располагалась постройка, полностью повторяющая размеры и ориентировку вышележащего сруба. Судя по дендрохронологическим данным, дата возведения сооружения – конец 40-х – начало 50-х гг. XVI в. (*Карпунин*, *Соловьёва*, 2011, с. 185). Постройка фиксируется с глубины –210 – –216 см. Размеры сруба 3,2 x 3,6 м¹. Подкладки под стены сооружения № 5 прак-

тически опирались на остатки стен сооружения № 6, то есть значительного временного разрыва между разборкой сооружения № 6 и постройкой сооружения № 5 не было. Пол сооружения не сохранился. Относительно хорошо сохранились два венца сруба. Диаметр брёвен 20–22 см. Стены рублены в обло с остатком. Наружные выступы углов составляют 15–18 см. Вдоль брёвен в верхней части проходит паз для лучшего крепления верхнего бревна. Посередине нижнего бревна западной стены прорублено прямоугольное сквозное отверстие размером 18 x 8 см – продух для проветривания подпольного пространства. Нижние венцы сооружения опираются на подкладки, расположенные под углом к стенам. В качестве подкладок использованы обрезки брёвен вторичного использования (на некоторых сохранились вырубывы «в чашу»). Подкладки располагались под углами и под центральными частями стен. Заполнение постройки – тёмно-коричневый рыхлый слой со щепой (рис. 1). Следует отметить высокую насыщенность заполнения сруба находками. При этом выделяется юго-восточный угол, где находки практически полностью отсутствуют. По всей видимости, это место печи. В середине постройки располагался вертикально вкопанный столб диаметром 18 см, сохранившийся на высоту 20 см.

В заполнении постройки найдено более 100 индивидуальных находок, из которых значительную часть составляют фрагменты кожаной обуви. Изделия из кожи подробно рассмотрены в работах О.А. Фатюниной (2010; 2011а; 2011б; 2012). Отмечу, что из сооружения № 6 происходит более трети найденных в 12–13 пластах кожаных изделий. Среди них шесть фрагментов голенищ и 14 фрагментов голенищ сапог.

Из железных предметов следует отметить ключ от внутреннего замка с головкой в виде кольца, украшенного «кузнечной сканью»: в кольцо впаяны железные пластинки, образующие геометрический орнамент (рис. 2, 1; 13-6-404)². Другой ключ из этого сооружения – миниатюрный ключик длиной 4,5 см (рис. 2, 2). Оба ключа относятся к навесным замкам прямоугольной формы с небольшой откидывающейся дужкой. По мнению А.В. Никитина, такие замки появляются не ранее XVI в. (*Никитин*, 1971, с. 43).

В заполнении постройки найдена полностью сохранившаяся белоглиняная свистулька-уточка (рис. 2, 3).

¹ Здесь и далее приводятся максимальные размеры брёвен; первая цифра – длина бревна северной стены, вторая – длина бревна восточной стены.

² Трёхчленный паспорт находки означает пласт – квадрат – индивидуальный номер.

Кроме многочисленных фрагментов керамической посуды в заполнении сооружения № 6 найден развал горшка, который удалось собрать в полный профиль (рис. 2, 4). Горшок изготовлен из тонкой формовочной массы без визуально фиксируемых примесей. На венчике сосуда расположен линейный орнамент. По мнению В.В. Судаква, вещь датируется первой половиной XVI в.

Из деревянных находок следует отметить дубовый бессучковый копыл от саней (рис. 2, 5).

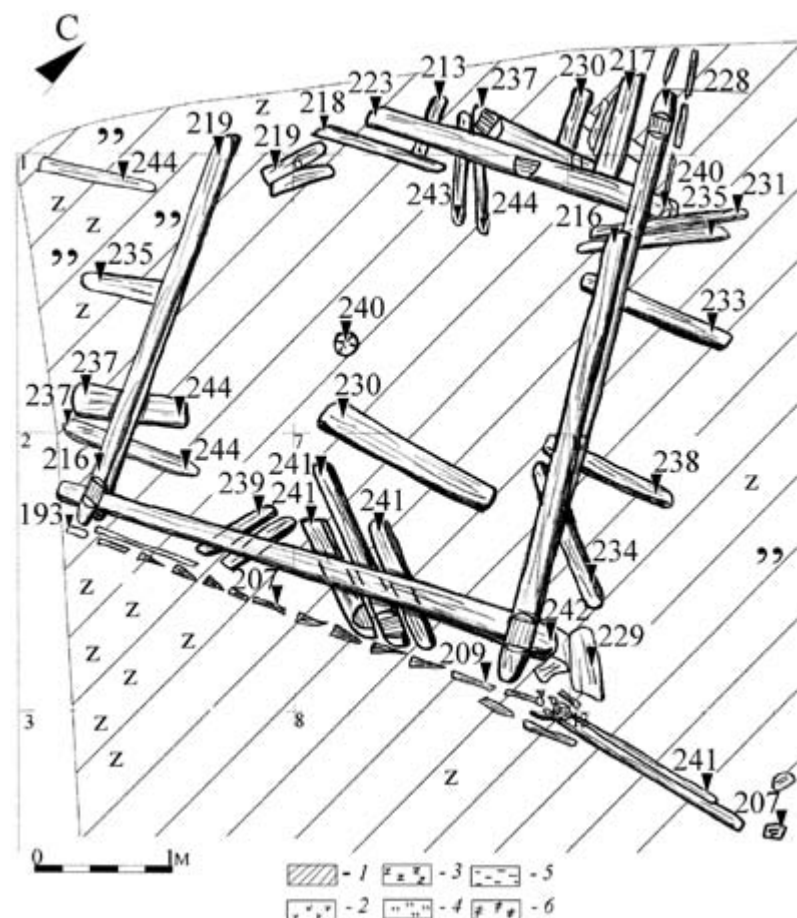

Рис. 1. Сооружение № 6:

1 — тёмно-коричневый суглинистый слой, 2 — древесный уголь, 3 — щепы, 4 — навоз, 5 — суглинок, 6 — обожжённая глина.

Как можно видеть, индивидуальные находки из сооружения № 6 не позволяют однозначно говорить о его назначении. Тем не менее, высокая концентрация кожаных изделий позволяет высказать предположение о том, что данная постройка функционировала как мастерская по пошиву или ремонту обуви.

Сооружение № 7.

Сооружение расположено в кв. 10 и 15. В раскоп вошла только северная часть постройки. Сруб располагался непосредственно под сооружением № 2, повторяя его размеры и ориентировку. Постройка фиксируется с глубины -212 см. Длина бревна северной стены не менее 5 м. Культурный слой (мощностью около 20 см), выросший на брёвна сооружения № 7 до возведения сооружения № 2, свидетельствует о хронологическом разрыве между разрушением более древней постройки и возведением новой. Фактически от сооружения

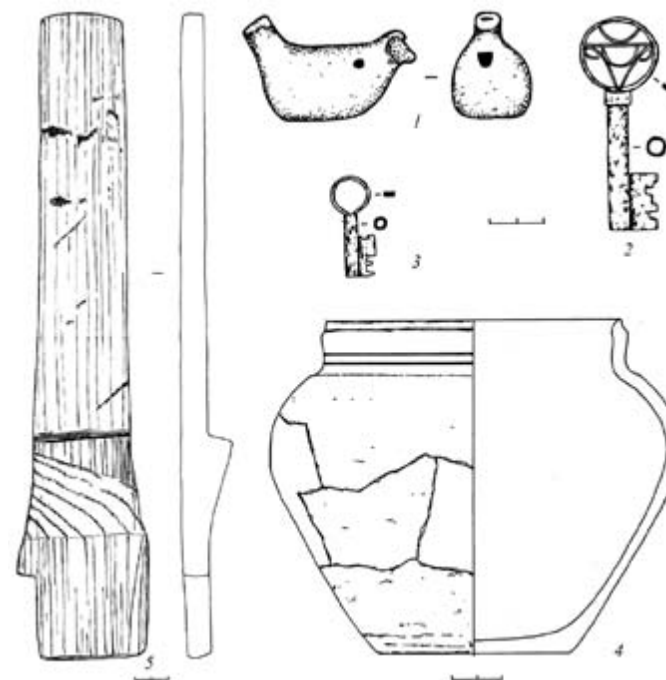

Рис. 2. Индивидуальные находки из сооружения № 6:

1–2 — ключи (13-6-404, 13-6-396); 3 — свистулька-уточка (13-1-382); 4 — глиняный горшок (11-2-132); 5 — дубовый копыл (12-2-351).

№ 7 сохранился один венец. Параллельно северной стене на расстоянии 15–20 см проходит бревно от несохранившейся фундаментной площадки. Северо-западный угол постройки остался вне раскапываемого участка раскопа (кв. 5)³. Восточный и западный концы бревна северной стены обуглены. К восточному концу бревна северной стены перпендикулярно вплотную примыкает ещё одно бревно. Заполнение постройки — чёрный горелый слой с большой примесью древесного угля и обожжённой глины. Следует отметить, что пожар, уничтоживший сооружений № 7, имел локальный характер — его следы в виде включений древесного угля и обожжённой глины зафиксированы только на территории, непосредственно граничащей с сооружением (кв. 9, 14, 19–20, 25). В центральной части северной стены имеется прямоугольный выруб, в который входил брус переводины пола, сдвинувшийся к западу. Напомню, что и у сооружения № 2 переводина пола находилась примерно в этом же месте (Завьялов, 2011, с. 74). Между брусом к западу и бревном стены расчищен развал обожжённых камней — остатки печи.

Находки, связанные с сооружением № 7, немногочисленны, что, возможно, является последствием почти полного сгорания сруба в пожаре.

Сооружение № 8.

Сооружение № 8 расположено в кв. 26, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 36, 37. Ориентировка постройки совпадает с ориентировкой сооружения № 4 (Завьялов, 2011, с. 77). Сооружение начало фиксироваться с глубины -199 — -207 см. Это большая двухчастная постройка (рис. 3), располагавшаяся, вероятно, на фундаментной площадке (сохранилось бревно, проходящее параллельно постройке с восточной стороны). Сохранность дерева плохая. Сруб рублен в обло с остатком. Под бревном западной стены прослежена подсыпка тяжёлого серого-голубого суглинка. Некоторые брёвна сруба сохранили остатки коры. Толщина брёвен 20–25 см. Размеры северной камеры 2,90 x 3,40 м. Северное бревно сооружения имеет вынос длиной 110 см, в конце которого с южной стороны сделан выруб глубиной 11 см. Под северо-восточным углом сохранилась подкладка. В центральной части северной камеры располагались две переводины, восточные концы которых были вставлены в чаши, вырубленные в бревне восточной стены. Расстояние между переводинами — 40–45 см. Толщина брёвен около 20 см. К востоку от камеры, практически вплотную к ней

³ В связи с необходимостью укрепления трапа квадраты 4 и 5 не раскапывались.

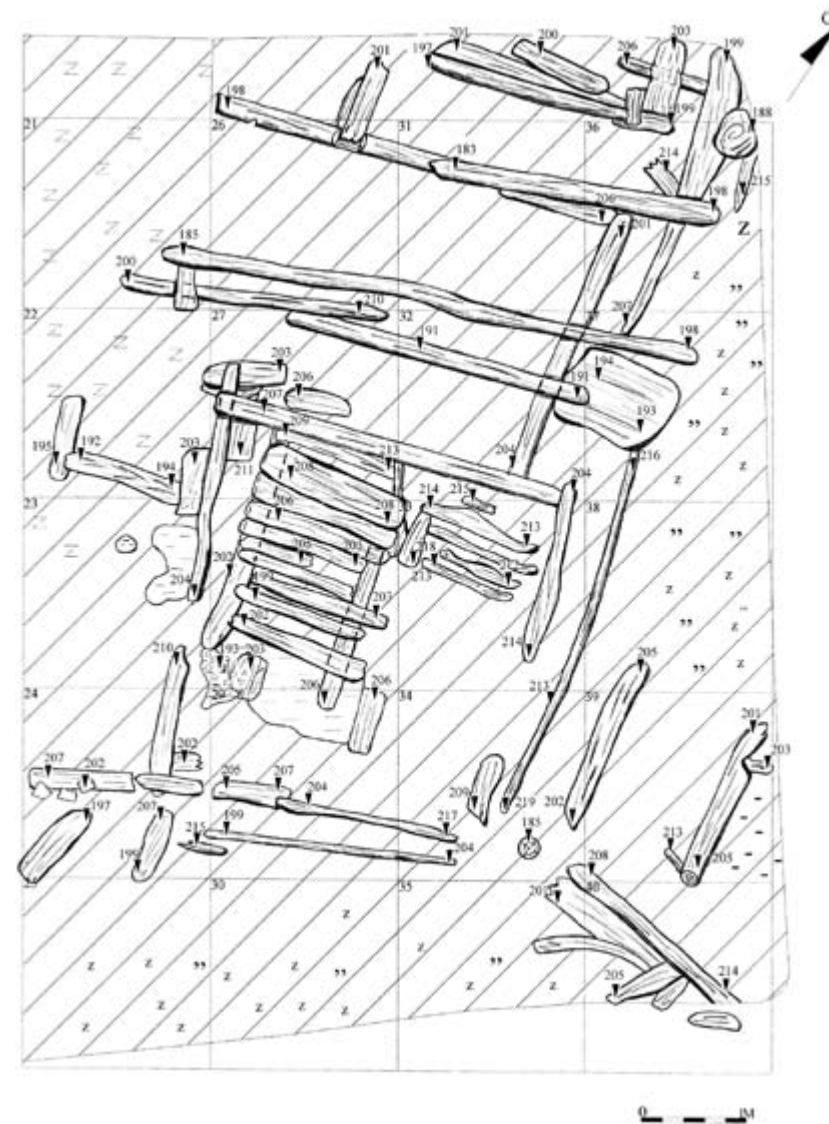

Рис. 3. Сооружение № 8.
Условные обозначения см. на рис. 1.

на глубине -192 — -194 см располагалась дубовая плаха подпрямоугольной формы размерами 85 x 110 x 18 см, но сказать достоверно, входила ли она в конструкцию сооружений № 8, невозможно. Во всяком случае, эта плаха перекрывала бревно фундаментной площадки. Стена между камерами постройки была вставлена в чаши, вырубленные в брёвнах западной и восточной стен (сохранились частично). Размеры южной камеры 4,40 x 4,00 м. В южной камере сохранились остатки пола, настеленного из дубовых досок шириной 15–20 см и толщиной 4–5 см. Доски пола опирались на три лаги шириной 18–22 см. Западная лага располагалась на расстоянии около 25 см от бревна западной стены, расстояние между западной и центральной лагами 115 см, между центральной и восточной — 118 см, между восточной и бревном восточной стены — около 30 см. Слой заполнения сооружения № 8 (кв. 27–28, 32–34) супесчаный, коричневого цвета с примесью золы и обожжённой глины. Печь постройки располагалась в юго-западном углу. От неё сохранился развал битого кирпича, а к северу от него на досках пола фиксируется скопление древесного угля и пережжённой глины.

С сооружением № 8 связано более 60 индивидуальных находок. Основная часть находок концентрируется в северной камере. Большой группой представлены предметы быта.

В верхней части заполнения сруба найден вырезанный из коры предмет (12-31-229), предназначавшийся, вероятно, для изменения длины верёвочной или ремённой тяги (разновидность «траверсы»?). Предмет вытянутой формы с дугообразными сторонами (рис. 4, 1). Максимальная длина 10,5 см, толщина около 1 см, ширина по центру 2,6 см, по краям 5 см. На краях имеются прямоугольные отверстия размером 1,5 x 1,8 см. На плоскости поделки нанесён орнамент (?) из пересекающихся под различными углами прямых линий.

Из осветительных приборов в сооружении № 8 найден светец простой формы с одним держателем (рис. 4, 2). Конец светца, крепившийся в стену, обломан. Сохранившийся фрагмент имеет длину 9,5 см.

Из заполнения постройки происходит большая коллекция детских игрушек: обломки дисковидных погремушек и шарики от них, две целые белоглиняные свистульки-уточка. Среди игрушек отмечу головку куклы, вылепленную из белой глины. На овальном лице нос выделен защипом, глаза практически не обозначены (рис. 4, 3).

Предметы туалета представлены самшитовым гребнем прямоугольной формы. Тонкие зубья гребня полностью утрачены (рис. 4, 4).

Из украшений следует отметить две стеклянные бусины: одна из непрозрачного чёрного стекла яйцевидной формы (12-38-73), другая — пронизка из глухого стекла палевого цвета (12-38-83). Ещё одна бусина шаровидной формы вырезана из сиреневого халцедона (пл. 11, кв. 31, № 5).

Из сооружения № 8 происходят два резных ковша из вяза (рис. 5). Один из них (12-37-121) представляет заготовку (чаша ковши внутри выбрана не до конца). Длина подпрямоугольной в сечении рукояти 26 см, диаметр чаши — около 10 см. Второй ковш (12-31-242) имеет короткую (около 10 см) рукоять и чашу диаметром около 14 см.

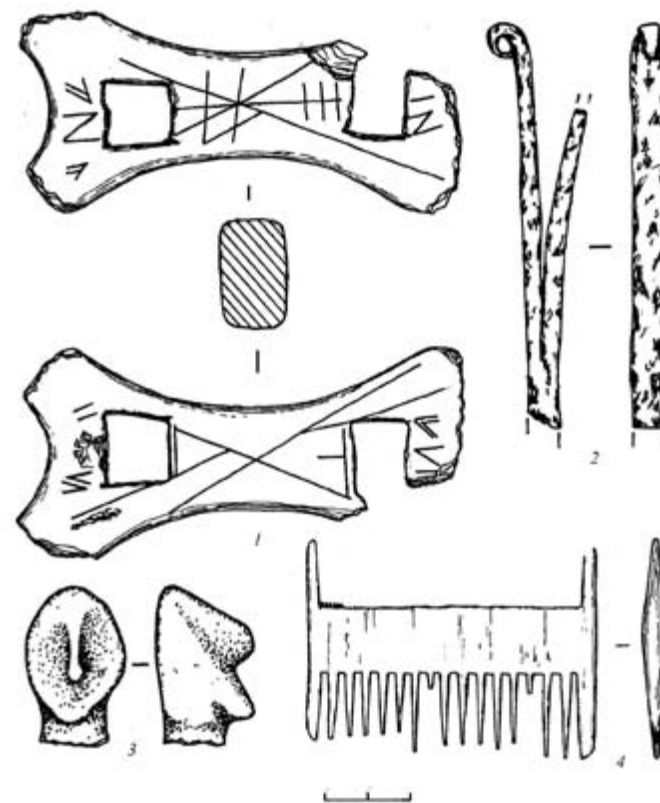

Рис. 4. Индивидуальные находки из сооружения № 8: 1 — «траверс» (12-31-229); 2 — железный светец (11-29-54); 3 — глиняная головка куклы (12-39-212); 4 — самшитовый гребень (11-29-1).

С сооружением № 8 связана уникальная находка костяной печати-матрицы (12-27-241) (Завьялов, 2009а, с. 79). Предмет вырезан из метаподия (пясть или плюсна) взрослой лошади. Печать имеет форму низкого цилиндра размерами 1,4 x 1,2 см, толщина 0,4 см по длинной оси и 0,3 см по поперечной. Вдоль длинной оси проходит канал диаметром 0,25 см. На одной стороне печати (матрица) глубокой резьбой изображена фигура стоящего воина. В правой руке (по отпечатку) воин держит копьё, примерно на голову превышающее размер фигурки. На конце копья виден треугольник, остриём от фигурки, возможно изображающий выпел. Четыре пальца воина, охватывающие древко копья, обозначены гиперболизированно.левой рукой, согнутой в локте, воин опирается на меч, расположенный

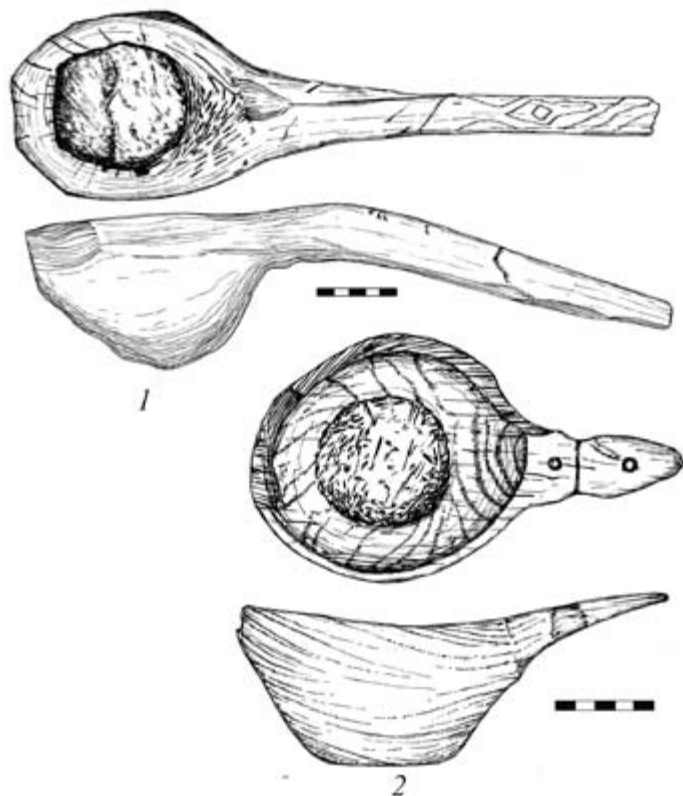

Рис. 5. Резные деревянные ковши из сооружения № 8:
1 – 12-37-121; 2 – 12-31-242.

вертикально и опирающийся концом в землю. Носки сапог развёрнуты в противоположные стороны. В целом, представляется, что изображение вырезано твёрдой рукой умелого мастера. Фигура чётко вписана в овал, все детали хорошо читаются, несмотря на миниатюрный размер предмета. Обратная сторона печати украшена циркульным орнаментом из четырёх кружков диаметром 0,15 см, расположенных крестообразно.

Следует отметить, что найденная печать относится к довольно редкому типу костяных печатей: всего известно около десяти печатей данного типа (Станюкович, Авдеев, 2006). Три экземпляра происходят из Новгорода (Янин, 1953, с. 372), одна из Смоленска (Станюкович, Авдеев, 2006). Наиболее близкая аналогия и по типу и по изображению происходит с территории Затьмацкого посада Твери и датируется XV в. (Хохлов, Хухарев, 1992, с. 161–162; 1999, с. 134–137). Похожее изображение можно видеть на костяной печати из усадьбы А (раскоп 14) Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995, с. 170).

Сооружение № 9.

Сооружение фиксируется с глубины -250 см. Оно располагалось непосредственно под сооружением № 8 и сохранило его ориентацию. Постройка представляет четырёхстенный сруб с фундаментной площадкой. Размеры сруба 4,90 x 4,80 м. Внутри сооружения сохранились брёвна с вырубками, расположенные параллельно стенам (рис. 6). Углы фундаментной площадки были соединены встык. Окладные венцы дополнительно с внешней и внутренней стороны укреплялись колышками. Углы нижнего венца опирались на подкладки, для которых использовались обрубки дубовых брёвен диаметром 35–38 см и длиной около 1 м. Сверху в подкладках вырубалась чаша для более прочной фиксации окладного бревна сруба. Заполнение сооружения приходится на 13 пласт. Следует отметить, что дощатый забор, проходящий вдоль улицы, частично разрушил фундаментную площадку. Это свидетельствует о том, что, хотя сооружение № 9 и непосредственно предшествовало сооружению № 8, но относилось к другому усадебному комплексу, о чём пойдёт речь ниже.

В непосредственной близости от сооружения № 9 найден уникальный артефакт – кость ястреба-перепелятника с привязанной к ней путцой – кожаным ремешком с проделанным в нём прорезами (13-24-415). Путца относится к основной части привязи, позволяющей удерживать птицу на присаде или на руке (Фёдоров, 2011, с. 231). Находка путцы, несомненно, свидетельствует об участии жителей усадьбы в привилегированном виде охоты с ловчими птицами.

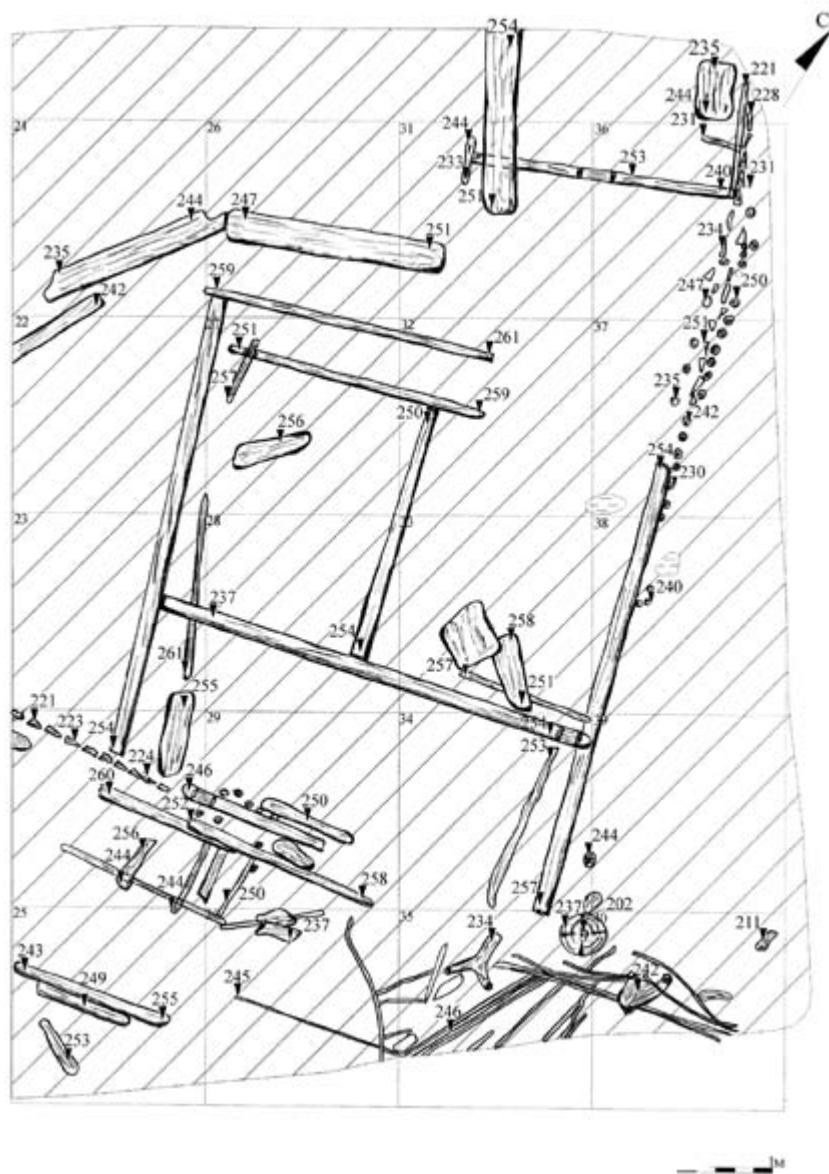

Рис. 6. Сооружение № 9.

В целом, находки, связанные с сооружением № 9, немногочисленны и главным образом представлены бытовыми предметами, среди которых следует выделить чернолощёный ручной в виде фигуры барана (рис. 7). Именно с сооружением № 9 связано большинство найденных в 13 пласте предметов из цветных металлов, среди которых отмечу серию булавок типа «пус йеппи» и двух серёг в виде знака вопроса (см. статью О.А. Фатюниной в настоящем сборнике). С сооружением № 9 связано сельскохозяйственное орудие — серп (14-33-276).

Сооружение № 10.

Постройка вскрыта в северо-восточном углу раскопа (кв. 31а, 31, 36а, 36) и вошла в него частично (своей южной частью). Сооружение начало фиксироваться с глубины -240 см. Длина южной стены 2,75 м. Бревно этой стены в западной части опирается на доску шириной 30–32 см. Постройка сохранилась фрагментарно и относится целиком к 13 пласту. Вещевой инвентарь, связанный с сооружением № 10, представлен единичными находками.

Сооружение № 11.

Сооружение № 11 расположено в северо-западном углу раскопа (квадраты 1, 6, частично 2 и 7). Ориентировано с небольшим отклонением от линии север–юг (рис. 8). Фиксируется с глубины -255 – -267 см; нижняя часть сооружения — на глубине около -285 см. Постройка вошла в раскоп целиком. Сруб рублен в обло с остатком из сосновых брёвен диаметром 16–18 см. Ширина чаши 16 см, глубина

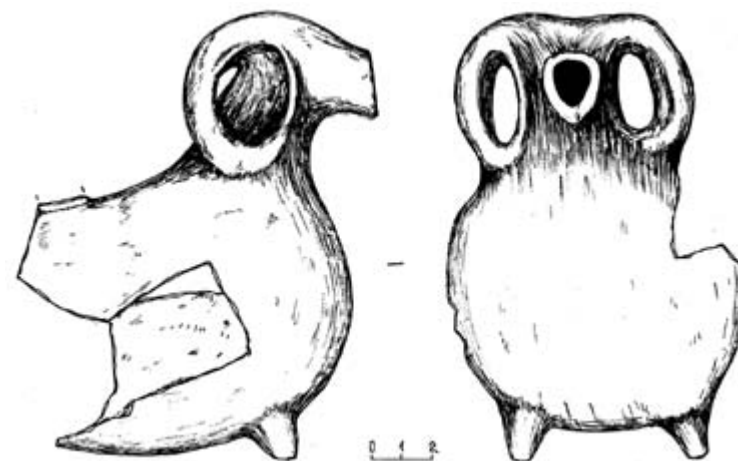

Рис. 7. Чёрнолощённый ручной из сооружения № 9.

9 см. Вынос за чашу составляет 12 см. Северное и южное брёвна входили в вырубы, сделанные в западном и восточном брёвнах. Размер сруба 3,4 м х 3,4 м. Сооружение сохранилось на один венец, лишь в восточной стене есть бревно второго венца. По длине в верхней части брёвен имеется углубление для более прочной укладки верхнего бревна. Швы между брёвнами проконопачены мхом. Восточное и южное брёвна сооружения с внешней стороны укреплены колышками диаметром 4 см. У восточного бревна колышки расположены на расстоянии 1,1 м от юго-восточного угла и 0,92 м от северо-восточного угла; у южного бревна — на расстоянии 0,45 м от юго-восточного угла. Параллельно западному бревну с внешней стороны расположены две доски, вероятно остатки настила перед входом. Подкладки под окладной венец сруба отсутствуют. С восточной и южной сторон почти вплотную к сооружению размещался частокол из сосновых брёвен диаметром 5–8 см, предшествовавший забору из досок, вскрытому в вышележащих напластованиях (Завьялов, 2011, с. 80).

С сооружением № 11 связано всего 11 индивидуальных находок, происходящих из нижней части заполнения постройки (фрагменты кожаной обуви, кожаные ножны, деревянные поделки неизвестного назначения).

Сооружение № 12.

Сооружение № 12 расположено в восточной части раскопа. Сооружение состоит из сруба, который расположен в квадратах 28, 33–34, частично в квадратах 27, 29, 32 и 38, и огороженного дощатым забором двора в квадратах 31а, 31, 36а, 36, частично в квадратах 32 и 37 (рис. 9). Таким образом, огороженный двор примыкал к срубу с севера. Верхние отметки досок забора -274 — -285 см, нижние концы — на глубине около -330 — -340 см. Верхние торцы досок обгорели. Устройство забора аналогично уличным заборам, описанным ранее (см.: Завьялов, 2008, с. 21). Судя по значительной примеси навоза в слое внутри огороженного участка, двор использовался как хлев для скота. В северной части квадрата 27 между забором и северным бревном сруба имелся вход в огороженную часть шириной около 65 см, ограниченный двумя веревями из брёвен диаметром 15–17 см. Южная часть сооружения — сруб, рубленный в обло с остатком. Диаметр брёвен 18–20 см. Сруб фиксируется с глубины -272 — -278 см. Дневная поверхность, на которой возводился сруб, имеет отметки -310 — -315 см. Длина северной стены 4,4 м, западной — 4,1 м. Нижние брёвна сруба с внешней стороны укреплены кольями. Верхняя часть сохранившихся брёвен сильно обгорела. Углы сруба опирались на

мощные дубовые подкладки длиной 1,1–1,3 м и диаметром до 0,45 м. У западной стены сруба сохранились два бревна, расположенные параллельно стене. Вероятно, это остатки вымостки перед входом в избу. Развал печи располагался в кв. 33 и представлял из себя линзу пережжённой глины мощностью около 20 см, подстилавшейся прослойкой древесного угля. Ввиду сильной дефрагментированности точное место расположения печи установит трудно, но, скорее всего, это северо-западный или северо-восточный угол избы.

Из сооружения № 12 происходит более 70 индивидуальных находок. Здесь найдено пять глиняных грузил (рис. 10, 1–3). Большинство грузил имеет вытянутую сигарообразную форму длиной 5–6,5 см, одно — шарообразное, диаметром около 4,5 см. Диаметр канала составляет от 1,3 см до 1,6 см. Два грузила имели чёрнолощённую

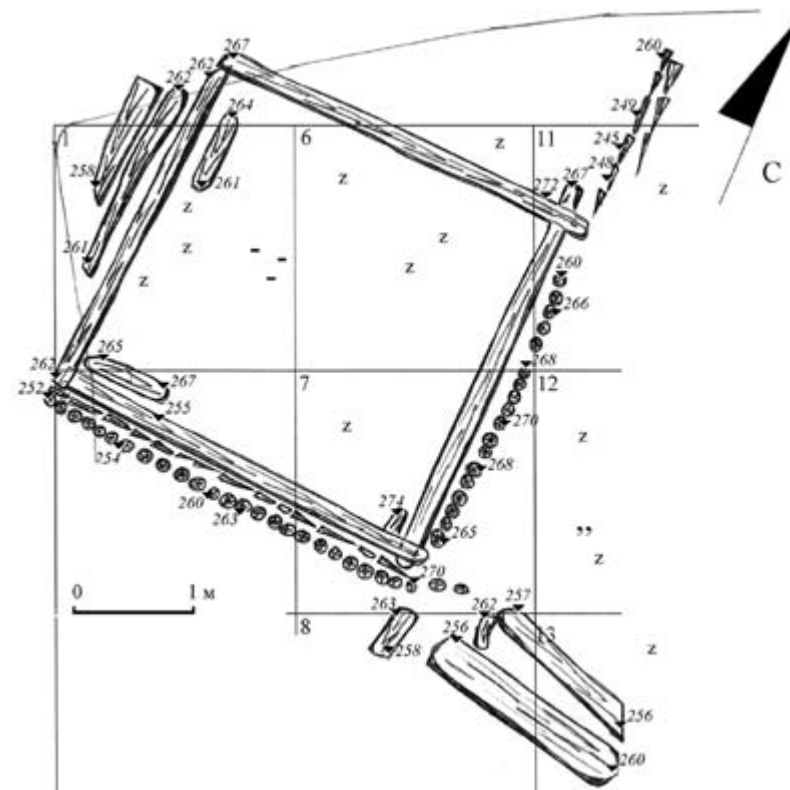

Рис. 8. Сооружение № 11.

поверхность. С рыболовством связан и небольшой поплавок диско-видной формы с отверстием в центре (рис. 10, 4). Поплавок вырезан из сосновой коры. Диаметр поплавка около 5 см, толщина 0,7 см; диаметр отверстия 0,7 см.

С комплексом сооружения № 12 связана находка целой серии сельскохозяйственных орудий. Непосредственно в срубе найден фрагмент серпа (рис. 10, 5) и три косы (14-28-259; 15-27-303; 16-28-460; рис. 10, 6). Ещё одна коса также, вероятно, связана с этой постройкой, поскольку найдена при зачистке 16 пласта восточного участка (№ 539).

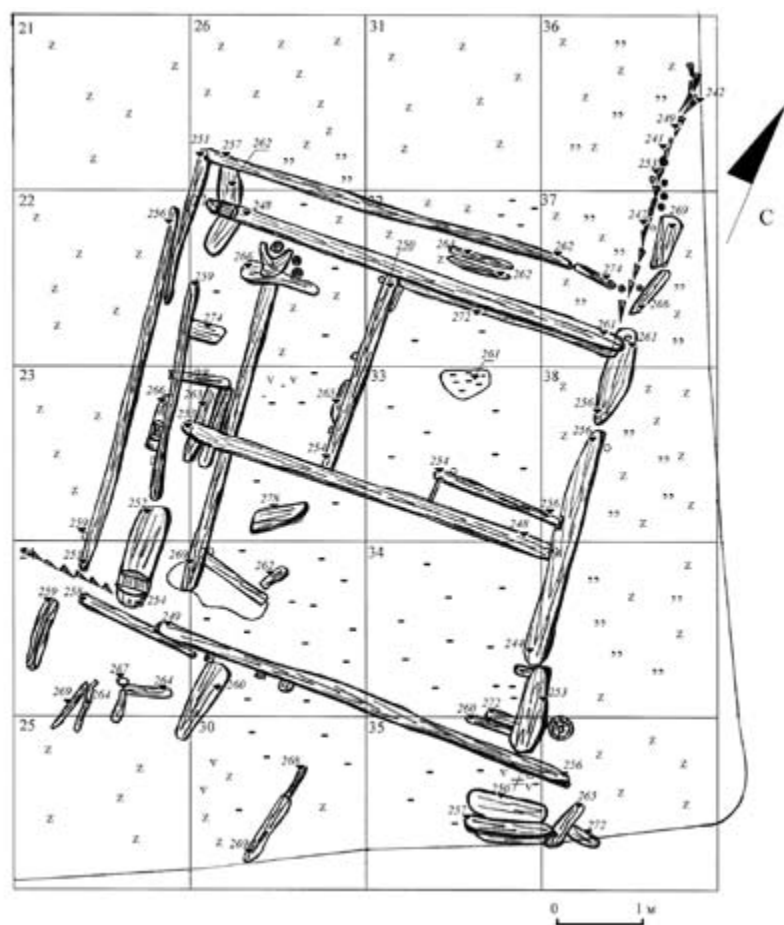

Рис. 9. Сооружение № 12.

Набор женских вещей представлен двумя деревянными рамочными оправами стеклянных зеркал (из ели — 15-32-320 и пихты — 15-32-349) в виде точёных кружков. Диаметр оправ от 8,5 до 11,5 см. В центре имеется отверстие либо небольшое, как будто сделанное шилом (№ 349), либо прорезанное диаметром около 1 см. Отличительной чертой всех предметов является бортик шириной 2–2,4 см, проходящий по периметру круга. Одна из оправ (№ 320), вырезан-

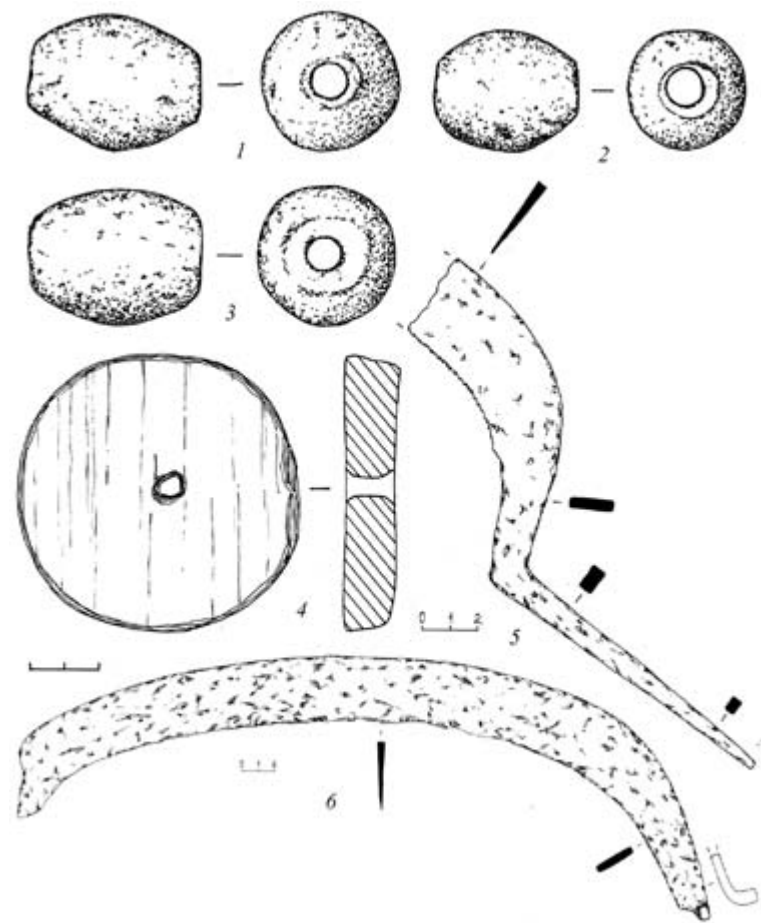

Рис. 10. Индивидуальные находки из сооружения № 12:
1–3 — глиняные грузила (15-22-254, 15-32-336, 15-27-330);
4 — поплавок из коры (15-33-337); 5 — серп (14-33-276); 6 — коса (16-28-460).

ная из ели, по бортику имеет растительный орнамент, выполненный в технике аппликации (рис. 11, 1).

Самшитовый двусторонний гребень (рис. 11, 2) найден в верхних напластованиях заполнения постройки. Гребень прямоугольной формы, в сечении линзовидный. Максимальная толщина предмета составляет 1,1 см. Предмет сохранил семь крупных зубьев длиной 2,5 см. Ширина центрального щитка 1,9 см.

Из украшений в сооружении № 12 найдены две серьги и височное кольцо (см. статью О.А. Фатюниной в настоящем сборнике).

Продолговатая хрустальная бусина из постройки (15-28-351) является производственным браком: отчётливо видно, что каналы, просверленные с двух сторон, не совпали.

К предметам роскоши следует отнести три фрагмента (из шести найденных на раскопе) селадоновых сосудов.

К предметам женского труда относится веретено (рис. 11, 7).

Деревянная посуда представлена ложкой из вяза (сохранилась лопость и часть черенка — рис. 11, 6) и ковшом.

Один из ковшей (15-36-232) имел полусферическую, уплощённую чашу диаметром 9 см (толщина стенок около 1 см) и плоскую ручку длиной около 7,5 см. Высота чаши 3,8 см.

Другой ковш сходен с вышеописанным по размерам, но в отличие от него имел вытянутую чашу размерами 13 x 9,5 см. Чаша слегка суживается ко дну. В центре чаши имелось сквозное отверстие диаметром 1,5 см. Такой ковш мог служить для доставания из жидкости твёрдой пищи.

У западной стены сооружения № 12 найден фрагмент железной цепи с бронзовым цеперазделителем в форме четырёхконечного креста. По форме крест похож на нательные кресты домонгольского времени (Седова, 1981, с. 51). Звенья цепи S-овидной формы округлые в сечении с концами, загнутыми в одной плоскости. Концы звеньев соединяются со стержнем (рис. 11, 8). Аналогичию цеперазделителю в форме креста можно видеть в цепях лампадки или лампы-кадильницы из братской могилы жертв Батыева нашествия в Ярополче Залеском (Седова, 1978, с. 122–123).

Другой комплекс находок из сооружения № 12 связан с детскими игрушками. Игрушки представлены фрагментами цилиндрических погремушек (рис. 13, 1–2), целой свистулькой-уточкой (рис. 13, 3), фрагментами зооморфных фигурок (рис. 13, 4), деревянными волчками и лодочкой, вырезанной из сосновой коры (рис. 13, 5). Свистулька в форме уточки имеет небольшое туловище с вытянутой вверх головкой

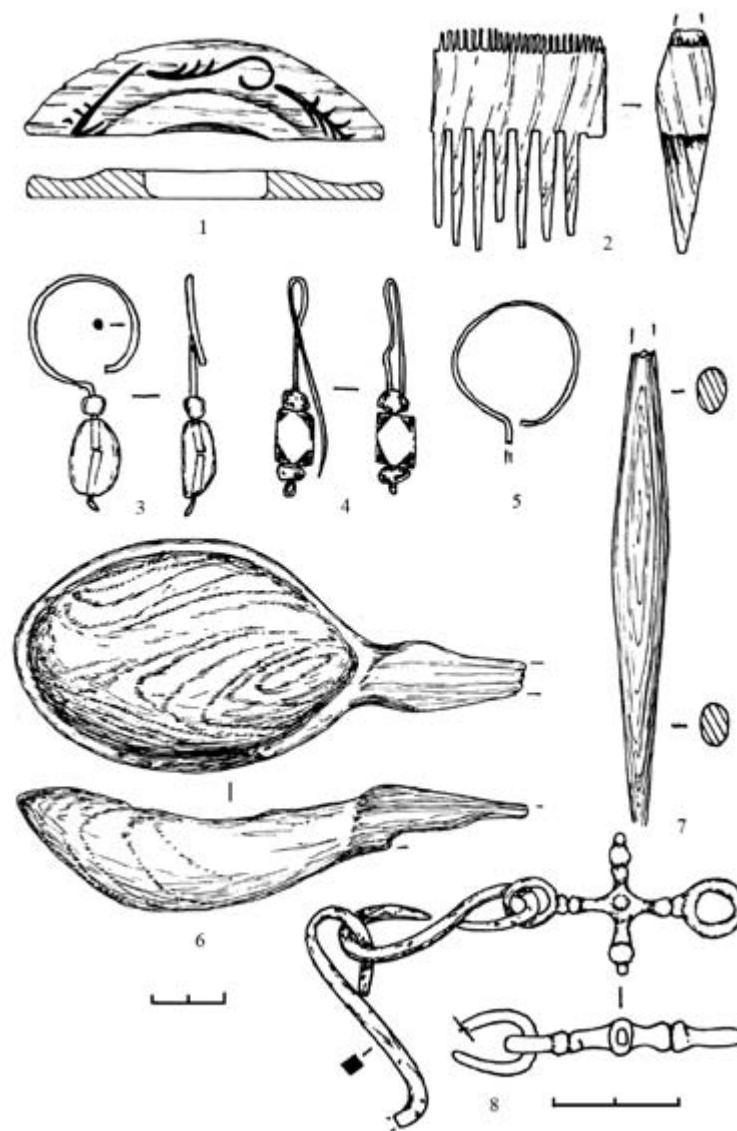

Рис. 11. Индивидуальные находки из сооружения № 12:

- 1 — оправа зеркала (15-32-320); 2 — самшитовый гребень (14-27-48);
3–4 — серьги (15-32-350, 14-28-14); 5 — височное кольцо (16-33-475);
6 — ложка (16-37-513); 7 — веретено (15-27-379);
8 — железная цепь с бронзовым цеперазделителем в виде креста (15-34-532).

и задней (хвост) свистковой частью. В хвосте имеется отверстие, а по бокам — ещё два (лады), с помощью которых можно моделировать звук. Волчок-кубарь вырезан из сосны. Он представляет собой предмет яйцевидной формы со срезанным верхом. На верхней плоской части сделано небольшое углубление для центрирования волчка при запуске (Завьялов, 2010а, с. 339). Диаметр волчка 3,2 см, высота 4,8 см.

С сооружением № 12 связаны находки ключей и замков. Навесные замки относятся к типу сличных, многие сохранили следы обмеднения или паянных медью швов, снизу к замкам приваривалась декоративная пластинка (рис. 14, 2).

Среди ножей с накладными рукоятками следует отметить экземпляр, у которого сохранилась рукоятка, вырезанная из самшита (рис. 14, 3). Рукоятка крепились к пластинчатому черенку ножа при помощи заклёпок в виде трубочек из бронзы диаметром около 2 мм.

Из сооружения № 12 происходит уникальный предмет — футляр для восковой печати, вырезанный из сосновой коры. Футляр имеет ковшеобразную форму с плоским дном (рис. 15). Общая длина подделки 5,5 см, высота 1,7 см, максимальная ширина 3 см. В овальной части размером 3 х 4 см вырезано углубление с неровным дном. Глубина углубления 1–1,2 см. Овальная часть плавно переходит в под-

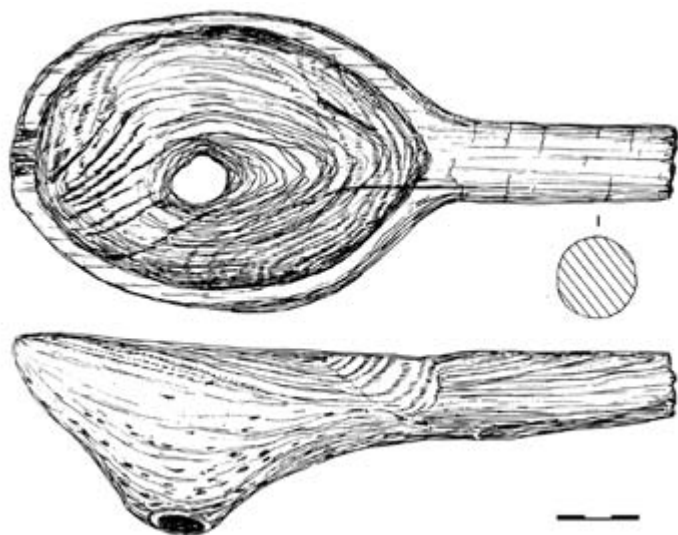

Рис. 12. Деревянный ковш из сооружения № 12 (16-31-451).

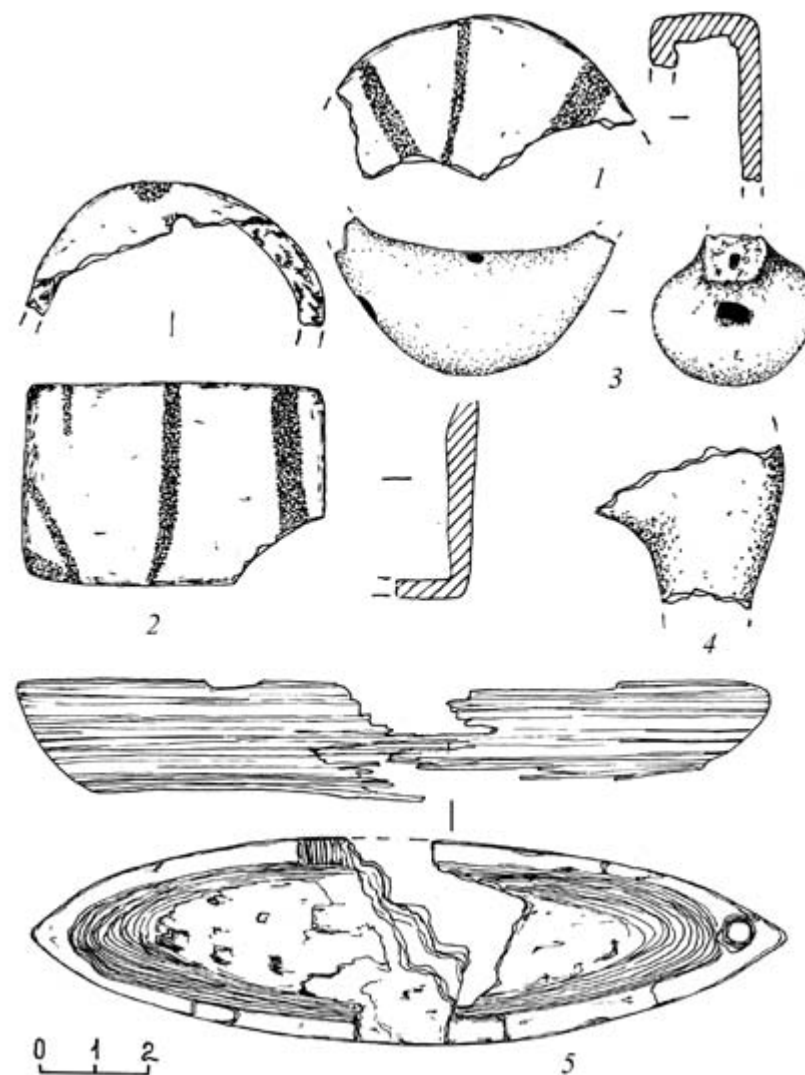

Рис. 13. Детские игрушки из сооружения № 12:
1–2 — глиняные цилиндрические погремушки (15-27-327, 15-38-281);
3 — глиняная свистулька-уточка (15-29-286);
4 — фрагмент глиняной зооморфной фигурки (15-31-295);
5 — лодочка из коры (15-32-313).

прямоугольное оглавие размером 1,4 x 1,3 см. В оглавии по высоте предмета прорезано округлое сквозное отверстие диаметром 0,9 см. В верхнем торце оглавия проточен паз для пропуска шнура шириной 0,6 и глубиной 0,2 см. Узкие пазы проходят от верхнего торца к отверстию с лицевой и тыльной сторон.

В заполнении сооружения № 12 найден светец на одну лучину (15-33-306). Стержень квадратного сечения на конце закручен винтом для крепления в дереве.

Таким образом, комплекс находок из сооружения № 12 указывает на то, что это была жилая изба, а занятиями проживавших в ней мужчин была рыбная ловля (грузила, полавки) и сельское хозяйство (косы, серп). В этой связи следует отметить, что в непосредственной близости от описываемой избы было найдено весло из ясеня (14-21-13). Общая длина предмета 91,5 см, диаметр рукояти 0,5 см (Завьялов, 2011, с.). Рукоять заканчивается шипом прямоугольной формы, вероятно, для крепления наверх. Длина лопасти лавролистной формы 50 см, ширина 9,5 см. Лопасть плавно переходит в рукоять. По типологии Г.Е. Дубровина, весло можно отнести к безопорным гребельным вёслам (Дубовин, 2000, с. 103).

Сооружение № 13.

Сооружение расположено в квадратах 10 и 15. Постройка вошла в раскоп северной частью (рис. 16). Сруб рублен в обло с остатком, вынос за чашу составляет 20 см. Постройка фиксируется с глубины -280 — -282 см. Северное бревно сохранилось не полностью, имеет длину 3,5 м, восточное бревно вошло в раскоп на длину 1,25 м, диаметр брёвен 18 см. В северо-восточном углу постройки расположен вертикально врытый столб диаметром 15 см.

Находки, связанные с сооружением № 13, немногочисленны. Это бытовые предметы: ножи, иглы, детские игрушки — брунчалки из пястных костей домашней свиньи (рис. 17, 1—2). Следует остановиться на двух самшитовых гребнях, происходящих из заполнения сруба (рис. 17, 3—4). Один из них — односторонний гребень (14-15-181) имеет только широкие зубцы (рис. 17, 3). Сохранилось семь зубцов и один фрагментарно. Толщина гребня 0,9 см. Основание в сечении прямоугольное. Предмет сохранился на длину 4,5 см. Длина зубцов 2,3 см, расстояние между зубцами 0,3 см. В центре у правого (обломанного) края сохранился неглубоко процарапанный инициал «В». Второй гребень — двусторонний прямоугольной формы (рис. 17, 4), сохранился на полную высоту. Высота 7,5 см, ширина центрального щитка 2,5 см. Сечение гребня линзовидное с максимальной шири-

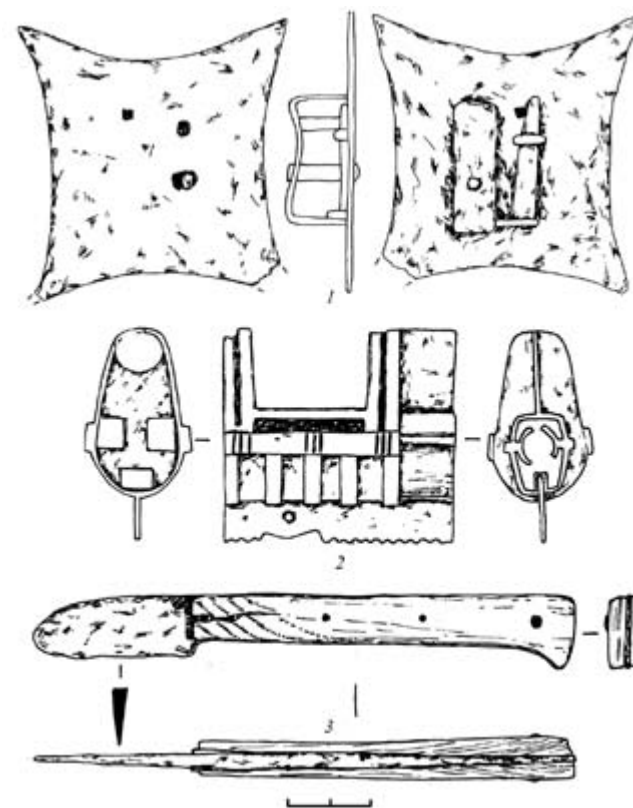

Рис. 14. Индивидуальные находки из сооружений № 12 и № 14:
1 — накладной железный замок (16-34-486); 2 — сличный замок (15-32-363);
3 — нож с самшитовой рукоятью (16-33-489).

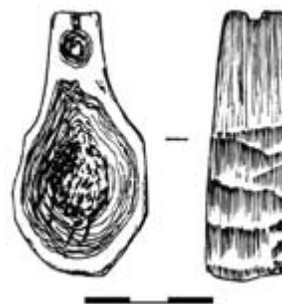

Рис. 15. Сооружение № 12. Футляр для печати (16-29-476).

ной 0,7 см. На щитке сохранились четыре неглубоко прочерченные параллельные линии. Однако небрежность, с которой они нанесены, не позволяет видеть в них орнамент.

Из заполнения сруба происходит дисковидный поплавок с отверстием в центре, вырезанный из коры сосны (рис. 17, 5).

Сооружение № 14.

Постройка ориентирована по линии север—юг, сохранилась на один венец, фиксируется с глубины -316 см (рис. 18). Возведена на мощной (до 20–25 см) подсыпке из тяжёлого суглинка палевого цвета. Постройка имела ту же ориентацию, что и сооружение № 12, которое располагалось непосредственно над ним. Постройка двухкамерная. От северной камеры сохранились лишь две (три?) переводины пола. Внутренние размеры южной камеры (хорошо сохранились брёвна западной и северной стен) 3,6 м (западная стена), 3,6 м (северная стена). Южная камера представляет сруб, рубленный в обло с остатком, вынос бревна за чашу около 20–25 см. Чаша располагалась в нижнем бревне. Окладные венцы не ошкурены, сверху частично обожжены. В качестве уплотнителя между брёвнами использовался мох. Внутренних конструкций в южной клети не сохранилось. Печь, судя по скоплению глины и золы, располагалась в юго-восточном углу постройки.

Среди немногочисленных находок, связанных с этой постройкой, необходимо выделить европейский нож с пластинчатой рукояткой (16-27-480), сохранивший клеймо в виде треугольника, расположенного углом вниз. Рукоятка была вырезана из самшита и крепилась к черенку с помощью трёх бронзовых заклёпок-трубочек. У затыльника рукояти сохранилось отверстие для привязывания ремешка.

Основная часть ножей представлена обычными универсальными ножами с широким клинком, шиловидным черенком и чёткими уступами при переходе клинка в черенок (рис. 19, 1–2).

Ещё одна интересная находка представлена накладным замком с накладкой квадратной формы с вогнутыми сторонами (рис. 12, 1). Данный тип замков был известен ещё в античности: аналогичная накладка изображена на надгробии древнеримского кузнеца (Археологический музей Аквиле, Италия).

В сооружении № 14 найден фрагмент ружейного дула (17-32-47). На внешней поверхности хорошо виден сварной шов, проходящий вдоль дула. Дуло было обмеднено. Длина сохранившегося фрагмента 12,5 см. Один конец ровно обрезан. К другому концу дуло немного сужается так, что ровный конец имеет внешний диаметр 2,5 см,

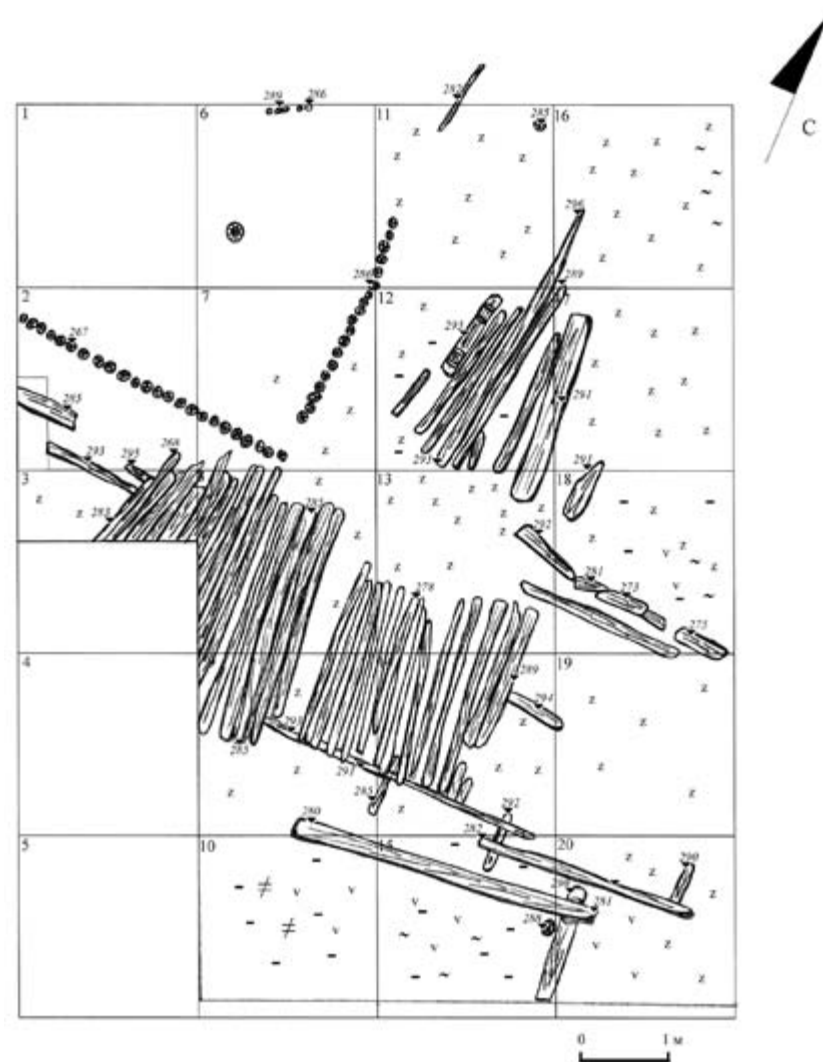

Рис. 16. Второй ярус настила мостовой и сооружение № 13.

противоположный — 2 см. Калибр ствола 1,8 см. Толщина ствола неравномерная — 35–50 мм.

С комплексом находок из сооружения № 14 связана шахматная фигурка — ферзь (Завьялов, 2010а, с. 341, рис. 6, 1; Козлова, 2011, с. 148), высотой 35 мм, диаметр тыльной стороны равен 17 мм. По расположению «воротника» (бортик полукруглой формы в верхней части фигуры) определяется передняя часть (не окаймлённая им) и задняя — с «воротником». Во внутренней части, между «головкой» и «воротником», сохранился окрашенный фрагмент, белый по цве-

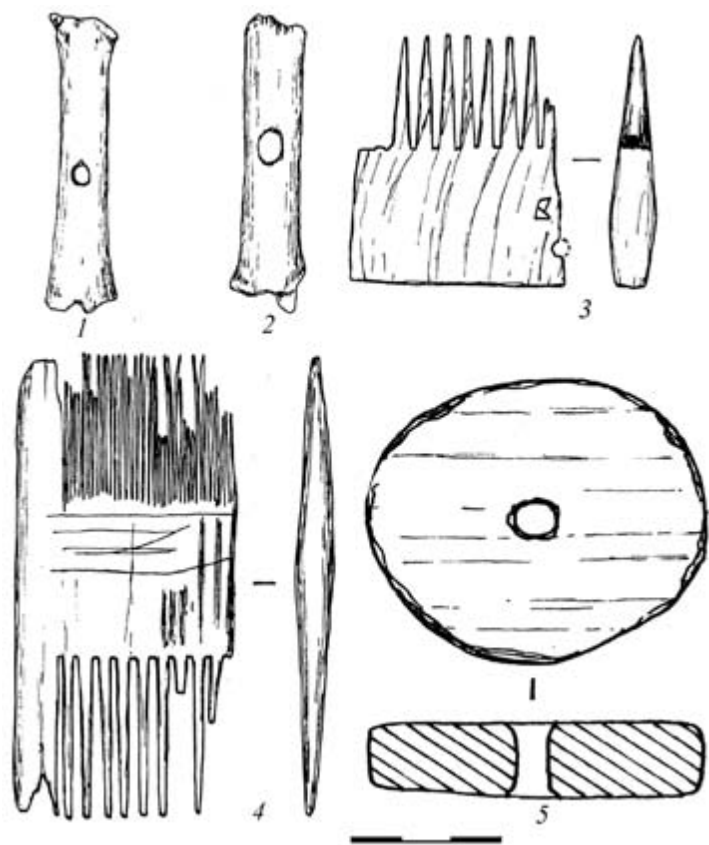

Рис. 17. Индивидуальные находки из сооружения № 13:
1–2 — брусочки (14-10-145, 14-10-146); 3–4 — мамонтовые гребни
(14-15-181, 14-20-153); 5 — поплавок из коры (14-15-179).

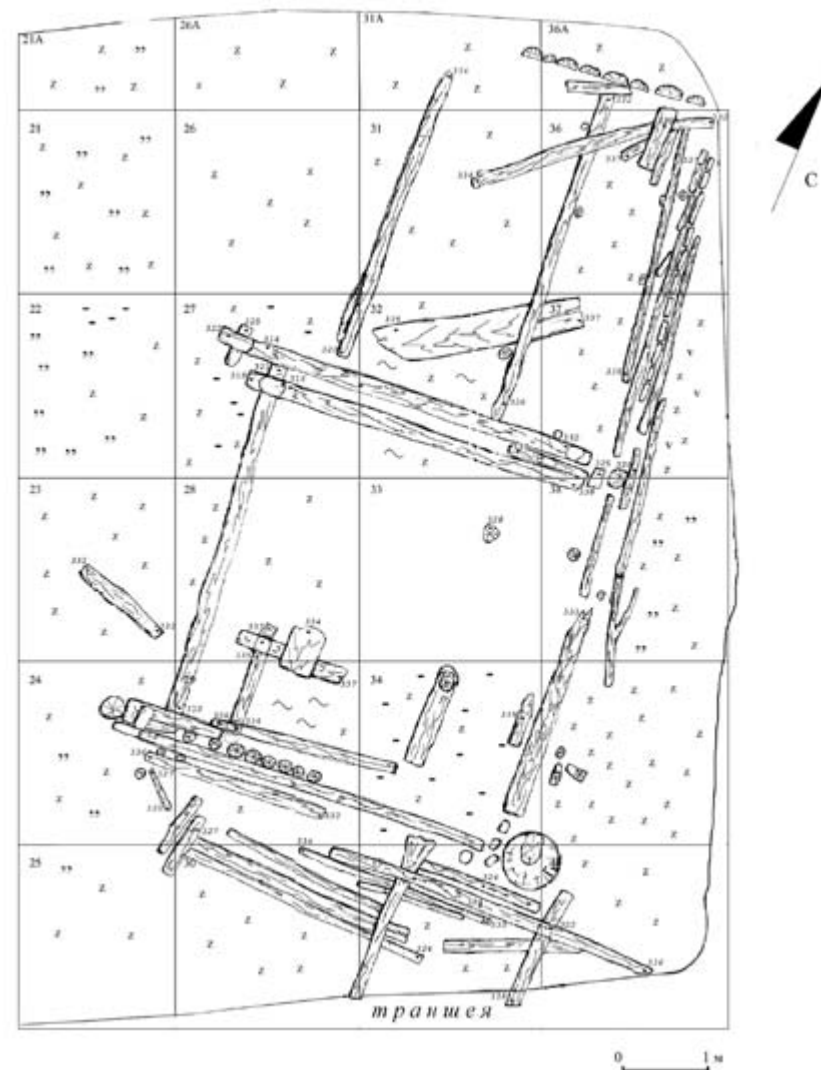

Рис. 18. Сооружение № 14.

ту. Фигурка изготовлена на токарном станке; по всей высоте фигура украшена рельефной резьбой в виде концентрических колец.

Среди бытовых предметов из сооружения № 14 следует отметить фрагмент лезвия шарнирных ножниц (17-28-39). Длина фрагмента около 9,5 см, максимальная ширина около 1,5 см. Сечение подтреугольное. На обломанном конце отверстие для штифта, соединяющего половинки ножниц. Диаметр отверстия около 2 мм.

Пряслице изготовлено из фрагмента парадного красноглиняного сосуда, покрытого белым ангобом и расписанного красным ангобом (рис. 19, 3). Диаметр изделия 3 см, диаметр отверстия 0,5 см.

Так же как и жители сооружения № 12, население более раннего дома занималось рыболовством: найдено белоглиняное вытянутое

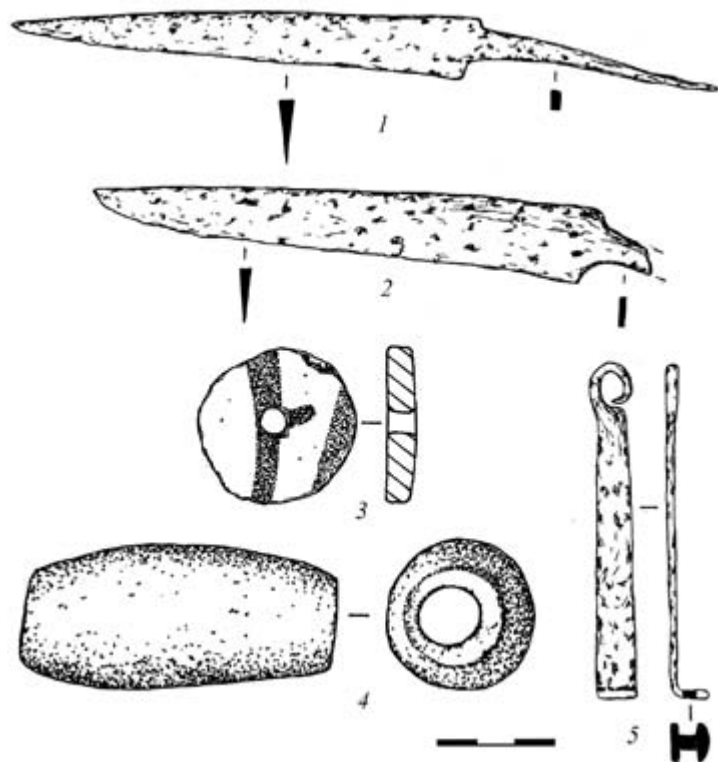

Рис. 19. Индивидуальные находки из сооружения № 14:
1–2 – железные ножи (17-38-66); 3 – пряслице из стенки керамического сосуда (17-34-36); 4 – керамическое грузило (17-34-31);
5 – железный ключ (17-31-37).

грузило от сетей (рис. 19, 4). Длина грузила 16,5 см, диаметр отверстия 1,5 см.

Из заполнения постройки происходит ключ типа В (рис. 19, 5). Верхняя часть ключа загнута в круглую петлю диаметром 0,7 см.

Сооружение № 15.

Постройка, ориентированная по линии север–юг, расположена в кв. 27–29, 32–34, 37–39 (рис. 20) и стратиграфически предшествует сооружению № 14. Фиксируется с глубины -324 – -325 см. Сруб рублен в обло с остатком. Вынос за чашу составляет 16–22 см. Чаша располагалась в нижнем бревне. Стены постройки конопачены мхом. Постройка сохранилась на два венца (второе снизу бревно частично утрачено). Брёвна дубовые, неошкуранные, диаметром 15–17 см. Южное бревно укреплено с внешней стороны столбиком диаметром 4,5 см. Размеры постройки (по внешней стороне):

южная стена – 4,42 м	северная стена – 4,56 м
западная стена – 4,38 м	восточная стена – 4,33 м.

Внутри сруба сохранились доски пола, располагавшегося по линии север–юг, шириной 28–30 см и толщиной 4–5 см. Доски опираются на лаги, врубленные во второе снизу бревно. Расстояние от юго-западного угла до лаги 0,58 м. Лага выходит за стену на 10 см. Лага – неошкурное дубовое бревно диаметром 13 см. Ширина выруба под лагу 20 см.

Северная лага расположена на расстоянии 0,31 м от северной стены. Вынос лаги за стену составляет 11 см.

В юго-восточном углу постройки располагалась конструкция (опечек?), представленная двумя плахами, расположенными под прямым углом и подходящими вплотную к брёвнам южной и восточной стен. Ширина плах 24–25 см, толщина 7–8 см. Внутренние размеры конструкции 112 см (север–юг) x 105 см (запад–восток). В северной плахе на расстоянии 57 см от стены имеется выруб шириной 30 см и глубиной 3 см. В северо-западном углу конструкции посередине ширины плахи вставлен столб прямоугольного сечения 11 x 13 см. Плахи конструкции лежат непосредственно на досках пола.

Под юго-западным (-360 см) и северо-западным (-371) углами сооружения в качестве подкладок использованы деревянные плахи. Нивелировочные отметки подкладок позволяют считать, что дневная поверхность сооружения № 15 находилась на отметках -360 – -370 см. Под западной и частично южной стенами сруба отмечена подсыпка из палевого суглинка. Непосредственно под брёвнами сруба в культурном слое отмечена значительная примесь щепы.

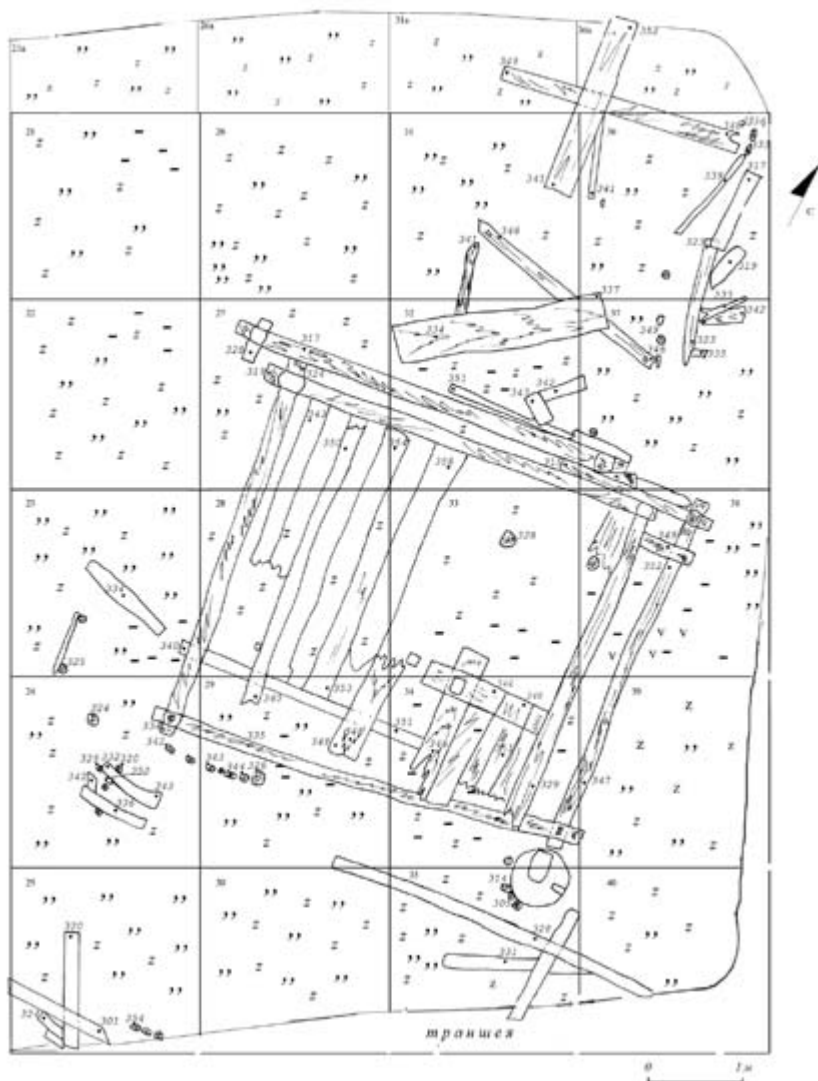

Рис. 20. Сооружение № 15.

С постройкой связано более 80 индивидуальных находок. Основную их часть составляют предметы быта.

Глиняные игрушки представлены фрагментом красноглиняной фигурки-коника (рис. 21, 1). Фигурка покрыта белым ангобом и расписана полосами красного ангоба.

К играм относится круглая игральная шашка (рис. 21, 2) диаметром 3 см, украшенная с лицевой стороны орнаментом из кольцевых каннелюр.

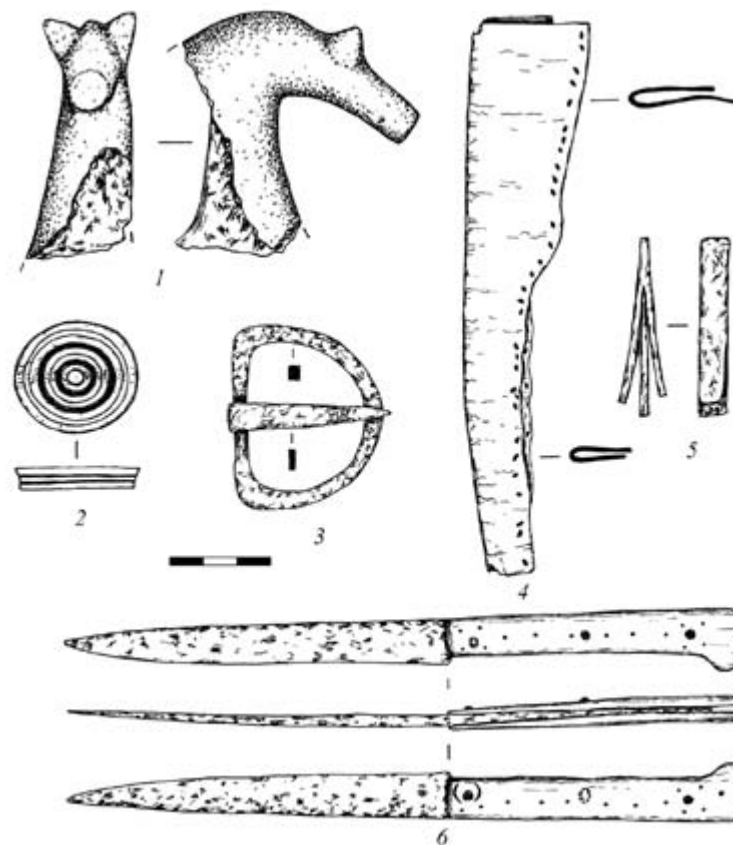

Рис. 21. Индивидуальные находки из сооружения № 15:
1 — фрагмент глиняной игрушки-коника (18-37-178); 2 — костяная шашка (18-34-141); 3 — железная пряжка (18-23-168); 4 — кожаные ножны (18-34-167); 5 — замочная пружина (18-33-139); 6 — нож (18-38-212).

Возможно, игрушкой («брунчалкой») является предмет (17-33-118), вырезанный из трубчатой кости журавля или аиста. Изделие сохранилось на длину около 6 см. Примерно посередине сохранившегося фрагмента вырезано овальное отверстие размерами 5 x 3 мм (рис. 29, 5).

На восточном участке раскопа, в квадратах, примыкающих к сооружению № 15, найдены две пряжки. Они имеют вид срезанного овала (рис. 21, 3). Обе пряжки сохранили язычок.

Из кожаных изделий, относящихся к сооружению № 15, отмечу ножи без орнамента, выполненные непрофессионалом, о чём говорит неровный шов (рис. 21, 4).

Непосредственно возле постройки найден нож с накладной кожаной рукояткой (рис. 21, 6).

Из заполнения постройки происходит небольшой фрагмент замочной пружины, состоящей из стержня с двумя припаянными пластинами (рис. 21, 5).

Планировка участка.

Сооружения и пространство, к ним примыкающее к северу от улицы на уровне 9–12 пластов, выделены в усадьбу А (рис. 22; Завьялов, 2010б). Установить площадь усадьбы не представляется возможным, поскольку значительная её часть (северная) уходит за границы раскопа. Тем не менее, на основании планиграфии и взаиморасположения объектов можно утверждать, что южная граница усадьбы составляла не менее 15,5 м, что соответствует 5,4–7,1 сажени (в зависимости от того, какая сажень использовалась). Отмечу, что по Писцовой книге 1675 г. дворы по проезжей улице от Ипацкой башни к митрополичьему двору (т.е. именно в том районе, где заложен раскоп) составляли от 5 x 4 до 17 x 9,5 сажен. Таким образом, размеры усадьбы А вполне соответствуют упомянутым в документах размерам усадеб.

Усадьба А переживает не менее двух строительных периодов. Первый строительный горизонт охватывает 9, 10 и верхнюю часть 11 пласта и связан с сооружениями №№ 4, 5 и настилом мостовой (Завьялов, 2011а), второй (11–13 пласты) — с сооружениями № 6 и 8.

Южную границу усадьбы маркирует улица, настил которой зафиксирован в 9 пласте на глубине -168 — -172 см (Завьялов, 2011б). Ниже настила мостовой, вскрытого в 9 пласте, мощение улицы не прослеживается⁴, но линия забора усадьбы А на протяжении всего времени её существования остаётся неизменной, что даёт основание

⁴ Следующий настил обнаружен лишь на уровне 15 пласта.

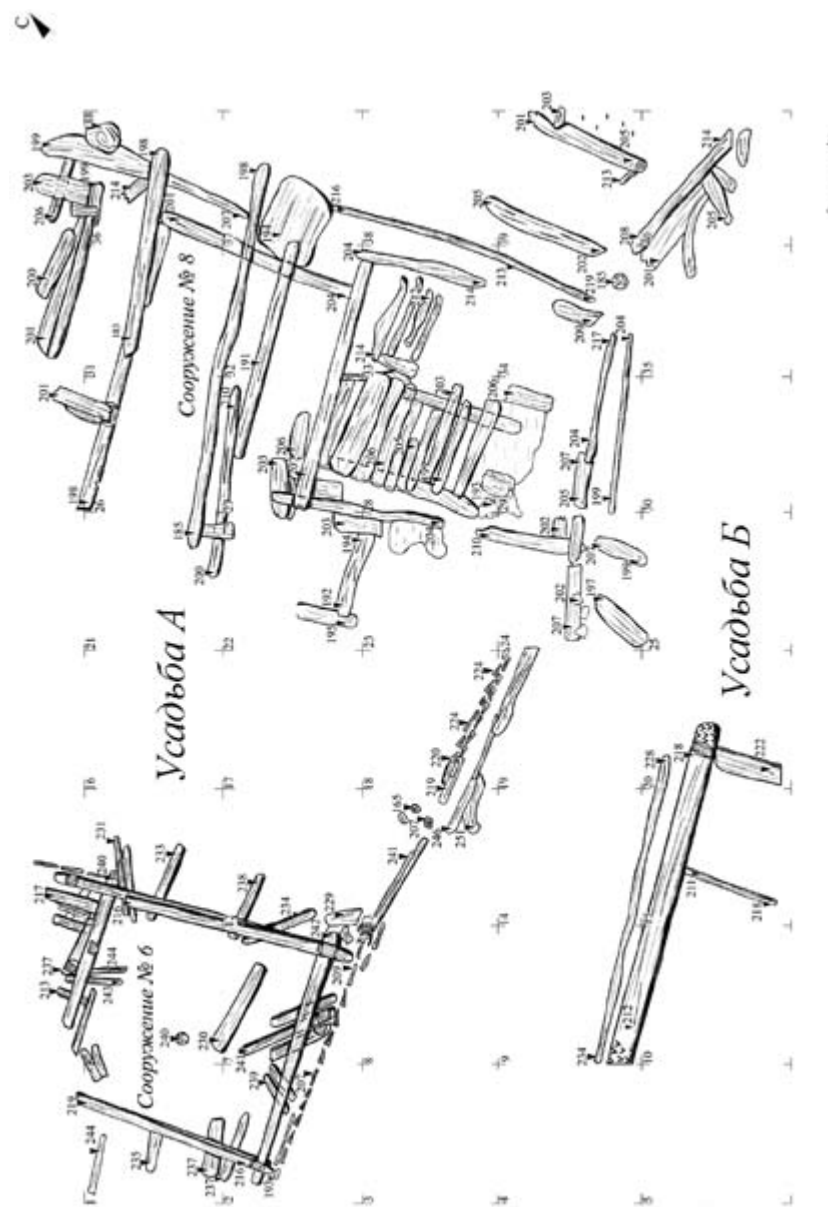

Рис. 22. Усадебная планировка на Житном раскопе во второй половине XVI в.

полагать, что направление улицы на данном участке сохранялось на протяжении длительного времени. К югу от улицы располагалась усадьба Б (сооружения №№ 2, 7, 13), вошедшая в раскоп лишь небольшим участком.

На уровне 14 пласта, в кв. 11, вскрыта линия забора, делящая территорию усадьбы А на две неравные части: усадьбы В (располагающуюся на большей территории раскопа) и Г (вошедшую в раскоп только своим юго-восточным углом). Расположение сооружений на усадьбе В в целом повторяет конфигурацию и размеры вышележащих построек.

Планировочная структура усадьбы А складывается на уровне 12–13 пластов, когда территория к северу от линии улицы разделена ещё на две усадьбы. В это время на усадьбе Г возводится сооружение № 11, после сноса которого уже на усадьбе А строится сооружение № 6, повторяющее размеры и конфигурацию ранее стоящей постройки. До этого времени никаких сооружений в этом месте не зафиксировано. Отмечу только настил в два яруса из обрезков брёвен длиной 55–70 см и диаметром 6–8 см, примыкающий с внутренней стороны к проходящему вдоль улицы частоколу. Настил зафиксирован на глубине -313 – -317 см. Поскольку жилые постройки усадьбы А (сооружения №№ 4 и 8) повторяли конфигурацию жилых построек усадьбы В (сооружения №№ 9, 12, 14 и 15), а хозяйственные сооружения возникают на территории бывшей усадьбы В (сооружения №№ 5 и 6), то есть основания предполагать, что именно жильцы усадьбы В присоединяют к своему владению соседний участок. Возникновение усадьбы В, вероятно, относится ко времени не позднее строительства сооружения № 15 и может датироваться концом XV – началом XVI в. (рис. 23).

Настил мостовой.

В сезоне 2008 г. на площади раскопа вновь был вскрыт настил мостовой (рис. 16). Предыдущий настил фиксировался на глубине -168 – -171 см (Завьялов, 2007, с. 19; 2011б, с. 75). До уровня 15 пласта никаких остатков мощения встречено не было. Тем не менее, направление улицы между настилами документируется расположением забора, неизменно из пласта в пласт располагавшегося на одной линии параллельно улице. Второй ярус настила мостовой отмечен в квадратах 3, 8, 9, 13, 14, 35, 40. Он полностью повторяет направление прослеживаемой во всех пластах улицы. Глубина залегания настила -282 – -285 см (Западный участок) и -298 – -308 см (Восточный участок). Максимальная ширина мостовой 2,7 м. Конструкция настила тради-

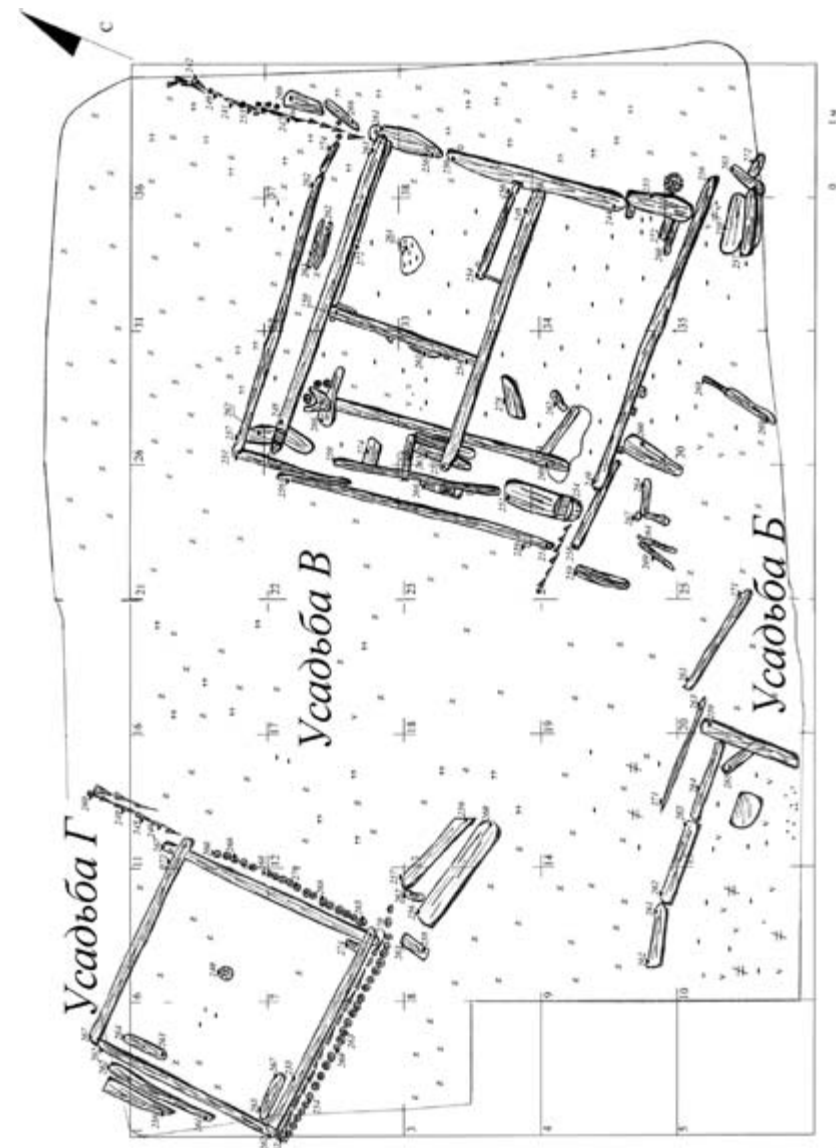

Рис. 23. Усадебная планировка на Житном раскопе в первой половине – середине XVI в.

ционна: на три параллельные лаги уложены брёвна. Следует отметить, что вскрытая мостовая по качеству исполнения значительно уступала настилу первого яруса. На покрытие использованы брёвна (зачастую неошкурённые), а не плахи, как у более поздней мостовой. Отмечается разнородность древесины: встречены сосновые, берёзовые, липовые брёвна (как известно, липа слишком мягка для строительных работ) диаметром 12–15 см. В некоторых местах брёвна настила, чтобы не допустить их раскатывания, были закреплены колышками. В качестве подкладок применялась древесина вторичного использования (остатки разобранных конструкций) и необработанные куски дерева. Следует отметить некоторую хаотичность в расположении подкладок и их залегание на разной глубине (верхние нивелировочные отметки располагаются в диапазоне -307 — -325 см), что, вероятно, связано с неоднократно проводившимся ремонтом настила.

Индивидуальные находки.

Остановлюсь на общей характеристике вещевого комплекса и некоторых индивидуальных находках, не связанных непосредственно с описанными выше сооружениями. В 2007–2009 гг. на Житном раскопе было найдено более 1300 индивидуальных находок. На рис. 24 приведены гистограммы распределения находок из различных материалов по годам. Отчётливо видно, что на протяжении XVI столетия

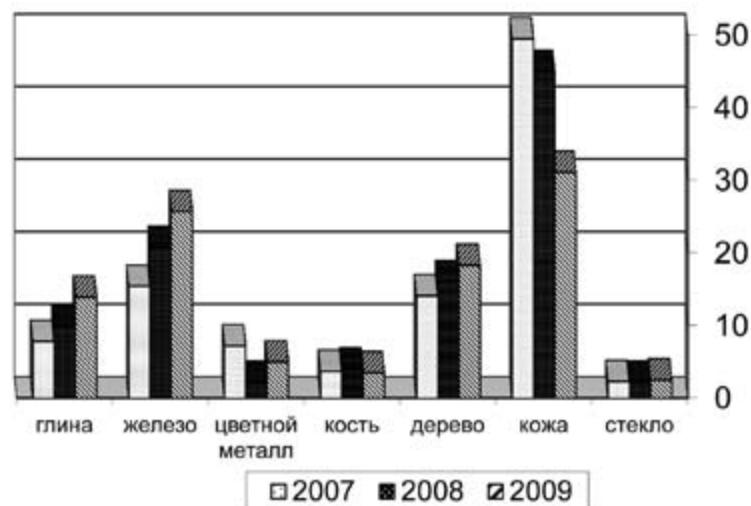

Рис. 24. Распределение материала индивидуальных находок по годам раскопок (в %%).

соотношение существенно не изменялось. Разумеется, следует иметь в виду, что находки из дерева больше других были подвержены разрушению (в огне пожара или при утилитарном использовании для растопки печи) и в силу этого в реальности их доля была значительно выше. Видимое на гистограммах увеличение находок из глины, железа и дерева объясняется сокращением доли кожаных изделий, пик которых связан с сапожной мастерской предположительно располагавшейся в сооружении № 6, которое раскапывалось именно в 2007 г.

Если сравнить изменения в соотношении материала индивидуальных находок по пластам (рис. 25), то разительно преобладание кожаных изделий в 12–16 пластах. В 17 пласте заметен резкий спад доли кожаных изделий и возрастание доли предметов из железа. В 18 пласте основными материалами индивидуальных находок являлись железо, дерево и кожа, что, как представляется, более реально отражает действительную ситуацию (хотя ещё раз оговорюсь, что деревянных предметов должно быть значительно больше).

Глина

Основной находкой на средневековых археологических памятниках являются фрагменты глиняной посуды. За три рассматриваемых полевых сезона на Житном раскопе найдено около 40000 обломков

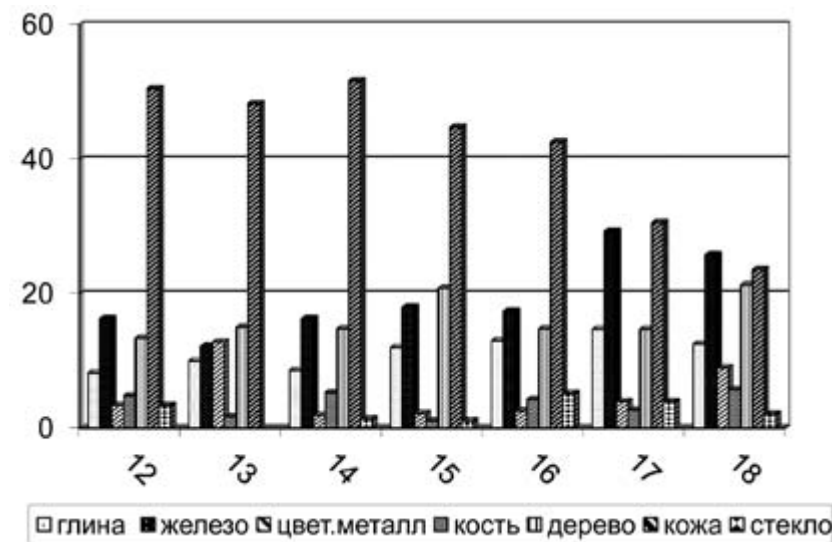

Рис. 25. Распределения материала индивидуальных находок по пластам (в %%).

керамической посуды. Вся керамика обработана В.В. Судаковым с помощью статистико-типологического анализа по разработанной В.Ю. Ковалем программе обработки средневековой керамики (Судаков, 2008; 2009; 2010). Надо отметить, что, несмотря на «открытый» характер вскрытых на раскопе комплексов, керамика в их пределах довольно однородна и одновременна, что говорит, в целом, о незначительном нарушении культурного слоя.

Все горшки изготовлены на ручном гончарном круге спирально-жгутовым налепом, ни на одном донце нет следов среза с круга. На днищах встречаются затёки глины и закраины, часть донца заглажены, но в ряде случаев сохраняются неровности и часто прослеживаются папиллярные узоры. При формовке сосудов использовалась подсыпка песка. Подавляющую массу кухонной керамики составили фрагменты посуды из тонких формовочных масс без визуально фиксируемых примесей.

Развалы керамической посуды встречаются редко. Всё же иногда удаётся собрать полные профили горшков (рис. 26, 1). Редкой находкой являются миниатюрные горшочки, имитирующие форму полноценных сосудов (рис. 26, 2).

Наибольшее количество индивидуальных находок из глины представлено фрагментами донца сосудов с клеймами. Следует отметить, что начиная с 12–13 пластов их количество возрастает. Многие клейма сильно потёрты. Там же, где удаётся установить рисунок, изображения имеют вид кругов, с вписанными в них крестами и квадратами (рис. 26, 3). Выделяется рисунок клейма на донце из 16 пласта (кв. 13, № 54). Он представляет сложный орнамент из треугольников в круге, обращённых острыми углами к окружности (рис. 26, 4).

В XVI в. известны исключительно глиняные пряслица. Они лепились в подражание пиррофилитовым образцам, хорошо известным в домонгольское время. Но чаще пряслица изготавливались из стенок глиняных сосудов. На раскопе найдены как целые пряслица (рис. 26, 5), так и заготовки с необработанными краями (рис. 26, 6). Нередко для заготовок пряслиц использовали черепки импортной поливной посуды.

Так называемые грузики представлены двумя формами: вытянутой каплевидной с отверстием в верхней (суженой) части (рис. 26, 7) и шарообразной.

Значительную серию изделий из глины составляют детские игрушки. Они представлены фрагментами фигурок, погремушек, свистулк. В 15 пласте (кв. 22) найдена целая сероглиняная цилин-

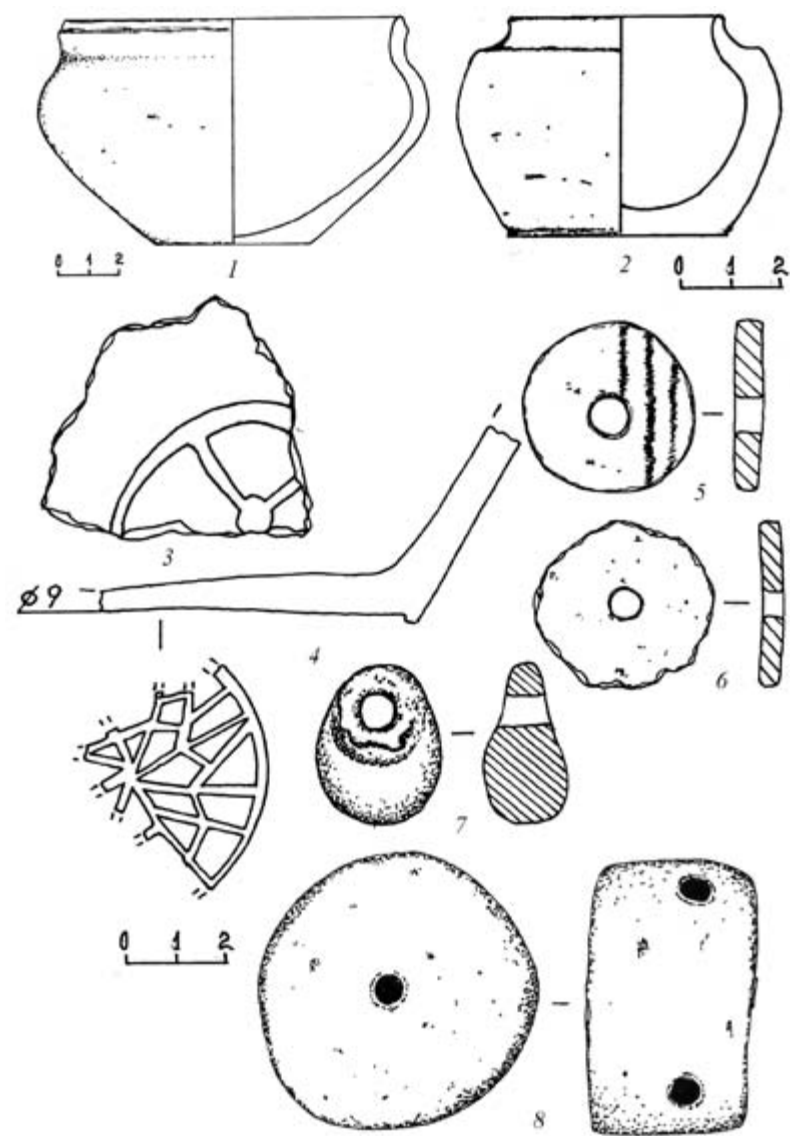

Рис. 26. Керамические изделия: 1 – горшок (11-30-46); 2 – миниатюрный горшок (13-23-412); 3–4 – клейма на донцах сосудов (13-39-489, 16-13-54); 5–6 – пряслица из стенок сосудов (17-40-109, 18-22-155); 7 – «грузик» (16-20-26); 8 – погремушка (15-22-260).

дрическая погремушка (рис. 26, 8). Диаметр игрушки 6 см, высота 3,7 см. Большинство игрушек было покрыто белым ангобом и расписано полосами красного ангоба.

Поливная керамика представлена небольшими фрагментами сосудов. Из 16 пласта (кв. 26а, № 483) происходит белоглиняный сосуд с остатками поливы тёмно-зелёного цвета. Ручка от кувшина с зелёной поливой найдена в пласте 14 (кв. 13, № 137). По мнению В.Ю. Ковалёва, сосуд относится к полумайоликам крымского происхождения. Среди поливной керамики во всех пластах присутствуют фрагменты ордынских кашинных сосудов с полихромной росписью середины – второй половины XIV в. Несомненно, что эти фрагменты попал в слой в результате перекопов.

Железо

Эта группа индивидуальных находок включает более 30 определимых категорий, из которых самой многочисленной являются ножи. Ножи представлены двумя основными группами: с шиловидным черенком, на который насаживалась деревянная рукоять (рис. 27, 1–2, 14), и с пластинчатым черенком, к которому при помощи бронзовых заклёпок крепились две деревянные или костяные пластины (рис. 27, 3). Последний тип появляется в Европе не ранее XIV в. и очень быстро распространяется на Руси. Вполне вероятно, что русские мастера освоили производство ножей с пластинчатыми рукоятками. Но и в XVI в. европейские ножи являлись предметом массового импорта. Поскольку ни по технологии производства, ни по качеству изготовления привозные изделия не отличались от русских, то спрос на них объяснялся исключительно их внешним видом. Надёжным способом отличить европейскую продукцию являлось наличие клейма.

Общая длина полностью сохранившихся ножей составляет 12,5 до 20 см при длине клинка от 8,5 до 13 см. Переход от клинка к черенку выражен чёткими уступами, расположенными под близким к прямому или тупым углом. У некоторых экземпляров спинка клинка длиннее лезвия на 0,5 см.

На раскопе найдены костяные накладки на пластинчатые черенки ножей. А у трёх ножей сохранились рукоятки, вырезанные из самшита. Ещё один нож сохранил рукоятку из можжевельника (рис. 27, 3). Костяную рукоятку сохранил только один экземпляр из сооружения № 15 (рис. 21, 6). Рукоятки крепились к пластинчатому черенку ножа при помощи заклёпок в виде трубочек из бронзы диаметром около 2 мм.

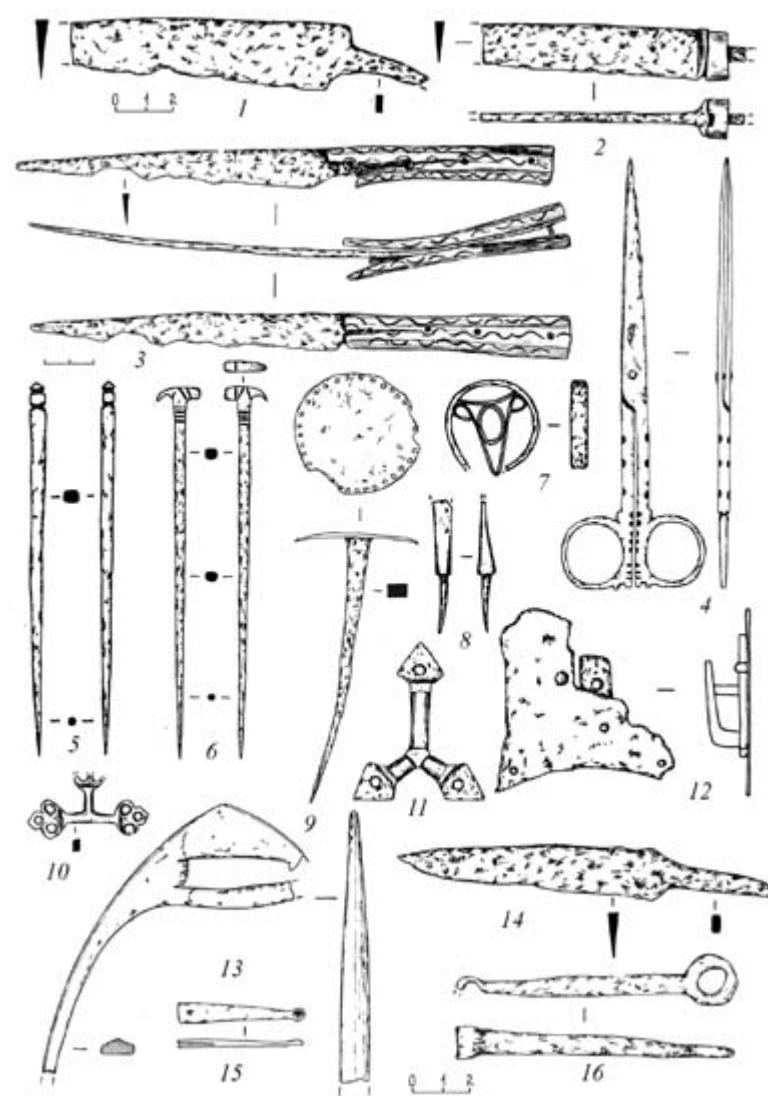

Рис. 27. Изделия из железа: 1–3, 14 – ножи (18-40-125, 18-21-159, 16-18-43); 4 – ножницы (14-11-121); 5–6 – писала (11-39-10, 16-16-1); 7 – головка ключа (12-19-63); 8 – наконечник стрелы (12-25-92); 9 – декоративный гвоздь (15-39-300); 10–11 – лужёные накладки (18-9-218, 18-14-227); 12 – замок (12-24-166); 13 – стрема (15-18-376); 15 – наконечник ремня (15-19-346); 16 – грызла удила (16-25-520).

Основным технологическим приёмом при изготовлении ножей была наварка стального лезвия (в различных вариантах) на железную основу. Качество проведения кузнечных операций находилось на высоком уровне (Завьялов, 2010в, с. 52).

Полностью сохранившиеся шарнирные ножницы с сомкнутыми кольцами происходят из 14 пласта (рис. 27, 4). Ручки ножниц украшены насечками. Длина предмета около 17 см, ширина лезвий около 1 см.

В 11 пласте найдено писало типа 15 по А.А. Медынцева (рис. 27, 5). Этот тип характеризуется отсутствием лопаточки для разглаживания воска, головка писала имела округлую форму. Такие писала были предназначены исключительно для писания по бересте. Время бытования писала типа 15 — XIII—XVI вв. (Медынцева, 1997, с. 151; Овчинникова, 2000, с. 58). Возможно, они продолжали использоваться и в XVI в. Кроме Новгорода аналогичной формы писала встречены на Северо-Востоке Руси: в Москве, Устюжне, Никульчине близ Кирова; датируются они XIV—XV вв. (Овчинникова, 2000, с. 59).

Другое писало происходит из 16 пласта (рис. 27, 6). Оно относится к типу 8 (с молоточковидной головкой), одному из наиболее распространённых в Новгороде Великом. Такие писала встречаются в Новгороде с начала XI в. и существуют вплоть до XV в., но наибольшее распространение они получили со второй половины XII в. до середины XIII в. (Овчинникова, 2000, с. 52). Аналогичные писала известны на довольно широкой территории. Единичные находки встречены в Пскове, Белоозере, Суздале, Слободке, в Рязанской обл., в Ярополке Залесском (Овчинникова, 2000, с. 54). В Польше такие писала датируются XIV—XVI вв. (Медынцева, 1997, с. 150), что хронологически ближе найденному на Житном раскопе экземпляру. Остриё писала обмеднено. На стержне писала у головки имеется геометрический орнамент из четырёх поперечных линий и двух линий над ними, образующих угол, опирающийся в верхнюю грань головки.

Большим количеством находок в слоях XVI в. представлены ключи и детали замков.

В это время продолжают бытовать ключи типа В. Один такой ключ найден в 17 пласте (17-31-37). Верхняя часть ключа загнута в круглую петлю диаметром 0,7 см.

Ключ от сличного замка (17-16-72) имеет в длину 10,5 см. Ключ был спаян из четырёх железных пластин и обмеднен. Верхняя часть ключа оформлена в виде кольца. Аналогичный ключ найден при зачистке 17 пласта на западном участке раскопа.

Отмечу головку ключа от нутряного замка с головкой в виде кольца, украшенного «кузнечной сканью» — в кольцо впаивались железные пластинки, образующие геометрический орнамент (рис. 27, 7). Аналогичный ключ происходит из сооружения № 6 (см. рис. 2, 1).

Фрагменты замков представлены 12 экземплярами. Небольшой цельнометаллический «сундучный» замок найден в 17 пласте (кв. 40, № 99). Корпус замка имеет вид подпрямоугольной коробки размерами 4 х 5,5 см. По ширине замок сужается от 2,4 см у основания до 1,8 см в верхней части. С внешней стороны замок был обмеднен. Замочная скважина практически не сохранилась. Среди сличных замков многие сохранили следы обмеднения или паянных медью швов, снизу к замкам приваривалась декоративная пластинка.

Из пласта 14 (кв. 13, № 215) происходит пружина навесного цилиндрического замка с сохранившимся на дужке пробоем. Небольшой фрагмент замочной пружины, состоящей из стержня с двумя припаянными пластинами, найден в 18 пласте (кв. 33, № 139).

Накладной замок, аналогичный замку из сооружения № 14, найден во дворе усадьбы А (рис. 27, 12).

Оружие представлено находками наконечников стрел разнообразных типов: ромбовидным гнёздовского типа (тип 43), распространённым в XIV—XV вв. (Археология СССР, 1985, с. 167, табл. 139, 3), в виде узкой удлинённой лопаточки с упором для древка (рис. 27, 8; тип 58 по А.Ф. Медведеву). Основное время бытования этого типа X—XIII вв. (Медведев, 1966, с. 71). В более позднее время они известны на северо-западе Руси, где встречены в единичных экземплярах в слоях XIV — начала XVI в. (Артемьев, 1998, с. 102).

Инструменты немногочисленны. Небольшое шило (длина стержня 8 см) с деревянной рукояткой происходит из 17 пласта (кв. 21, № 80). Длина рукоятки 4,5 см, стержень шила проходит через всю рукоятку.

Звено удила найдено в 18 пласте (кв. 30, № 126). Стержень подквадратный в сечении (0,6 х 0,6 см), длиной 8 см. Концы стержня загнуты в противоположные стороны в кольца.

Из 15 пласта происходят два декоративных гвоздя с большой шляпкой диаметром 4 см (один из них связан с комплексом сооружения № 12). Длина стержня составляет 8 см. Стержень в сечении квадратный, диаметром у шляпки 0,4 х 0,4 см. По самому краю окружности шляпки гвозди были украшены пуансонным выпуклым орнаментом (рис. 27, 9).

Две лужёные железные накладки найдены на усадьбе В в 18 пласте. Одна имеет Т-образную форму (рис. 27, 10) и изготовлена из плоской

заготовки. Концы украшены прорезным тrefовидным орнаментом (орнамент на «мачте» отломан). Длина сохранившейся «мачты» 1,6 см, длина перекладины 4 см. Отверстия в орнаменте, вероятно, служили для прикрепления накладки к основе.

Другая накладка (рис. 27, 11) состоит из одного длинного (4,5 см) и двух коротких (2,6 см) стержней полуовальных в сечении, соединённых пайкой так, что угол между ними составляет около 120°. Ширина стержней 0,5 см. Концам стержней ковкой придана стреловидная форма. В центре завершений пробито отверстие диаметром 0,4 см для крепления накладки к основе.

Двумя находками представлены детали конского снаряжения. Это фрагмент стремени (рис. 27, 13) и грызло кольчатых удиц (рис. 27, 16).

Подкова от сапога с высоким каблуком происходит из 16 пласта (кв. 1, № 3). Крепление подковки комбинированное — по краям шипы, а в центральной части отверстия для гвоздей.

Оба найденных рыболовных крючка невелики по размерам — длиной около 3 см. Они откованы из круглого в сечении стержня диаметром 1,5 мм. Верхний край раскован для крепления лески. На нижнем конце оформлено жало.

Иглы представлены 12 экземплярами. Они встречены во всех пластах. Длина игл составляет около 5 см, диаметр 1–1,5 мм, диаметр ушка, судя по целиком сохранившемуся экземпляру, 0,9 мм.

Лужёный железный предмет (15-19-346), скорее всего, является наконечником ремня (рис. 27, 15). Он представляет собой трапециевидную в плане пластину. Толщина предмета 3 мм. На широком конце в 3 мм от края имеется отверстие для заклёпки. По боковой грани с широкого конца пластина раздваивается на длину 1,1 см для вставки ремня. Узкий конец заканчивается полусферой. Длина предмета около 4,5 см, ширина в месте крепления к ремню 0,7 см, ширина у конца с полусферой 0,3 см, диаметр полусферы 0,5 см.

Цветной металл

Находки из цветных металлов за три сезона представлены 52 экземплярами. Большинство из них относятся к категории украшений (см. статью О.А. Фатюниной в настоящем сборнике).

Дерево

Дерево было основным материалом в обиходе человека. В Переяславле Рязанском использовались разнообразные, в основном местные, сорта древесины. Применение дерева было связано со свойствами определённой породы: копылы и чекмари вырезались из дуба,

ложки и гребни для чесания кудели — из берёзы и клёна, туалетные гребни — из самшита. Помимо деревянных конструкций и архитектурных деталей на раскопе в слоях XVI в. найдено около 200 индивидуальных находок из дерева. Этой категории посвящены специальные статьи (Завьялов, 2010в; 2011), часть из деревянных поделок рассмотрена при описании комплексов сооружений (см. выше).

Кожа

Как уже отмечалось, находки из кожи многочисленны. Основную часть коллекции составляют фрагменты обуви, но представлены также ножны, рукавицы, кошельки, мячи, аппликации, ремни и т.д. Подробно кожаные изделия рассмотрены в работах О.А. Фатюниной (2010, 2011а, 2011б, 2012). В итоге всестороннего анализа предметов из кожи можно отметить, что высокое качество изготовления бытовых предметов указывает на высокий уровень кожевенного ремесла. Многочисленные обрезки обувного производства косвенно свидетельствуют о нахождении на исследованном участке сапожной мастерской. Судя по некоторым предметам, можно предполагать, что велось обучение сапожному ремеслу.

Жители Переяславля Рязанского носили различные виды обуви, но основным видом были сапоги. Сосуществовали различные формы кроя отдельных деталей сапог и виды их украшения, которые изменялись с течением времени. Для головок начала XVI в. характерно декорирование в виде ёлочки и широкое применение неполного поднаряда. Задники — более низкие и часто изготавливались не из цельного куска кожи, как позднее, а сшивались из нескольких частей. Декор задников менее разнообразный по сравнению со второй половиной XVI столетия. На протяжении XVI в. наблюдается увеличение количества подошв с хорошо сохранившимися загнутыми вверх носками, для украшения подбитыми гвоздиками (Фатюнина, 2011б, с. 167).

Кость

Предметы из кости немногочисленны: их доля в общей массе индивидуальных находок не превышает 7–8%. Они подробно рассмотрены в специальных статьях (Антипина, 2011; Козлова, 2011). Один из основных выводов этих работ заключается в том, что, несмотря на немногочисленность находок из кости, они свидетельствуют о разнообразии используемого материала. В основном изделия изготавливались из местного сырья: костей свиньи, крупного рогатого скота, рога оленя, лося и косули. Находки из привозного материала (моржовый клык) единичны (Козлова, 2011, с. 151).

Свидетельством существования на территории кремля косторезной мастерской является находка отходов от производства пуговиц (14-28-17), представляющая собой обломок пластины толщиной 4 мм, длиной 60 мм, с тремя вырезанными полукругами. Судя по следам обработки, заготовка для пуговицы была диаметром 12 мм и толщиной 3 мм, имела форму уплощённого цилиндра с несколько вогнутыми внутрь боками, подтверждением чему является двусторонняя проточка обнаруженного изделия.

Среди ещё не введенных в научный оборот артефактов из кости следует прежде всего остановиться на резном четырёхконечном нагельном кресте-реликварии (рис. 29, 1). Для Переяславля Рязанского это чрезвычайно редкая находка — до начала работ на Житном раскопе всего было известно три костяных крестика (Барышев, 2001). Крест вырезан из рога животного семейства оленьих. Высота креста 4,6 см, ширина по лопалям 2,3 см, толщина 1 см, ширина лопастей 1 см. Нижняя и верхняя части креста имеют прямоугольные расширения. В верхней части просверлено отверстие для шнура. С внутренней стороны креста имеется углубление для хранения мощей, повторяющее по форме сам крест. Ширина бортиков составляет от 3 до 1,5 мм. Задняя крышка реликвария не сохранилась. На лицевой стороне в центральной части креста вырезан прямоугольный киотец размерами 0,8 x 3 см. В киотце вырезана фигура святителя в монашеских одеждах. Нимб отсутствует. На верхней лопасти отчётливо читаются буквы «СТЪ» (святый?), на левой лопасти «СЕ» на правой — «Р» (Сергий?). Сверху и с боков надписи декорированы прямыми линиями с насечками, обращёнными в сторону надписи. Судя по чёткости композиции, уверенной резьбе, крест вырезан высококвалифицированным мастером-профессионалом.

Из других костяных находок отмечу накладную рукоять ножа шириной 1,5 см с опущенной задней частью, которая происходит из пласта 18 (18-17-235). Рукоятка вырезана из кости крупного копытного животного. Крепилась к черенку ножа при помощи бронзовых заклёпок диаметром 4 мм (рис. 29, 2).

Другая рукоятка диаметром 1 см вырезана из кости мелкого рогатого скота, покрыта циркульным орнаментом. Нижний конец рукоятки обломан (рис. 29, 3).

Костяная игла из 17 пласта (кв. 31, № 27) вырезана из кости свиньи. Длина иглы 8,7 см. Максимальная ширина 0,6 см. На расстоянии 1,3 см от верхнего конца просверлено круглое отверстие диаметром 0,3 см (рис. 29, 4).

Анализ находок из кости позволяют сделать вывод о том, что изготовлением предметов занимались как простые горожане, жившие натуральным хозяйством и изготавливавшие для своих нужд самые простые предметы обихода, так и профессиональные мастера-косторезы.

Стекло, изделия из камня

Основной находкой из стекла в слоях XVI в. были фрагменты стеклянных браслетов, которые попали в исследованные напластования в результате перекопов или приноса грунта с других участков.

Найдены два фрагмента стеклянных сосудов. Один (12-35-72) чёрного (или тёмно-синего цвета) орнаментирован белыми и крас-

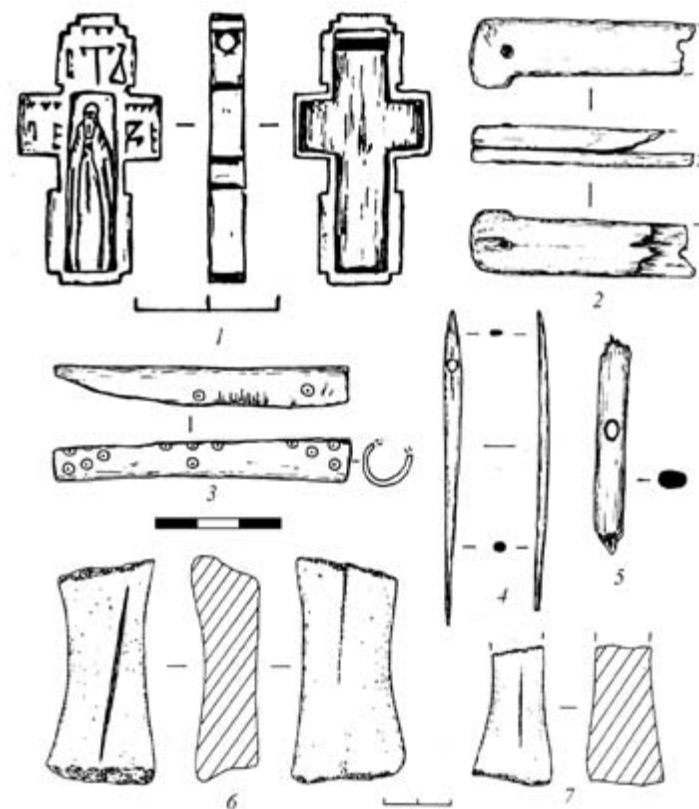

Рис. 29. Изделия из кости и камня: 1 — костяной крест-реликварий (18-22-149); 2—3 — рукоятки (18-17-235, 18-24-202); 4 — игла (17-21-37); 5 — «брунчалка» (17-33-118); 6—7 — оселки из песчаника (15-16-374; 15-27-401).

ными штрихами неправильной формы. Другой (12-38-243) из прозрачного стекла, украшен металлической полоской шириной около 2 мм.

Изделия из камня представлены, главным образом, всевозможными оселками. Некоторые из них сохранили следы проточки (от заточки шила). Отмечу два оселка из серого песчаника, происходящие из 15 пласта. По мнению к.г.н. В.А. Ускова, это материал не местного происхождения (рис. 29, 6—7).

Исследованные слои предоставили большой и разнообразный материал для реконструкции жизнедеятельности населения кремля Переяславля Рязанского. Прежде всего отмечу, что благодаря археологическим раскопкам установлена неизменность уличной планировки на рассматриваемом участке на протяжении всего XVI столетия. В 40-х гг. XVI в. фиксируется укрупнение усадеб, когда за счёт объединения более мелких владений возникает сравнительно крупная усадьба А. Жители этой усадьбы относились к привилегированному населению, на что указывает целый ряд статусных находок (костяная печать, оправы зеркал, обувь, декорированная расшивкой, фрагменты импортной посуды). Наряду с жилыми постройками на усадьбе располагалась мастерская сапожника.

Мощность культурных напластований, соотносимых с XVI в. (более 1 м), свидетельствуют об интенсивной жизнедеятельности в этот период. Для домостроительства характерно широкое использование дуба (причём часто на постройки шли довольно тонкие брёвна — 15—18 см). Предварительные результаты археологических раскопок расширяют представления о жизни горожан одного из крупнейших центров Московского государства — Переяславля Рязанского.

Литература

- Антипина Е.Е., 2011. Переяславль Рязанский, кремль, XVII век: остеологическая коллекция // Аналитические исследования Лаборатории естественнонаучных методов. М.
- Барышев И.Б., 2001. Костяные резные крестики-тельники из раскопок Переяславля Рязанского // Ставрографический сборник. Кн. 1. М.
- Завьялов В.И., 2008. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2007 г. // НА РИАМЗ, № 3955.
- Завьялов В.И., 2009а. Костяная печать-матрица из раскопок Кремля Переяславля Рязанского // Битва на Воже и средневековая Русь. Рязань.
- Завьялов В.И., 2009б. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2007 г. // НА РИАМЗ, № 3992.

- Завьялов В.И., 2010а. Игрушки и игры в Переяславле Рязанском в XVI—XVII вв. (по материалам Житного раскопа) // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань.
- Завьялов В.И., 2010б. Усадьба А на Житном раскопе в кремле Переяславля Рязанского // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 6. М.
- Завьялов В.И., 2010в. Технологические особенности кузнечных изделий позднего средневековья из Переяславля Рязанского // Пятые Яхонтовские чтения. Рязань.
- Завьялов В.И., 2010г. Отчёт об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2009 г. Т. 2. Археологические исследования Житного раскопа и поселения Истье 2 // НА РИАМЗ, № 4004/1.
- Завьялов В.И., 2011а. Позднесредневековые деревянные изделия из Переяславля Рязанского // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 7. М.
- Завьялов В.И., 2011б. Исследования Житного раскопа в Кремле Переяславля Рязанского (2004—2006 гг.) // Материалы по археологии...
- Карпухин А.А., Соловьёва Л.Н., 2011. Предварительные результаты дендроанализа образцов древесины из Житного раскопа в Переяславле Рязанском // Материалы по истории и археологии...
- Козлова Т.Н., 2011. Костяные изделия позднего средневековья (по материалам Житного раскопа) // Материалы по археологии...
- Овчинникова Б.Б., 2000. Писала — стилосы древнего Новгорода X—XV вв. Свод археологического источника // Проблемы истории России. Екатеринбург. Вып. 3.
- Станюкович А.К., Авдеев А.Г., 2006. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати матрицы XIII—XVIII вв. из частных собраний. М.
- Судаков В.В., 2008. Статистико-типологический анализ керамики // В.И. Завьялов. Отчёт об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского в 2007 г.
- Судаков В.В., 2009. Статистико-типологический анализ керамики // В.И. Завьялов. Отчёт об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского в 2008 г. (НА РИАМЗ, № 3992/1).
- Судаков В.В., 2010. Статистико-типологический анализ керамики // В.И. Завьялов. Отчёт об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2009 г. Т. 1. (НА РИАМЗ, № 4004/1).
- Фатюнина О.А., 2010. Изделия из кожи г. Переяславля Рязанского (по материалам археологической экспедиции 2008 г.) // Пятые Яхонтовские чтения.
- Фатюнина О.А., 2011а. Кожаные изделия XVI — первой половины XVII в. из Кремля Переяславля Рязанского // Материалы по археологии...
- Фатюнина О.А., 2011б. Кожаная обувь Переяславля Рязанского конца XV—XVI вв. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М. Вып. 7.
- Фатюнина О.А., 2012. Детали кожаных сапог Переяславля Рязанского XV — начала XVII века // Археология Подмосковья. М. Вып. 8.
- Вып. 8. Фёдоров В.М., 2011. Путцы для содержания ловчих ястребов-перепелятников из Кремля Переяславля Рязанского // Материалы по археологии...
- Хохлов А.Н., Хухарев В.В., 1992. Новые находки прикладных печатей-матриц из Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
- Хохлов А.Н., Хухарев В.В., 1999. Прикладные печати-матрицы из раскопок Затьмацкого посада в Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь.
- Янин В.Л., 1953. Печати из новгородских раскопок 1951 г. // СА. Вып. XVIII.

А.С. Алешинская, М.Д. Кочанова, Е.А. Спиридонова

РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ИЗ ЖИТНОГО РАСКОПА (2010 г.)*

В 2010 году были продолжены палинологические исследования культурного слоя из Житного раскопа (северный профиль). Результаты исследований верхней части культурного слоя (гл. 0,8–1,8 м) опубликованы в выпуске 1 «Материалов по археологии Переяславля Рязанского» (Кочанова и др., 2011).

В 2010 году из раскопа было последовательно отобрано и проанализировано 12 образцов. Исследования проводились на микроскопе Motic BA-300 при четырехсоткратном увеличении. В препаратах определялись и подсчитывались все встреченные пыльцевые зерна и споры. Подсчет велся по трем группам: древесные и кустарниковые породы, травянистые и кустарничковые растения, споры. Все образцы содержали большое количество пыльцы и спор хорошей сохранности, а также другие органические остатки: растительные волокна, истлевшую и обугленную древесину, фунги, золу, угольки.

Статистическая обработка полученных данных, составление ведомостей и построение диаграмм проводилось с применением специальной программы FLORA, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Кочанова и др., 2005).

По результатам анализа в разрезе было выделено шесть спорово-пыльцевых комплексов (рис. 1). В спорово-пыльцевой комплекс объединялись образцы, которые имеют близкий качественный и количественный состав доминирующих форм.

Во всех образцах в общем составе преобладает пыльца травянистых растений (85–96%). Их набор отличается богатым мезофильным разнотравьем и большим количеством злаков, как дикорастущих, так и культурных. Пыльцы древесных пород очень мало (от 3 до 15%), а в их составе, за редким исключением (образцы 1, 2 и 10), преобладают широколиственные породы и ива. В этом случае процентный состав внутри группы древесных пород рассчитывается условно. Споры встречаются единично.

I спорово-пыльцевой комплекс (широколиственные породы с участием ивы; разнотравье) охарактеризован по образцам 11 и 12 с глубин 4,0 и 4,2 м соответственно.

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 11-06-00035а.

Для данного комплекса характерно наиболее высокое по сравнению с другими комплексами содержание пыльцы древесных пород (9–15%). В образце 12 отмечено максимальное по разрезу ее содержание (15%). Пыльца травянистых растений составляет 85–91%. Спор меньше 1%.

В составе древесных пород преобладают широколиственные породы (48–61%) и ива (25–44%). Среди широколиственных пород чаще всего встречается пыльца липы (*Tilia*). Также присутствует пыльца дуба (*Quercus*), вяза (*Ulmus*) и ясеня (*Fraxinus*). Единично отмечена пыльца ели (*Picea*), сосны (*Pinus*), лещины (*Corylus*) и березы (*Betula*) (рис. 2).

Как уже отмечалось выше, состав травянистых растений очень разнообразен. Помимо большого количества разнотравья (66–76%) часто встречаются злаки (Poaceae) (17–31%), среди пыльцы которых много крупной пыльцы культурных видов. В группе разнотравья основное место занимает семейство гречишных (Polygonaceae), где преобладает пыльца щавеля (*Rumex*) (13–19%). В большом количестве также присутствует пыльца семейства астровых (Asteraceae) (14–15%) (рис. 3), в том числе бодяк (*Cirsium*) и василек (*Centaurea*). Большинство представителей из этих семейств являются сорными растениями, куда также можно отнести ряд других встреченных семейств (подорожниковые (Plantaginaceae), крапивные (Urticaceae), цикориевые (Cichoriaceae), крестоцветные (Brassicaceae), кипрейные (Onagraceae)), присутствие которых, безусловно, связано с деятельностью человека. Помимо сорной растительности в спектрах широко представлено луговое мезофильное разнотравье¹ (см. табл. 1, рис. 1). Это представители семейств гвоздичных (Caryophyllaceae), бобовых (Fabaceae), яснотковых (Lamiaceae), зонтичных (Apiaceae), дербенниковых (Lythraceae). Также присутствует пыльца более влаголюбивых растений из семейств лилейных (Liliaceae), лютиковых (Ranunculaceae), в т.ч. василистника (*Thalictrum*), и рода лабазник (*Filipendula*) (семейство розоцветных – Rosaceae) и прибрежно-водных растений – кувшинки (*Nymphaea*) и ежеголовника (*Sparganium*).

Из споровых отмечены единичные споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) и папоротников семейства многоножки (Polypodiaceae).

II спорово-пыльцевой комплекс (береза с участием широколиственных пород и ивы; разнотравье) описан по образцу 10 с глубины 3,8 м.

¹ Мезофильные растения – растения, приспособленные к условиям среднего увлажнения

Таблица 1.
Результаты спорово-пыльцевого анализа
культурного слоя из Житного раскопа (2010 г.)

Систематический список	1 2 м зерна/%	2 2,2 м зерна/%	3 2,4 м зерна/%	4 2,6 м зерна/%
ОБЩИЙ СОСТАВ				
Деревья	27 / 7,4	26 / 9,6	29 / 8,3	44 / 10,8
Травы	329 / 90,6	241 / 88,9	312 / 88,9	349 / 85,3
Споры	7 / 1,9	4 / 1,5	10 / 2,8	16 / 3,9
Деревья				
Деревья основные	22 / 81,5	20 / 76,9	13 / 44,8	30 / 68,2
Picea	1 / 3,7	-	3 / 10,3	2 / 4,5
Pinus sylvestris	11 / 40,7	1 / 3,8	5 / 17,2	6 / 13,6
Alnus	3 / 11,1	3 / 11,5	1 / 3,4	3 / 6,8
Betula sec.Albae	-	8 / 30,8	1 / 3,4	11 / 25
Corylus	3 / 11,1	-	-	3 / 6,8
Salix	4 / 14,8	8 / 30,8	3 / 10,3	5 / 11,4
Crataegus	-	-	-	-
Rhamnaceae	-	-	-	-
Деревья широколиственные	5 / 18,5	6 / 23,1	16 / 55,2	14 / 31,8
Quercus	1 / 3,7	1 / 3,8	3 / 10,3	2 / 4,5
Ulmus	3 / 11,1	5 / 19,2	8 / 27,6	3 / 6,8
Tilia	-	-	2 / 6,9	8 / 18,2
Fraxinus	1 / 3,7	-	3 / 10,3	1 / 2,3
Травы				
Травы основные	174 / 52,9	133 / 55,2	146 / 46,8	152 / 43,6
Poaceae	145 / 44,1	110 / 45,6	131 / 42	126 / 36,1
Cyperaceae	5 / 1,5	3 / 1,2	9 / 2,9	5 / 1,4
Chenopodiaceae	18 / 5,5	8 / 3,3	4 / 1,3	10 / 2,9
Artemisia	6 / 1,8	12 / 5	2 / 0,6	11 / 3,2
Разнотравье	155 / 47,1	108 / 44,8	166 / 53,2	196 / 56,2
Liliaceae	-	-	-	-
Fagopirum	10 / 3	11 / 4,6	6 / 1,9	8 / 2,3

	1	2	3	4
Polygonaceae	7 / 2,1	13 / 5,4	33 / 10,6	13 / 3,7
Polygonum	-	2 / 0,8	1 / 0,3	1 / 0,3
Rumex	30 / 9,1	4 / 1,7	18 / 5,8	46 / 13,2
Cannabaceae	5 / 1,5	8 / 3,3	9 / 2,9	3 / 0,9
Urticaceae	3 / 0,9	-	8 / 2,6	6 / 1,7
Onagraceae	-	-	-	-
Plantaginaceae	6 / 1,8	13 / 5,4	16 / 5,1	4 / 1,1
Brassicaceae	16 / 4,9	5 / 2,1	1 / 0,3	2 / 0,6
Ranunculaceae	7 / 2,1	11 / 4,6	8 / 2,6	8 / 2,3
Rosaceae	-	-	3 / 1	1 / 0,3
Lamiaceae	1 / 0,3	1 / 0,4	-	1 / 0,3
Caryophyllaceae	2 / 0,6	5 / 2,1	8 / 2,6	3 / 0,9
Filipendula	29 / 8,8	5 / 2,1	6 / 1,9	12 / 3,4
Fabaceae	-	2 / 0,8	1 / 0,3	3 / 0,9
Trifolium	-	-	-	1 / 0,3
Campanulaceae	-	3 / 1,2	2 / 0,6	1 / 0,3
Malvaceae	-	-	-	-
Geraniaceae	-	-	-	-
Apiaceae	6 / 1,8	5 / 2,1	5 / 1,6	7 / 2
Balsaminaceae	-	-	-	-
Thalictrum	-	-	-	2 / 0,6
Valeriana	1 / 0,3	-	-	-
Cichoriaceae	6 / 1,8	7 / 2,9	13 / 4,2	11 / 3,2
Asteraceae	25 / 7,6	12 / 5	28 / 9	61 / 17,5
Centaurea	-	-	-	-
Cirsium	-	1 / 0,4	-	1 / 0,3
Polemoniaceae	-	-	-	-
Polygalaceae	-	-	-	-
Ephedra	-	-	-	-
Lythraceae	1 / 0,3	-	-	1 / 0,3
Водные	-	-	-	1 / 0,3
Nymphaea	-	-	-	-
Sparganium	-	-	-	1 / 0,3

	1	2	3	4
С п о р ы				
Bryales	2 / 28,6	2 / 50	3 / 30	5 / 31,2
Sphagnum	1 / 14,3	-	1 / 10	3 / 18,8
Equisetum	-	-	2 / 20	1 / 6,2
Botrychium	-	-	-	-
Lycopodium clavatum	-	-	1 / 10	-
Polypodiaceae	4 / 57,1	2 / 50	3 / 30	6 / 37,5
Pteridium	-	-	-	1 / 6,2

Систематический список	5 2,8 м зерна/%	6 3 м зерна/%	7 3,2 м зерна/%	8 3,4 м зерна/%
ОБЩИЙ СОСТАВ				
Д е р е в ь я	13 / 3,1	16 / 3,7	51 / 13,9	16 / 5
Т р а в ы	398 / 96,4	412 / 96	312 / 85,2	302 / 94,1
С п о р ы	2 / 0,5	1 / 0,2	3 / 0,8	3 / 0,9
Д е р е в ь я				
<i>Деревья основные</i>	8 / 61,5	11 / 68,8	40 / 78,4	9 / 56,2
Picea	-	-	3 / 5,9	-
Pinus sylvestris	-	3 / 18,8	6 / 11,8	3 / 18,8
Alnus	1 / 7,7	2 / 12,5	6 / 11,8	1 / 6,2
Betula sec.Albae	-	3 / 18,8	11 / 21,6	3 / 18,8
Corylus	-	-	2 / 3,9	-
Salix	6 / 46,2	1 / 6,2	7 / 13,7	2 / 12,5
Crataegus	1 / 7,7	-	2 / 3,9	-
Rhamnaceae	-	2 / 12,5	3 / 5,9	-
<i>Деревья широколиственные</i>	5 / 38,5	5 / 31,2	11 / 21,6	7 / 43,8
Quercus	1 / 7,7	1 / 6,2	2 / 3,9	-
Ulmus	-	-	-	-
Tilia	4 / 30,8	4 / 25	9 / 17,6	6 / 37,5
Fraxinus	-	-	-	1 / 6,2
Т р а в ы				
<i>Травы основные</i>	139 / 34,9	138 / 33,5	161 / 51,6	153 / 50,7

	5	6	7	8
Poaceae	129 / 32,4	131 / 31,8	156 / 50	146 / 48,3
Cyperaceae	2 / 0,5	3 / 0,7	3 / 1	3 / 1
Chenopodiaceae	3 / 0,8	-	2 / 0,6	2 / 0,7
Artemisia	5 / 1,3	4 / 1	-	2 / 0,7
<i>Разнотравье</i>	259 / 65,1	274 / 66,5	151 / 48,4	147 / 48,7
Liliaceae	-	-	-	-
Fagopirum	1 / 0,3	4 / 1	5 / 1,6	2 / 0,7
Polygonaceae	7 / 1,8	17 / 4,1	10 / 3,2	7 / 2,3
Polygonum	2 / 0,5	7 / 1,7	2 / 0,6	3 / 1
Rumex	73 / 18,3	84 / 20,4	24 / 7,7	56 / 18,5
Cannabaceae	-	5 / 1,2	4 / 1,3	2 / 0,7
Urticaceae	3 / 0,8	1 / 0,2	3 / 1	-
Onagraceae	-	-	-	-
Plantaginaceae	10 / 2,5	4 / 1	7 / 2,2	1 / 0,3
Brassicaceae	13 / 3,3	3 / 0,7	4 / 1,3	4 / 1,3
Ranunculaceae	12 / 3	9 / 2,2	3 / 1	-
Rosaceae	4 / 1	-	2 / 0,6	-
Lamiaceae	2 / 0,5	1 / 0,2	2 / 0,6	3 / 1
Caryophyllaceae	-	-	2 / 0,6	3 / 1
Filipendula	47 / 11,8	22 / 5,3	11 / 3,5	6 / 2
Fabaceae	1 / 0,3	9 / 2,2	2 / 0,6	1 / 0,3
Trifolium	1 / 0,3	2 / 0,5	2 / 0,6	3 / 1
Campanulaceae	-	5 / 1,2	4 / 1,3	7 / 2,3
Malvaceae	-	-	-	-
Geraniaceae	-	4 / 1	1 / 0,3	-
Apiaceae	19 / 4,8	51 / 12,4	20 / 6,4	19 / 6,3
Balsaminaceae	-	-	-	-
Thalictrum	1 / 0,3	3 / 0,7	-	7 / 2,3
Valeriana	-	-	-	-
Cichoriaceae	17 / 4,3	8 / 1,9	3 / 1	7 / 2,3
Asteraceae	37 / 9,3	32 / 7,8	36 / 11,5	16 / 5,3
Centaurea	2 / 0,5	1 / 0,2	1 / 0,3	-
Cirsium	4 / 1	-	2 / 0,6	-

	5	6	7	8
Polemoniaceae	-	-	-	-
Polygalaceae	-	2 / 0,5	-	-
Ephrasiaceae	-	-	-	-
Lythraceae	3 / 0,8	-	1 / 0,3	-
<i>Водные</i>	-	-	-	2 / 0,7
Nymphaea	-	-	-	-
Sparganium	-	-	-	2 / 0,7
С п о р ы				
Bryales	-	-	3 / 100	2 / 66,7
Sphagnum	-	1 / 100	-	-
Equisetum	-	-	-	-
Botrychium	-	-	-	-
Lycopodium clavatum	-	-	-	-
Polypodiaceae	2 / 100	-	-	1 / 33,3
Pteridium	-	-	-	-

Систематический список	9 3,6 м зерна/%	10 3,8 м зерна/%	11 4 м зерна/%	12 4,2 м зерна/%
ОБЩИЙ СОСТАВ				
Д е р е в ь я	18 / 6,4	28 / 8,6	23 / 9	56 / 14,9
Т р а в ы	259 / 92,2	294 / 90,7	232 / 90,6	318 / 84,6
С п о р ы	4 / 1,4	2 / 0,6	1 / 0,4	2 / 0,5
Д е р е в ь я				
<i>Деревья основные</i>	11 / 61,1	21 / 75	12 / 52,2	22 / 39,3
Picea	1 / 5,6	-	-	1 / 1,8
Pinus sylvestris	1 / 5,6	3 / 10,7	-	3 / 5,4
Alnus	1 / 5,6	1 / 3,6	-	1 / 1,8
Betula sec. Albae	2 / 11,1	11 / 39,3	1 / 4,3	3 / 5,4
Corylus	-	-	1 / 4,3	-
Salix	6 / 33,3	5 / 17,9	10 / 43,5	14 / 25
Crataegus	-	-	-	-
Rhamnaceae	-	1 / 3,6	-	-

	9	10	11	12
<i>Деревья широколиственные</i>	7 / 38,9	7 / 25	11 / 47,8	34 / 60,7
Quercus	3 / 16,7	1 / 3,6	3 / 13	4 / 7,1
Ulmus	-	1 / 3,6	-	1 / 1,8
Tilia	3 / 16,7	5 / 17,9	7 / 30,4	29 / 51,8
Fraxinus	1 / 5,6	-	1 / 4,3	-
Т р а в ы				
<i>Травы основные</i>	149 / 57,5	131 / 44,6	78 / 33,6	76 / 23,9
Roaceae	135 / 52,1	104 / 35,4	72 / 31	53 / 16,7
Cyperaceae	3 / 1,2	1 / 0,3	1 / 0,4	8 / 2,5
Chenopodiaceae	-	4 / 1,4	5 / 2,2	4 / 1,3
Artemisia	11 / 4,2	22 / 7,5	-	11 / 3,5
<i>Разнотравье</i>	110 / 42,5	163 / 55,4	153 / 65,9	240 / 75,5
Liliaceae	-	-	-	1 / 0,3
Fagopirum	7 / 2,7	17 / 5,8	3 / 1,3	6 / 1,9
Polygonaceae	8 / 3,1	14 / 4,8	18 / 7,8	43 / 13,5
Polygonum	3 / 1,2	8 / 2,7	4 / 1,7	8 / 2,5
Rumex	9 / 3,5	27 / 9,2	31 / 13,4	60 / 18,9
Cannabaceae	-	6 / 2	-	-
Urticaceae	-	1 / 0,3	-	1 / 0,3
Onagraceae	-	-	-	1 / 0,3
Plantaginaceae	8 / 3,1	1 / 0,3	3 / 1,3	4 / 1,3
Brassicaceae	3 / 1,2	7 / 2,4	-	6 / 1,9
Ranunculaceae	-	-	-	-
Rosaceae	-	-	-	-
Lamiaceae	6 / 2,3	2 / 0,7	8 / 3,4	6 / 1,9
Caryophyllaceae	3 / 1,2	3 / 1	3 / 1,3	17 / 5,3
Filipendula	8 / 3,1	5 / 1,7	25 / 10,8	14 / 4,4
Fabaceae	-	-	1 / 0,4	3 / 0,9
Trifolium	-	9 / 3,1	-	-
Campanulaceae	-	3 / 1	-	-
Malvaceae	-	1 / 0,3	-	-
Geraniaceae	-	-	-	-

	9	10	11	12
Apiaceae	6 / 2,3	16 / 5,4	14 / 6	11 / 3,5
Balsaminaceae	-	-	-	1 / 0,3
Thalictrum	6 / 2,3	5 / 1,7	2 / 0,9	1 / 0,3
Valeriana	-	-	-	-
Cichoriaceae	2 / 0,8	8 / 2,7	3 / 1,3	5 / 1,6
Asteraceae	30 / 11,6	24 / 8,2	27 / 11,6	32 / 10,1
Centaurea	2 / 0,8	3 / 1	3 / 1,3	2 / 0,6
Cirsium	7 / 2,7	1 / 0,3	5 / 2,2	10 / 3,1
Polemoniaceae	-	1 / 0,3	-	-
Polygalaceae	-	-	-	-
Ephipops	-	1 / 0,3	-	-
Lythraceae	2 / 0,8	-	3 / 1,3	8 / 2,5
Водные	-	-	1 / 0,4	2 / 0,6
Nymphaea	-	-	1 / 0,4	1 / 0,3
Sparganium	-	-	-	1 / 0,3
С п о р ы				
Bryales	2 / 50	1 / 50	-	-
Sphagnum	-	-	-	2 / 100
Equisetum	-	-	-	-
Botrychium	1 / 25	-	-	-
Lycopodium clavatum	-	-	-	-
Polypodiaceae	1 / 25	1 / 50	1 / 100	-
Pteridium	-	-	-	-

Общий состав практически не отличается от предыдущего комплекса, а вот состав древесных пород в этом комплексе совсем другой. Еще раз заметим, что процентное соотношение внутри группы древесных пород весьма условное, учитывая, что общее количество пыльцы древесных пород составляет всего 28 пыльцевых зерен.

Здесь основную роль играет пыльца березы (*Betula*) (39%). Количество пыльцы широколиственных пород снижается до 25%, ивы — до 18%. В то же время немного увеличивается содержание пыльцы сосны (*Pinus*) (11%), отмечена пыльца ольхи (*Alnus*). Среди широко-

лиственных пород чаще всего встречается пыльца липы (*Tilia*), единично присутствует пыльца дуба (*Quercus*) и вяза (*Ulmus*).

В группе травянистых растений по-прежнему доминирует пыльца разнотравья (55%) при некотором увеличении пыльцы злаков (45%). Характерной чертой данного комплекса является высокое содержание пыльцы гречиши (*Fagopirum*) (6%) (см. рис. 3 ж). В отличие от пыльцы культурных злаков, пыльца гречиши в таком большом количестве встречается в образцах довольно редко.

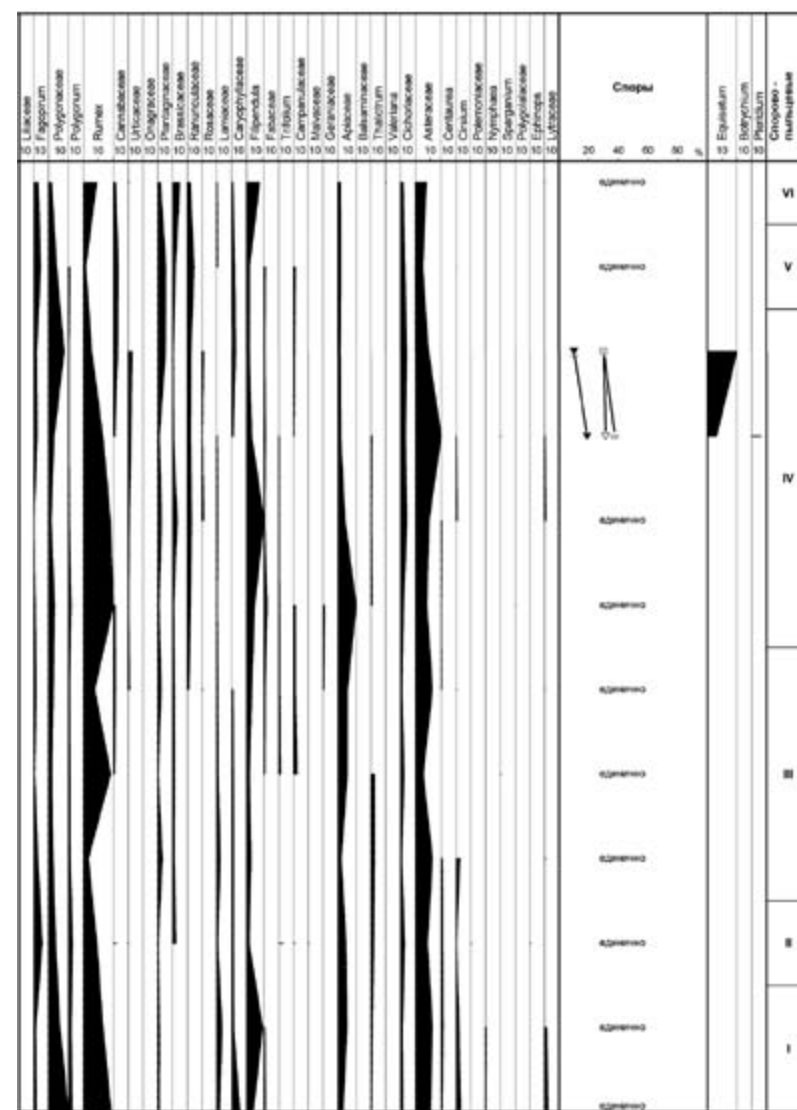
Мы не будем подробно останавливаться на составе разнотравья, поскольку его состав практически не отличается от предыдущего комплекса (см. табл.1, рис. 1). Необходимо только обратить внимание на уменьшение количества пыльцы влаголюбивого растения лабазника и на отсутствие пыльцы других влаголюбивых растений семейств лилейных, лютиковых, а также прибрежно-водных растений.

III спорово-пыльцевой комплекс (широколиственные породы с участием ивы; злаки, разнотравье) описан по образцам 7, 8, 9 с глубин 3,2; 3,4 и 3,6 м соответственно.

В общем составе, как и прежде, доминирует пыльца травянистых растений, но в 7 образце отмечается более высокий процент содержания пыльцы древесных пород (14%).

Среди древесных пород вновь на первое место выходит пыльца широколиственных пород. В их составе присутствует липа (*Tilia*), дуб (*Quercus*), ясень (*Fraxinus*). Содержание пыльцы березы (*Betula*) резко сокращается. По-прежнему часто встречается пыльца ивы (*Salix*). Кроме этого, отмечена пыльца сосны (*Pinus*), ели (*Picea*), ольхи (*Alnus*).

В составе травянистых растений отмечается увеличение количества пыльцы злаков (Poaceae), как дикорастущих, так и культурных (48–52%). Высоким остается содержание пыльцы разнотравья (43–49%). И хотя большой процент составляет пыльца различных сорных растений (шавель, горец, подорожник, представители семейств астровых, цикориевых), мезофильное разнотравье по-прежнему представлено очень широко. Интересно отметить появление пыльцы семейства коноплевых (Cannabaceae) (хмель или конопля). В дальнейшем, хоть и в небольших количествах, она присутствует практически во всех образцах, причем в некоторых образцах встречаются довольно крупные пыльцевые зерна (возможно культурные формы). По-прежнему присутствует пыльца гречиши (*Fagopirum*), но уже в меньших количествах.

Условные обозначения к спорово-пыльцевым диаграммам:

Древесные породы:

- ▲ *Abies* (пихта)
- △ *Picea* (ель)
- *Pinus* (сосна)
- } *Pinus sibirica*
- } (сосна сибирская)
- *Betula* (береза)
- *Alnus* (ольха)
- ⊕ *Salix* (ива)
- ▲ *Carpinus* (граб)
- Сумма пыльцы широколиственных пород

Травянистые растения:

- } *Poaceae* (злаки)
- }
- *Cyperaceae* (осоки)
- × *Chenopodiaceae* (маревые)
- ⊗ *Ericaceae* (вересковые)
- ⊕ *Artemisia* (полыни)
- ⊗ Сумма пыльцы разнотравья

Споры:

- ▽ *Bryales* (зеленые мхи)
- ▼ *Sphagnum* (сфагновые мхи)
- ◡ *Polypodiaceae* (многоножки)
- ◼ } *Lycopodium* (плауны)
- ◼ }

IV спорово-пыльцевой комплекс (широколиственные породы с участием сосны; разнотравье, злаки) описан по образцам 3, 4, 5, 6 с глубин 2,4; 2,6; 2,8 и 3 м соответственно.

В общем составе в низах комплекса содержание пыльцы древесных пород ничтожно мало (самое низкое по всему разрезу — около 3%). В верхах комплекса оно составляет средние величины по разрезу — 8–11%. По-прежнему доминирует пыльца травянистых растений — 85–97%.

В группе древесных пород, как и ранее, больше всего пыльцы широколиственных пород. Общий характер состава группы мало отличается от предыдущего комплекса.

Среди травянистых растений можно отметить увеличение роли мезофильного разнотравья (53–67%), характеризующегося большим систематическим разнообразием, несмотря на то что в его составе значительный процент приходится на пыльцу сорных растений, прежде всего семейства астровых (*Asteraceae*) (8–17%) и щавеля (*Rumex*) (до 20%). Высокое содержание пыльцы злаков (*Poaceae*) (32–42%). Присутствует пыльца гречиши (*Fagopirum*). Единично отмечена пыльца прибрежно-водного растения ежеголовника (*Sparganium*).

V спорово-пыльцевой комплекс (береза, ива с участием широколиственных пород; разнотравье, злаки) описан по образцу 2 с глубины 2,2 м.

В общем составе сохраняется картина, характерная для всего разреза. Содержание древесных пород составляет около 9%, трав почти 90%.

Среди древесных пород начинает преобладать пыльца березы (*Betula*) (31%) и возрастает содержание пыльцы ивы (*Salix*) (31%). Содержание пыльцы широколиственных пород сокращается до 23%.

В группе травянистых растений количество пыльцы разнотравья уменьшается до 45%. Столько же приходится на пыльцу злаков (*Poaceae*). Характерной чертой данного комплекса, как и спорово-пыльцевого комплекса II, является высокое содержание пыльцы гречиши (*Fagopirum*) (5%). В целом характер разнотравья не меняется, можно только отметить, что уменьшается содержание пыльцы гречишных (*Polygonaceae*) в целом, в том числе и щавеля (*Rumex*). Несколько возрастает содержание пыльцы полыней (*Artemisia*) (5%) и пыльцы растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*).

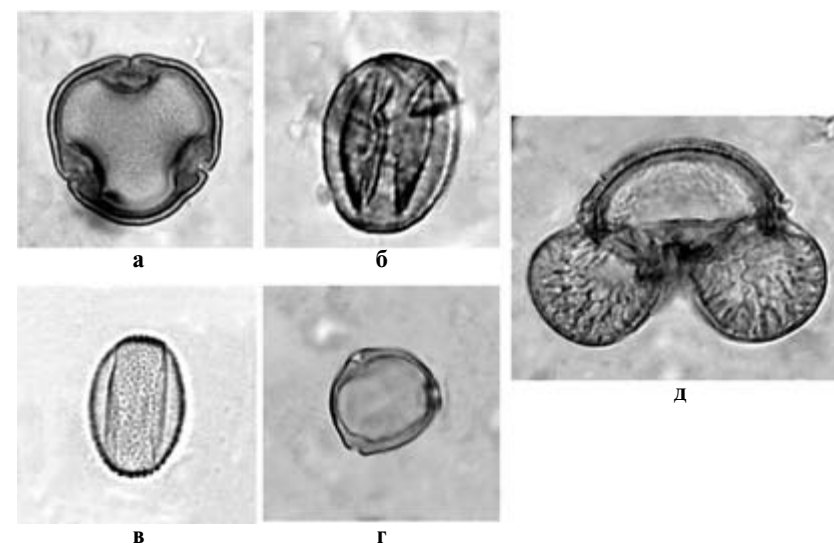

Рис. 2. Микрофотографии пыльцы древесных пород, встреченной в образцах из культурного слоя (увеличение в 400 раз): а) липа (*Tilia*); б) дуб (*Quercus*); в) ива (*Salix*); г) береза (*Betula*); д) сосна (*Pinus*).

VI спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием широколиственных пород и ивы; разнотравье, злаки) описан по образцу 1 с глубины 2,0 м.

В общем составе характер распределения пыльцы по группам не меняется.

Среди древесных пород доминирует пыльца сосны (*Pinus*) (41%). Пыльца березы (*Betula*) вообще не встречена в спектре комплекса. Сокращается содержание пыльцы ивы и появляется пыльца лещины (*Corylus*). Значение широколиственных пород существенно не меняется.

Среди трав количество пыльцы злаков (*Poaceae*) и разнотравья почти равное — 44 и 47% соответственно. Состав разнотравья немного обедняется, хотя в целом существенно не меняется. Чаше встречается пыльца крестоцветных (*Brassicaceae*), лабазника (*Filipendula*), щавеля (*Rumex*). Содержание пыльцы гречихи немного сокращается. Больше становится пыльцы растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (около 6%).

Как видно из диаграммы и описания спорово-пыльцевых комплексов, для изученного временного отрезка была свойственна однородность растительных сообществ. По-видимому, климатические условия мало менялись, а незначительные изменения в растительном покрове были связаны с колебаниями увлажнения и с деятельностью человека. Только в последнем комплексе (VI спорово-пыльцевой комплекс) намечаются изменения, видимо связанные с начинающимся похолоданием климата.

В целом описанные спектры характеризуют растительность приречной территории, расположенной на пойме и речных террасах. Здесь преобладала типичная растительность заливных лугов с большим количеством злаков и богатым разнотравьем. Можно предположить, что обширные разнотравно-злаковые луга использовались под пастбища и сенокосы. Большое количество пыльцы культурных злаков и присутствие сегетальных сорняков свидетельствует о наличии вблизи пашенных угодий. Около строений, вдоль тропинок и дорог росли различные сорные растения: крапива, подорожник, горец, бодяк. Из деревьев, скорее всего по берегам реки, в большом количестве произрастала ива. Липа, дуб, ясень могли в небольшом количестве расти на территории самого Кремля или/и входить в состав небольших лесных участков, расположенных на некотором удалении от него.

Интересным моментом является присутствие в образцах 10, 4 и 2 большого количества пыльцы гречихи (особенно в образце 10 —

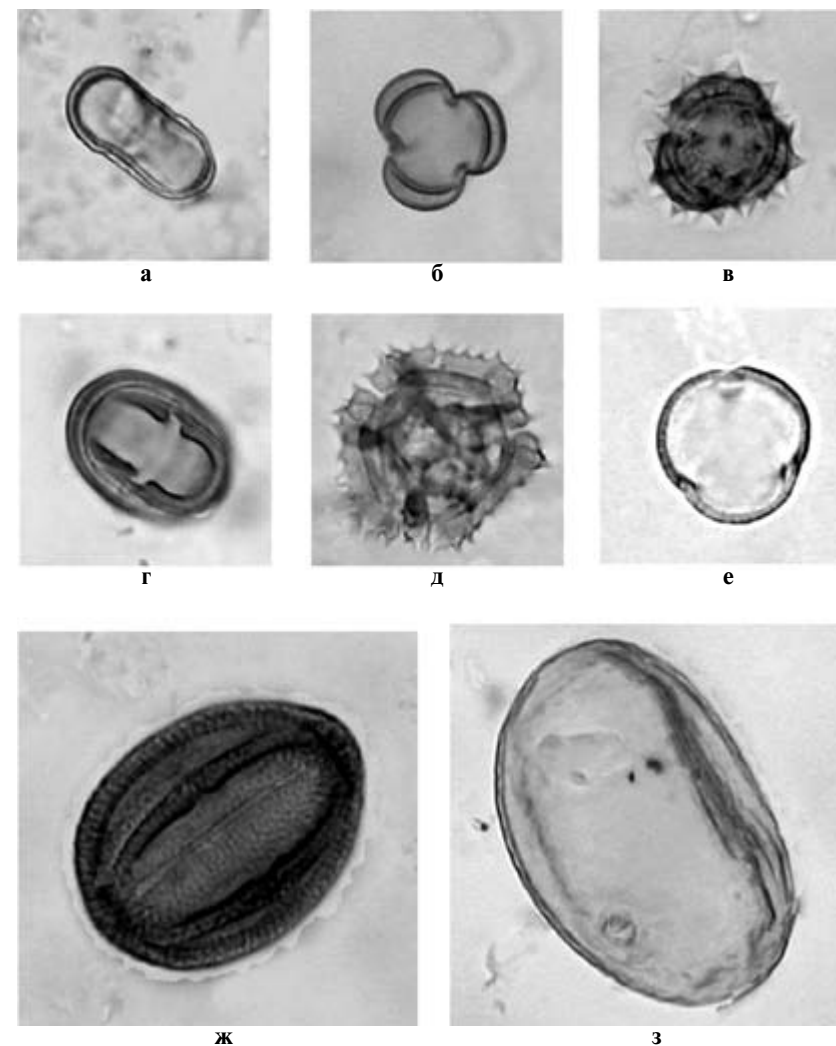

Рис. 3. Микрофотографии пыльцы травянистых растений, встреченной в образцах из культурного слоя (увеличение в 400 раз): а) семейство зонтичных (*Apiaceae*); б) полынь (*Artemisia*); в) семейство астровых (*Asteraceae*); г) клевер (*Trifolium*); д) семейство цикориевых (*Cichoriaceae*); е) щавель (*Rumex*); ж) гречиха (*Fagopirum*); з) злаки (*Poaceae*).

спорово-пыльцевой комплекс II), что встречается в нашей практике очень редко.

Основываясь на большом количестве пыльцы гречи, можно говорить о теплых и умеренно влажных условиях этого этапа. Гречиха является довольно «капризной» культурой, требующей для роста определенных условий.

Гречиха — теплолюбивая культура короткого вегетационного периода. Основные виды и сорта гречи относительно требовательны к теплу и влаге.

Семена прорастают при 7–8°C и во влажной почве, а дружные, одновременные всходы появляются при 15–22°C. Заморозки в -1...-2°C в течение 4–6 часов, во все периоды роста, повреждают растения, а до -2...-2,5°C — часто приводят к гибели. Отрицательно влияют на цветение и плодообразование температуры ниже биологического минимума (12–14°C), туманы, продолжительные дожди и сильные ветра, нарушающие нормальный процесс опыления, оплодотворения и образования семян. При выходе температуры из интервала 12–25°C гречиха плохо растет. При прогревании воздуха выше 30°C и относительной влажности ниже 30°C — резко ухудшаются условия опыления и оплодотворения из-за малого выделения нектара и его высыхания. При температуре более 30°C в тени и 50°C на поверхности почвы наблюдается отмирание и усыхание многих бутонов, цветков и сформированной завязи.

Гречиха — очень влаголюбивая культура, особенно чувствительна к недостатку влаги в период цветения и образования плодов. Оптимальные условия в критический период развития гречи (от начала цветения до созревания) — теплая (16–18°C) и влажная (более 50% относительная влажность) погода, при которой формируется наибольший урожай. Таким образом, наиболее высокая урожайность у гречи отмечается в теплые и умеренно влажные годы (<http://agrofuture.ru/grechixa.html>).

О менее влажных условиях этого этапа (спорово-пыльцевой комплекс II) говорит также уменьшение количества пыльцы влаголюбивого растения лабазника и отсутствие пыльцы других влаголюбивых растений семейств лилейных, лютиковых, а также прибрежно-водных растений.

Для следующего этапа (спорово-пыльцевой комплекс III) характерно большое количество пыльцы злаков, как дикорастущих, так и культурных, что, вероятно, связано с расширением пахотных угодий.

Такая же картина наблюдается и на двух последних этапах (V, VI спорово-пыльцевые комплексы). В это же время отмечается существенное уменьшение доли широколиственных лесов. Им на смену приходят сначала березовые, а затем и сосновые леса, что, скорее всего, связано с начавшимся похолоданием климата.

Литература

Кочанова М.Д., Алешинская А.С., Спиридонова Е.А., 2005. Новое программное обеспечение для обработки данных спорово-пыльцевого анализа // Материалы XI Всероссийской палинологической конференции «Палинология: теория и практика». М.

Кочанова М.Д., Алешинская А.С., Спиридонова Е.А., 2011. Результаты палинологических исследований на территории Переяславль-Рязанского Кремля // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Рязань. Вып. 1.

Е.А. Спиридонова, А.С. Алешинская, М.Д. Кочанова

РЕЗУЛЬТАТЫ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА ОБРАЗЦОВ ИЗ ШУРФА 3 (2009 г.) НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРЕЯСЛАВЛЬ-РЯЗАНСКОГО КРЕМЛЯ

На территории Переяславль-Рязанского кремля палинологическим методом был исследован шурф 3 (2009 г.), заложенный у подножия вала с внутренней стороны. Шурф, мощностью около 4 м, вскрыл разные по литологическому составу слои, вмещающие отложения, накопившиеся за значительный отрезок времени эпохи средневековья. Из культурного слоя раскопа было последовательно отобрано и проанализировано 33 образца.

Исследования проводились на микроскопе Motic BA-300 при четырехсоткратном увеличении. В препаратах определялись и подсчитывались все встреченные пыльцевые зерна и споры. Подсчет велся по трем группам: древесные и кустарниковые породы, травянистые и кустарничковые растения, споры. Большинство образцов содержало достаточное для статистической обработки количество пыльцы и спор. Исключение составляют образцы из насыпного слоя, где в песчаных прослойках пыльцы и спор было очень мало (обр. 17, 22, 24).

Статистическая обработка полученных данных, составление ведомостей и построение диаграмм проводилось с применением специальной программы FLORA, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Кочанова и др., 2005).

В результате проведенного анализа, по исследованному разрезу было выделено девять спорово-пыльцевых комплексов (рис. 1), которые следуют снизу вверх. В спорово-пыльцевой комплекс объединялись образцы, которые имеют близкий качественный и количественный состав доминирующих форм.

I спорово-пыльцевой комплекс (береза с участием сосны) охарактеризован по образцу 33 с глубины 3,9 м. В образце присутствует зола и кусочки истлевшей древесины.

В общем составе доля пыльцы древесных пород и травянистых растений не особенно сильно отличается: древесных пород – 39%, трав – 45%. На споры приходится 16% (рис. 1).

В группе древесных пород больше всего пыльцы березы (*Betula*) (55%), также довольно много пыльцы сосны (*Pinus*) (27%). Помимо этого встречена пыльца ольхи (*Alnus*) (11%), ели (*Picea*) (5%) и еди-

нично ивы (*Salix*). Широколиственные породы представлены единичными пыльцевыми зернами дуба (*Quercus*), липы (*Tilia*) и вяза (*Ulmus*).

Среди травянистых растений чаще всего встречается пыльца злаков (Poaceae) (43%) (в том числе присутствуют культурные формы) и разнотравья (45%), особенно семейства сложноцветных (Compositae) (36%). Помимо этого в составе разнотравья единично и в небольших количествах встречена пыльца растений семейств гречишных (Polygonaceae), крапивных (Urticaceae), крестоцветных (Brassicaceae), кипрейных (Onagraceae), гвоздичных (Caryophyllaceae), лютиковых (Ranunculaceae) и зонтичных (Apiaceae). Осоки (Cyperaceae) встречены в небольшом количестве (около 3%). Также немного пыльцы полыней (*Artemisia*) (3%) и чуть больше пыльцы растений семейства маревых (Chenopodiaceae) (6%).

Споровые растения представлены преимущественно папоротниками семейства многожковые (Polypodiaceae) (60%), в том числе папоротником орляк (*Pteridium*). 36% приходится на споры зеленых мхов (*Bryales*). Единично отмечены споры плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*).

Исходя из особенностей спектра, в это время растительный покров и почвы вокруг изучаемой территории уже подвергались воздействию хозяйственной деятельности человека. Наряду с широким распространением сосново-березовых лесов присутствуют открытые пространства, на которых в составе травянистого покрова отмечается высокое содержание злаков, в том числе встречены и культурные формы. Это свидетельствует о наличии земледелия, что подтверждается присутствием специфических сорняков. К их числу можно отнести такие растения, как крапива, горец и другие гречишные, кипрейные. Также отмечен высокий процент участия в травостое представителей семейства сложноцветных, что часто свидетельствует о нарушении почвенного покрова. Возможно, что большое количество березы также связано с хозяйственной деятельностью человека, а именно с вырубкой коренных лесов, на месте которых появлялись вторичные березовые леса.

II спорово-пыльцевой комплекс (сосна с небольшим участием березы) охарактеризован по образцу 32 с глубины 3,5 м. В образце встречено много золы и единично спикеры губок. От предыдущего и последующего комплексов отделен перерывом.

В общем составе по сравнению с предыдущим комплексом существенно возрастает роль пыльцы древесных пород (66%), значение

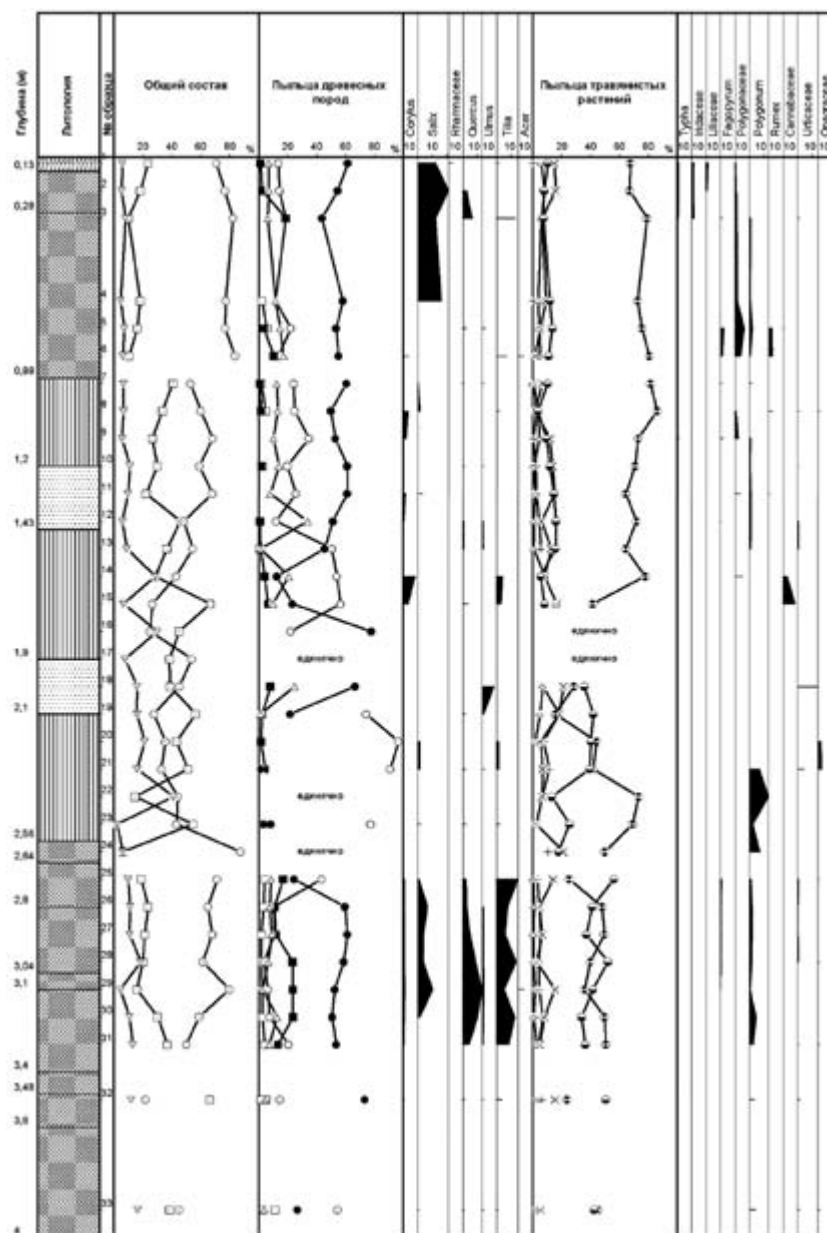

Рис. 1. Спорово-пыльцевая диаграмма по шурфу 3 на территории Переяславль-Рязанского кремля.

Условные обозначения к спорово-пыльцевым диаграммам:

Общий состав: □ Сумма пыльцы древесных пород
 ○ Сумма пыльцы травянистых растений
 ▽ Сумма спор высших споровых растений

Древесные породы:

▲ *Abies* (пихта)
 △ *Picea* (ель)
 ● *Pinus* (сосна)
 ○ } *Pinus sibirica*
 ● } (сосна сибирская)
 ○ *Betula* (береза)
 □ *Alnus* (ольха)
 ⊕ *Salix* (ива)
 ▲ *Carpinus* (граб)
 ■ Сумма пыльцы широколиственных пород

Травянистые растения:

○ } *Poaceae* (злаки)
 ○ }
 ○ *Cyperaceae* (осоки)
 × *Chenopodiaceae* (маревые)
 ⊗ *Ericaceae* (вересковые)
 + *Artemisia* (полыни)
 ⊗ Сумма пыльцы разнотравья

Споры:

▽ *Bryales* (зеленые мхи)
 ▼ *Sphagnum* (сфагновые мхи)
 ⌒ *Polypodiaceae* (многоножки)
 ▢ } *Lycopodium* (плауны)
 ▢ }

пыльцы травянистых растений сокращается до 22%, на споры приходится 12%.

Среди древесных пород преобладает пыльца сосны (*Pinus*) (73%), на втором месте оказывается береза (*Betula*) (15%). Также отмечена пыльца ели (*Picea*) (5%) и в небольших количествах пыльца ольхи (*Alnus*) и лещины (*Corylus*). Широколиственных пород немного (около 5%). Они представлены преимущественно пыльцой липы (*Tilia*) и единично дуба (*Quercus*) и вяза (*Ulmus*).

В группе травянистых растений при общем сокращении их общего количества на первом месте по-прежнему остается пыльца злаков (*Poaceae*) (51%). Возрастает содержание пыльцы семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (16%), а разнотравья становится меньше (24%). Состав разнотравья также становится менее разнообразным. Оно представлено пыльцой семейства сложноцветных (*Compositae*) (16%) и

единичными пыльцевыми зернами из семейств гречишных (*Polygonaceae*), коноплевых (*Cannabaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*) и зонтичных (*Ariaceae*).

В составе споровых растений также происходят изменения. Роль зеленых мхов (*Bryales*) возрастает до 56%, на папоротники семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) приходится 32%. Единично встречаются споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) и плаунов (*Lycopodium*).

Подобный состав спектров характеризует господство сосновых лесов на данной территории. Возможно, местами они носили разреженный характер, где в их состав входила береза и реже широколиственные породы. Редко встречалась ель, а на более влажных участках произрастала ольха. Площади, использовавшиеся под земледелие, судя по всему, сократились. Данный комплекс характеризует достаточно прохладные климатические условия, которые могли наблюдаться предположительно в XI веке.

Следующий комплекс отделен от нижележащего значительным перерывом во времени. Судя по составу спектров, выше мы фиксируем самый конец средневекового климатического оптимума, т.е. вторую половину — конец XIII века. Наиболее теплый этап, приходящийся на XII век, в данном шурфе отсутствует. Возможно, что слои данного периода были уничтожены во время сооружения вала.

III спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием березы и широколиственных пород; разнотравье) описан по образцу 31 с глубины 3,3 м. От предыдущего комплекса отделен перерывом.

В общем составе наблюдается существенное сокращение роли пыльцы древесных пород (37%) и возрастание значения пыльцы травянистых растений (50%). Споры составляют 13%.

В группе древесных пород, как и в предыдущем комплексе, больше всего пыльцы сосны (*Pinus*), ее содержание сокращается до 54%, несколько больше становится березы (*Betula*) (20%) и ели (*Picea*) (около 8%) и возрастает значение широколиственных пород (13%). Широколиственные породы представлены липой (*Tilia*) (9%), дубом (*Quercus*) (4%) и единично вязом (*Ulmus*). Помимо этого отмечена пыльца ольхи (*Alnus*) (4%) и единично лещины (*Corylus*).

Пыльцы травянистых растений в этом комплексе становится больше, увеличивается роль разнотравья (51%), при этом оно становится более разнообразным, по сравнению с предыдущим комплексом, хотя и представлено преимущественно пыльцой сложноцветных (*Compositae*) (31%). В состав разнотравья также входит встречающаяся в небольшом количестве или единично пыльца семейств гречишных

(Polygonaceae), крапивных (Urticaceae), кипрейных (Onagraceae), крестоцветных (Brassicaceae), гвоздичных (Caryophyllaceae), лютиковых (Ranunculaceae), яснотковых (Lamiaceae), бобовых (Fabaceae), зонтичных (Apiaceae), родов подорожника (*Plantago*) и валерианы (*Valeriana*). Другой количественно значимой в комплексе группой являются злаки (Poaceae), пыльца которых составляет 37% (в том числе и культурные формы). Пыльца растений семейства маревых (Chenopodiaceae) и рода полыней (*Artemisia*) встречается в количестве 5%, осок (Cyperaceae) — 3%.

Споровые растения представлены преимущественно зелеными мхами (*Bryales*) (48%) и папоротниками семейства многоножковых (Polypodiaceae) (в том числе папоротником орляк (*Pteridium*) — 32%). Спор сфагновых мхов (*Sphagnum*) — 15%. В небольших количествах отмечены споры плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*).

Начиная с этого комплекса, происходит постепенное увеличение роли травянистых в общем составе, а среди древесных пород наблюдается увеличение роли широколиственных пород.

Особенности состава спектра говорят об изменении характера растительного покрова данной территории. По-видимому, этому способствовала не только хозяйственная деятельность человека, но и в значительной степени потепление климата. Это в первую очередь отразилось на уменьшении площадей занятых лесом. Стало больше лугов и площадей, занятых под земледелие.

IV спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием широколиственных пород; разнотравье и злаки) описан по образцам 28, 29, 30 с глубин 3; 3,1 и 3,2 м соответственно. Во всех образцах встречаются фрагменты обугленной или истлевшей древесины, в некоторых присутствуют фунги.

В общем составе доминирует пыльца травянистых растений (59–80%), количество пыльцы древесных пород к верхам комплекса сокращается от 30 до 20%, на споры приходится от 4 до 19%.

Среди древесных пород по-прежнему больше всего пыльцы сосны (*Pinus*) (51–59%). По-видимому, из-за более теплых климатических условий пыльца сосны имеет меньшие размеры, встречается пыльца с плохо развитыми мешками. На второе место выходят широколиственные породы, содержание пыльцы которых в этом комплексе самое высокое по разрезу. В составе широколиственных пород отмечается высокое содержание пыльцы дуба (*Quercus*) — 9–13% и липы (*Tilia*) (5–14%), также встречается пыльца вяза (*Ulmus*) и клена (*Acer*). В составе спектра присутствует пыльца ели (*Picea*) (7–13%). Пыльцы березы (*Betula*) стало существенно меньше, ее количество составляет

только 4–7%, в небольших количествах встречается пыльца ивы (*Salix*) (за исключением средней части комплекса (обр. 29) — 10%), единично ольхи (*Alnus*) и лещины (*Corylus*).

В группе травянистых растений много пыльцы злаков (Poaceae) (34–52%), как дикорастущих, так и культурных, и разнотравья (36–50%). Состав травянистых растений близок к предыдущему комплексу.

В низах и верхах комплекса преобладают споры зеленых мхов (*Bryales*) (40–50%), содержание спор папоротников семейства многоножковых (Polypodiaceae) составляет 35–36%, присутствуют споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) (15–20%). В средней части комплекса содержание спор заметно сокращается.

Судя по общему составу спектров, в это время произошло сокращение массивов леса и особенно смешанных лесов. Стали преобладать формации широколиственных пород. Именно в этот отрезок времени наблюдаются наиболее теплые климатические условия. Ландшафт территории стал более открытым, возросли площади лугов и пахотных угодий.

Последующий V комплекс фиксирует уже более прохладные климатические условия.

V спорово-пыльцевой комплекс (сосна с небольшим участием березы и широколиственных пород) описан по образцам 26 и 27 с глубин 2,8 и 2,9 м соответственно. В образцах присутствует зола и остатки древесины.

В общем составе преобладает пыльца травянистых растений (65–68%), пыльца древесных пород составляет 21–24%, на споры приходится около 11%.

В группе древесных пород по-прежнему больше всего пыльцы сосны (*Pinus*) (60–61%), но сокращается роль широколиственных пород (11–12%) и возрастает роль пыльцы березы (*Betula*) (10–11%). Широколиственные породы представлены преимущественно пыльцой липы (*Tilia*) (6–8%), также присутствует дуб (*Quercus*) (3–5%) и единично вяз (*Ulmus*). Содержание пыльцы ели (*Picea*) составляет 8–9%. Единично или в небольших количествах встречается пыльца ольхи (*Alnus*), ивы (*Salix*) и лещины (*Corylus*).

Общий характер состава травянистых растений мало отличается от предыдущего комплекса.

Среди спор доминируют споры зеленых мхов (*Bryales*) (56–59%), много спор папоротников семейства многоножковых (Polypodiaceae) (около 33%) (в том числе папоротника орляка (*Pteridium*)). В небольших количествах отмечены споры плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*), уховника (*Ophioglossum*) и сфагновых мхов (*Sphagnum*).

Исходя из данных анализа, условия внешней среды, которые отражает этот комплекс, связаны с похолоданием климата. На это указывает сокращение лесных формаций, составленных широколиственными породами. Возрастает роль сосновых лесов, стало больше мезофильного разнотравья. Хозяйственная деятельность на поселении продолжается, так как сохраняются ее основные индикаторы. Присутствуют культурные формы злаков и различные сорные растения.

VI спорово-пыльцевой комплекс (береза, с участием сосны; злаки) описан по образцу 25 с глубины 2,7 м. В образце присутствует зола и остатки древесины.

В общем составе сохраняется пропорция, характерная для предыдущего комплекса: преобладает пыльца травянистых растений (71%), пыльца древесных пород составляет 19%, на споры приходится около 10%.

Среди древесных пород картина меняется: начинает преобладать пыльца березы (*Betula*) (44%) и сокращается содержание пыльцы сосны (*Pinus*) (25%). Увеличивается содержание пыльцы широколиственных пород (17%), представленных преимущественно липой (*Tilia*) (15%) и незначительно дубом (*Quercus*) (2%). Практически исчезает пыльца ивы (*Salix*) (1%). Содержание пыльцы ели (*Picea*) составляет около 9%. В небольших количествах встречена пыльца ольхи (*Alnus*) и единично лещины (*Corylus*).

В группе травянистых растений количество пыльцы разнотравья несколько сокращается — до 25%. Характер разнотравья в целом не меняется. На пыльцу злаков (*Poaceae*) приходится 56%, это самый высокий процент содержания во всем разрезе. Возрастает содержание пыльцы растений семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (14%). Количество пыльцы рода полыней (*Artemisia*) составляет 5%.

Состав споровых близок к предыдущему комплексу.

По своим особенностям данный этап во многом повторяет предыдущий. Однако увеличение роли березы не позволяет их объединить в один комплекс. По-видимому, увеличение роли березы связано с возрастанием количества вторичных березовых лесов на месте вырубок. Возможно, этот процесс шел быстрее и из-за более сухих климатических условий. Также надо отметить заметное увеличение в спектрах содержания злаков, среди которых много культурных форм, причем иногда присутствующих в больших скоплениях. Это наблюдение можно расценивать как показатель увеличения роли земледелия.

В описанных III–VI спорово-пыльцевых комплексах отчетливо прослеживаются изменения природных условий от более прохлад-

ных к максимально теплым и снова к более прохладным. Похожие условия фиксируются в верхах раскопа 27 в Старой Рязани, датированные второй половиной XIII века (Спиридонова и др., 2008).

VII спорово-пыльцевой комплекс выделяется по образцам с 12 по 24 с глубин от 1,4 до 2,6 м. Комплекс выделен формально, так как толщи, вмещающие его, представляют собой насыпь оборонительного крепостного вала, имеющие разный литологический состав и вмещающих различные спорово-пыльцевые спектры. Отдельные образцы содержат совсем малое количество спор и пыльцы, что не дает возможности для их статистической обработки (обр. 17, 22, 24). Вместе с тем в образцах 19–21, 12–15 пыльцы и спор достаточно количество. Сохранность форм очень разная, а количественный и качественный состав всех проб неоднократно менялся, что исключает закономерное изменение состава спектров, необходимое для экологического восстановления окружающей среды.

VIII спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием березы; разнотравье) выделяется по образцам с 7 по 11 с глубин от 0,9 до 1,3 м.

В общем составе больше всего пыльцы травянистых растений (53–68%), но роль пыльцы древесных пород тоже довольно значительна (27–41%). На споры приходится от 6 до 11%.

В группе древесных пород больше всего пыльцы сосны (*Pinus*) (50–61%), на втором месте стоит пыльца березы (*Betula*) (20–35%), довольно много пыльцы ели (*Picea*) (8–14%). Единично или в небольших количествах отмечена пыльца ольхи (*Alnus*), лещины (*Corylus*), ивы (*Salix*) и широколиственных пород.

Травянистые растения представлены в основном пылью разнотравья, которая, безусловно, доминирует в этом комплексе — 65–86%. Состав разнотравья нельзя назвать очень разнообразным, доля пыльцы семейства сложноцветных (*Compositae*) в нем составляет от 55 до 78%. В небольших количествах и единично встречена пыльца растений из семейств гречишных (*Polygonaceae*), крапивных (*Urticaceae*), кипрейных (*Onagraceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), бобовых (*Fabaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), рода василистника (*Thalictrum*) и рогоза (*Typha*). Содержание пыльцы злаков (*Poaceae*) составляет от 4 до 15%, представителей семейства маревых (*Chenopodiaceae*) — до 15%. Содержание пыльцы рода полыней (*Artemisia*) и осок (*Scrophulariaceae*) доходит до 4–5%. Среди злаков присутствуют культурные формы.

Среди спор много зеленых мхов (*Bryales*) (до 63%), на втором месте папоротники семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (до 40%).

Единично отмечены споры плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*), гроздовника (*Botrychium*) и сфагновых мхов (*Sphagnum*).

Следуя характеру изменения спектров, можно говорить о том, что по сравнению со всеми предыдущими спорово-пыльцевыми комплексами ландшафтная обстановка в округе Кремля существенно изменилась. Увеличилась роль леса, в составе которого помимо сосны появляется ель. Влияние человека на природную среду, по-видимому, стало существенно меньше. Это проявилось как в увеличении роли древесных пород в общем составе спектров, так и в уменьшении количества пыльцы злаков в составе травянистых растений, что может свидетельствовать о сокращении пахотных угодий. На это же указывает и возросшая роль сорных растений из семейства сложноцветных. Судя по всему, это был самый холодный период по сравнению со всеми изученными в данном разрезе. Вероятно, что он приходится на один из этапов малого ледникового периода, скорее всего на XVI век.

IX спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием березы, ели и широколиственных пород; разнотравье) выделяется по образцам с 1 по 6 с глубин от 0,1 до 0,8 м. От предыдущего комплекса отделен переывом.

В общем составе абсолютно доминирует пыльца травянистых растений (77–84%), количество пыльцы древесных пород сокращается до 10–23%, на споры приходится только 5–8%.

Характер распределения пыльцы в группе древесных пород несколько меняется по сравнению с предыдущим комплексом. При общем сокращении количества пыльцы древесных пород можно отметить, что процентное содержание пыльцы сосны (*Pinus*) и березы (*Betula*) немного снижается, а роль широколиственных пород становится больше и в некоторых образцах (обр. 3 и 6) имеет существенное значение, достигая 10–19%. Состав широколиственных пород тоже становится более разнообразным, включая в себя пыльцу липы (*Tilia*), дуба (*Quercus*), вяза (*Ulmus*) и клена (*Acer*). Несколько возрастает и процент содержания пыльцы ели (*Picea*) (6–22%). Необходимо отметить, что с середины комплекса и до верхов отмечается существенное увеличение содержания пыльцы ивы (*Salix*) — 12–21%.

Роль пыльцы травянистых растений в комплексе становится больше, в их составе отчетливо преобладает разнотравье (67–81%), в составе которого по-прежнему больше всего пыльцы семейства сложноцветных (*Compositae*) (54–69%). Характер разнотравья несколько меняется к верхам комплекса, появляется пыльца рогоза (*Typha*), семейств ирисовых (*Iridaceae*), лилейных (*Liliaceae*). В спектре

комплекса также отмечается присутствие пыльцы водных растений, таких как ряска (*Lemna*), кувшинка (*Nymphaea*), кубышка (*Nyphar*) и представителей семейства ситниковых (*Juncaginaceae*). Содержание пыльцы злаков (*Poaceae*) колеблется от 8 до 14%. На пыльцу семейства маревых (*Chenopodiaceae*) приходится от 5 до 15%. В небольших количествах отмечена пыльца полыней (*Artemisia*). По сравнению с предыдущим комплексом, особенно к верхам, возрастает роль пыльцы осок (*Suregaceae*), которая в среднем составляет 6–8%.

В группе споровых растений характер спектра также меняется. Значение спор зеленых мхов (*Bryales*) сокращается до 10–50%, существенно больше становится спор сфагновых мхов (*Sphagnum*) (25–39%). В низах и середине комплекса встречено много спор плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (18–36%). Количество спор папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) сокращается до 10–23%. Единично отмечается пыльца уховника (*Ophioglossum*), гроздовника (*Botrychium*) и хвоща (*Equisetum*).

Все изменения в спектрах этого комплекса свидетельствуют о перерыве в осадконакоплении толщ, вмещающих VIII и IX комплексы. Изменения в ландшафте территории могли происходить естественным путем или быть связанными с обустройством территории вокруг Кремля. Высокое содержание сорных растений и малое количество злаков говорит об отсутствии или небольших объемах земледелия.

Отличительной чертой данного комплекса является присутствие пыльцы различных водных и прибрежно-водных растений (ряска, кубышка, кувшинка), что свидетельствует о наличии поблизости водоема со стоячей или медленно текущей водой (например, пруда).

По составу спорово-пыльцевых спектров данный комплекс можно сопоставить с верхним комплексом из разреза на Житном раскопе, который относится к XVII веку.

Литература

Кочанова М.Д., Алешинская А.С., Спиридонова Е.А., 2005. Новое программное обеспечение для обработки данных спорово-пыльцевого анализа // Материалы XI Всероссийской палинологической конференции «Палинология: теория и практика». М.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д., 2008. Естественные и антропогенные изменения природного комплекса лесной зоны Русской равнины в средневековье. М.

А.А. Гольева

ПОЧВЕННЫЕ И МИКРОБИОМОРФНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРЕЯСЛАВЛЕ РЯЗАНСКОМ (ЖИТНЫЙ РАСКОП, 2009 г.)

Проведение археологических работ в современное время часто сопровождается естественнонаучными исследованиями, что позволяет получать новые знания об особенностях бытования различных культур, динамике и направленности изменения исходных ландшафтов. Спектр этих исследований достаточно широк, но в данной работе рассмотрены результаты двух независимых методов — содержание валового фосфора и микробиоморфный анализ.

Цель исследования: выявление специфики различных по функциональному использованию участков древнего города.

Объектами исследования были три стенки Житного раскопа (Рязань, Кремль), имевшие в прошлом, согласно результатам раскопок, разное функциональное назначение: «Улица», «Мастерская» и «Жилище» (рис. 1). Полевые работы (морфологический анализ стенок раскопа и отбор проб) проводились в 2009 году.

Для проведения запланированных исследований были отобраны серии образцов вертикальными колонками из слоев, различающихся по цвету, плотности, степени сохранности органического материала и т.п. Всего был изучен 31 образец: 26 из объекта «Улица», 11 из объекта «Мастерская» и четыре из объекта «Жилище». В последнем случае все пробы отбирались из слоев, расположенных под жилищем.

Содержание валового фосфора определено во всех пробах. Данный химический элемент относится к биофильным, и его повышенные значения четко коррелируют с интенсивным антропогенным воздействием. Максимальное количество валового фосфора в поверхностных горизонтах зональных почв не превышает 0,21%. Все количественные данные выше этой цифры указывают на искусственный генезис образца (слоя), т.е. на культурный слой. Высокая устойчивость (нерастворимость) солей фосфора с органическим веществом, а также железом, кальцием, алюминием обеспечивает сохранность накопленного фосфора в культурных слоях древних поселений, что, в свою очередь, позволяет использовать данный элемент в качестве индикатора и показателя интенсивности антропогенеза в прошлом. Количественные значения валового фосфора в образцах показаны в таблице 1. Информационное значение количественных данных дано при описании каждого изучаемого объекта.

Микробиоморфный анализ проводился не во всех образцах. Так, если изучаемая стенка раскопа представляла собой однородную толщу без четко выделяемых слоев, то «шаг» отбора образцов на микробиоморфный анализ был не 10 см, как для фосфора, а 20, например объект «Мастерская». Так же не имело смысла брать образцы, где слой характеризовался практически полной сохранностью органической составляющей (древесина, солома и пр.), как в объектах «Улица» и «Жилище». Всего для микробиоморфного анализа отобрано 17 образцов.

Микробиоморфный анализ представляет собой исследование остатков биоты микроскопической размерности, имеющих характерную морфологию — фитолитов, спикул губок, диатомовых водорослей, детрита и пр. При комплексном подходе учитывается информационная роль каждого из них. Таким образом, микробиоморфный метод представляет собой совокупность частных анализов, проводимых по единой методике. Это новая методология исследования со своими возможностями, целями, задачами и ограничениями (Гольева, 2008).

Важным является сочетание относительно высоких скоростей образования с высокой степенью сохранности данных частиц. Поскольку каждая из микробиоморф формируется в строго определенных ландшафтных условиях, то анализ позволяет проводить рекон-

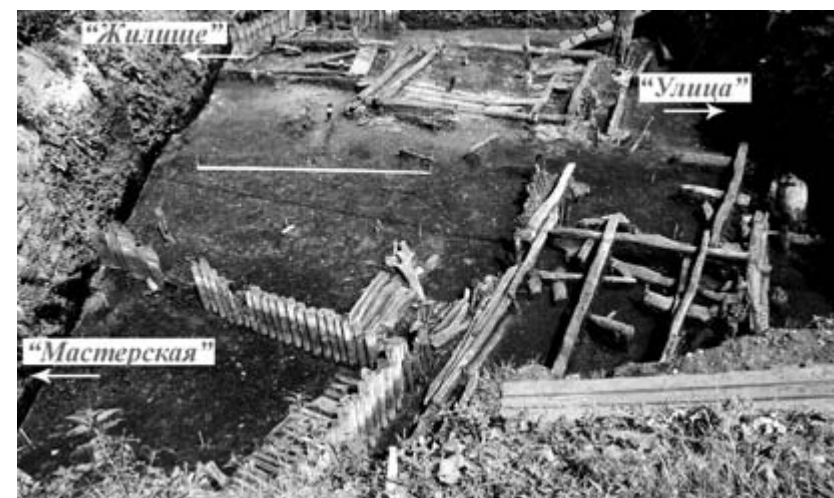

Рис. 1. Общий вид Житного раскопа.

струкцию природной среды, определять динамику и направленность эволюции ландшафтов, тип хозяйствования и интенсивность антропогенного воздействия на регион. Анализ делался по стандартной методике, которая опубликована (Гольева, 2008). Количественные и полуколичественные сравнительные параметры даны в таблицах 1 и 2. Ниже приводится описание образцов и выводы, как по каждому образцу, так и по обеим колонкам в целом.

Квадрат 30. Южная стенка.

«Улица»

В стенке раскопа хорошо выражена серия настилов из дерева друг над другом через существенный интервал. Вмещающая масса — темная серая толща со щепой (рис. 2).

За 0-отметку при отборе образцов принята глубина -175 см.

0 — начало слоя *in situ*. Сверху — строительный нанос — рубеж XVI—XVII вв.

Визуально выделяются два настила из бревен:

1-й настил (отдельно расположенные бревна)— 65—73 см — конец XVI в.

2-й настил (второй настил мостовой)— 125—131 см — начало XVI в.

При этом среди отдельных слоев вмещающей массы есть различия. Так, между настилами 1 и 2 очень много соломы, около самого слоя 1 и над ним соломы практически нет, но несколько больше стружек, коры, опилок и прочих отходов древесного строительства.

Содержание валового фосфора и описание микробиоморфной фракции

0—10 см. Культурный слой. Фосфора 1,29%, что значительно превышает природные значения. Образец обогащен травянистым детритом, аморфной органикой, остатками корней, грибными гифами. Фитолитов мало, преобладают формы двудольных трав и луговых злаков.

Вывод: Это поверхностный горизонт. Малое количество фитолитов может указывать на нарушенность вплоть до полного отсутствия растительности на поверхности почвы. Количество фосфора существенно превышает природные значения. Слой, безусловно, является культурным слоем с высокой долей животной органики.

10—20 см. Культурный слой. Фосфора 0,97%, что существенно выше нормы.

Вывод: Это культурный слой с высокой долей органического (растительного и животного) материала.

20—27 см. Фосфора 0,95% (выше нормы). В образце очень много обугленного древесного детрита, аморфной органики. Фитолитов

больше, их общее количество можно охарактеризовать как среднее. В фитолитном комплексе 12% составляют фитолиты игл хвойных. Есть культурные злаки и сорная флора (по 25 каждой).

Вывод: Слой представляет сторевшую древесину, дерево, возможно, было с ветвями, на что указывает высокое содержание игл хвойных. Присутствие фитолитов свидетельствует, что помимо древесины здесь были и травы, но в меньших объемах. Высокое значение валового фосфора делает возможным предположение о присутствии здесь помимо растительной органики еще и животной органики.

Рис. 2. Квадрат 30. Объект «Улица», южная стенка.

27–32 см. Досыпка(?) Фосфора 0,74% (выше нормы). Образец содержит обугленный детрит, аморфную органику, корни трав, много фитолитов. В фитолитном комплексе абсолютно преобладают фитоциты двудольных трав и луговых злаков. Относительно высока доля фитоцитов культурных злаков и игл хвойных.

Вывод: Состав фракции не позволяет считать слой минеральной досыпкой. Здесь высока доля органического материала (животного и растительного). Возможно, это смесь навоза с каким-то минеральным субстратом.

32–52 см. Культурный слой. Фосфора 1,11% (выше нормы). В образце преобладает аморфная органическая масса, грибные гифы. Детрит в основном травянистый. Фитолитов немного, в основном это двудольные травы. Образец содержит наибольшее количество панцирей диатомовых водорослей среди всех изученных образцов. Преобладают целые панцири, а не обломки.

Вывод: Это какая-то поверхность, где застаивалась вода, вплоть до заболачивания. Росли травы и, возможно, сливались помой или иные отходы жизнедеятельности с высоким содержанием животной органики.

52–62 см, рядом с бревном. Фосфора 0,78%, что превышает природные значения.

Вывод: Здесь, как и в остальных образцах, были значительные объемы органического материала.

62–65 см, над бревнами. Фосфора 0,65% (выше нормы). Образец содержит древесный детрит, аморфную органику, корни трав. Фитоцитов мало.

Вывод: Наиболее вероятно, это смесь какого-то минерального наноса с культурным слоем. Толща проработана процессами почвообразования.

73–75 см, под бревнами. Фосфора 1,06% (выше нормы). Образец обогащен обугленным древесным детритом, аморфной органикой. Также есть корни трав, грибные гифы, древесная кора.

Вывод: Скорее всего, на этом участке скапливались обогащенные фосфором отходы жизнедеятельности, т.е. это не навоз жвачных животных, а какие-то другие виды отходов, где преобладает животная органика. Древесный детрит, скорее всего, попал в образец из бревен, расположенных выше.

75–89 см. Культурный слой. Фосфора 1,08% (выше нормы).

Вывод: Поскольку количество фосфора велико, но при этом практически полностью совпадает с образцом 73–75 см, возможно, гене-

зис слоев одинаковый. Слой формировался в основном за счет отходов, образовавшихся при использовании животной органики.

89–99 см. Настил(?). Фосфора 2,13% (существенно выше нормы). Для образца характерно большое количество крупного детрита, кутикулярных слепков трав, аморфной органики. Есть колонии микроорганизмов, яйца почвенной фауны. Фитолитов мало. При этом в их составе есть формы, характерные для сорной флоры, тростника, культурных злаков.

Вывод: Если этот слой и использовался как настил, то настилались различные травы, не древесина. В составе трав в небольших объемах был тростник, крапива (конопля), солома культурных злаков. Вся масса разлагалась естественным путем. Обилие фосфора указывает на использование здесь животного сырья в значительных объемах или концентрациях. Это может быть кожа, войлок, шерсть, молочная и мясная сыворотка и т.п.

99–109 см. Валового фосфора 3,09%.

Вывод: Количество валового фосфора практически в 15 раз превышает природные значения. Это однозначно связано с высокими концентрациями какого-то материала (продукта) из животного сырья.

109–116 см. Буровато-темно-серый слой соломы(?). Фосфора 1,14% (выше нормы). Образец выделяется обилием кутикулярных слепков, культурных злаков и различных трав. Фитолитов не много. Относительно высокая доля фитоцитов тростника и культурных злаков. Единично присутствует спикла губки и пыльца трав.

Вывод: Слой, безусловно, является слабо разложившейся соломой, в составе которой был тростник. Скорее всего, слой был достаточно быстро перекрыт другим слоем, поскольку нет четких признаков его разложения. Большое количество валового фосфора позволяет говорить, что солома пропитывалась растворами, обогащенными животной органикой. Например, слой является выброшенным настилем для животных, возможны и иные объяснения высокой концентрации фосфора в толще соломы.

116–121 см. Однородная темно-серая солома. Валового фосфора 6,83%. Это наибольшие значения фосфора во всей изученной колонке. Подобные величины достаточно редко встречаются даже в культурных слоях поселений.

Вывод: Солома, безусловно, была пропитана или проложена чем-то из животной органики. Аномально высокие количества фосфора могли образоваться при достаточно высоких концентрациях чего-то из кожи, шерсти и т.п. Возможно, сюда выброшены насти-

лы из кожевенных или иных мастерских, где концентрированно используется это сырье.

121–125 см. Буровато-темно-серая солома над вторым настилом мостовой. Валового фосфора 4,14% (существенно выше нормы).

Вывод: Образец, как и предыдущий, характеризуется значительным количеством фосфора. Скорее всего, генезис образца сходен: не исключено, что солома ранее использовалась в местах концентрации животной органики, т.е. в качестве подстилки в каких-то мастерских.

132–134 см, под настилом. Валового фосфора 4,14% (существенно выше нормы). Образец обогащен аморфной органикой, разнообразным детритом, корнями. Есть целый панцирь диатомовой водоросли, пыльца трав, раковинная амеба. Количество фитолитов среднее, в их составе много форм характерных мхов.

Вывод: Слой в целом можно охарактеризовать как дерн, где преобладали мхи. В пользу этого предположения говорит наличие диатомовой водоросли и раковинной амебы, т.к. моховые подстилки способствуют повышенной влажности (местообитание диатомовой водоросли) и образованию грубогумусового опада (местообитание раковинных амеб). Но, учитывая крайне высокое содержание валового фосфора, вывод можно расширить. Слой под первым настилом (73–75 см) так же обогащен фосфором, возможно, способ накопления элемента в обоих случаях одинаков: на этом участке скапливались обогащенные фосфором отходы жизнедеятельности, т.е. виды отходов, где преобладает животная органика. Не исключено, что наличие сверху настила и обогащенность валовым фосфором слоя под ним взаимосвязано.

Общая характеристика изученного объекта

Во всех образцах наблюдается высокое и очень высокое содержание валового фосфора и растительной массы, особенно разнообразного древесного детрита и листового материала. Вся толща отложенных квадрата 30 — это навоз и иной бытовой и хозяйственный мусор (печная зола, помой и т.п.), возможно, сюда периодически сливались, сваливались(?) отходы кожевенного производства или иного другого вида деятельности, где используется в значительных объемах животное сырье (шерсть, кожа, войлок, молоко, масло, сыры и т.п.).

Квадрат 1, западная стенка,

снаружи от кожевенной мастерской (рис. 3).

За 0-отметку принята глубина -240 см.

0–20 см — конец XVI века.

70 см — XVI век.

Ниже — конец XV века.

Вся толща однородная, темная масса с обилием древесных отходов.

Отобрана серия образцов колонкой через 10 см до глубины 110 см.

Глубина 40 см — примерная граница исчезновения (резкого уменьшения) доли соломы в верхней части и обилие ее в нижней.

В толще 40–60 см наблюдается обилие яиц какой-то почвенной фауны.

Рис. 3. Квадрат 1. Объект «Мастерская», западная стенка.

*Содержание валового фосфора
и описание микробиоморфной фракции*

0–10 см. Фосфора 1,65% (выше нормы). Образец содержит большое количество разнообразного детрита, аморфной органики, фитолитов, кутикулярных слепков трав, корней. Присутствуют диатомовые водоросли и спикулы губки. В фитолитном комплексе абсолютно преобладают фитолиты мхов.

Вывод: Состав фракции типичен для поверхностных горизонтов, заросших разнотравьем и мхами. Скорее всего, периодически, например весной или осенью, здесь застаивалась вода, что способствует развитию диатомовых водорослей. Большое количество фосфора указывает на присутствие в толще искусственных добавок животного сырья, возможно отходов кожевенного производства.

10–20 см. Фосфора 1,70% (выше нормы).

Вывод: Слой, как и предыдущий, формировался за счет добавления животной органики в больших количествах.

20–30 см. Валового фосфора 1,16% (выше нормы). Общий состав микробиоморфной фракции образца близок к описанным выше, но есть и некоторые различия. Здесь меньше фитолитов и диатомовых водорослей, кутикулярных слепков, но больше пылевых зерен трав и деревьев, есть раковинные амебы.

Вывод: Этот слой был поверхностным. Скорее всего, с разнотравно-моховым растительным покровом. Участок был влажным, но суше, чем в образце 0–10 см, поскольку раковинные амебы живут на оторфованных подстилках, но не живут на заболоченных участках. Как и в предыдущих слоях, сюда добавлялась животная органика.

30–40 см. Фосфора 1,42% (выше нормы).

Вывод: Слой, как и все предыдущие, обогащен валовым фосфором, т.е. был обогащен животной органикой.

40–50 см. Солома. Валового фосфора 2,11% (существенно выше нормы). В образце много травянистого детрита, кутикулярных слепков, трав и культурных злаков, аморфной органики, корней, копролитов. Количество фитолитов среднее; высока доля мхов, есть споры мхов.

Вывод: Данный слой можно охарактеризовать скорее как слой сена, чем соломы. Здесь, вероятно, шли процессы естественного разложения, вырос мох. Возможно, сено было выброшено из мастерской, поскольку в слое фосфора значительно больше, чем в предыдущих слоях, где сена не было.

50–60 см. Солома. Фосфора 2,52% (существенно выше нормы).

Вывод: Слой, как и предыдущий, обогащен фосфором. Это так же слой соломы. Очевидно, генезис тот же — это выброшенная из мастерской подстилка.

60–70 см. Валового фосфора 1,74% (выше нормы). В образце много детрита, аморфной органики, грибных гифов, корней. Есть диатомовые водоросли, спикулы губки, раковинные амебы, пылевые зерна. В фитолитном комплексе абсолютно доминируют мхи.

Вывод: Наиболее вероятно, этот слой был поверхностным, заросшим мхом и обогащенным животной органикой.

70–80 см. Фосфора 1,54% (выше нормы).

Вывод: Слой, как и все предыдущие, формировался при добавлении животной органики.

80–90 см. Валового фосфора 1,54% (выше нормы). Состав фракции практически полностью идентичен образцу 60–70 см. Можно отметить лишь диатомовых и спикулы, при существенном увеличении количества раковинных амеб (от 3 шт. в предыдущем образце до 7 шт. в этом).

Вывод: Данный слой, как и все остальные, был поверхностным, заросшим мхом и замусоренным отходами кожевенного производства.

90–100 см. Фосфора 1,46% (выше нормы).

Вывод: Очевидно, слой формировался так же — в значительной части за счет отходов расположенной рядом мастерской.

100–110 см. Валового фосфора 1,79% (выше нормы). По составу микробиоморфной фракции этот образец наиболее близок к образцу 60–70 см. Некоторым отличием является присутствие фитолитов тростника, сорной флоры, отсутствующих в вышележащем образце.

Вывод: Слой был поверхностным, заросшим разными травами, включая сорные и, как и все предыдущие образцы колонки, обогащен животной органикой.

Общая характеристика изученного объекта

Вся колонка содержит высокие количества валового фосфора. Учитывая близость кожевенной мастерской, это не удивительно. Очевидно, какие-то отходы производства (например, растворы, где кожи вымачиваются) сливались рядом с мастерской. Вероятно, это было что-то типа хозяйственного двора, заросшего мхом. По мере добавления мусора, т.е. по мере нарастания культурного слоя, формировалась новая поверхность, которая так же вскоре зарастала мхами.

Основным отличием этого объекта от предыдущего является ровный характер распределения высоких количеств фосфора по всей колонке. Нет каких-то значимых максимумов и минимумов. Это

позволяет говорить, что в период формирования этого культурного слоя расположенная рядом мастерская функционировала ровно, без каких-либо катаклизмов.

На определенных этапах поверхность покрывалась сеном/соломой. Скорее всего, это выбрасывались какие-то подстилки из мастерской, поскольку эти слои содержат фосфора больше, чем слои мхов. Присутствие в этих слоях обилия яиц почвенной фауны позволяет считать, что сено выбрасывалось вместе с остатками кожи, что в условиях высокой влажности способствовало поселению и бурному развитию здесь животных, которые питаются кожей.

Квадрат 36, северная стенка.

Под жилищными слоями

Под жилищными слоями находится темная влажная (сырая) однородная толща (рис. 4), которая и являлась объектом исследования.

Содержание валового фосфора

и описание микробиоморфной фракции

0–10 см. Слой жилища. Валового фосфора 1,65% (выше нормы).

Вывод: Количество фосфора типично для жилых участков, где длительное время стационарно проживали люди.

Рис. 4. Квадрат 16. Объект «Жилище», южная стенка.

10–20 см. Нижняя часть жилища. Валового фосфора 2,78% (существенно выше нормы). Образец характеризуется обилием обугленного древесного детрита, в составе которого есть частицы древесины хвойных и лиственных пород. Фитолитов много, значительная часть их обугленная. Исключения составляют фитолиты мхов. Есть целые панцири диатомовых водорослей.

Вывод: Образец сложносоставной. Очевидно, это остатки деревянных полов или стен сгоревшего жилища. На заброшенном пожарище выросли мхи, стала застаиваться вода, о чем свидетельствует наличие целых панцирей диатомовых водорослей. Если бы диатомовые водоросли были с травами до пожара, то под воздействием высоких температур их панцири должны были растрескаться. Очень высокие концентрации фосфора позволяют предположить, что при пожаре сгорела не только древесина, но и какие-то изделия (вещи?) из кожи, шерсти и т.п.

20–30 см. Валового фосфора 1,75% (выше нормы). Образец характеризуется обилием разнообразного детрита, кутикулярных слепков трав, включая культурные злаки. Фитолитов много, есть диатомовые водоросли. В составе фитолитного комплекса много игл хвойных, луговых злаков. Есть фитолиты тростника. Все частицы обуглены.

Вывод: Скорее всего, жилище возводилось на сформированном ранее культурном слое. Возможно, ранее здесь так же было какое-то строение хозяйственного или бытового назначения или интенсивно используемый участок хозяйственного двора.

30–40 см. Валового фосфора 1,21% (выше нормы).

Вывод: Слой так же обогащен фосфором, т.е. это такой же культурный слой, как все остальные.

Общая характеристика изученного объекта

Жилище было построено на хорошо освоенном и обжитом участке, скорее всего хозяйственном дворе. Не исключено, что здесь была какая-то хозяйственная постройка, например загон для скота.

Само жилище было построено из хвойной и лиственной древесины. При пожаре, помимо дерева, сгорели и какие-то вещи из кожи и/или шерсти. Вероятно, это было что-нибудь из внутреннего убранства дома.

Итоговые выводы

Таким образом, проведенные исследования выявили как сходные, так различные признаки изученных функциональных зон изучаемого участка. Основным объединяющим признаком является повсеместное высокое и очень высокое содержание валового фосфора.

Это указывает на активное обживание участка в течение всего периода формирования исследованной толщи культурных слоев. Ни на одном участке для каких-либо досыпок чистый минеральный грунт не использовался.

Есть и различия. Наиболее контрастными значениями всех компонентов выделяется объект «Улица». Например, значения валового фосфора в пределах исследованной колонки различаются более чем в 10 раз, что указывает на неравномерность, дискретность поступления в толщу животной органики. Сходная контрастность есть и по наличию отдельных компонентов микробиоморфной фракции. Скорее всего, эта контрастность отражает этапы функционирования улицы.

Можно предположить, что жилища восстанавливались после пожаров или на том же месте, или неподалеку от пожарища, т.е. периодов длительного существования пустырей не выявлено.

Литература

Гольева А.А., 2008. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов: генезис, география, информационная роль. М.

Примечание к таблице 1.

Крестиками показано сравнительное содержание микробиоморф:

+++ много;

++ средне;

+ мало;

Ед. единично;

- отсутствуют.

Примечания к таблице 2.

В первой графе таблицы цифрами показаны следующие растительные ценозы: 1 – двудольные травы; 2 – иглы хвойных; 3 – лесные злаки; 4 – луговые злаки; 5 – степные злаки (сухих мест обитания); 6 – культурные злаки; 7 – мхи; 8 – сорная флора; 9 – тростник; 10 – неизвестная флора и недиагностируемые частицы.

Значком * показаны группы микробиоморф, составляющие менее 1%.

Таблица 1
Сравнительное полуколичественное содержание микробиоморф

Образец, глубина, см	Р ₂ вал, %	Детрит	Аморф. орг.	Диатомовые	Спикулы	Фитолиты	Пыльца	Кутик. слепки	Рак. ам.	Др.	
Кв. 30. «Улица»											
0-10	1,29	+++	+++	-	-	+	-	-	-	Кор-ни	
10-20	0,97	Нет данных									
20-27	0,95	+++	+++	-	-	++	-	-	-	Кор-ни	
27-32	0,74	+++	+++	Ед.	-	+++	Ед.	-	-		
32-52	1,11	+++	+++	+	-	+	-	-	-		
52-62	0,78	Нет данных									
62-65	0,65	+++	+++	-	-	+	-	-	-	Кор-ни	
73-75	1,06	+++	+++	-	-	-	-	-	-		
75-89	1,08	Нет данных									
89-99	2,13	+++	+++	-	-	+	-	+++	-	Кор-ни	
99-109	3,09	Нет данных									
109-116	1,14	+++	++	-	Ед.	+	Ед	+++	-	Кор-ни	
116-121	6,83	Нет данных									
121-125	4,66	Нет данных									
132-134	4,14	+++	+++	Ед.	-	+	Ед	-	Ед.	Кор-ни	
134-144	1,87	Нет данных									

Кв. 1. «Мастерская»											
0-10	1,65	+++	+++	+	Ед.	+++	Ед.	+++	Ед.	+++	Кор-ни
10-20	1,70	Нет данных									
20-30	1,16	+++	++	Ед.	-	++	+	+	Ед.	+	Кор-ни
30-40	1,42	Нет данных									
40-50	2,11	+++	+++	-	-	++	+	+++	-	+++	Кор-ни
50-60	2,52	Нет данных									
60-70	1,74	+++	+++	Ед.	Ед.	++	+	-	+	+	Кор-ни
70-80	1,54	Нет данных									
80-90	1,54	+++	+++	-	-	+++	-	-	+	+	Кор-ни
90-100	1,46	Нет данных									
100-110	1,79	+++	+++	+	Ед.	++	Ед.	-	Ед.	-	Кор-ни
Кв. 16. «Жилище. Под жилищем»											
0-10	1,65	Нет данных									
10-20	2,78	+++	+++	Ед.	-	+++	-	-	-	-	Кор-ни
20-30	1,75	+++	+++	+	-	+++	-	++	-	-	Кор-ни
30-40	1,21	Нет данных									

Таблица 2
Распределение отдельных групп фитолигов (%)

Образец, глубина, см	Всего (шт./%)	Диатом// Спиккулы (%)	Фитолиги шт./%	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Кв. 30. «Улица»													
0-10	6/16	-	6/16	56	6	-	38	-	-	-	-	-	-
20-27	63/100	-	63/100	51	19	6	26	-	3	2	3	-	-
27-32	173/100	*//-	172/100	49	10	5	17	-	8	6	-	*	5
32-52	41/100	24//-	31/76	52	6	-	13	-	6	23	-	-	-
62-65	8/100	-	8/100	25	-	-	25	-	-	50	-	-	-
73-75	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
89-99	13/100	-	13/100	46	-	-	8	-	8	-	15	8	15
109-116	33/100	-//3	32/97	44	19	-	6	-	16	-	-	15	-
132-134	52/100	2//-	51/98	41	10	-	6	-	4	39	-	-	-
Кв. 1. «Мастерская»													
0-10	110/100	8//1	101/91	33	10	1	11	2	5	38	-	-	-
20-30	50/100	4//-	48/96	45	8	-	2	-	2	42	-	-	-
40-50	62/100	-	62/100	28	11	2	-	-	-	42	-	-	-
60-70	91/100	2//1	88/100	31	10	3	8	1	1	46	-	-	-
80-90	100/100	-	100/100	38	21	6	2	-	3	30	-	-	-
100-110	48/100	6//2	44/92	39	23	5	2	-	-	14	2	8	7
Кв. 16. «Жилище. Под жилищем»													
10-20	124/100	2//-	122/98	43	11	7	3	-	6	30	-	-	-
20-30	178/100	2//-	174/98	46	19	6	13	9	2	2	-	3	-

П.А. Сутягина

СУБФОССИЛЬНАЯ ФЛОРА ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV в.; КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVII в.) И СТАРОЙ РЯЗАНИ (СЕРЕДИНА XII в.)

На современном уровне познания изучение любого вопроса требует комплексного подхода. И если в прошлом веке каждая задача, как правило, решалась лишь в рамках узкой области ее ставящей, то сейчас становится все очевидней неполноценность такого решения. Обновление не миновало и археологию. Теперь, по крайней мере на Западе, ни одни раскопки не проводятся без участия специалистов различных, в том числе и смежных с археологией областей познания – антропологов, почвоведов, археозоологов и, конечно, археоботаников.

Задачи археоботаники многообразны. Но в первую очередь внимание специалистов этой области приковано, конечно же, к проблеме возникновения сельского хозяйства. При исследовании памятников неолита и эпохи бронзы она включает в себя попытки обнаружения первых свидетельств производящего хозяйства¹, затем появление первых уже культурных растений. Но если в бронзовом веке, например, мы ищем лишь первые следы последующего победоносного шествия культурных растений по Земле, то при изучении средневековых памятников задачи археоботаника меняются. Здесь вопрос стоит о том, какие конкретно культуры мы находим, какие из этих растений были выращены в непосредственной близости от поселения, а что было продуктом импорта. История земледелия – это, в первую очередь, история отдельных культур и методов их обработки. Сельскохозяйственные культуры, как и народы, появлялись и исчезали с лица земли, то рождались из засорителей полей, а то сами становились сорными в новых или вновь ставших актуальными старых культурах. В решении подобных проблем важную роль начинает играть анализ ископаемой сорной флоры. Но это не единственная область применения данных по субфоссиальной флоре сорных растений. В последнее время, в связи с изучением макроостатков из разных частей культурного слоя, начинают появляться работы, посвященные

¹ На начальных этапах производящего хозяйства растения, выращиваемые человеком, еще не являются культурными. Окультуривание растений – долгий процесс. Поэтому необходимо понимать, что, когда речь идет о наличии производящего хозяйства, из этого еще не будет обязательно следовать, что выращивались именно культурные растения.

реконструкции природной обстановки прошлого, где уделяется большее внимание растениям, не используемым человеком (*Latalowa et al.*, 2003, *Mazzanti*, 2005).

С начала прошлого века археологи все чаще обращаются к ботаникам за помощью в определении обнаруживаемых при раскопках остатков растений. Одни из первых таких совместных работ имели место при исследовании свайных поселений в Швейцарии (*Heer*, 1866, цит. по: *Renfrew*, 1973). На этих памятниках была показана перспективность изучения не только крупных (таких как, например, древесина), но и мелких извлекаемых из почвенных проб растительных макроостатков, в первую очередь таких, как плоды и семена. На первых этапах развития нового направления на стыке ботаники и археологии – археоботаники – исследователи останавливали свое внимание на диаспорах² растений только из визуально обнаруживаемых скоплений, затем же стали отбирать почвенные пробы из разных участков культурного слоя, их уже изучали с использованием микроскопической техники.

В 60–70-х годах XX в. в Западной Европе входит в обязательную практику использование при раскопках метода флотации, заключающегося в разделении с помощью жидкости (обычно воды, иногда с добавлением щелочи) объектов, обладающих разной плотностью. Такой способ намного облегчает извлечение растительных остатков из культурных слоев археологического памятника.

Первые масштабные археоботанические исследования в нашей стране были связаны с раскопками Новгорода (*Кирьянов*, 1959) и других древнерусских городов (*Альслейбен*, 1997; *Аалто*, *Хейнайоки*, 1997), а также Волжской Булгарии (*Кирьянов*, 1958; 1962). Долгое время археоботанические исследования ограничивались изучением только скоплений диаспор культурных растений, которыми изобиловали культурные слои древнерусских городов. И лишь с 80-х годов прошлого века и в нашей стране при работе на археологических памятниках начинают применять метод флотации, который позволил отбирать растительные остатки из почвенных проб неспецифических участков культурного слоя. Впервые флотацию в России начали применять на поселениях бронзового и железного веков (О работах..., 1991; *Земледелие*..., 1996), и уже позднее – на средневековых памятниках (*Макаров и др.*, 1998; *Лебедева*, 2005; *Антипина*, *Лебедева*, 2010).

² Диаспора – часть растения, которая служит единицей распространения, – может представлять собой семя (если плоды вскрывающиеся), часть плода, целый плод, соплодие.

В настоящее время как за рубежом, так и в нашей стране стоит вопрос о стандартизации процесса отбора проб и проведения флотации. В России флотацию проводят с применением только воды и исключительно вручную, в Европе, помимо ручной, применяют машинную флотацию (хотя потери материала, по мнению Е.Ю. Лебедевой, при таком методе могут оказаться выше, чем при ручной флотации) и практикуют добавление в воду щелочи (*Latalowa et al.*, 2003).

В выполняемых в нашей стране работах с использованием метода флотации большинство исследователей, как правило, имеют дело с карбонизированными (обугленными) остатками. Причиной этому работа с материалом из сухого культурного слоя, где сохранность большей части органики может обеспечить в основном лишь процессы карбонизации и минерализации (крайне сухие условия также являются хорошей консервирующей средой, но таковые редки). Однако так называемый мокрый слой (достаточно известное явление для средневековых европейских городов) обнаруживают теперь и при раскопках многих средневековых памятников на территории нашей страны. Работа с материалом из переувлажненных культурных слоев требует особого подхода. Сохранность органического материала в таких слоях значительно лучше, нежели в сухих.

Данное исследование посвящено изучению растительных макроостатков именно из мокрого культурного слоя. Необходимо уточнить, что в работе будут рассмотрены исключительно некарбонизированные диаспоры, поскольку карбонизированным диаспорам из этих проб посвящена статья Е.Ю. Лебедевой (2011).

Целью настоящей работы являлась характеристика субфоссильной флоры и растительного покрова двух городов Рязанского княжества — Старой Рязани (середина XII в.) и Переяславля Рязанского (вторая половина XV в.; конец XVI — начало XVII в.) и их ближайших окрестностей по данным анализа растительных макроостатков.

Материал, методика и результаты

Материалом для данной работы послужили растительные макроостатки, которые были отобраны из почвенных проб. Всего было взято 11 почвенных проб, из них три пробы из Старой Рязани (раскоп № 27, 2000 г.) и восемь проб из Житного раскопа на территории кремля Переяславля Рязанского (2006 и 2010 гг.).

Выбор места взятия почвенной пробы для археоботанических целей во многом определяется планом самого памятника. Обычно пробы берут из построек (со дна постройки и из вышележащих, заполняющих сооружение слоев), из хозяйственных объектов, ям, оча-

гов и пр. Пробы также отбирают и с участков культурного слоя вне сооружений, например участков улиц или задних дворов усадеб. И именно анализ таких проб дает важный материал для реконструкции урбанофлоры и флоры окрестностей города. В данной работе основная часть образцов происходит из культурного слоя вне сооружений. При отборе образцов для археоботанического анализа крайне важно следить за тем, чтобы отбор производился с участков, где культурный слой не перемешан и может быть продатирован или надежно соотнесен с определенным стратиграфическим или хронологическим горизонтом памятника (*Лебедева*, 2009).

При отборе почвенных проб крайне желательно следовать единой стандартизированной методике, что делает возможным адекватно сравнивать результаты по разным памятникам (*Лебедева*, 2005, 2008, 2009). Если же по каким-либо причинам следовать этой методике не удастся, то необходимо при сборе материала указывать для каждой пробы ее объем. В нашем случае все пробы из Переяславля Рязанского были одинаковы по объему (10 л), пробы из Старой Рязани были различны по объему — 10 л, 20 л и 30 л.

После того как пробы отобраны, их подвергают флотации. Метод флотации основан на разнице удельного веса воды и погруженных в нее органических и неорганических материалов. Более легкие — органические остатки (в частности, уголь, семена и плоды) — всплывают на поверхность, а более тяжелые — преимущественно неорганические компоненты — осаждаются на дно. Флотацию следует проводить не менее двух раз (лучше три раза). Иногда практикуют отдельную специальную промывку тяжелой фракции. Все всплывшие макроостатки собирают ситом и высушивают на солнце. Важно следить, чтобы этикетка с номером образца не покидала его ни на одном из этапов. После того как образец высушен, его упаковывают вместе с этикеткой и дальнейшее исследование ведут уже в лабораторных условиях.

На исследуемых нами памятниках флотацию проводили по стандартной методике, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (*Лебедева*, 2009).

Характеристика археологических памятников.

Старая Рязань, раскоп № 27

Раскоп № 27 заложен в посадской части города, примыкает к Северному городищу. Это первый раскоп на территории памятника, где отмечен мокрый слой. Повышенная влажность слоя способствовала удовлетворительной сохранности предметов из органических мате-

риалов, тогда как на основной части памятника органика практически не сохранилась. Размеры раскопа 6 x 6 м² (Завьялов, 2005).

В данной работе были изучены образцы из 7–8 пластов раскопа № 27, вскрытых в 2000 г., пробы взяты со следующих квадратов:

№ 1 — пл. 7, кв. 18., объем пробы 20 л

№ 2 — пл. 8, кв. 7, объем пробы 10 л

№ 3 — пл. 7, кв. 5, объем пробы 30 л

Пласты 7–8 датированы серединой XII в. (Завьялов, 2005).

Переяславль Рязанский, Житный раскоп

Почвенные пробы для археоботанического анализа взяты из культурного слоя 9–11 пластов, со следующих квадратов: пласт 9, квадраты — 23, 40; пласт 10, квадраты — 6 (внутри сооружения № 5), 10, 27; пласт 11, квадраты — 14, 25. Все пробы, за исключением пробы из 6 квадрата 10 пласта, взяты из культурного слоя вне построек.

Материал из раскопок 2010 г. происходит из культурного слоя 20-го пласта, с 23-го квадрата, вне сооружения. Пласты 19–20 датированы второй половиной — концом XV в. (по устному сообщению В.И. Завьялова). Слои характеризуются повышенной влажностью и высоким содержанием органики, в том числе навоза и гумифицированной древесины.

Камеральная обработка проб была проведена на кафедре высших растений Биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН. Вначале материал просеивали через набор сит с ячейками убывающего размера (10; 7; 3; 2; 0,25 мм), после чего каждую фракцию изучали по отдельности. Как правило, принято исследовать часть фракции. В случае с образцами из Переяславля Рязанского это была четверть для каждой фракции (равномерно распределив соответствующую фракцию каждой пробы по листу бумаги и разделив ее на 16 равных частей, методом случайного отбора отобрали четыре части, что и составило четверть фракции). Образцы из Старой Рязани изучались целиком.

Разбор проб и определение материала проведены с использованием стереоскопических микроскопов Микромед MC-2-ZOOM вар.-1 CR и Leica MZ 7.5. Фотографии сделаны при помощи камеры Nikon coolpix L4 на микроскопе Leica MZ 7.5, а также на сканирующих электронных микроскопах Cam Scan и JSM в Общефакультетской лаборатории электронной микроскопии Биологического факультета МГУ.

Определенные в ходе работы растительные макроостатки представлены некарбонизированными диаспорами и фрагментами обуг-

ленной древесины. При определении диаспор была использована карпологическая коллекция кафедры высших растений Биологического факультета МГУ. В отношении границ и названий родов и видов автор придерживается разработок П.Ф. Маевского (2006).

Все найденные диаспоры были сосчитаны. Подсчет проведен следующим образом: для каждого таксона подсчитано число целых диаспор и отдельно их фрагментов. Далее подсчитано, какое минимально возможное целое число диаспор можно составить из этих фрагментов. Полученное число суммировано с числом целых диаспор. Результаты представлены в таблице 1.

В целом сохранность диаспор можно охарактеризовать как достаточно хорошую. Большинство плодов и семян не сильно деформированы и многие из них сохранили прижизненную окраску, при этом некоторые диаспоры из проб Старой Рязани обладают более высокой степенью сохранности по сравнению с образцами из Переяславля Рязанского.

После разбора почвенных проб по обоим памятникам были выделены макроостатки, представленные некарбонизированными диаспорами и фрагментами обугленной древесины. В результате определено около 21 тыс. диаспор (табл. 1), принадлежащих к 88 таксонам, в том числе диаспоры 58 видов, относящихся к 49 родам к 20 семействам, остальные — это или не определенные до вида роды (21 род, относящийся к 12 семействам) или не определенные до рода семейства (таковых 9), а также 89 не определенных и до семейства диаспор. Определенные фрагменты обугленной древесины представлены пятью родами древесных растений из пяти семейств (рис. 1). Из них две породы с кольцесосудистой древесиной — *Quercus robur* L. (дуб черешчатый, Fagaceae — сем. Буковые), *Ulmus sp.* (вяз, Ulmaceae — сем. Вязовые) и три — с рассеяннососудистой — *Salix sp.* (ива, Salicaceae — сем. Ивовые), *Betula sp.* (береза, Betulaceae — сем. Березовые), *Tilia cordata* Mill. (липа, Tiliaceae — сем. Липовые). А также на всей территории раскопа в обилии встречаются фрагменты перикарпия (скорлупы) *Corylus avellana* L. (лещины обыкновенной).

Обсуждение

Поскольку при работе с археоботаническим материалом мы имеем дело с субфоссиальной флорой, необходимо пояснить, что она не является однозначным эквивалентом флоры современной. Под флорой ботаники понимают исторически сложившуюся совокупность таксонов растений, произрастающих или произраставших в прошлом

на какой-либо территории (Биологический энциклопедический словарь, 1989). И хотя найденные при раскопках макроостатки растений из культурных слоев двух городов, безусловно, позволяют говорить о флоре, однако о флоре очень ограниченного по площади района. Судить о ней приходится не по гербарным сборам и флористическим спискам, составленным флористами на протяжении вегетационного сезона и нередко в течение нескольких лет (так поступают при описании современных флор), а по остаткам, аккумулярованным на протяжении многих лет в культурном слое, куда эти остатки попали по большей части в качестве отходов деятельности человека и жизнедеятельности связанных с ним домашних животных. Понятно, что захоранивалось далеко не все, не все же из захороненного сохранялось и тем более не все из сохранившегося могло попасть в руки ученых. Именно поэтому, прежде чем перейти к анализу субфоссиальной флоры, целесообразно рассмотреть, какие факторы влияли или могли влиять на формирование выявленной в ходе анализа культурных слоев совокупности таксонов.

Во-первых, следует учитывать, что во время проведения раскопок и при работе с почвенными образцами в них могли быть занесены части современных растений. При работе с сухим культурным слоем безусловно древними принято считать только карбонизированные и минерализованные остатки, древность же других подвергают сомнению (Renfrew, 1973; Cappers, 1995; Karg, 1995). В нашем случае, когда материал происходит из мокрого слоя, занесенные в анализируемый материал диаспоры, как правило, можно отличить по наличию нежных и быстро разрушающихся частей либо по непотускневшей окраске. С другой стороны, нельзя исключить и того, что часть материала могла быть утеряна в процессе флотации или при просеивании образцов.

Поскольку основную часть материала составляют плоды и семена, понятно, что в исследуемой флоре присутствуют в основном таксоны, представители которых плодоносили, прежде чем их плоды и семена попали в культурный слой. Но понять, когда и где плодоносили эти растения — незадолго или задолго до захоронения, — не просто. Нельзя исключить того, что эти диаспоры могли попасть в культурный слой вместе с соломой, сеном, возможно привезенным на хозяйственный двор не только летом, во время сенокоса, когда многие растения находятся в фазе цветения и плоды только наливаются, а много позже, когда на оставленные на открытом воздухе стога могли попасть плоды растений-анемохоров³. Судя по тому, что

в культурном слое много навоза, можно предположить, что значительную часть плодов и семян, встреченных в образцах, составляют те, что прошли вместе с кормом через желудочно-кишечный тракт сельскохозяйственных животных. Скот же выпасали не только на лугах и зеленых парах в то время, когда растения еще не плодоносили, но и осенью как по жнивью, неподалеку от дома, так и на близлежащих к усадьбам выгонах. Диаспоры растений-эпизоохоров⁴ могли пристать к шкуре животных и одежде человека при прохождении их по различным местам. Растения с разными способами диссеминации могли попасть на территорию усадьбы также и с грязью как на ногах животных, так и на ногах самих жителей усадьбы. Диаспоры, вероятно, попадали в культурный слой и со «стола» человека.

Необходимо учитывать и биологические особенности растений природной флоры. Растения с разной жизненной стратегией существенно различаются по семенной продуктивности и по способности создавать банки семян в почве. У некоторых эти банки могут насчитывать несколько миллионов (до миллиарда) диаспор, при этом, чем продолжительнее период земледелия в том или ином регионе, тем большим количеством зачатков представлен банк. Именно он определяет ежегодную конкретную засоренность посевов как однолетниками, семена которых сохраняются в жизнеспособном состоянии десятки лет и отличаются разнокачественностью (например, марь белая, щетинник зеленый, звездчатка средняя, капуста полевая), так и многолетниками (например, осот полевой, бодяг полевой, хвощ полевой, мята полевая, чистец болотный) (Работнов, 1983, Ульянова, 2005).

И, наконец, на составе субфоссиальной флоры не могли не сказаться и различия в способности плодов и семян разных растений противостоять гниению, которому они могли подвергаться еще до захоронения в мокром слое. Обугленные же остатки, будь то диаспоры или фрагменты древесины, вовсе не подвержены гниению и потому сохраняются даже в сухих культурных слоях.

В свете вышеизложенного рассмотрим теперь имеющуюся субфоссиальную флору (табл. 1). Сравнивая полученные результаты определения некарбонизированных диаспор с результатами анализа Е.Ю. Лебедевой (статья 2011 г. и неопубликованные данные, материалы по которым хранятся в Лаборатории естественнонаучных методов ИА

³ Анемохоры — растения, диаспоры которых распространяются ветром.

⁴ Эпизоохоры — растения, диаспоры которых переносятся на поверхности тела животных, а в широком смысле понятия эпизоохории, и человека.

РАН) карбонизированных диаспор дикорастущих растений (табл. 2), отобранных из тех же проб, что и некарбонизированные, можно отметить, что последний список короче (28 таксонов в Переяславле и 19 — в Старой Рязани) и в нем меньше таксонов определено до вида (12 видов в Переяславле и 10 — в Старой Рязани). По-видимому, это связано с тем, что карбонизированные диаспоры, как правило, обладают худшей сохранностью и потому сложнее для идентификации. Также это может быть связано просто с меньшим общим количеством обугленных диаспор сорных растений (269 диаспор) по сравнению с необугленным материалом (21243 диаспоры). Интересно, что при этом в списке Е.Ю. Лебедевой приведены также и некоторые другие, не отмеченные среди некарбонизированных диаспор, виды, такие как *Echinochloa crus-galli* (L.) P. Beauv. (ежовник обыкновенный) и *Camelina sativa* (L.) Crantz (рыжик посевной), при этом обугленных семян рыжика довольно много (2,6% в Переяславле).

Определенные в ходе работы до вида или рода растительные макроостатки были распределены по пяти группам: 1) деревья и кустарники, которые человек мог использовать для строительства, в качестве топлива и как поделочный материал; 2) растения, используемые человеком в пищу; 3) растения поймы; 4) сорняки огородов и полей; 5) рудеральные⁵ и придорожные растения. Конечно, такое разделение достаточно условно, и некоторые таксоны могут попадать сразу в несколько групп. В особенности это касается последних двух групп, поскольку провести четкую границу между растениями целинными, собственно сорными (сегетальными сорняками) и рудеральными достаточно сложно, и не всегда возможно в принципе. Растение, обитающее на нарушенных местообитаниях (рудеральное растение), вполне может становиться сорным и в посевах, особенно это характерно для периферии полей. Отсюда видно, что за исключением специфических засорителей состав четвертой и пятой групп может во многом перекрываться. Такая ситуация не исключена и для других групп. Так, например, плоды паслена черного человек мог собирать для еды и в огороде, дерево срубить в пойме, а многие дикорастущие в пойме растения могли найти себе экологическую нишу в огороде и вдоль дорог.

К первой группе отнесены следующие таксоны (рис.1):

1. *Salix* sp.
2. *Betula* sp.

⁵ Растения нарушенных местообитаний.

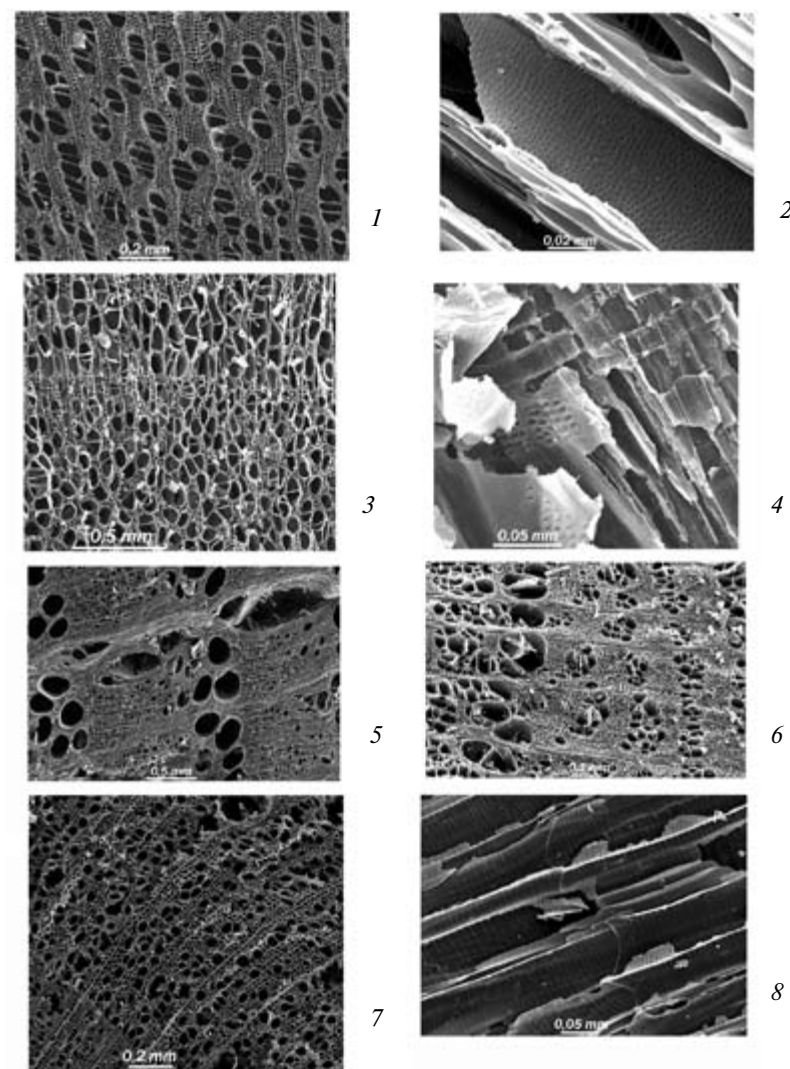

Рис. 1. Срезы (сколы) древесины (СЭМ):

1–2 – *Betula* sp. – Береза (1 – поперечный и 2 – тангенциальный сколы обугленной древесины); 3–4 – *Salix* sp. – Ива (3 – поперечный и 4 – радиальный сколы обугленной древесины); 5 – *Quercus robur* – Дуб черешчатый (поперечный скол обугленной древесины); 6 – *Ulmus* sp. – Вяз (поперечный скол обугленной древесины); 7–8 – *Tilia cordata* – Липа сердцевидная (7 – поперечный и 8 – радиальный сколы обугленной древесины).

3. *Quercus robur* L.
4. *Ulmus* sp.
5. *Tilia cordata* Mill.

По-видимому, данные породы произрастали в окрестных лесах поймы и надпойменных террас. Отсутствие в данном списке такой широко используемой породы, как сосна, скорее всего, обусловлено тем, что для исследования древесины были взяты достаточно крупные кусочки угля, с которых можно было сделать сколы в разных направлениях, угольки же сосны, как более мягкой породы, легко расщивались еще при флотации и просеивании.

К группе пищевых растений отнесены:

1. <i>Corylus avellana</i> L.	7. <i>Padus avium</i> Mill.
2. <i>Cannabis sativa</i> L.	8. <i>Cerasus vulgaris</i> Mill.
3. <i>Papaver somniferum</i> L.	9. <i>Daucus sativus</i> (Hoffm.) Roehl.
4. <i>Brassica rapa</i> L.	10. <i>Vaccinium myrtillus</i> L.
5. <i>Rubus idaeus</i> L.	11. <i>Solanum nigrum</i> L.
6. <i>Fragaria</i> spp.	

Паслен черный (*Solanum nigrum*) (рис. 2.1), вероятно, произрастал поблизости от усадьбы, возможно, что и непосредственно на огороде. Плоды лещины (*Corylus avellana*), малины (*Rubus idaeus*) (рис. 2.4) и черники (*Vaccinium myrtillus*) местные жители могли собирать в окрестных лесах, а черемуху (*Padus avium*) — в пойме. Что касается земляники, то, возможно, обитатели усадьбы могли пойти в лес за земляникой обыкновенной (*Fragaria vesca*), но, вероятнее, что они собирали землянику зеленую, или клубнику (*F. viridis*), обитающую по береговым склонам и на лугах, плоды этой земляники крупнее и их легче собирать. Коноплю (*Cannabis sativa*), очевидно, выращивали как для получения волокна, так и ради семян, из которых отжимали масло, а жмых могли использовать в качестве добавки в корм для домашнего скота и птицы. Диаспоры моркови, видимо, принадлежат моркови посевной (*Daucus sativus*) (рис. 2.3), являющейся древней культурой, возделываемой уже около 4 тыс. лет. Наряду с морковью на Руси была распространена и репа (*Brassica rapa*)⁶ (рис. 2.2), занимавшая в питании людей то место, на котором в наши времена проч-

⁶ По морфологии семена *B. rapa* не отличаются от семян *B. campestris*, различить их можно только по анатомическим признакам семенной кожуры. Не исключено, что среди обнаруженных в материале семян присутствуют семена обоих видов.

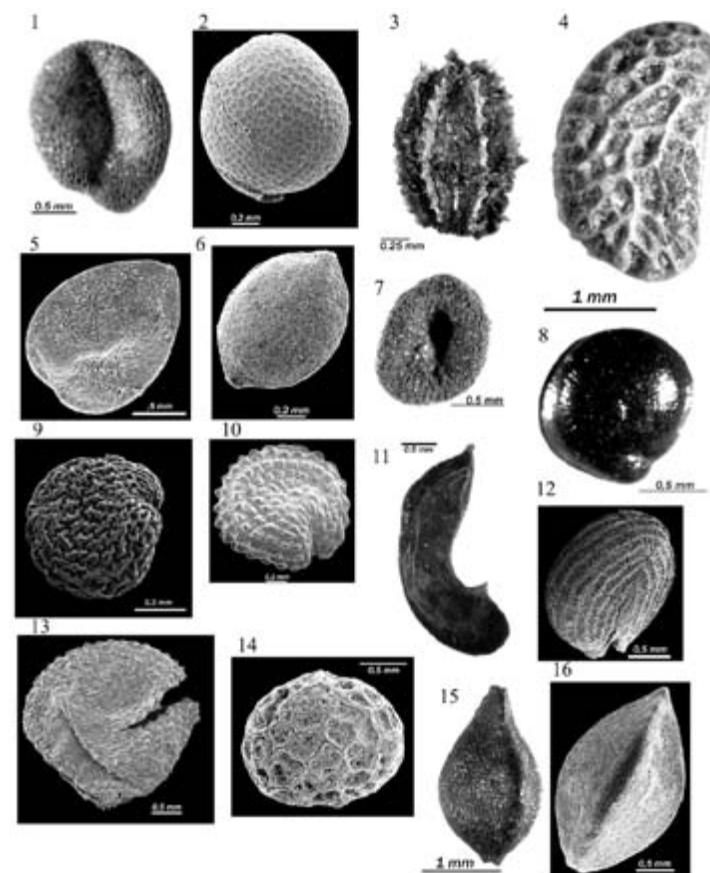

Рис. 2. Некарбонизированные семена и плоды:

- 1 — Семя *Solanum nigrum* — Паслена черного (световой микроскоп);
 2 — Семя *Brassica* sp. — Капусты (СЭМ); 3 — Мерикарпий (часть плода) *Daucus sativus* — Моркови посевной (световой микроскоп); 4 — Косточка *Rubus idaeus* — Малины (световой микроскоп); 5 — Орешек *Urtica urens* — Крапивы жгучей и 6 — орешек *U. dioica* — Крапивы двудомной (СЭМ); 7 — Семя *Cuscuta* sp. — Повилики (световой микроскоп); 8 — Семя *Chenopodium album* — Марь белой (световой микроскоп); 9 — Семя *Stellaria graminea* — Звездчатки злаковой и 10 — семя *S. media* — Звездчатки средней (СЭМ); 11 — Орешек *Filipendula ulmaria* — Таволги вязолистной (световой микроскоп); 12 — Семя *Thlaspi arvense* — рутки полевой (СЭМ); 13 — Семя *Agrostemma githago* — Куколя (СЭМ); 14 — Стручочек *Neslia paniculata* — Неслии метельчатой (СЭМ); 15 — Орешек *Polygonum aviculare* — Горца птичьего (световой микроскоп) и 16 — орешек *P. convolvulus* — Горца вьюнкового (СЭМ).

но утвердился американский пришелец — картофель. Найденные в пробах семена мака могут принадлежать маку снотворному (*Papaver somniferum*), который, судя по письменным источникам, употреблялся в пищу уже в XIV—XV вв.

Остальные, представленные в таблице 1, растения в период своего плодоношения не представляли интереса для человека и были мало привлекательны для скотины. Многие из них обладают достаточно грубыми стеблями (например, таволга вязолистная), а также среди них много ядовитых для скота растений (лютики, гвоздичные, белена черная, частуха). Пожалуй, целенаправленно из этих растений люди могли собирать только марь белую в качестве пищевого растения, да и то лишь в голодные годы, но, судя по вещественному комплексу памятников, жители этих усадеб были весьма зажиточными людьми. Таким образом, плоды и семена этих растений могли попасть в культурные слои вместе с соломой, сеном или с грязью либо на ногах жителей усадьбы, либо скота, или же диаспоры растений-эпизоохоров могли быть занесены на территорию усадьбы на одежде людей или на шкуре животных. С учетом основных местообитаний неподалеку от усадеб, все эти растения распределены по трем группам.

К группе растений поймы отнесены следующие таксоны:

1	<i>Alisma plantago-aquatica</i> L.	16	<i>Thalictrum</i> spp.
2	<i>Scirpus sylvaticus</i> L.	17	<i>Bunias orientalis</i> L. <i>Filipendula ulmaria</i> (L.)
3	<i>Eleocharis uniglumis</i> (Link) Schult.	18	Maxim.
4	<i>Carex</i> spp.	19	<i>Geum</i> cf. <i>G. rivale</i> L.
5	<i>Urtica dioica</i> L.	20	<i>Alchemilla</i> spp.
6	<i>Rumex confertus</i> Willd.	21	<i>Trifolium repens</i> L.
7	<i>Rumex</i> cf. <i>R. acetosa</i> L. <i>Polygonum lapathifolium</i> L. vel P.	22	<i>Angelica sylvestris</i> L.
8	<i>Persicaria</i> L.	23	<i>Cuscuta</i> sp.
9	<i>Stellaria graminea</i> L.	24	<i>Prunella vulgaris</i> L.
10	<i>S. media</i> L.	25	<i>Lycopus europaeus</i> L.
11	<i>Coronaria flos-cuculi</i> (L.) A. Br. <i>Silene</i> L. s.l. (incl. <i>Melandrium dioicum</i>)	26	<i>Mentha</i> cf. <i>M. arvensis</i> L. s.l.

12	(L.) Cosson et Germ.)	27	<i>Bidens tripartita</i> L.
13	<i>Ranunculus acris</i> L.	28	<i>Arctium</i> sp.
14	<i>R. repens</i> L.	29	<i>Cirsium arvense</i> (L.) Scop.
15	<i>R. sceleratus</i> L.	30	<i>Centaurea</i> sp.

В пойме скот выпасали с весны до глубокой осени, и там было много мест, изобиловавших грязью (например, места водопоя, скотобойные тропы). Отсюда вместе с грязью животными могли быть перенесены плоды и семена таких растений, как болотница одночешуйная (*Eleocharis uniglumis*), крапива двудомная (*Urtica dioica*) (рис. 2.6) и паразитирующая на ней повилика (*Cuscuta*) (рис. 2.7), звездчатка злаковая (*Stellaria graminea*) (рис. 2.9), дрема двудомная (*Melandrium dioicum*), таволга вязолистная (*Filipendula ulmaria*) (рис. 2.11).

Группа сорняков огородов и полей по числу таксонов лишь немного уступает растениям поймы:

1	<i>Setaria pumila</i> (Poir.) Roem. et Schult.	15	<i>Brassica campestris</i> L.
2	<i>Urtica urens</i> L.	16	<i>Neslia paniculata</i> (L.) Desv.
3	<i>Rumex acetosella</i> L.	17	<i>Viola</i> cf. <i>V. arvensis</i> Murr.
4	<i>Polygonum convolvulus</i> L.	18	<i>Galeopsis ladanum</i> L.
5	<i>P. lapathifolium</i> L. vel P. <i>persicaria</i> L.	19	<i>Galeopsis</i> spp.
6	<i>Chenopodium album</i> L. aggr.	20	<i>Lamium</i> cf. <i>L. purpureum</i> L.
7	<i>Amaranthus blitum</i> L.	21	<i>Stachys</i> spp.
8	<i>Stellaria media</i> L.	22	<i>Mentha</i> cf. <i>M. arvensis</i> L. s.l.
9	<i>Agrostemma githago</i> L.	23	<i>Solanum nigrum</i> L.
10	<i>Silene</i> spp.	24	<i>Linaria vulgaris</i> Mill.
11	<i>Barbarea vulgaris</i> R. Br.	25	<i>Cirsium arvense</i> (L.) Scop.
12	<i>Berteroa incana</i> (L.) DC.	26	<i>Centaurea</i> sp.
13	<i>Thlaspi arvense</i> L.	27	<i>Sonchus arvensis</i> L.
14	<i>Capsella bursa-pastoris</i> (L.) Medik.	28	<i>Taraxacum officinale</i> Wigg. s.l.

Диаспоры растений, засорявших приусадебные огороды, могли попасть в культурный слой с грязью на ногах человека и животных, а с полей — скорее всего, или с уже обмолоченным зерном, или с соломой, которую привозили на территорию усадьбы. Среди сорняков есть как однолетники, обладающие очень высокой семенной продуктивностью, например марь белая *Chenopodium album* (рис. 2.8), сурепка *Barbarea vulgaris*, фиалка полевая *Viola arvensis*, пикульники *Galeopsis*; так и многолетники, с которыми трудно справиться, например, горец вьюнковый *Polygonum convolvulus* (рис. 2.16), мята полевая *Mentha arvensis*. Вместе со снопами зерновых или уже с зерном, а также и с соломой на территорию усадьбы могли попадать диаспоры и таких специализированных сорняков хлебных злаков, как куколь (*Agrostemma githago*) (рис. 2.13), василек синий (*Centaurea cyanus*) и неслия (*Neslia paniculata*) (рис. 2.14). Впрочем, семянки василька могли принадлежать и другому виду этого рода, а неслия могла расти и где-нибудь при дороге.

Наибольшее количество таксонов попадает в группу рудеральных и придорожных растений:

1	<i>Setaria pumila</i> (Poir.) Roem. et Schult.	21	<i>Bunias orientalis</i> L.
2	<i>Urtica dioica</i> L.	22	<i>Agrimonia eupatoria</i> L.
3	<i>Urtica urens</i> L.	23	<i>Trifolium repens</i> L.
4	<i>Rumex acetosella</i> L.	24	<i>Malva</i> cf. <i>M. pusilla</i> Sm.
5	<i>R. confertus</i> Willd.	25	<i>Anthriscus sylvestris</i> (L.) Hoffm.
6	<i>Polygonum aviculare</i> L.	26	<i>Nepeta cataria</i> L.
7	<i>P. convolvulus</i> L.	27	<i>Galeopsis ladanum</i> L.
8	<i>P. lapathifolium</i> L. vel <i>P. persicaria</i> L.	28	<i>Galeopsis</i> spp.
9	<i>Chenopodium album</i> L. aggr.	29	<i>Lamium</i> cf. <i>L. purpureum</i> L.
10	<i>Chenopodium hybridum</i> L.	30	<i>Leonurus quinquelobatus</i> Gilib.
11	<i>Amaranthus blitum</i> L.	31	<i>Stachys</i> spp.
12	<i>Stellaria graminea</i> L.	32	<i>Solanum nigrum</i> L.
13	<i>S. media</i> L.	33	<i>Hyosциamus niger</i> L.

14	<i>Cerastium arvense</i> L.	34	<i>Linaria vulgaris</i> Mill.
15	<i>Silene</i> spp.	35	<i>Arctium</i> sp.
16	<i>Ranunculus repens</i> L.	36	<i>Cirsium arvense</i> (L.) Scop.
17	<i>Chelidonium majus</i> L.	37	<i>Centaurea</i> sp.
18	<i>Berteroa incana</i> (L.) DC.	38	<i>Sonchus arvensis</i> L.
19	<i>Thlaspi arvense</i> L.	39	<i>Taraxacum officinale</i> Wigg. s.l.
20	<i>Capsella bursa-pastoris</i> (L.) Medik.	40	<i>Anthemis tinctoria</i> L.

Плоды и семена этих растений попали в культурный слой, скорее всего, с грязью на ногах человека и животных. Такие типичные рудералы, как крапива двудомная (рис. 2.6), крапива жгучая (рис. 2.5), марь белая (рис. 2.8), обладают очень высокой семенной продуктивностью, а такие, как горец птичий (*Polygonum aviculare*) (рис. 2.15) и клевер ползучий (*Trifolium repens*), устойчивы к вытаптыванию. Удивительно то обстоятельство, что в пробах не было встречено семян подорожника, хотя, например, в средневековых польских городах его отмечают (Latalowa, 2003).

Сравнивать результаты анализа растительного материала, происходящего из разных пластов одного памятника, вряд ли корректно, ибо выборка слишком мала. Сравнение же результатов археоботанического анализа проб из Переяславля Рязанского и Старой Рязани может представлять интерес. При достаточно большом сходстве субфоссиальных флор этих городов, флора Переяславля богаче: если учитывать только определенные до вида таксоны, то их больше, чем в Старой Рязани на 8 видов, что составляет примерно 10% всей флоры, хотя при этом во флоре Переяславля Рязанского и отсутствуют 4 вида, отмеченных в Старой Рязани; во флоре же Старой Рязани отсутствуют 12 (!) видов, отмеченных во флоре Переяславля и это при том, что выборка из Старой Рязани (17626 диаспор) примерно в 5 раз больше, чем в Переяславле (3617 диаспор). Возможно, более низкое таксономическое разнообразие флоры Старой Рязани могло быть связано с большей антропогенной нагрузкой в этой местности. Раскоп № 27 располагался в посадской части города, которая, с одной стороны, примыкала к пойме, а с другой — к Северному городищу, которое, в свою очередь, от других природных объектов отделяло Южное городище. Таким образом, эта тер-

ритория была в некоторой степени изолирована и подвержена более активному, чем территория Переяславля Рязанского, воздействию человека и домашнего скота.

Как уже было отмечено, выявленная при анализе макроостатков из почвенных проб флора — лишь небольшая выборка из флоры данного района, тем не менее, она позволяет сделать некоторые выводы о растительном покрове Переяславля Рязанского, Старой Рязани и их окрестностей. Во-первых, наличие в этой выборке древесных растений свидетельствует о том, что в ближайших окрестностях городов была древесная и кустарниковая растительность. И если, предположим, древесину липы для поделок или дуба для строительства и могли привезти издалека, то вряд ли жители усадеб отправились далеко собирать орехи лещины, плоды малины, черники и черемухи для еды или хворост ивы для растопки печей. Но делать какие-либо утверждения о характере этих лесов и о размере площади, ими занимаемой, пока преждевременно. Во-вторых, список растений поймы, плоды и семена которых попали в культурный слой, вероятнее всего благодаря сельскохозяйственным животным, позволяет утверждать, что в окрестностях Переяславля Рязанского и Старой Рязани были обширные пойменные луга, на которых пасся скот с весны до поздней осени. Обширный список сорных, придорожных и рудеральных растений свидетельствует о достаточно богатой урбановфлоре, пополняющейся и пришельцами из ближайших окрестностей, в том числе и с береговых склонов, причем не только лесистых, но и с открытых, на что указывает наличие в пробах семян *Hypericum perforatum* L. (зверобоя продырявленного) и обилие орешков клубники. Естественно, источником сорных и рудеральных растений являлись и приусадебные огороды.

Сделанные на основе анализа субфоссиальной флоры предположения о растительном покрове подтверждаются и результатами спорово-пыльцевого анализа культурных слоев Переяславля Рязанского (Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Спиридонова Е.А. Результаты палинологических исследований культурного слоя из Житного раскопа (2010 г.) // См. статью настоящего сборника).

В заключение следует еще раз отметить, что субфоссиальная флора Старой Рязани, Переяславля Рязанского и их близлежащих окрестностей насчитывает 93 таксона, причем флора Переяславля Рязанского богаче старорязанской примерно на 10%. По-видимому, основными источниками диаспор в культурных слоях являлись, в первую очередь, навоз, грязь на ногах человека и сельскохозяйственных жи-

вотных и в меньшей степени — сено, солома и зерно, привозимые на территорию усадеб.

Состав субфоссиальной флоры позволяет предполагать наличие в окрестностях Старой Рязани и Переяславля Рязанского луговой и древесно-кустарниковой, а в самих городах — богатой сорной, придорожной и рудеральной растительности*.

Литература

- Аалто М., Хейнайоки Х. Растительность и окружающая среда Старой Ладого в эпоху викингов // Древности Поволжья. СПб., 1997.
- Альслёбен А. Земледелие Новгородской округи в IX–X вв. // Там же.
- Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. Глава 6. Растения и животные // Археология древнего Ярославля: загадки и открытия (по материалам Ярославской экспедиции ИА РАН). М., 2010.
- Атлас плодов и семян сорных и ядовитых растений, засоряющих подкарantinную продукцию / Е.М. Волкова, С.А. Данкверт, М.И. Маслов, У.Ш. Магомедов. М., 2007.
- Биологический энциклопедический словарь. М., 1989.
- Броувер В., Штелин А. Справочник по семеноведению сельскохозяйственных, лесных и декоративных культур. М., 2010.
- Васильченко И.Т. Сем. IV. Амарантовые — *Amaranthaceae* Juss. // Флора СССР. М.; Л., 1936. Т. 6.
- Вехов В.Н., Губанов И.А., Лебедева Г.Ф. Культурные растения СССР. М., 1978.
- Вирхов В.Е. Диагностические признаки древесины. М., 1959.
- Гаммерман А.Ф., Никитин А.А., Николаева Т.Л. Определитель древесин по микроскопическим признакам. М.; Л., 1946.
- Губанов И.А., Крылова И.Л., Тихонова В.Л. Дикорастущие полезные растения СССР. М., 1975.
- Гусынин И.А. Токсикология ядовитых растений. Фитотоксикология. М., 1947.
- Доброхотов В.Н. Семена сорных растений. М., 1961.
- Домбровская А.В., Корнеева М.М., Тюрмнов С.Н. Атлас растительных остатков, встречаемых в торфе. М.; Л., 1959.
- Завьялов В.И. Археологическое исследование кремля Переяславля Рязанского в 2004–2005 гг. // Материалы Всероссийской научной конференции «Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековья)». Рязань, 2006.
- Завьялов В.И. Археологические исследования посада Старой Рязани // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005.
- Завьялов В.И. Исследование Житного раскопа в Кремле Переяславля Рязанского // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Российская археология. 2010. № 1.
- Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке / В.С. Гунова, Н.А. Кирьянова, Н.А. Кренке, В.А. Низовцев, Е.А. Спиридонова // Российская археология. 1996. № 4.

* Автор благодарна за ценные советы и помощь при выполнении данной работы Ю.Е. Алексееву, А.С. Алешинской, О.А. Волковой, А.Г. Девятову, В.И. Завьялову, Е.А. Кузминой, Е.Ю. Лебедевой, М.С. Левиной, В.С. Новикову, С.Р. Майорову, А.П. Сухорукову, В.Р. Филину, О.В. Юрцевой, а также сотрудникам Общефакультетской лаборатории электронной микроскопии Биологического факультета МГУ.

- Иллюстрированный определитель растений Средней России / И.А. Губанов, К.В. Киселева, В.С. Новиков, В.Р. Тихимиров. в 3 т. М., 2003. Т. 2. 665 с.; М., 2004. Т. 3. *Ильин М.М.* Сем. LIII. Маревые — Chenopodiaceae Less. // Флора СССР. М.; Л., 1936. Т. 6.
- Казакова М.В.* Флора Рязанской области. Рязань, 2004.
- Кац Н. Я., Кац С.В., Капиани М.Г.* Атлас и определитель плодов и семян, встречающихся в четвертичных отложениях СССР. М., 1965.
- Кириянов А.В.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 65.
- Кириянов А.В.* К вопросу о раннеболгарском земледелии // МИА. 1958. № 61.
- Кириянов А.В.* Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора // КСИА. 1962. № 91.
- Ключникова Н.М., Марков М.В.* Гетерокарпия и некоторые другие особенности популяционной биологии двух видов из рода *Bidens* L. (Compositae) // Бюл. Моск. о-ва испытателей природы. Отд. биол. 1994. Т. 99. Вып. 1.
- Крестовская Т.В., Васильева И.М.* Морфология плодов видов *Betonica* и *Stachys* (секции *Eriostachys*, *Calostachys*, *Stachyotypus*) (Lamiaceae) и ее значение для систематики // Ботанический журнал. 1998а. Т. 83. № 11.
- Крестовская Т.В., Васильева И.М.* Морфология плодов рода *Stachys* (секция *Olisia*, *Chilostachys*, *Chamaesiderites*, *Zietenia*, *Ambleia*) (Lamiaceae) и ее значение для систематики // Там же. 1998б. Т. 83. № 12.
- Ларин И.В. и др.* Кормовые растения сенокосов и пастбищ СССР. М.; Л., 1951. Т. 2.
- Левина Р.Е.* Способы распространения плодов и семян. М., 1957.
- Лебедева Е.Ю.* Переяславль Рязанский: археоботанические материалы XVII века. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М., 2011. Вып. 2.
- Лебедева Е.Ю.* Археоботаническая реконструкция древнего земледелия (методические критерии) // ОПУС: междисциплинарные исследования в археологии. 2008. Вып. 6.
- Лебедева Е.Ю.* Культурные растения Ростиславля: археоботанические материалы из дьяковского городища и древнерусского города // Археология и естественнонаучные методы. М., 2005.
- Лебедева Е.Ю.* Рекомендации по сбору образцов для археоботанического анализа // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М., 2009. Вып. 1.
- Леньков П.В.* Семена полевых сорных растений Европейской части СССР. М., 1932.
- Маевский П.Ф.* Флора средней полосы европейской части России. 10-е испр. и доп. изд. М., 2006.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Кирыянова Н.А.* Палеоботанические материалы из Белозерья: к истории становления земледелия на северных окраинах Древней Руси // Российская археология. 1998. № 1.
- Монгайт А.Л.* Старая Рязань // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1955. Т. 49.
- О работах Волго-Уральской комплексной археологической экспедиции в 1989—1990 гг. / Е.Н. Черных, С.А. Агапов, А.Ю. Кравцов, С.В. Кузьминых, Е.Ю. Лебедева, Н.Л. Моргунова, Л.Б. Орловская, Т.О. Тенейшвили // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.
- Пидотти О. А.* Семена и плоды сорных растений. Л., 1970.

- Попов М.Г.* Сем. XXXVIII. Бурачниковые — Boraginaceae G.Don. // Флора СССР. М.; Л., 1953. Т. 19.
- Работнов Т.А.* Фитоценология. М., 1983.
- Смирнова С.А.* Ключ для определения родов сорных бурачковых СССР по плодам. // Ботанический журнал. 1982. № 7.
- Смирнова С.А., Каден Н.Н.* Применение цифрового политомического ключа для определения родов сорных бурачниковых СССР по плодам // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «Биология». 1977. № 4.
- Сорные растения СССР. В 4 т. Т. 1—3. Л., 1934; Т. 4. М.; Л., 1935.
- Ульянова Т.Н.* Сорные растения во флоре России и сопредельных государств. Барнаул, 2005.
- Чернов Е.Г.* *Eleocharis* R. Вг.— Болотница // Флора Мурманской области. М.; Л., 1954. Вып. 2.
- Шишкин Б.К.* Сем. LX. Гвоздичные — Caryophyllaceae Juss // Флора СССР. М.; Л., 1936. Т. 6.
- Шишкин Б.К.* Род 1039. Дудник — *Angelica* L. // Флора СССР. М.; Л., 1951а. Т. 17.
- Шишкин Б.К.* Род 1079. Морковь — *Daucus* L. // Там же. 1951б. Т. 17.
- Юрцева О.В., Яковлева Н.Д., Иванова-Радкевич Т.И.* Гетерокарпия у *Polygonum aviculare* L. и близких видов (*Polygonum*, subsect. *Polygonum*) // Бюл. Моск. о-ва... 1999. Т. 104. Вып. 2.
- Bojňanský V., Fargašová A.* Atlas of seeds and fruits of Central and East-European flora. Springer, 2007.
- Cappers R.T.J.* A palaeoecological model for the interpretation of wild plant species// Veget Hist Archaeobot, 1995. Vol. 4.
- Greguss P.* Holzanatomie der europäischen Laubbölzer und Sträucher. Budapest. Akad. Kiado., 1959. 330 S., 303 Tf.
- Grigas A.* Lietuvos augalų vaisiai ir sėklos. Vilnius Mokslas, 1986.
- Karg S.* Plant diversity in Late Medieval cornfields of Northern Switzerland // Veget Hist Archaeobot, 1995. Vol. 4.
- Latalowa M., Badura M., Jarosińska J.* Archaeobotanical samples from non-specific urban contexts as a tool for reconstructing environmental conditions (examples from Elbląg and Kołobrzeg, northern Poland) // Veget Hist Archaeobot. 2003. Vol. 12.
- Mazzanti M.B., Bosi G., Mercuri A.M., Accorsi C.A., Guarnieri C.* Plant use in a city in Northern Italy during the late Mediaeval and Renaissance periods: results of the archaeological investigation of 'The Mirror Pit' (14th-15th century A.D.) in Ferrara // Veget Hist Archaeobot. 2005. Vol. 14.
- Renfrew J.M.* Palaeoethnobotany. The prehistoric food plants of the Near East and Europe. London, 1973.

Таблица 1. Таксономический состав некарбонизированных диаспор из Переяславля Рязанского и Старой Рязани

№	таксон	Переяславль Рязанский						Старая Рязань	
		XVI—XVII вв.		к. XV в.		Общее		XII в.	
		число	%	число	%	число	%	число	%
1	<i>Alisma plantago-aquatica</i>	3	0,14	1	0,07	4	0,11	2	0,01
2	<i>Setaria pumila</i>	3	0,14	7	0,47	10	0,28	133	0,75
3	<i>Poaceae aliae</i>	8	0,38	4	0,27	12	0,33		
4	<i>Scirpus sylvaticus</i>			9	0,60	9	0,25	1	0,01
5	<i>Eleocharis uniglumis</i>	154	7,24	9	0,60	163	4,51	34	0,19
6	<i>Carex spp.</i>	38	1,79	25	1,68	63	1,74	268	1,52
7	<i>Urtica dioica</i>	181	8,51	15	1,01	196	5,42	1148	6,51
8	<i>Urtica urens</i>	18	0,85	3	0,20	21	0,58	1102	6,25
9	<i>Cannabis sativa</i>	11	0,52	7	0,47	18	0,50	22	0,12
10	<i>Rumex acetosella</i>	36	1,69	17	1,14	53	1,47	105	0,60
11	<i>R. confertus</i>							1	0,01
12	<i>Rumex sp.</i>	20	0,94	7	0,47	27	0,75	94	0,53
13	<i>Polygonum aviculare</i>	25	1,18	23	1,54	48	1,33	86	0,49
14	<i>P. convolvulus</i>	6	0,28	31	2,08	37	1,02	155	0,88
15	<i>P. lapathifolium</i> vel <i>P. Persicaria</i>	12	0,56	9	0,60	21	0,58	591	3,35
16	<i>Polygonaceae aliae</i>			7	0,47	7	0,19	2	0,01

17	<i>Chenopodium album</i>	799	37,58	676	45,34	1475	40,78	7169	40,67
18	<i>C. hybridum</i>	6	0,28			6	0,17	238	1,35
19	<i>Chenopodiaceae aliae</i>	45	2,12	94	6,30	139	3,84	215	1,22
20	<i>Amaranthus blitum</i>	1	0,05			1	0,03		
21	<i>Stellaria graminea</i>	27	1,27	99	6,64	126	3,48	39	0,22
22	<i>S. media</i>	8	0,38	2	0,13	10	0,28	157	0,89
23	<i>S. cf. S. media</i>	5	0,24			5	0,14	629	3,57
24	<i>Stellaria sp.</i>	1	0,05			1	0,03	4	0,02
25	<i>Cerastium arvense</i>	2	0,09			2	0,06		
26	<i>Agrostemma githago</i>	11	0,52	5	0,34	16	0,44	68	0,39
27	<i>Coronaria flos-cuculi</i>	5	0,24	3	0,20	8	0,22	16	0,09
28	<i>Silene spp.</i>	49	2,30	40	2,68	89	2,46	1056	5,99
29	<i>Dianthus deltoides</i>	4	0,19	1	0,07	5	0,14		
30	<i>Caryophyllaceae aliae</i>			3	0,20	3	0,08	2	0,01
31	<i>Ranunculus acris</i>	12	0,56	7	0,47	19	0,53	9	0,05
32	<i>R. repens</i>	45	2,12	16	1,07	61	1,69	54	0,31
33	<i>R. sceleratus</i>	2	0,09			2	0,06	44	0,25
34	<i>Thalictrum spp.</i>	11	0,52	14	0,94	25	0,69	181	1,03
35	<i>Chelidonium majus</i>	1	0,05	5	0,34	6	0,17	2	0,01
36	<i>Papaver sp.</i>	3	0,14			3	0,08	2	0,01
37	<i>Barbarea arcuata</i>	8	0,38	6	0,40	14	0,39	1	0,01
38	<i>Berteroa incana</i>	6	0,28	5	0,34	11	0,30	0	0,00

39	<i>Thlaspi arvense</i>	15	0,71	7	0,47	22	0,61	119	0,68
40	<i>Capsella bursa-pastoris</i>	0	0,00	1	0,07	1	0,03	1	0,01
41	<i>Brassica campestris</i>	6	0,28	13	0,87	19	0,53	47	0,27
42	<i>Neslia paniculata</i>	4	0,19	13	0,87	17	0,47	46	0,26
43	<i>Bunias orientalis</i>	1	0,05	0	0,00	1	0,03	0	0,00
44	<i>Cruciferae aliae</i>	0	0,00	0	0,00	0	0,00	4	0,02
45	<i>Filipendula ulmaria</i>	5	0,24	27	1,81	32	0,88	721	4,09
46	<i>Rubus idaeus</i>	51	2,40	1	0,07	52	1,44	530	3,01
47	<i>Potentilla spp.</i>	97	4,56	69	4,63	166	4,59	37	0,21
48	<i>Fragaria spp.</i>	16	0,75	0	0,00	16	0,44	658	3,73
49	<i>Geum spp.</i>	0	0,00	0	0,00	0	0,00	6	0,03
50	<i>Agrimonia eupatoria</i>	3	0,14	0	0,00	3	0,08	7	0,04
51	<i>Alchemilla spp.</i>	107	5,03	11	0,74	118	3,26	2	0,01
52	<i>Padus avium</i>	4	0,19	3	0,20	7	0,19	0	0,00
53	<i>Cerasus vulgaris</i>	0	0,00	0	0,00	0	0,00	6	0,03
54	<i>Trifolium pratense</i>	2	0,09	0	0,00	2	0,06	0	0,00
55	<i>Trifolium repens</i>	8	0,38	0	0,00	8	0,22	0	0,00
56	<i>Fabaceae aliae</i>	1	0,05	0	0,00	1	0,03	0	0,00
57	<i>Malva spp.</i>	0	0,00	0	0,00	0	0,00	21	0,12
58	<i>Hypericum perforatum</i>	0	0,00	0	0,00	0	0,00	3	0,02
59	<i>Viola spp.</i>	12	0,56	13	0,87	25	0,69	48	0,27
60	<i>Anthriscus sylvestris</i>	0	0,00	2	0,13	2	0,06	3	0,02

61	<i>Angelica sylvestris</i>	0	0,00	1	0,07	1	0,03	0	0,00
62	<i>Daucus sativus</i>	0	0,00	1	0,07	1	0,03	0	0,00
63	<i>Umbelliferae aliae</i>	4	0,19	0	0,00	4	0,11	0	0,00
64	<i>Vaccinium myrtillus</i>	1	0,05	0	0,00	1	0,03	7	0,04
65	<i>Cuscuta spp.</i>	11	0,52	4	0,27	15	0,41	425	2,41
66	<i>Ajuga reptans</i>	3	0,14	0	0,00	3	0,08	3	0,02
67	<i>Nepeta cataria</i>	3	0,14	0	0,00	3	0,08	91	0,52
68	<i>Prunella vulgaris</i>	37	1,74	6	0,40	43	1,19	14	0,08
69	<i>Galeopsis ladanum</i>	2	0,09	0	0,00	2	0,06	0	0,00
70	<i>Galeopsis spp.</i>	22	1,03	68	4,56	90	2,49	162	0,92
71	<i>Lamium sp.</i>	6	0,28	1	0,07	7	0,19	0	0,00
72	<i>Leonurus quinquelobatus</i>	4	0,19	0	0,00	4	0,11	29	0,16
73	<i>Stachys spp.</i>	5	0,24	15	1,01	20	0,55	27	0,15
74	<i>Lycopus europaeus</i>	0	0,00	1	0,07	1	0,03	38	0,22
75	<i>Mentha spp.</i>	4	0,19	17	1,14	21	0,58	14	0,08
76	<i>Labiatae aliae</i>	7	0,33	0	0,00	7	0,19	1	0,01
77	<i>Solanum nigrum</i>	33	1,55	15	1,01	48	1,33	627	3,56
78	<i>Hyoscyamus niger</i>	3	0,14	0	0,00	3	0,08	0	0,00
79	<i>Linaria vulgaris</i>	0	0,00	1	0,07	1	0,03	1	0,01
80	<i>Rubiaceae</i>	0	0,00	2	0,13	2	0,06	0	0,00
81	<i>Bidens tripartita</i>	0	0,00	1	0,07	1	0,03	101	0,57
82	<i>Arctium spp.</i>	4	0,19	2	0,13	6	0,17	31	0,18

83	Cirsium arvense	7	0,33	3	0,20	10	0,28	21	0,12
84	Centaurea sp.	0	0,00	7	0,47	7	0,19	1	0,01
85	Sonchus arvensis	1	0,05	2	0,13	3	0,08	65	0,37
86	Taraxacum officinale	11	0,52	1	0,07	12	0,33	17	0,10
87	Anthemis tinctoria	3	0,14	0	0,00	3	0,08	45	0,26
88	Compositae aliae	3	0,14	15	1,01	18	0,50	0	0,00
	Неопределенные	54	2,54	18	1,21	72	1,99	17	0,10
		2126	100,00	1491	100,00	3617	100,00	17626	100,00

Таблица 2. Таксономический состав карбонизированных диаспор дикорастущих растений из Переяславля Рязанского (раскопки 2006 г.) и Старой Рязани (раскопки 2000 г.) (по Е.Ю. Лебедевой)

Переяславль Рязанский XVI–XVII вв.		Всего	%	Старая Рязань XII в.		Всего	%
1	Setaria glauca	1	0,5	1	Setaria glauca	4	5,2
2	Poaceae	5	2,6	2	S. viridis	6	7,8
3	Poaceae, м/с	3	1,6	3	Setaria sp.	3	3,9
4	Eleocharis palustris	3	1,6	4	Echinochloa crus-galli	5	6,5
5	Carex sp.	2	1,0	5	Bromus sp.	5	6,5
6	Cyperaceae	2	1,0	6	Poaceae	1	1,3
7	Rumex acetosa	1	0,5	7	Poaceae, мелкозерн.	2	2,6
8	Polygonum convolvulus	1	0,5	8	Urtica urens	2	2,6

9	Polygonum convolvulus	1	1,3
10	P. lapathifolium	1	1,3
11	Chenopodium album	25	32,5
12	Agrostemma githago	1	1,3
13	Caryophyllaceae	2	2,6
14	Capsela bursa-pastoris	1	1,3
15	Cruciferae	3	3,9
16	Potentilla sp.	1	1,3
17	Malvaceae	1	1,3
18	Galium sp.	2	2,6
19	Solanum nigrum	2	2,6
	Неопределенные	9	11,7
		77	100,0

9	Polygonaceae	1	0,5
10	Chenopodium album	45	23,4
11	C. hybridum	1	0,5
12	Atriplex sp.	2	1,0
13	Chenopodiaceae	59	30,7
14	Stellaria graminea	1	0,5
15	Agrostemma githago	13	6,8
16	Silene sp.	5	2,6
17	Ranunculus sp.	1	0,5
18	Thlaspi arvense	3	1,6
19	Camelina sativa	5	2,6
20	Brassica sp.	3	1,6
21	Brassicaceae	7	3,6
22	Potentilla sp.	1	0,5
23	Prunella vulgaris	1	0,5
24	Galeopsis ladanum	2	1,0
25	Stachys annua	2	1,0
26	Lamiaceae	1	0,5
27	Galium sp.	4	2,1
28	Centaurea cyanus	1	0,5
	Неопределенные	16	8,3
		192	100,0

Л.Н. Соловьёва

КРАТКИЙ ОБЗОР НАХОДОК ИЗ ДЕРЕВА ПО МАТЕРИАЛАМ ЖИТНОГО РАСКОПА В ПЕРЕЯСЛАВЛЕ РЯЗАНСКОМ (2006–2011 гг.)

За семь лет научных изысканий на территории Житного раскопа в Рязанском кремле археологам удалось исследовать 23 пласта культурного слоя и углубиться до напластований XIII–XIV вв. За это время было изучено порядка 240 находок из дерева. Каждая из них была подвергнута анализу на определение породы древесины. Для этого с каждого предмета бралось по три среза в поперечном, радиальном и тангенциальном направлениях. Дальнейший анализ строения древесины проводился под бинокулярным микроскопом с целью выявления характерных признаков породы. Здесь различают ядро, заболонь, годовичные слои, сосуды и их величину (у лиственных пород), сердцевинные лучи, смоляные ходы (у некоторых хвойных), а также ряд других анатомических признаков, являющихся относительно постоянными.

Несмотря на небольшую площадь раскопа (160 кв. м), вещевым материалом представлены многие аспекты хозяйственной жизни русского средневекового города. Это бытовые вещи и детские игрушки, фрагменты мебели, орудия труда и отходы производства, детали транспорта, охотничье и рыболовное снаряжение, а также предметы культа. По-прежнему значительную часть находок составляют так называемые поделки, изделия и предметы — это вещи либо не атрибутированные исследователями, либо не нашедшие своего применения «при жизни». Такие поделки составляют около четвертой части всех находок из дерева.

При рассмотрении деревянных изделий Житного раскопа нельзя не обратить внимания на то, что большая их часть представляет собой предметы ежедневного обихода, а именно является той составной частью быта, которая находится в женском ведении. Здесь имеются ввиду веретёна, гребни для пряжи, чесала, оправы для зеркал, туалетные гребни, ножи, посуда и, безусловно, детские игрушки.

По своему древесному составу все эти вещи изготовлены из местных пород древесины, кроме туалетных гребней — они традиционно были самшитовые. Так, из 17 веретён 5 были сделаны из берёзы, 4 из коры, 3 из клёна, 4 из ивы и 1 из ольхи. Выявить какую-либо закономерность здесь трудно, так как они равномерно

располагаются по пластам. Сами веретёна отличаются по форме и размерам, как любая вещь индивидуального пользования.

Все придлинные гребни изготовлены из клёна, причём найдены они были на 15, 17 и 18 пластах. Чесало было найдено в единственном экземпляре, и оно кленовое. Туалетные гребни, как уже было сказано, все самшитовые.

Посуда из коллекции Житного раскопа представлена прежде всего ложками и ковшками. Их изготавливали из умеренно мягкой и красивой древесины клёна, вяза и других лиственных, также встречается дуб, хотя использование его не характерно для вырезания столовой утвари. Чаши, тарелки, блюда, а также бондарные изделия были найдены в единичных экземплярах. За исключением дубовых бондарных крышек, их также вырезали из более податливых обработке лиственных пород древесины.

Отдельно следует сказать о вещах, изготовленных из привозных пород. За исключением самшитовых гребней, это железные ножи с самшитовыми рукоятками и оправы зеркал из пихты. Все ножи были обнаружены либо на территории сооружения № 12, либо на прилегающих к нему квадратах. Всего их было найдено 5 экземпляров, причём залегающие на уровне 15 и 16 пластов имели цельные рукоятки, а более ранние, с 19 и 21 пластов были с составными рукоятками. Оправы зеркал также находились внутри сооружения № 12 или в непосредственной близости от него. Все они, кроме одного, были круглые, диаметром до 10 см. Всего было найдено 8 оправ, 6 из них сделаны из пихты, а 2 штуки — из ели. Ввиду некоторой их разбросанности в хронологической плоскости, трудно сказать, был ли это единовременный завоз. В культурном слое они распределялись следующим образом: 2 экземпляра были с 14 пласта, 2 — с 15 пласта, 2 оправы найдены на уровне 16 пласта, 1 — с 18, и 1 — с 22 пласта.

Деревянные детские игрушки Переяславля Рязанского представлены двумя группами: деревянные мечи и их рукоятки, колёсики от повозок, лодочки — эта группа у А.С. Хорошева называется игрушками имитациями оружия и транспортных средств; волчки, шары — для коллективных игр¹. Следует заметить, что все колёсики были взяты на раскопе как поплавки, однако, на взгляд автора статьи, они являются именно деталями детских игрушек. Совершенно нет резных кукол для игр девочек; возможно, они существовали тряпичными

¹ Хорошев А.С. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // Новгород и Новгородская земля. 1998. Вып. 12.

или сделанными из бересты. Также отсутствуют зооморфные изображения, в частности нет коников и диких животных. Рязанскую коллекцию игрушек дополняют глиняные свистульки и погремушки. Всего было найдено 18 предметов. Основная часть деревянных игрушек была изготовлена из сосновой коры, либо непосредственно из древесины сосны. Так, имитации мечей предпочтительно резались из сосны как в Переяславле-Рязанском, так и в Новгороде. Лодочки и колёсики было проще сделать из сосновой коры — материала доступного и простого для обработки даже детскими руками. Волчки и шары могли быть изготовлены как из хвойных, так и из различных лиственных пород древесины (см. приложение).

Такие категории находок, как орудия труда, детали транспорта, фрагменты мебели, найдены в слое в небольших количествах, некоторые из них — поштучно. Анализ их древесных пород также приведён в приложении, кроме того, они были рассмотрены в статье Л.Н. Соловьёвой о деревянных изделиях Житного раскопа².

При исследовании деревянных находок с территории Житного раскопа можно отметить значительное преобладание лиственных пород древесины над хвойными. Массовая доля лиственных пород составляет 71%, что свидетельствует о характерном составе растительности средневекового Переяславля Рязанского. Этот вывод полностью перекликается с данными палинологического анализа³. Кроме того, ещё раз отмечу, что выбор пород для изготовления тех или иных бытовых вещей был обусловлен их дальнейшим предназначением и, соответственно, свойствами непосредственно используемой древесины.

² Соловьёва Л.Н. Состав пород деревянных изделий из Житного раскопа Кремля Переяславля Рязанского (по материалам раскопок 2007–2009 гг.) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Рязань, 2011. Вып. 1.

³ Кочанова М.Д., Алёшинская А.С., Спиридонова Е.А. Результаты палинологических исследований на территории Переяславль-Рязанского Кремля // Там же.

название	сосна	кора сосны	ель	можж.	лист-ца	пихта	дуб	вяз	берёза	клен	ива	липа	листвен	ольха	осина	ясень	вишня	слива	ябл.	смесь	всего
балясина							1					1									2
мебель							1					1									2
блюдо					1																1
заготовка ковша								2						1							3
ковш							2	3		2											7
заготовка ложки		1																			1
ложка	2							4		9		1		1	1	1					19
черпак								1													1
тарелка												1				1					2
чаша								1				2									3
дно											1										1
затычка																1					1
крышка							4														4
обруч бочки											1										1
заготовка игрушки-лодочки	1																				1

[illegible][illegible]

С.И. Милованов

ПРЕДМЕТЫ ТОРГОВОГО ИНВЕНТАРЯ И ИМПОРТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII–XV ВВ. ИЗ РАСКОПОК ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

В результате археологических исследований, проводившихся в разные годы на территории Переяславля Рязанского, обнаружены достаточно представительные свидетельства торговых и культурных связей населения города в период со второй половины XII в. по XV в. Они включают в себя различные категории импортных предметов, изделий, изготовленных из привозного сырья, находки торгового инвентаря (2373 экз.)¹. Анализ обозначенных материалов позволяет более детально охарактеризовать торговлю «малого города» Рязанской земли до начала XIII в. и ее дальнейшее развитие в золотоордынскую эпоху, когда Переяславль становится столицей Великого княжества Рязанского.

Среди археологических материалов одним из доказательств торговой деятельности являются предметы торгового инвентаря. К данной группе находок относится три предмета.

Из раскопок на территории Кремля происходит *гирька для малых взвешиваний* сферической формы с уплощенными полюсами². Она изготовлена из железа и покрыта оболочкой из цветного металла. Ее диаметр в центре составляет 3 см, диаметр оснований 1,4 см, вес 34 г. На основаниях помещено по семь точек.

Гирьки для малых взвешиваний подобного типа были широко распространены на территории Восточной Европы в X–XI вв. и, в основном, время их бытования ограничивается первой половиной XII в. (Захаров, 2004. С. 53; Перхавко, 2006. С. 108–116; Янин, 2009. С. 194–195). Согласно материалам раскопок городища Старая Ря-

¹ В данной работе анализируются предметы, происходящие из раскопок, проводившихся на территории города до 2007 г. включительно, по результатам которых были написаны и сданы в архив ИА РАН научные отчеты. Нумизматический материал второй половины XIV–XV в. мною не привлекается, так как он стал предметом отдельного исследования опубликованного ранее (Гомзин, 2011).

² 1986–Кремль-№ 618-кв. 3-пл. 5 Здесь и далее указываются шифры находок, установленные по описям предметов в отчетах, публикациях и сопроводительных этикетках. Шифры состоят из года раскопок — место раскопа-номера по описи в отчете (№) — пласт (пл.) — квадрат (кв.) — нивелировочной отметки (гл.) — комплекса (я.). Отметим, что полный шифр у ряда находок установить невозможно, из-за отсутствия данных.

зань, они известны и в более позднее время (вторая половина XII — начало XIII в.) (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 52, 149. Табл. 57, 1). Необходимо отметить, что гирьки могли использоваться не только в торговой деятельности, но и для взвешивания различных материалов в производственных мастерских, прежде всего ювелирных (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 190).

К предметам торгового инвентаря относится два экземпляра *косяных рычажных монетных весов*. Одни весы обломаны и состояли из двух деталей, соединенных в центральной части шарниром. Коромысло весов имеет завершение в виде лопаточки, орнаментированной циркульным орнаментом, противовес обломан (1992-шурф 2-№ 29-кв. 1-гл. -53). Весы найдены в слое XIV–XV вв. От других весов (1987-Кремль-№ 4-кв. 17-гл. -140), обнаруженных при раскопках на территории Кремля в нестратифицированных слоях, сохранился лишь небольшой фрагмент лопаточки коромысла также с циркульным орнаментом (Судаков, 1996. С. 172).

Подобные предметы имели широкое распространение в городах Золотой Орды, где они датируются XIV в. (Григорьев, Зайцев, 2000. С. 129). Весы использовались для выяснения полновесности монет и определения фальшивых, вес которых был ниже установленного. На территории Руси находки подобных весов довольно редки. Помимо Переяславля Рязанского они известны в Смоленске, Владимире, Суздале, Семьском городище, Москве, Коломне, на городище у д. Тимофеевки Тульской области (Самошин, Мазуров, Сыроватко, 2005. С. 71). Такие находки свидетельствуют о восточном направлении торговых связей русских земель в XIV–XV вв. (Родина, 2004. С. 70). Рычажные весы использовались как при торговле, так и при обмене монет различных центров чеканки, весовая система которых была взаимосвязана.

Изделия из стекла

Изделия из стекла составляют самую многочисленную категорию предметов среди рассматриваемой коллекции — 2118 экземпляров (89,4% от общего количества анализируемых находок), составляющих шесть категорий находок — браслеты, бусы и бисер, перстни, вставки, обломки сосудов (таблица 1, 2). В силу своей многочисленности изделия из стекла являются неоспоримым свидетельством как внутриобластной, так и международной торговли. Они ввозились на Русь из стран Восточного Средиземноморья, Западной Европы и других регионов. На территории Древнерусского государства, по мнению специалистов, существовали и собственные стекольные ма-

стерские, продукция которых широко распространялась на различные территории (*Щапова*, 1972. С. 25, 26).

Большую группу изделий из стекла составляют *браслеты*. В Переяславле Рязанском за период археологических исследований с 1956 г. по 2007 г. собрано 1908 экземпляров.

Широко датируемые изделия (таблица 3) показывают, что наибольшее количество браслетов из культурного слоя города приходится на золотоордынское время (вторая половина XIII—XV вв.).

Согласно материалам древнерусских городов выделяются два основных варианта распределения стеклянных браслетов во времени (*Щапова*, 1997. С. 87). Первый характеризуется максимальным количеством браслетов в конце XII — начале XIII в. В последующее время встречаются единичные экземпляры, которые в сумме составляют не более 5% от общего количества браслетов на памятнике. Считается, что этот вариант характерен для городов, разоренных в результате монгольского нашествия и где значительную долю составляли изделия, ввозимые из Киева. В тех же городах, где в дополнение киевскому ввозу существовало собственное браслетное производство, прослеживается другой тип распределения стеклянных браслетов во времени, ярким примером которого являются материалы Великого Новгорода. Максимум находок браслетов там приходится на середину XIII в., а в более поздних слоях они составляют около трети всех браслетов на памятнике (*Щапова*, 1997. С. 88–89, табл. 6).

Распределение датированных материалов в Переяславле Рязанском в целом соответствует второму типу, но с определенным отличием: большинство стеклянных браслетов датируется второй половиной XIII—XIV вв. (таблица 3). На это время приходится 64,7% стеклянных браслетов, от общего количества датированных находок. Исходя из того, что находка скопления 536 фрагментов стеклянных браслетов происходит из одного закрытого комплекса (см. ниже), то при подсчетах они были приняты за единицу. Приведенные данные свидетельствуют, что мода на стеклянные браслеты в Переяславле Рязанском переживает пик во второй половине XIII в. и продолжает сохраняться на высоком уровне на протяжении XIV столетия. Данное обстоятельство является отличительной чертой материальной культуры города по сравнению с большинством городских центров Руси, в которых стеклянные браслеты прекращают бытование уже во второй половине XIII — начале XIV в. Однако такую ситуацию нельзя считать уникальной. Аналогичная картина прослежена на материалах раскопок в Твери и Нижнем Новгороде (*Лапшин*, 2009. С. 141).

На сегодняшний момент нет точных данных, позволяющих установить место производства стеклянных браслетов, найденных в Переяславле Рязанском. Вопрос, были ли они предметом ввоза или изготавливались в самом городе, остается открытым и требует специального углубленного изучения обширного материала с использованием естественнонаучных методов, что выходит за рамки данной работы.

Отметим, что проблема существования стекольных мастерских в городах Рязанской земли довольно спорная и сложно разрешимая.

Впервые идея о собственном производстве стеклянных изделий, и прежде всего браслетов, в Старой Рязани была высказана в середине XX в. (*Монгайт*, 1955. С. 131). В качестве доказательства автором приводилась находка «бракованного» стеклянного браслета, обнаруженного во время раскопок в 1913 г.

Изучением древнерусского, в том числе и старорязанского стекла, занималась Ю.Л. Щапова. Ею была поддержана идея о существовании собственного браслетного производства, которое возникло в столице княжества в конце XII в. (*Щапова*, 1974. С. 80, 81). В качестве доказательства приводилось своеобразие цветовой гаммы и набора типов старорязанских браслетов. При этом отмечалось, что в формировании коллекции стеклянных браслетов Старой Рязани участвовали как привезенные из Киева, так и изделия собственного производства (*Щапова*, 1974. С. 79, 80).

Высказывались идеи о существовании стекольного дела в Пронске и Переяславле Рязанском, где, по мнению авторов раскопок, были обнаружены стекольные мастерские (*Мальм, Фехнер*, 1974. С. 201; *Судаков, Челябин, Буланкин*, 1997. С. 376–378). При обращении к материалам раскопок в Пронске эти предположения не выдерживают критики. Так, «многочисленные находки стеклянных слезок и расплавленного стекла» оказались керамическим шлаком, что подтверждает производственный характер исследованного комплекса, но не подтверждает факта существования стекольной мастерской.

Интерес представляет находка скопления стеклянных браслетов в Переяславле Рязанском. В 1988 г. при археологических исследованиях на территории Кремля в нижнем заполнении подпола постройки, датируемой первой половиной XIV в., найдено 700–800 фрагментов (*Судаков*, 1988. С. 29–32). Значительная часть браслетов была растеклованна, полностью удалось собрать 536 фрагментов. По форме поперечного сечения они представлены двумя типами: преобладают гладкие браслеты — 81,3% (436 экземпляров), остальные крученые — 18,7% (100 экземпляров). Цвет из-за сильной патинизации не установлен у

295 фрагментов, остальные экземпляры выполнены из стекла коричневого (213 фрагментов), желтого (27 фрагментов) и фиолетового цветов (один фрагмент). По мнению исследователей, это скопление лома, приготовленного для вторичного использования, а сама постройка является мастерской (Судаков, Челябин, Буланкин, 1997. С. 378).

К предметам импорта, изготовленным из стекла, относятся *бусы и бисер*. Всего в коллекциях учтено 115 экземпляров (в том числе шесть экземпляров бисера) (таблица 1).

Датированные материалы позволяют наметить динамику распространения данной категории предметов во времени на рассматриваемом памятнике.

В Переяславле Рязанском 40 бусин (36,7% от общего числа) имеют стратиграфическую датировку (таблица 4). К домонгольскому периоду относится два экземпляра. Наибольшее число бус приходится на вторую половину XIII–XIV вв. (16 экземпляров). Концом XIV–XV вв. датируется три бусины. Отметим, что 17 бус имеют более широкую датировку в пределах XIII в.

Для большинства стеклянных изделий не проводилось спектральных анализов, что в значительной мере затрудняет определение места их производства. При таких обстоятельствах единственной возможностью остается визуальное определение типа бус и на основании широких аналогий установление центра их производства. Согласно визуальному определению, центр производства установить удалось у 36 бусин (33% от общего количества).

К византийскому импорту относится одна навитая битрапеционидная бусина с золотой прокладкой (1994-20 квартал-№ 100-пл. 5-кв. 1-гл. -93), происходящая из комплекса второй половины XIII–XIV вв. (Шапова, 1998. С. 136). Отметим, что в целом навитые бусы с металлической прокладкой были широко распространены на территории Восточной Европы (Захаров, Кузина, 2008. С. 213–214) и вне зависимости от типов датируются исследователями XI – первой половиной XII в. (Захаров, 2004. С. 51).

С продукцией стекольных мастерских Египта связываются мозаичные бусы, выполненные в сложной технике «миллифиори» (один экземпляр – 1957-Кремль-Р. 4-№ 137-пл. 29-кв. 5). По аналогиям с другими памятниками отмеченные типы бус датируются IX – началом XI в.

Обнаружение бус в комплексах более позднего времени, может объясняться как переотложенностью культурного слоя, так и их вторичным использованием.

Наиболее многочисленную группу бус составляют изделия, относящиеся к продукции древнерусского стеклоделия. Все они изготовлены способом наливки: зонные желтые (восемь экземпляров), шарообразные из желтого и бесцветного прозрачного стекла (два экземпляра), рыбовидные (восемь экземпляров), навитые бусы, декорированные накладными нитями стекла (шесть экземпляров) (Полубояринова, 1988. С. 162, 169, 176; Валиулина, 2005. С. 88). Судя по датированным экземплярам, эта группа бус появляется на рассматриваемом памятнике со второй половины XII. Известны они и в золотоордынское время.

Некоторые виды бус в золотоордынское время изготавливались в городах Поволжья или Средней Азии: зонные черные с желтыми одноцветными глазками (два экземпляра), шарообразные и зонные черные с накладными крошками стекла (три экземпляра), зонные бирюзовые и зеленые, изготовленные из заглушенного непрозрачного стекла (четыре экземпляра), шарообразная черная бусина инкрустированная накладными нитями красного стекла в виде многократного зигзага (Бусятская, 1976. С. 41, 42, 70; Полубояринова, 1988. С. 171, 174, 194; Валиулина, 2005. С. 95).

К сожалению, из-за малочисленности датированных материалов, на данный момент не представляется возможным установление соотношения бус различных центров производства в более узкие хронологические периоды. Современное состояние источников позволяет сделать лишь общие выводы, носящие предварительный характер.

Сопоставление хронологического распределения бус по материалам раскопок с центрами их изготовления свидетельствует, что наибольшее количество бус приходится на вторую половину XIII–XIV вв. В это время распространены бусы, относящиеся к русской школе стеклоделия, а также поступают изделия из золотоордынских городов и среднеазиатских центров. В предшествующий период подавляющее большинство составляют изделия, относящиеся к русской школе стеклоделия.

Одним из видов импортных товаров, поступавших в Переяславль Рязанский, являются *стеклянные сосуды* – 67 фрагментов.

Выяснение места изготовления стеклянных сосудов, как и всех изделий из стекла, в первую очередь осуществляется с помощью естественнонаучных методов, направленных на определение химического состава стекла, из которого они выполнены. Как отмечалось выше, подобной работы на материалах рассматриваемой коллекции

не проводилось, поэтому основным методом определения места изготовления сосудов является подбор аналогий. Для визуального исследования оказались недоступны четыре фрагмента, упомянутых в описях находок.

По месту изготовления вся стеклянная посуда может быть разделена на несколько групп. Первую, самую многочисленную образуют сосуды киевского производства, или более широко — древнерусского (33 фрагмента, 52,4% от общего числа исследованных сосудов). К этой группе отнесены 29 неорнаментированных фрагментов сосудов, выполненных из желтого, желто-прозрачного стекла (рис. 5, 11, 12). Их поверхность в большей или меньшей степени покрыта сетью тонких трещин, часто иризована, иногда стекло крошится. Такая сохранность характерна для калий-свинцовых стекол. Сосуды из этого стекла считаются продукцией киевских стекольных мастерских (Столярова, 2004. С. 344; Плохов, 2007. С. 168–169). В Переяславле Рязанском один фрагмент обнаружен в комплексе XIII–XIV вв., четыре — в комплексе второй половины XIII–XIV вв.

Видимо, к продукции киевских стекольных мастерских относятся и декорированные желтые сосуды с горизонтальными полосами бирюзового, красного и фиолетового цвета — три фрагмента. Такая орнаментация характерна для киевских сосудов (Шапова, 1972. С. 33). Один фрагмент сосуда желтого цвета с красными полосами из Переяславля Рязанского датируется второй половиной XIII — началом XIV в.

К этой же группе сосудов относится один фрагмент донца (1956-Кремль-Р. 2-№ 153-пл. 17-кв. 2), выполненного из светло-желтого прозрачного стекла на кольцевидном поддоне фиолетового цвета (Плохов, 2007. С. 170).

В целом посуда киевской школы начинает производиться в первой четверти XI в., а прекращает свое бытование в древнерусских городах в середине XIII в. (Столярова, 2004. С. 346). Киевские сосуды с цветными накладными деталями появляются не ранее середины XII в. и наибольшее распространение получают к концу этого столетия (Шапова, 1974. С. 88).

Все датированные материалы из раскопок Переяславля Рязанского относятся к золотоордынской эпохе. Можно полагать, что полное прекращение поступления стеклянной посуды происходит в середине XIII в., находки в более поздних слоях объясняются, с одной стороны, пережиточным бытованием сосудов, а с другой — переотложенностью культурного слоя.

Видимо, к изделиям византийского производства относятся фрагменты сосудов из красно-фиолетового, красно-коричневого и пурпурного стекла (Захаров, Кузина, 2008. С. 183; Полубояринова, 2008. С. 46). Из Переяславля Рязанского происходит недатированный фрагмент стенки фиолетового сосуда, расписанного линиями красного и белого цвета (1994-20 квартал-№ 327-кв. 5).

Следующую группу сосудов составляют предметы восточно-средиземноморского происхождения (сирийского и египетского) — 18 фрагментов (28,4% от общего числа исследованных сосудов). Для стекольных мастерских из этих регионов характерны сосуды, изготовленные из прозрачного бесцветного стекла хорошего качества, которое, как правило, не подвергается иризации и расстекловыванию. Обычно эти сосуды имеют богатую орнаментацию, выполненную золотом, красками и цветными эмалями, образующую целые композиционные сюжеты.

Неорнаментированных обломков из прозрачного бесцветного стекла обнаружено восемь. Узкую стратиграфическую дату имеют четыре. Один фрагмент датируется второй половиной XIII — началом XIV в., три — XIV в.

Декорированных фрагментов сосудов описываемой группы найдено десять экземпляров. Большинство фрагментов очень мелкие, роспись выполнена золотом и эмалями различных цветов, орнаментальные композиции не прослеживаются (рис. 5, 13–15). Один фрагмент по стратиграфии датируется второй половиной XIII — началом XIV в., три — концом XIII — первой половиной XIV в., один — первой половиной XIV в., еще один — XIV в.

Интерес представляют фрагменты двух стакановидных кубков, изготовленных из бесцветного прозрачного стекла (рис. 5, 16, 18). Декор, выполненный золотом и эмалями, не сохранился, но рисунок все же читается. На них прослежено изображение рыб, которое, судя по аналогиям, было выполнено золотом и обведено контуром красного цвета. В верхней части сосудов располагался орнаментальный фриз с арабской надписью. На сосуде, найденном на территории Кремля, надпись выполнена синей эмалью, на другом — на синем фоне, нанесенном с внутренней стороны сосуда, красной краской. Две зигзагообразные линии того же цвета прослежены сверху и снизу от надписи.

Изображение рыб было одним из самых распространенных и ранних мотивов на средневековых ближневосточных стеклянных кубках, расписанных золотом и эмалями. Подобные кубки относят к дамасской группе стеклянных изделий сирийского производства.

В других городах средневековой Руси (Новгород, Тверь, Рюриково городище и др.) они датируются концом XIII—XIV вв. (Плохов, 2007. С. 173). Оба сосуда из раскопок в Переяславле Рязанском относятся к этому же времени: один обнаружен в комплексе конца XIII—XIV вв., другой — первой половины XIV в.

Интересен фрагмент сосуда, на котором изображена какая-то постройка (2000–20 квартал–№ 377–кв. 46–я. 13а–гл.– 254) (рис. 5, 17). Здание полностью выполнено золотом, кладка, архитектурные детали и другие элементы обозначены контурами красного цвета. Такая техника исполнения декора сближает этот сосуд с описанными выше двумя и позволяет отнести его к сирийской группе сосудов конца XIII—XIV вв. Датировка комплекса, в котором найден сосуд (конец XIII — первая половина XIV в.), этому не противоречит.

Наблюдения над датированными экземплярами сосудов, а также над теми изделиями, которые изготавливались в течение узкого хронологического периода, позволяют говорить, что сирийские и египетские сосуды, обнаруженные в Переяславле Рязанском, практически все относятся к золотоордынскому времени.

Незначительную группу среди стеклянных сосудов составляют изделия западноевропейских мастерских. В Переяславле Рязанском обнаружен один сосуд из прозрачного стекла с поддоном и каплевидными налечами венецианского производства XIV в. (рис. 5, 19). Сам он происходит из комплекса второй половины XIII — первой половины XIV в. (2000–20 квартал–кв. 29, 13–я. 13а–гл.– 252–256). В этом же комплексе была найдена бутылка большого объема западноевропейского производства, выполненная из зеленого прозрачного стекла (рис. 5, 20). Оба фрагмента определены Ю.Л. Шаповой.

Установить по внешним характеристикам возможный центр производства не удалось у девяти фрагментов. Среди них есть датированные экземпляры. Один фрагмент зеленого сосуда и фрагмент прозрачного сосуда с белым орнаментом обнаружены в комплексе XIV в.

Датированные стеклянные сосуды из Переяславля Рязанского (21 экземпляр) (таблица 5) не позволяют провести детальный анализ, но все же дают возможность проследить динамику их поступления в город. К домонгольскому времени, видимо, относятся находки желтых сосудов киевского производства из нестратифицированных слоев (после татаро-монгольского нашествия такие сосуды уже не производились) (Столярова, 2004. С. 346). Увеличение числа стеклянных сосудов происходит со второй половины XIII в., а наибольшее количество приходится на конец XIII—XIV вв. Подавляющее

большинство сосудов этого времени составляет продукция восточно-средиземноморских центров. Также поступают изделия европейских мастерских, и прежде всего Венеции.

К следующей группе стеклянных изделий относятся *перстни*. Всего нами учтено 26 фрагментов стеклянных перстней. Наиболее многочисленную группу составляют плоско-выпуклые в поперечном сечении перстни — 21 экземпляр. Они имеют широкую датировку по материалам средневековых памятников. В Новгороде плоско-выпуклые щитковые перстни черного, зеленого, синего и голубого прозрачного цветов датируются XII—XIII вв. (Шапова, 1963. С. 107; Колчин, 1982. С. 172). Но такие же перстни встречаются и на золотоордынских памятниках (Бусятская, 1976. С. 78; Полубояринова, 1988. С. 193–197).

Один синий плоско-выпуклый перстень найден в комплексе второй половины XIII в., другой, выполненный из прозрачного стекла бирюзового цвета, — в комплексе XIII—XIV вв.

Особую группу среди плоско-выпуклых перстней составляют изделия, выполненные из непрозрачного (заглушенного) стекла бирюзового цвета — шесть экземпляров (рис. 5, 5, 6). Такие перстни широко известны в городах средневековой Руси и Золотой Орды (Полубояринова, 1988. С. 196; Столярова, 1997. С. 90). В Новгороде они датируются концом XIII — второй половиной XIV в. (Шапова, 1963. С. 110–111. Табл. 2, 3). Один перстень из Переяславля Рязанского датируется XIII—XIV вв., два — концом XV—XVI вв.

По вопросу о месте изготовления этих перстней существуют две противоположные точки зрения. Ю.Л. Шапова относит их к западноевропейскому импорту (Шапова, 1963. С. 107). С ней согласна Е.К. Столярова: местом их производства она считает Венецию (Столярова, 1997. С. 99). По мнению М.Д. Полубояриновой, перстни, а также все стеклянные изделия, изготовленные из непрозрачного стекла, заглашенного оловом, имеют не западноевропейское, а золотоордынское происхождение, чьи традиции в производстве стеклянных изделий уходят корнями в Среднюю Азию (Полубояринова, 1988. С. 194). На наш взгляд перстни, изготовленные из данного стекла, имеют восточное происхождение. В пользу этого свидетельствуют находки бус в Ростиславле Рязанском, выполненных также из заглашенного оловом стекла бирюзового цвета. Их химический анализ показал, что они выполнены из стекла, характерного для средневекового среднеазиатского и золотоордынского стеклоделия (Коваль, 1988. С. 185).

Следующий тип стеклянных перстней составляют круглые в поперечном сечении перстни — четыре экземпляра. Все они найдены в нестратифицированных слоях. Исследователи отмечают, что гладкие круглые в поперечном сечении перстни датируются концом XIII—XIV вв. (Шапова, 1963. С. 106; Колчин, 1982. С. 172). В то же время в Серенске два круглых перстня найдены в слое пожара 1240 г. (Полубояринова, 1988. С. 194).

Один перстень черного цвета, относящийся к типу рифленых, не имеет стратиграфической датировки (1987-Кремль-№340-пл.10-кв.13).

Немногочисленные датированные материалы не позволяют проследить тенденцию распространения перстней во времени. Но отметим, что все датированные материалы (пять экземпляров) относятся к XIII—XV вв.

В число украшений, изготовленных из стекла, входят *вставки для перстней*. Из раскопок на территории Переяславля Рязанского происходит два экземпляра. Одна линзовидная вставка из заглаженного стекла зеленого цвета изготовлена путем помещения остывающей капли стекла на плоскость (рис. 5, 4). У второй вставки способ изготовления не установлен.

Керамические изделия

Керамические импортные изделия являются ярким маркером не только торговых контактов, но и разнообразных историко-культурных связей между различными регионами в эпоху Средневековья. Учено более 94 находок, представляющих пять категорий: дорогостоящая поливная художественная керамика, тисненные сосуды, амфоры, красноглиняная неполированная столовая посуда, украшения (таблица 1, 2).

Самую многочисленную группу находок восточного происхождения составляют поливные керамические сосуды. Эта группа импортов подробно проанализирована в работах В.Ю. Ковалев (Коваль, Судаков, 1995; Коваль, 2005а; 2010). В них проведен детальный источниковедческий анализ всех категорий импортных керамических изделий восточного происхождения, установлены регионы и пути поступления, дана характеристика выявленных связей и определен характер их изменения во времени.

Полвная художественная керамика известна во многих городах древней Руси, но везде в небольшом количестве, что свидетельствует о ее высокой стоимости. Эти изделия относятся к предметам роскоши, поступавшим из стран Востока в средневековую Русь (Коваль, 2005б. С. 164).

В работе приводятся новые находки, не вошедшие в общий каталог, посвященный импортной керамике Руси в целом, и Рязанской земли в частности (шесть фрагментов поливной посуды и один обломок тисненого сосуда). Описание новых материалов дано в соответствии с классификацией восточной поливной керамики, разработанной В.Ю. Ковалев (Коваль, 1997а,; 1997б; 2005а; 2010).

К покрытым бесцветной глазурью и с подглазурной росписью красками полуфаянсам относится один фрагмент, происходящий из нестратифицированных слоев. Сосуд изготовлен из белого рыхлого кашина и покрыт монохромной синей росписью по белому фону под бесцветной глазурью. Подобная керамика, именуемая также «тимуридской», изготавливалась в конце XIV—XV вв. как в золотоордынском Поволжье, так и на Ближнем и Среднем Востоке (Мазуров, Коваль, 2004. С. 294).

Расписные полуфаянсы с бирюзовой глазурью и с монохромной черной подглазурной росписью, изготовленные из рыхлого белого кашина, представлены двумя сосудами.

Один фрагмент чаши с рельефной моделировкой тулова с внешней стороны украшен стилизованной геометрической росписью, выполненной черной краской под голубой глазурью (рис. 5, 23). Роспись прослежена с обеих сторон (1993-20 квартал). Предположительно сосуд датируется XIII—XIV вв. и происходит с территории Ближнего Востока.

К данной группе поливной керамики относится маленький фрагмент сосуда, покрытого бирюзовой глазурью и черной росписью с обеих сторон (1993—2000-20 квартал-кв.46-я.13а-гл.-90). Толстостенные кашинные сосуды с черной росписью, покрытые бирюзовой глазурью, являются характерными изделиями золотоордынских мастеров в Поволжье (Коваль, 2005а. С. 493).

К группе ангобированной полумайолики без дополнительной декорировки относится фрагмент сосуда, покрытого бирюзовой глазурью с обеих сторон. Он изготовлен из красножгущейся глины с включениями большого количества мелкого песка (2002-ул. Затинная, 88-№193-кв.23-гл.-157). Керамика из такой формовочной массы производилась в золотоордынских мастерских Поволжья (Булатов, 1976. С. 97). Сосуд найден в переотложенных слоях.

Ангобированная полумайолика с подглазурной росписью коричневой краской представлена одним фрагментом чаши (1993-20 квартал). Сосуд выполнен из формовочной массы без видимых примесей, покрыт с обеих сторон белым ангобом и глазурью свет-

ло-желтого цвета. Узор на внешней стороне подражает арабской надписи (рис. 5, 24). Сосуды из подобного глиняного теста изготавливались не только на территории Византийской империи, но и в странах с провинциально-византийской культурой — на Балканах и в Закавказье (Мазуров, Коваль, 2004. С. 295). Характер росписи позволяет предположительно отнести сосуд к продукции закавказских мастерских.

Уникальной является находка фрагмента блюда, изготовленного из формовочной массы византийско-причерноморского типа (1993–20 квартал). Белый ангоб прослежен с обеих сторон, бесцветная глазурь нанесена только на внешнюю сторону поверхности. На фрагменте прослежено четыре ряда выгравированных линий, каждая из которых образована полукружиями, примыкающими друг к другу. В каждом полукружии помещено круглое пятно зеленого цвета (рис. 5, 26). Аналогии такому блюду не известны.

К *тисненным* в специальных формах-матрицах неполивым сосудам относится один фрагмент сосуда из светложущейся глины без видимых примесей в формовочной массе (рис. 5, 25). Такие сосуды имели широкое распространение в городах Золотой Орды, куда они поступали из Хорезма (Панина, Волков, 2000. С. 89).

Из раскопок на территории Переяславля Рязанского с учетом ранее опубликованных и новых данных происходит 86 фрагментов от 81 восточного поливного и тисненого сосуда.

График распределения данных категорий предметов по хронологическим периодам позволяет детально проследить динамику их поступления в город. При построении графика учитывалась, во-первых, датировка предметов, установленная по стратиграфическим комплексам, в которых они были найдены, во-вторых, привлекались материалы, которые не имеют четкой хронологической привязки, но имеют довольно узкие хронологические рамки производства. Ярким примером служит золотоордынская художественная поливная керамика середины — второй половины XIV в. (Булатов, 1968. С. 99–101; Федоров-Давыдов, 1994. С. 79–88).

При построении графика учтено 54 сосуда (рис. 1). На домонгольский период приходятся единичные образцы керамики (два фрагмента различных сосудов, расписанных люстром, изготовленных в Сирии и Иране), затем их количество постепенно увеличивается (три сосуда относятся ко второй половине XIII — началу XIV в., 11 — к первой половине XIV в.) и достигает своего максимума в середине — второй половине XIV в. (33 сосуда). В конце XIV–XV вв. происходит

резкое сокращение находок (пять сосудов). Таким образом, массовое поступление восточной посуды в город приходится на XIV в. Об этом свидетельствуют широко датируемые образцы керамики (вторая половина XIII–XIV вв. — десять сосудов; вторая половина XIII–XV вв. — три сосуда; XIV в. — один сосуд). Столь большое количество сосудов, приходящихся на золотоордынский период, объясняются тем, что после монгольского завоевания роль ведущего политического центра княжества и столичные функции в конце XIII — начале XIV в. переходят к Переяславлю Рязанскому (Коваль, 2005а. С. 511).

Импортная посуда этого времени, изготовленная в различных регионах (Иран, Сирия, Византия, Причерноморье, Закавказье, Хорезм, Китай), поступала в регион в основном при посредничестве Золотой Орды различными путями, носившими как торговый, так и внеэкономический характер (рис. 4). При этом доля золотоордынской керамики, производство которой было налажено в середине XIV в. в городах Поволжья, была самой значительной (более 45%). В XV в. вновь происходит сокращение импорта керамики, что можно объяснить разрушением поволжских центров Золотой Орды в результате походов Тимура (Коваль, 2005а. С. 510).

Еще одной категорией предметов импорта являются *кашинные поливные бусы* (три экземпляра). Все они изготовлены из твердого или мягкого кашина белого цвета. Одна из них покрыта голубой глазурью (рис. 5, 1).

Подобные изделия в единичных экземплярах известны во многих древнерусских городах. Такие бусы ввозились на Русь в XI–XII вв., но наибольшее распространение получили во второй половине XIII–XIV вв. (Коваль, 2003. С. 369). Не противоречат этому и находки из Переяславля Рязанского. Так, две бусины найдены в комплексе конца XIII — первой половины XIV в. Считается, что в домонгольское время кашинные поливные бусы поступали на территорию Восточной Европы из Египта. Со второй половины XIII в. их массовое появление связывается с Золотой Ордой (Лесман, 1994. С. 191, 192).

К числу керамических предметов импортного происхождения относятся *амфоры*, которые сами по себе не являлись предметом торговли, а были тарой для доставки на территорию древней Руси вина, оливкового масла и других товаров. Всего из раскопок рассматриваемого городского центра происходит 11 обломков. В целом все типы амфор относятся к византийскому кругу.

Малочисленность находок не позволяет проследить их динамику распределения по хронологическим периодам. Отметим, что один

фрагмент датируется первой половиной XIII в., один — второй половиной XIII в., концом XIII—XIV вв. — шесть фрагментов.

Приведенные данные не противоречат выводам В.Ю. Коваль о поступлении амфор на территорию Рязанского княжества (Коваль, 2005а. С. 505; табл. 2). В золотоордынский период использование византийских амфор в качестве тары резко сокращается, но не прекращается совсем. Во второй половине XIII в. амфоры в незначительном количестве продолжали ввозиться в городские центры региона — Старую Рязань, Переяславль Рязанский и, возможно, в Ростиславль Рязанский, где известны единичные находки амфор этого времени.

К группе тарных импортных сосудов относятся *сфероконысы*. Это небольшие толстостенные сосуды, предназначавшиеся для перевозки ртути, благовоний, лекарств и других препаратов (Волков, 1994. С. 97—98). В Переяславле Рязанском найден целый краснолощенный сфероконус золотоордынского происхождения, являющийся случайной находкой (Коваль, 2005а. С. 508, рис. 4, 1).

К группе импортной керамики восточного происхождения относятся *красноглиняную неполивную посуду* (Мазуров, Коваль, 2004. С. 302). Такая посуда, как без дополнительной обработки поверхности, так и с лощением, имела широкое распространение в X—XV вв. в Волжской Булгарии, Северном Причерноморье и на территории Золотой Орды (Коваль, 2005а. С. 499). В XIV в. красноглиняная лощеная керамика начала производиться в городах Северо-Восточной Руси (Розенфельдт, 1968. С. 12).

В музейных коллекциях нам не удалось найти фрагменты данной категории посуды. О ее присутствии в городе известно лишь из публикации материалов раскопок середины XX в., в которой не указывается точное количество обломков (Монгайт, 1961. С. 327).

Предметы из цветных металлов

Рязанское княжество, как и вся средневековая Русь, не обладала собственными запасами руд, поэтому цветные металлы ввозились из других государств. В связи с этим изделия из медных и др. сплавов рассматриваются как импортные предметы, хотя подавляющее большинство изделий выполнены местными мастерами. Это одна из многочисленных категорий импорта, учтено 112 находок.

Датированных предметов, изготовленных из цветных металлов, не много — 23 экземпляра (таблица 6). В силу своей малочисленности, статистические данные не столь представительны, но отметим, что среди датированных предметов большинство относится ко второй половине XIII—XV вв. (10 из 23 экземпляров).

Сравнительное изучение химического состава металлов и их сплавов позволяет говорить о том, что различные регионы Древней Руси были ориентированы на различные источники поступления ювелирного сырья (Енисосова, Митоян, Сарычева, 2008. С. 155). Отметим, что для памятников Рязанской земли подобные исследования только начаты и их результаты еще не введены в научный оборот в полном объеме (Зайцева, 2008а; 2008б). Поэтому определить источники, откуда поступал цветной металл в город, пока затруднительно.

Из раскопок на территории Кремля Переяславля Рязанского происходит *серебряный перстень* с овальным щитком (рис. 5, 10). Размер щитка 1,5 x 1 см, диаметр перстня 1,8 см. Щиток украшен расположенными по краю арабесками. В центре оттиснута пятиконечная звезда неправильной формы. Орнамент, состоящий из штрихов и арабесок, расположен на внешней стороне кольца. По определению Г.А. Федорова-Давыдова, перстень относится к продукции золотоордынских ювелирных мастерских XV в.

К импортным предметам относится также одна находка, изготовленная из железа — *казан*, склепанный из отдельных железных полос (рис. 5, 27). Он имеет расширяющуюся кверху усеченно-коническую форму. Его высота 32 см, диаметр верха 49—52,5 см, диаметр дна 25—28 см. На сосуде сохранились ушки. Предположительно, он изготовлен в Волжской Болгарии (Судаков, Челябинов, Буланкин, 1997. С. 379). Казан найден в углублении дна постройки, которая на основании керамического материала датируется первой половиной — серединой XIV в. (Стрикалов, 2006. С. 41).

Янтарь и каменные предметы импортного происхождения

Предметы импортного происхождения из камня являются одной из неотъемлемых составляющих материальной культуры древнерусского населения. Находки необработанных фрагментов янтаря, полудрагоценных камней и заготовок, с одной стороны, свидетельствуют об уровне ювелирного ремесла, а с другой — вместе с готовыми изделиями отражают развитие международной и внутренней торговли.

Янтарь и изделия из него являются одной из наиболее заметных категорий импорта. Коллекция этих предметов составляет девять экземпляров: один фрагмент необработанного янтаря, пять бусин, два крестика неуставленного типа и фрагмент плоско-выпуклого перстня.

На основании аналогий с материалами других памятников Древней Руси, все выявленные предметы имеют довольно широкое время бытования в пределах XI—XV вв. Среди находок пять изделий имеют четкую стратиграфическую датировку: эллипсоидная бусина и необ-

работанный янтарь датируются XIII в., призматическая бусина и крестик — XIV в., янтарная бусина неустановленного типа XV в.

Считается, что на территории Руси в эпоху Средневековья был распространен янтарь, который добывался в Балтийско-Днепровской янтареносной провинции. Однако в археологической литературе существуют различные точки зрения по вопросу о том, откуда привозили янтарь на Русь — из Прибалтики или Приднепровья.

Изучение динамики распределения янтаря и изделий из него по строительным ярусам в Новгороде и сравнение с динамикой поступления других предметов южного импорта позволило Е.А. Рыбиной высказать мнение, что с X в. по 40-е годы XIII в. янтарь поступал из Приднепровья, а в XIV–XV вв. — из Прибалтики (Рыбина, 1972. С. 40–44). Это связано с тем, что с нашествием монголо-татар Днепровский путь практически перестает играть заметную роль в торговле древней Руси (Колызин, 2001. С. 78).

Р.Л. Розенфельдт, собравший и классифицировавший поделки из янтаря на территории Руси, полагал, что все они изготовлены из прибалтийского янтаря, так как сколько-нибудь серьезные разработки приднепровских месторождений до XIX в. не велись, а случайные находки кусков приднепровского янтаря не играли существенной роли в древнерусском янтарном производстве (Розенфельдт, 1978. С. 197).

В.Н. Зоценко, исследовавший янтарные изделия и его необработанные куски в Киеве, основываясь на хронологическом распределении и оптических характеристиках, соглашается с мнением Е.А. Рыбиной, но подчеркивает, что в X–XI вв. янтарь поступал на Русь из Прибалтики в виде готовых изделий, а янтарь XII–XIII вв. считает местным — Приднепровским. Причем, по его мнению, киевский период торговли янтарем в Восточной Европе характеризуется экспортом не столько изделий, сколько необработанного сырья (Зоценко, 1985. С. 141).

Учитывая то обстоятельство, что в целом находки из янтаря в Переяславле Рязанском происходят из слоев XIII–XV вв. и коллекция изделий очень малочисленна, можно предположить, что в город янтарь поступал из Прибалтики в результате транзитной торговли.

Изделия из пироксилита (шифера) — 23 предмета.

Важным свойством этой группы находок является определенность места происхождения материала, из которого они изготовлены. Исследованиями геологов еще в XIX веке было установлено, что выходы розового шифера имеются только в Овручском уезде Волынской губернии (Рыбина, 1978. С. 65). Там же открыты производствен-

ные поселения, зафиксированы поверхностные выходы пироксилитового сланца и кварцитов, места их древних разработок. В ходе последних археологических изысканий украинскими археологами были обнаружены мастерские, где наряду с отходами производства пряслиц обнаружены следы изготовления мелких украшений — крестиков-тельников, бусин, образков, амулетов из особых высокодекоративных разновидностей пироксилитового сланца (Павленко, 2008). Этот район являлся поставщиком не только готовых изделий, но и сырья для многих древнерусских мастеров, которые на месте изготавливали необходимые предметы (Седова, 1997. С. 178).

Шиферные пряслица широко известны в материалах древнерусских памятников. В Переяславле Рязанском их обнаружено 20 экземпляров. По стратиграфии одно пряслице датируется второй половиной XII в., три — концом XIII–XIV вв. В целом время бытования пряслиц на древнерусских памятниках ограничивается началом XIII в. (Колчин, 1958. С. 111). Нахождение их в более поздних напластованиях, скорее всего, объясняется переотложенностью культурного слоя.

Так же найдено два *нательных крестика*, изготовленных из шифера. Тип у них не установлен. Один крестик происходит из слоев конца XIII — начала XIV в.

В группу изделий, выполненных из пироксилитового сланца, включена одна биконическая шиферная бусина (1945-Р.2-Ряз.Кремль-вал). Подобные находки редко встречаются на древнерусских памятниках.

Предметы из полудрагоценных камней — 10 экземпляров.

Самой многочисленной категорией изделий из полудрагоценных камней являются *бусы из хрусталя (пять экземпляров) и сердолика (три экземпляра)*.

Бусы из горного хрусталя и сердолика были распространены в Восточной Европе на протяжении XI–XIV вв. В Переяславле Рязанском одна хрустальная эллипсоидная бусина найдена в слое первой половины XIII в., две хрустальные шарообразные бусины — в слоях XIII в. Остальные находки не имеют стратиграфической датировки.

Из сердолика выполнена одна шестиугольная *подвеска* (рис. 5, 9) в форме цилиндра с двумя конусовидными концами. Канал просверлен горизонтально в ее верхней части. В поперечном сечении бусина имеет каплевидную форму. Аналогичная подвеска происходит с Болгарского городища из золотоордынского слоя (Полубояринова, 1991. С. 62).

К предметам христианского культа относится *крестик* с простым средокрестием и прямыми ветвями четырехугольного сечения, изго-

товленный из камня серого цвета с зернистыми белыми вкраплениями (1990-Ряз.Кремль-№341-кв.16-я.7-гл.-206). Крестик датируется первой половиной XIII в.

В литературе камень, из которого он изготовлен, определяется как одна из разновидностей пород мрамора. В результате исследований специализированных поселений по обработке пиррофиллитового сланца на Волыни были получены данные о том, что подобные крестики изготавливались из пиррофиллита с последующей обработкой. Происходившие при этом термохимические и органические реакции придавали изделиям неоднородный серый цвет или мрамороподобный вид (Павленко, 2008. С. 250). Специальных исследований по установлению минерального состава рязанской находки не проводилось.

Возникает закономерный вопрос, откуда и каким путем поступали предметы из полудрагоценных камней в Рязанскую землю? М.В. Фехнер, проанализировав бусы из стекла и полудрагоценных камней, пришла к выводу, что преобладающее большинство подвергнутых исследованию бус является предметом восточного импорта, который поступал на Русь через Волжскую Болгарию (Фехнер, 1959. С. 155). Данная точка зрения была поддержана в работах последующих исследователей (Рыбина, 1978. С. 51; Полубояринова, 1991. С. 106–107). Находка в Киеве амфоры, в которой было обнаружено 1339 бус различного размера и формы из хрусталя и сердолика, а также наличие месторождения горного хрусталя в районе Коростеня Житомирской области (около 150 км к северо-западу от Киева) позволили А.М. Колызину утверждать, что хрустальные и сердоликовые бусы могли поступать на Северо-Восток Руси, в частности в Москву, в домонгольское время из Поднепровья (Колызин, 2001. С. 77). Однако отсутствие сведений о разработке этих месторождений в эпоху Средневековья противоречит данной гипотезе. Вполне возможно, что уже готовые изделия восточного происхождения расходились из Киева в различных направлениях, в том числе и в бассейн р. Москвы. Современное состояние археологических источников позволяет реконструировать лишь один путь поступления таких изделий на Русь: по Волге — первоначально через Болгар, а позднее через золотоордынские города Поволжья (Полубояринова, 1991. С. 107).

Рассмотренные изделия из камня импортного происхождения свидетельствуют о разнообразных направлениях торговых и историко-культурных связей населения Переяславля Рязанского. Из Среднего Приднепровья поступали изделия из пиррофиллита, через территорию

Северо-Западной Руси — янтарь, находки изделий из полудрагоценных камней указывают на восточное направление торговли.

Все проанализированные находки импортного происхождения и изделия, изготовленные из привозного сырья, происходящие из раскопок в Переяславле Рязанском, разделяются на 22 категории предметов. Они делятся на два блока — предметы массового ввоза и единичные предметы импортного происхождения.

1. Предметы массового ввоза (таблица 1). В этот блок, объединяющий девять категорий предметов, входит 2329 изделий (98,4% от общего количества предметов импорта и изделий, изготовленных из привозного сырья). К ним относится продукция древнерусских ремесленников из привозного сырья и его остатки — изделия из цветных металлов и отходы их производства (112 единиц). Другими категориями импортных находок массового ввоза являются готовые изделия, привозимые как из-за рубежа, так и из других русских земель: некоторые изделия из стекла (бусы и бисер — 115 экземпляров, браслеты — 1908 фрагментов, посуда — 67 фрагментов, перстни — 26 экземпляров), пряслица из овручского шифера (20 экземпляров), восточная поливная и тисненная посуда — 81 сосуд.

2. Единичные изделия иноземного происхождения представлены 41 предметом, которые разделяются на 13 категорий находок (таблица 2): стеклянные вставки (2 экземпляра), крестики (2 экземпляра) и бусина из шифера, бусы (8 экземпляров), янтарь и изделия из него (9 экземпляров), подвеска и крестик из полудрагоценных камней, глиняный сфероконус, кашинные поливные бусы (3 экземпляра), серебряный перстень золотоордынского производства, железный казан, обломки амфор (11 экземпляров), красноглиняная посуда.

Отметим, что при разделении предметов импорта и изделий, изготовленных из привозного сырья, на массовые категории и единичные изделия необходимо учитывать хронологический принцип. Так, в один период изделия могут являться предметами массового ввоза, а в другой относиться к группе единичных находок. Среди предметов из Переяславля Рязанского данный аспект относится к художественной поливной керамической посуде восточного происхождения. Если для золотоордынской эпохи она является массовой категорией предметов, то для предшествующего времени относится к группе единичных находок (всего два сосуда).

Важно подчеркнуть, что предметы импорта поступали не только в ходе торгового обмена, но также в качестве военных трофеев, в результате этнокультурного влияния, миграции населения из раз-

личных территорий и другими путями, то есть по внеэкономическим каналам. Таким образом, достоверно определить способ поступления того или иного импортного предмета оказывается довольно сложно. Но все же можно утверждать, что массовые предметы импорта поступали в большей части по торговым каналам, в отличие от единичных изделий. Именно комплексное рассмотрение обоих блоков артефактов позволяет воссоздать направление торговых связей, определить степень их интенсивности на разных хронологических этапах (*Даркевич, 1985. С. 387*).

Набор предметов импортного происхождения и изделий, изготовленных из привозного сырья, из Переяславля Рязанского, датированных второй половиной XII — началом XIII в., является наиболее распространенным для материальной культуры средневековой Руси и схож с материалами других городов.

К этому времени относятся изделия семи категорий предметов, которые отнесены к группе массового ввоза (шиферные пряслица, стеклянные браслеты, бусы, перстни, посуда, изделия из цветных металлов). Шестью категориями представлены единичные изделия — мраморный и шиферный крестик, бусина из розового шифера, поливные люстровые сосуды, бусы из полудрагоценных камней, обломки амфор. Возможно, к этому периоду относятся изделия из янтаря и стеклянные вставки, но четко датированных этим временем находок нет. Среди предметов торгового инвентаря к этому времени относится гирька-разновес.

В целом характеризуя набор предметов домонгольского времени, необходимо отметить, что их количество по сравнению с последующим периодом не велико. Подавляющее большинство среди них связано своим происхождением с Приднепровьем: шиферные пряслица, крестик и бусина, стеклянная посуда, производившаяся в Киеве (33 фрагмента), стеклянные бусы, перстни и, возможно, часть стеклянных браслетов. Единичные находки, происходящие с территорий Византийской империи и Причерноморья (амфоры, мраморный крестик), а также изделия, поступавшие на Русь через Волжскую Булгарию (бусы из полудрагоценных камней, люстровые сосуды сирийского и иранского производства), скорее всего, свидетельствуют об участии населения города в многоэтапной транзитной торговле, а не о непосредственных контактах с обозначенными регионами.

В золотоордынский период происходит дальнейшее развитие торговых связей населения города. Датированные материалы демонстрируют постепенное увеличение числа импортных предметов

с конца XIII — начала XIV в., а пики их поступления наблюдаются во второй половине XIV — начале XV в. Данная закономерность прослеживается для стеклянной и глиняной поливной посуды, изделий из цветных металлов и др. В XV в. отмечается некоторое сокращение импортных предметов.

Среди импортных предметов этого времени подавляющее большинство составляют изделия, связанные своим происхождением с территорией Золотой Орды или поступавшие через нее: поливная керамика (доля посуды, произведенной в золотоордынских городах Поволжья, составляет более 45%, полуфаянсы из Сирии и Ирана — 3,8%, Закавказья — 1,3%, Хорезма — 2,5%, китайские селадоны — 5%), красноглиняная столовая посуда, бусы из полудрагоценных камней, стеклянные изделия ближневосточного и золотоордынского производства (сосуды восточносредиземноморского производства — 28,4%, бусы золотоордынского и среднеазиатского производства — 27,7%, перстни — 23%). Непосредственным свидетельством активных торговых связей с Золотой Ордой являются нумизматические материалы второй половины XIV — первой половины XV в., предметы торгового инвентаря (рычажные костяные весы — два экземпляра).

Среди единичных находок золотоордынского происхождения отметим серебряный перстень, железный клепаный казан, сфероконус, кашинные поливные бусы (три экземпляра), подвеску из сердолика.

Преимущественная ориентация торговых связей Переяславля Рязанского в частности и Рязанской земли в целом на Золотую Орду объясняется несколькими причинами. Это, прежде всего, политическое подчинение региона ханской администрации, а также то, что основные торговые пути, по которым осуществлялась международная торговля, были подконтрольны Золотой Орде.

Волжский путь (на него выходили по нижнему течению Оки) позволял торговать с золотоордынскими городами Среднего и Нижнего Поволжья, являющимися важными транзитными воротами для связей с Востоком и Азией. Большое значение имел Черноморско-Донской путь, связывающий Рязанскую землю с Причерноморьем и Византией.

Главной причиной, способствующей интенсивному использованию Дона как торгового пути, стало то, что в это время (вторая половина XIII—XV вв.) днепровский водный путь оказывается под контролем Великого Княжества Литовского, поэтому Дон становится единственным связующим звеном между русскими княжествами, с одной стороны, и странами Ближнего Востока, Византией, генуэз-

скими и венецианскими колониями в северном Причерноморье — с другой.

Отражением торговых связей с этим регионом являются находки поливных сосудов, изготовленных из формовочных масс восточно-крымского и византийско-причерноморского типов (по типологии В.Ю. Ковалёв), их доля среди всех импортных керамических сосудов составляет более 41%. Помимо этого отметим находки фрагментов амфор, продолжавших поступать в город после монгольского нашествия, и двух стеклянных сосудов венецианского производства XIV в., происходящих из комплекса второй половины XIII — первой половины XIV в.

Подводя итог, отметим, что рассмотрение предметов импорта и изделий, изготовленных из привозного сырья, происходящих из раскопок Переяславля Рязанского, позволило охарактеризовать историю развития торговых связей населения города в эпоху Средневековья. Для второй половины XII — начала XIII в. количество предметов импорта не велико. Их набор не отличается особым разнообразием, по сравнению с другими городами (амфоры, стеклянные браслеты, бусы, посуда, перстни, бусы русской школы стеклоделия из сердолика и хрусталя, изделия из цветных металлов, шиферные пряслица). Это вполне ординарный набор предметов этого времени для городских памятников.

Наиболее активное развитие торговли наблюдается с конца XIII—XIV вв. Это прослеживается как в количественных, так и в качественных характеристиках наборов рассматриваемых материалов. Происходит не только увеличение числа предметов, но и категорий импортных изделий. Во многом это связано с тем, что именно в этот период Переяславль Рязанский становится столицей Рязанского княжества.

Таблица 1. Массовые категории предметов импорта и изделий, изготовленных из привозного сырья

категория	2п XII – 1п XIII в.	2п XIII – XV вв.	2п XII – XV вв.	все- го
браслеты стеклянные	74	1268	566	1908
бусы стеклянные	2	23	84	109
бисер стеклянный	-	2	4	6
сосуды стеклянные	33	23	11	67

перстни стеклянные	-	8	18	26
поливные сосуды из кашина и глины, селадоны	2	75	-	77
тисненные керамические сосуды	-	4	-	4
изделия из цветного металла	-	13	99	112
шиферные пряслица	1	3	17	20
			итого	2329

Таблица 2. Единичные категории предметов импорта, изделий, изготовленных из привозного сырья, и предметы торгового инвентаря

категория	2п XII – 1п XIII в.	2п XIII – XV вв.	2п XII – XV вв.	все- го
вставки стеклянные	-	1	1	2
сфероконус глиняный	-	1	-	1
бусы из кашина	-	3	-	3
фрагменты амфор	1	7	3	11
красноглиняные сосуды	-	-	+	+
перстень серебряный	-	1	-	1
казан железный	-	1	-	1
крестики шиферные	-	1	1	2
бусина шиферная	-	-	1	1
янтарь и изделия из него	-	3	6	9
бусы из полудрагоценных камней	1	-	7	8
подвеска из сердолика	-	1	-	1
крестик из поделочного камня	1	-	-	1
гирька-разновес	1	-	-	1
костяные монетные весы	-	2	-	2
			итого	44

Таблица 3. Датировка стеклянных браслетов в Переяславле Рязанском

датировка	количество
2-я половина XII – начало XIII в.	74
2-я половина XIII – начало XIV в.	334

XIII в.	43
конец XIII—XIV вв.	45
XIII—XIV вв.	59
1-я половина XIV в.	536
XIV в.	208
XIV — начало XV в.	20
XV в.	2
XIV—XV вв.	123

Таблица 4. Датировка стеклянных бус в Переяславле Рязанском

датировка	количество
2-я половина XII — 1-я половина XIII в.	2
2-я половина XIII—XIV вв.	16
XIII в.	17
XIII—XIV вв.	1
XIV—XV вв.	1
конец XIV—XV вв.	3

Таблица 5. Датировка стеклянных сосудов в Переяславле Рязанском

датировка	количество
XIII—XIV вв.	4
2-я половина XIII—XIV вв.	2
2-я половина XIII — 1-я половина XIV в.	5
2-я половина XIII—XIV вв.	2
XIV—XV вв.	4

Таблица 6. Датировка изделий из цветного металла в Переяславле Рязанском

датировка	количество
XIII—XIV вв.	7
2-я половина XIII—XIV вв.	3
конец XIII — 1-я половина XIV в.	5
XIII в.	3
XIV в.	1
XIV—XV вв.	4

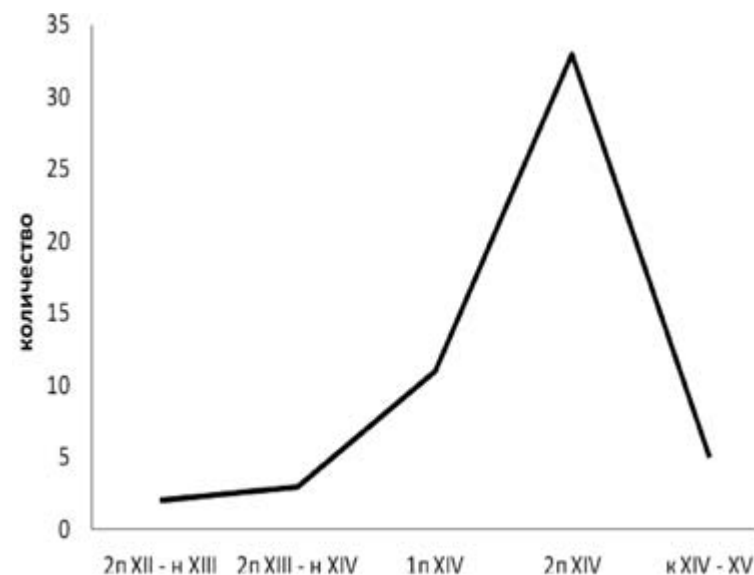

Рис. 1. График хронологического распределения поливных и тисненых сосудов.

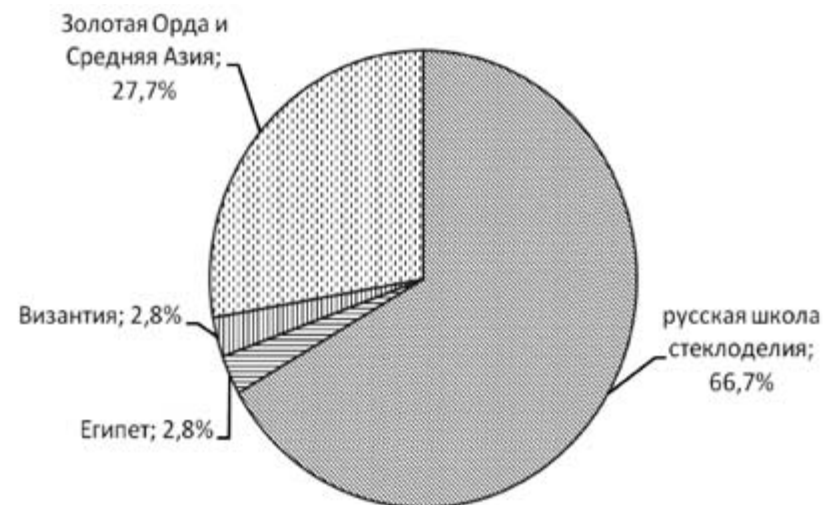

Рис. 2. Соотношение стеклянных бус различных центров производства.

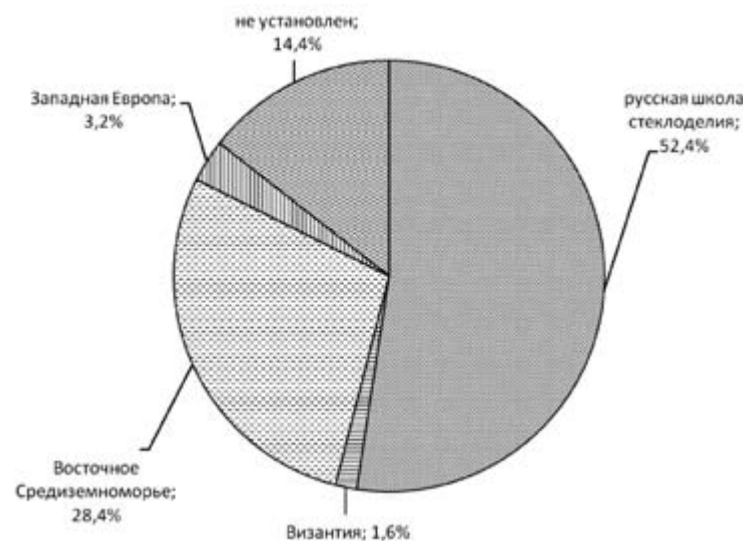

Рис. 3. Соотношение стеклянных сосудов различных центров производства.

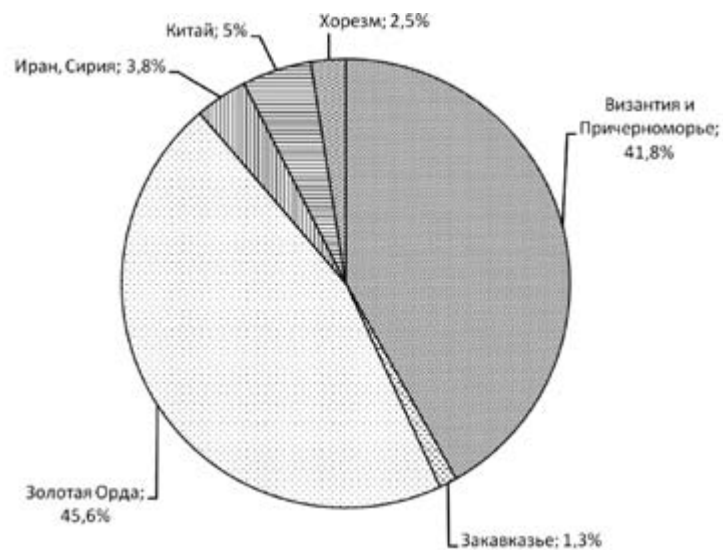

Рис. 4. Соотношение поливных и тисненых сосудов 2-й половины XIII–XV вв. различных центров производства.

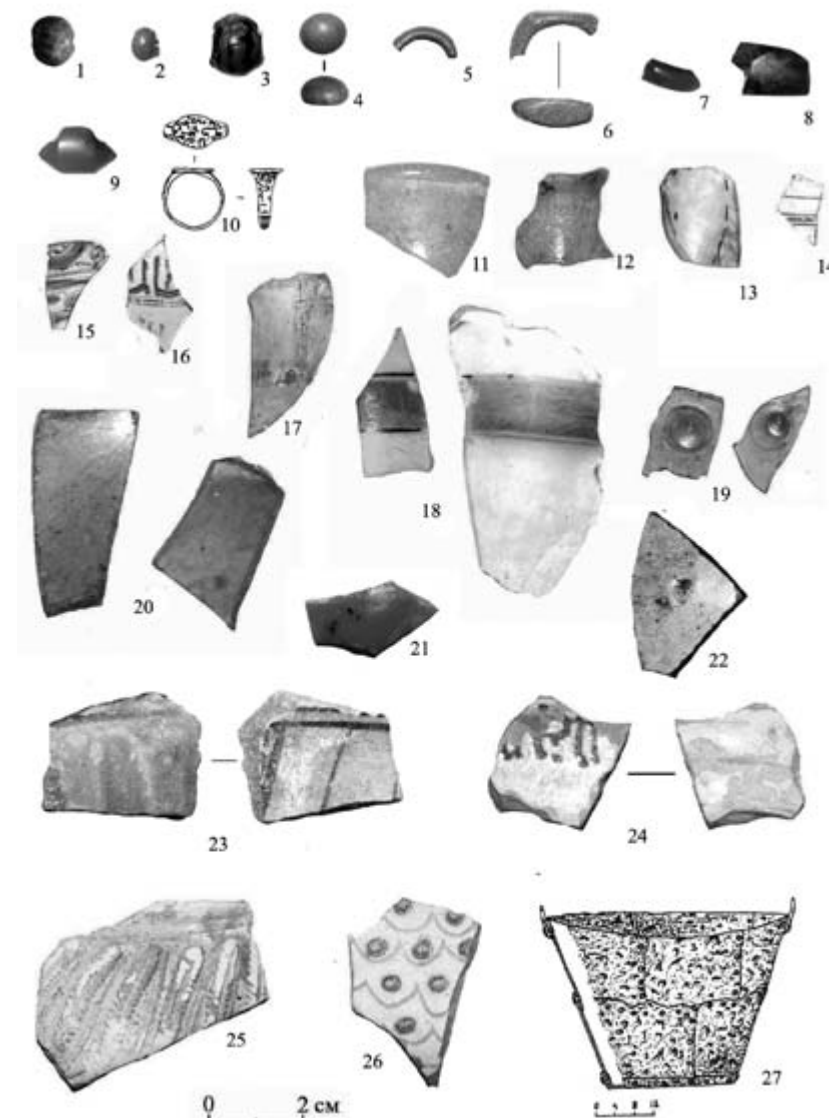

Рис. 5. Изделия импортного происхождения.

Литература

- Булатов Н.М., 1968. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов // СА. № 4.
- Булатов Н.М., 1976. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.
- Бусятская Н.Н., 1976. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Там же.
- Валиулина С.И., 2005. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань.
- Гомзин А.А., 2011. Заметки по хронологии и топографии монетных находок XIV–XVIII вв. из Переяславля Рязанского // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Рязань. Вып. 1.
- Григорьев А.В., Зайцев В.В., 2000. Находки фрагментов костяных «монетных весов» XIV в. в Тульской области // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.
- Даркевич В.П., 1985. Международные связи // Археология СССР. Город, замок, село. М.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные металлы и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.
- Зайцева И.Е., 2008а. Сплавы цветных металлов селищ Суздальского Ополя // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М. Вып. 2.
- Зайцева И.Е., 2008б. Сплавы цветных металлов Северо-Восточной Руси и Волжской Болгарии: сравнительно-исторический анализ // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. Т. II.
- Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
- Захаров С.Д., Кузина И.Н., 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М. Т. 2.
- Зоценко В.Н., 1985. О происхождении и использовании янтаря в Киеве (X – первая половина XIII) // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев.
- Коваль В.Ю., 1997а. Керамика Востока в средневековой Москве // РА. № 2.
- Коваль В.Ю., 1997б. Керамика Востока в средневековой Москве // РА. № 3.
- Коваль В.Ю., 1998. Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского // РА. № 2.
- Коваль В.Ю., 2003. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII в.: Древности темного времени. М.
- Коваль В.Ю., 2005а. Восточные связи Рязанской земли по материалам импортной керамики // Великое княжество Рязанское. М.
- Коваль В.Ю., 2005б. Византийская керамика на Руси в IX–XV вв. // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М.
- Коваль В.Ю., 2010. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М.
- Коваль В.Ю., Судаков В.В., 1995. Средневековая восточная керамика из Переяславля Рязанского // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.
- Колчин Б.А., 1958. Хронология новгородских древностей // СА. № 2.
- Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.

- Колызин А.М., 2001. Торговля древней Москвы. М.
- Лапишин В.А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.
- Лесман Ю.М., 1994. Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения. Новгород.
- Мазуров А.Б., Коваль В.Ю., 2004. Керамический импорт средневековой Коломны // Археология Подмоскovie. М.
- Мальм В.А., Фехнер М.В., 1974. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне // Археология Рязанской земли. М.
- Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49.
- Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.
- Олейников О.М., 2003. Старорязанские стеклянные браслеты // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань.
- Павленко С.В., 2008. Исследования древнерусских специализированных поселений по обработке пиррофиллитового сланца (на примере поселения Прибытки-I) // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.
- Панина Э.Л., Волков В.И., 2000. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия: археология, история, культура. М.
- Перхавко В.Б., 2006. Торговый мир средневековой Руси. М.
- Плохов А.В., 2007. Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. СПб.
- Полубояринова М.Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
- Полубояринова М.Д., 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.
- Полубояринова М.Д., 2008. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. М.
- Родина М.Е., 2004. Международные связи Северо-Восточной Руси. Владимир.
- Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. САИ. Вып. Е1-39.
- Розенфельдт Р.Л., 1978. Янтарь на Руси (X–XIII вв.) // Проблемы советской археологии. М.
- Рыбина Е.А., 1972. Из истории ввоза янтаря в Новгород // Новое в археологии. М.
- Рыбина Е.А., 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.
- Самощин С.И., Мазуров А.Б., Сыроватко А.С., 2005. Средневековые монетные гирьки и весы из раскопок в Коломне // Археология Подмоскovie. М. Вып. 2.
- Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.
- Стрикалов И.Ю., 2006. Керамика Рязанской земли XI–XV вв. Дис. ... канд. ист. наук. М.
- Столярова Е.К., 1997. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. // РА. № 3.
- Столярова Е.К., 2004. Стеклянные сосуды XII–XIV веков из Москвы и Дмитрова // Археология Подмоскovie. М. Вып. 1.
- Судаков В.В., 1988. Отчет об охранных раскопках в кремле г. Рязани в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14169, 14170.
- Судаков В.В., 1996. Изделия из кости из Переяславля Рязанского // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань.

Судаков В.В., Челяпов В.П., Буланкин В.М., 1997. Переяславль Рязанский (итоги археологических исследований 1979–1985 гг.) // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Славянский средневековый город. М. Т. 2.

Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Фехнер М.В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Тр. ГИМ. Вып. 33.

Шапова Ю.Л., 1963. Стекланные изделия древнего Новгорода // МИА. № 117.

Шапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.

Шапова Ю.Л., 1974. Стекланные изделия из Старой Рязани (по материалам раскопок 1966–1968 гг.) // Археология Рязанской земли. М.

Шапова Ю.Л., 1997. Украшения из драгоценных металлов, сплавов, стекла // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.

Шапова Ю.Л., 1998. Византийское стекло. М.

Янин В.Л., 2009. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.

Т.Н. Козлова

ШАХМАТНЫЕ ФИГУРЫ И ШАШКИ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО (из археологической коллекции Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника)

Настольные игры, шашки и шахматы, имеющие репутацию увлечения для интеллектуалов, получили широкое распространение не только в последнее столетие. Они вызывали неподдельный интерес и у наших предков, которые, переняв игру в «заморских королей и пешек», сделали ее достоянием своего быта.

О времени появления шахмат на территории Древнерусского государства нет единого мнения. Так, И.М. Линдер, опираясь на новгородские археологические материалы, а также этимологические и фольклорные данные, указывает на IX–X вв. (Линдер, 1975. С. 54). Е.А. Рыбина, анализируя Новгородскую Синодальную Кормчую, время бытования которой относится к 80-м годам XIII столетия (именно в этом источнике впервые употребляется термин «шахматы»), склоняется к более позднему периоду появления шахмат на Руси (Рыбина, 1991. С. 90).

Целью данной статьи является обозрение и введение в научный оборот шахматных фигур и шашек, обнаруженных в результате археологических работ на территории Переяславля Рязанского, столицы (с XIV в.) Рязанского княжества. В результате исследования нами было выявлено девять шахматных фигур и десять шашек. Все они обнаружены в ходе раскопок, проводившихся на территории Кремля с 1979 по 2012 г. (1979 г. – Д.А. Коновалов; 1981 г. – В.П. Челяпов; 1983, 1987 гг. – М.М. Макаров; 1986, 1988, 2002 гг. – В.В. Судаков; 1992 г. – В.М. Буланкин; 2004–2009 гг. – В.И. Завьялов)¹. Анализируемые предметы являются единичными находками, поэтому датировка самих артефактов затруднена.

При анализе и описании шахматных фигур мы пользовались классификацией, разработанной Е.А. Рыбиной (Рыбина, 1991. С. 86–101). В свою очередь, опираясь на работу И.М. Линдера, в которой автор выделяет изобразительные и символические шахматы, Елена Александровна делит символические (она называет их абстрактными) фигуры на арабский и западный тип. В основе классификации

¹ Смотри приложение.

фигур — различие форм. Так, в основе шахмат арабского типа — «цилиндр или усеченный конус с различными добавлениями, напоминающими... прототипы» (Рыбина, 1991. С. 86). Шахматы западного типа имели многоярусные конструкции и не были связаны с реальными предметами. Исследуемые нами шахматы являются абстрактными, семь из них — западного типа (рис. 1, 15, 16, 18, 20, 21, 22, 23), две — арабского (рис. 1, 17, 19). Среди фигур западного типа имеются пешки, король, ферзь, слон, среди арабского типа — пешка, ладья. Большинство фигур вырезано из кости.

Пешки (3 экз. — кость, 1 экз. — дерево) — миниатюрные фигуры длиной до 2 см, выточенные на токарном станке. В рассматриваемой нами коллекции одна пешка относится к арабскому типу, три — к западному. Фигура арабского типа представляет собой усеченный конус с закругленным верхом без орнамента (рис. 1, 17). Аналогии встречены в Великом Новгороде, время их бытования — XIII—XV вв. (Рыбина, 1991. С. 92). Описываемая нами фигурка обнаружена в слое XIV—XV вв. (Судаков, 1996. С. 179, 180). На рубеже XIII—XIV вв. на Руси появились фигуры западного типа, представляющие собой композиции из нескольких ярусов. Подобных фигур пешек в музейной коллекции три. Одна обнаружена при раскопках в 1979 г. (рис. 1, 15) (работы проходили на территории бывшего Архиерейского сада) в слое XVII—XIX вв. (Судаков, 1996. С. 179, 180), две — находки 2007 г. на Житном раскопе: деревянная, с овальным основанием 1,4 x 0,7 см, высотой 2 см (XIV—XV вв.) (рис. 1, 18) и из оленьего рога высотой 2 см (рис. 1, 16) (Антипина, 2007. С. 148—150). Аналогии костяной пешке встречены в г. Новогрудке в слое XIV в. (Рыбина, 1991. С. 99). Судя по стратиграфии, пешки, обнаруженные в 2007 г., относятся к XVI в.

Король, ферзь (2 экз. — кость). Отличить эти фигуры друг от друга, не имея полного набора шахмат, невозможно. Обе фигуры относятся к западному типу, представляют собой многоярусные конструкции на массивном основании, подобные имели широкое распространение с XV в. У фигуры из Житного раскопа (рис. 1, 23) высотой 3,5 см в верхней части фрагментарно сохранилась белая краска(?), остеологический анализ показал, что выполнена она из оленьего рога на токарном станке (Антипина, 2008. С. 180—182).

Наиболее интересной, вызывающей вопросы, не имеющие однозначного ответа, является находка 1981 г. (траншея между Певческим корпусом и Гостиницей Черни). Она представляет собой полый цилиндр высотой 2,3 см, диаметром 1,2 см, оканчивающийся

трехступенчатым возвышением с горошиной по центру, боковые стенки украшены четырьмя прочерченными линиями (рис. 1, 21). Основание стенок ровное, хорошо отшлифованное, что говорит о двух возможных вариантах бытования фигуры. С одной стороны, судя по размерам, это может быть пешка или король (ферзь), подобные формы были характерны для периода XIV—XV вв. (Рыбина, 1991. С. 93). Однако наличие полости подразумевает составную конструкцию данной фигуры, таким образом, имеющаяся деталь может являться завершением, верхней частью короля (ферзя). О наличии составных фигур свидетельствуют находки королей в Великом Новгороде с вращающимся выточенным кольцом (Рыбина, 1991. С. 96).

Слон (1 экз. — дерево). Предмет был обнаружен в 2006 г. на Житном раскопе в слоях второй половины XVI—XVII вв. Находка, выточенная на токарном станке, в нижней части сбоку имеет двойной выступ, что является характерным признаком фигуры слона.

Ладья (1 экз. — кость). Фигура в форме цилиндра высотой 2,5 см с выемкой в верхней части и сквозным отверстием по всей длине выполнена из оленьего рога (Антипина, 2006. С. 98—99). Наличие отверстия, а также насечек с тыльной стороны дает возможность предположить вторичное использование данного предмета. Аналогии данной фигуры арабского типа были обнаружены в Новгороде (Рыбина, 1991. С. 94). Подобный вид шахмат просуществовал довольно долго, сохраняя связь с арабской формой, так как в западноевропейском шахматном лексиконе не было слова «ладья». Фигура из археологической коллекции музея была обнаружена в слое второй половины XVI—XVII вв.

Коллекция шашек из Переяславля Рязанского насчитывает десять экземпляров: по одной фигуре из раскопок В.П. Челяпова 1981 г. (траншея между Певческим корпусом и Гостиницей Черни), М.М. Макарова 1983 г. (участок у южной стены бывшего Спасского монастыря) и 1987 г. (внутренняя подошва кремлевского вала близ Спасо-Преображенского монастыря) (НА РИМЗ № 3473), В.М. Буланкина 1992 г. (участок на территории бывшего острога, набережная р. Трубежа); по две шашки — из раскопок В.В. Судакова в 1988 г. (участок у южной стены Архиерейского сада, внутренняя сторона вала) и в 2002 г. (ул. Затинная, 88); две — из раскопок В.И. Завьялова в 2004 и 2009 гг.

Разработанной типологии шашек не существует. Так, Г.Ф. Корзухина называет шашками округлые или округло-конические фигуры из стекла, кости, камня, глины и янтаря (Корзухина, 1963.

С. 85–102). Д. Ю. Бадеевым была замечена закономерность зависимости формы шашек от используемого вида кости: прямоугольные фигуры выполняются из трубчатых костей, круглые — из рога (*Бадеев*, 2010. С. 277). В связи с тем что переяславль-рязанская коллекция состоит из костяных шашек, в основе нашего исследования лежат положения Д. Ю. Бадеева.

Шашки из Переяславля Рязанского можно условно разделить на два вида: плоские прямоугольные в плане и плоские круглые в плане. В коллекции имеется шесть круглых фигур с орнаментами из концентрических кругов на лицевых и боковых сторонах. Диаметр дисков различный — от 2,7 до 3,6 см, толщина от 0,5 до 1 см. В двух случаях в центре вырезано круглое сквозное отверстие (раскопки 1981 и 2009 гг.) диаметром 2,7 см, 2,9 см соответственно (рис. 1, 11, 12). Фигура 2009 г. была обнаружена в слое XV–XVI вв., однако подобные круглые шашки, но несколько большего размера найдены и в слоях XIV–XV вв. (раскопки 1983, 1988, 1992 гг.), на лицевой стороне они имеют коническое углубление по центру (рис. 1, 7, 8, 10).

Фигуры в виде квадратных пластин представлены четырьмя экземплярами. Две находки происходят из раскопа на ул. Затинной, 88: одна со сторонами 2 х 2,1 см, толщиной 0,5 см, на лицевой стороне орнамент в виде концентрических кругов, по углам композиции в виде трех циркульных кружков (рис. 1, 14). Вторая фигура (рис. 1, 3) со сторонами 1,7 см, толщиной 0,6 см, с обеих сторон по центру одиночный циркульный орнамент. Подобная же фигура (со сторонами 1,7 см толщиной 0,5 см, циркульным орнаментом с обеих сторон) была обнаружена в раскопе 1987 г. (рис. 1, 2) на территории постройки (кв. 1–4, 6–9). По мнению руководителя работ М. М. Макарова, обнаруженные в данной части раскопа артефакты датируются XVI–XVII вв. (*Макаров*, 1989. С. 35). В 2004 г. на территории Житного раскопа обнаружен фрагмент квадратной шашки со стороной 1,7 см толщиной 0,5 см, со следами красной краски и орнаментом в виде прорезанных концентрических кругов (рис. 1, 1). Судя по сопутствующему материалу, этот экземпляр относится к XVII в.

Предположительно к шашкам можно отнести еще четыре фигуры (рис. 1, 4, 5, 6, 13). Три из них представляют собой круглые пластины диаметром 1,9–2,5 см, толщиной 0,4–0,7 см, в центральной части которых — сквозное отверстие. С обеих сторон и по торцу фигуры украшены циркульным орнаментом (рис. 1, 4, 5, 6). Аналогии этим экземплярам отсутствуют. Датировать предметы по сопутствующему материалу затруднительно в связи с тем, что фишки во всех трех

случаях были обнаружены в перемешанном культурном слое. Фигура из раскопок М. М. Макарова 1987 г. (рис. 1, 13) представляет собой круглую пластину диаметром 32 мм и толщиной 3–5 мм, на лицевой стороне рельефное изображение птицы, по краю — рамка. Фишка была обнаружена в слое XIII–XIV вв. (*Макаров*, 1989. С. 25). Однако подобные по технике исполнения западноевропейские шашки датируются XI–XII вв.

Анализ археологической коллекции Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника показал, что все шахматные фигуры и шашки были обнаружены в историческом центре современной Рязани — в Кремле (15 экз.), Остроге (2 экз.) или на прилегающей территории (Рыбацкая слобода — 2 экз.). С XIV столетия в Кремле располагался княжеский двор, а также усадьбы знатных людей, которые в XVI в. превращаются в осадные дворы. В это время происходит активное расширение и развитие посадов. Так, на территорию Нижнего посада из Кремля переносится городской торг. Здесь, в Рыбацкой слободе, проживали рыболовы, но уже к XVII в. состав населения этой части города становится более разнородным: кирпичники, стольники, серебреники, купцы гостинои сотни. На укрепленной территории острога в XVII в. располагались многочисленные дворы митрополита и усадьбы приказных людей. Таким образом, соотнеся социальный состав районов Переяславля и количество находок фигур в разных местах, видим, что игры в шашки и шахматы — привилегия образованного сословия. Однако в связи с малой изученностью территории Кремля в археологическом плане и единичностью имеющихся находок игровых фишек данный вывод является предварительным.

В результате исследования удалось выявить типовую принадлежность фигур, время их бытования. Все шахматы из археологической коллекции являются абстрактными, две из них арабского типа, время их бытования XIII–XVI вв., семь — западного, датируются XIV–XVII вв. Типология шашек опирается на две основные формы: плоские круглые и прямоугольные; они обнаружены в слоях XIV–XVII вв.

Приложение

№ п/п	Музейный номер КП/НВ	Наименование предмета, материал	Тип фигуры	Место и время раскопок
1	КП–29149/25 А946	Шахматная фигурка, кость	Пешка (абстрактная, западный тип)	Территория бывшего архиерейского сада (Д.А. Коновалов, 1979 г.)
2	КП–10138/73 А750	Шахматная фигурка, кость	Король (ферзь?) (абстрактная, западный тип)	Шурф 1, ул. Некрасова (острог) (В.П. Челяпов, 1981 г.)
3	КП–10138/234 А750	Шашка (?), кость	Плоская круглая	Шурф 2, набережная р. Трубежа (В.П. Челяпов, 1981 г.)
4	КП–10138/235 А750	Шашка (?), кость	Плоская круглая	Шурф 2, набережная р. Трубежа (В.П. Челяпов, 1981 г.)
5	КП–10138/593 А750	Шашка, кость	Плоская круглая	Траншея 1, между Певческим корпусом и Гостиницей Черни (В.П. Челяпов, 1981 г.)
6	КП–11423/372 А756	Шашка, кость	Плоская круглая	Участок у южной стены бывшего Спасского монастыря (М.М. Макаров, 1983 г.)
7	КП–14615/224 А726	Шахматная фигурка, кость	Пешка (абстрактная, арабский тип)	Внутренняя подошва кремлевского вала близ Спасо-Преображенского монастыря (В.В. Судаков, 1986 г.)

8	КП–14615/372 А726	Шахматная фигурка, кость	Король (ферзь?) (абстрактная, западный тип)	Внутренняя подошва кремлевского вала близ Спасо-Преображенского монастыря (В.В. Судаков, 1986 г.)
9	КП–28709/48 А944	Шашка, кость	Плоская прямоугольная	Внутренняя подошва кремлевского вала близ Спасо-Преображенского монастыря (М.М. Макаров, 1987 г.)
10	КП–28709/39 А944	Шашка, кость	Плоская круглая	Внутренняя подошва кремлевского вала близ Спасо-Преображенского монастыря (М.М. Макаров, 1987 г.)
11	КП–15726/738 А807	Шашка, кость	Плоская круглая	Участок у южной стены бывшего архиерейского сада, внутренняя сторона вала (В.В. Судаков, 1988 г.)
12	КП–15726/746 А807	Шашка, кость	Плоская круглая	Участок у южной стены бывшего архиерейского сада, внутренняя сторона вала (В.В. Судаков, 1988 г.)
13	КП–17477/ А838	Шашка, кость	Плоская круглая	Раскоп 2, Набережная Трубежа (острог), рядом с шурфом 2 1981 г. (В.М. Буланкин, 1992 г.)
14	КП–27943/95 А880	Шашка, кость	Плоская прямоугольная	Рыбачья слобода (ул. Затинная, 88) (В.В. Судаков, 2002 г.)
15	КП–27943/96 А880	Шашка, кость	Плоская прямоугольная	Рыбачья слобода (ул. Затинная, 88) (В.В. Судаков, 2002 г.)

16	НВ-4934/31 А902	Шашка, кость	Плоская прямо- угольная	Житный раскоп (В.И. Завьялов, 2004 г.)
17	НВ-4934/20 А902	Шашка (?), кость	Плоская круглая	Житный раскоп (В.И. Завьялов, 2004 г.)
18	КП-28300/12 А902	Шахматная фигурка, дерево слон	Слон (абстрактная, западный тип)	Житный раскоп (В.И. Завьялов, 2006 г.)
19	КП-28300/10 А902	Шахматная фигурка, кость	Ладья (абстрактная, арабский тип)	Житный раскоп (В.И. Завьялов, 2006 г.)
20	КП-29086/152 А902	Шахматная фигурка, кость	Пешка (абстрактная, западный тип)	Житный раскоп (В.И. Завьялов, 2007 г.)
21	КП-29086/152 А902	Шахматная фигурка, дерево	Пешка (абстрактная, западный тип)	Житный раскоп (В.И. Завьялов, 2007 г.)
22	КП-28523/34 А902	Шахматная фигурка, кость	Король (ферзь?) (аб- страктная, западный тип)	Житный раскоп (В.И. Завьялов, 2008 г.)
23	КП-28824/14 А902	Шашка, кость	Плоская круглая	Житный раскоп (В.И. Завьялов, 2009 г.)

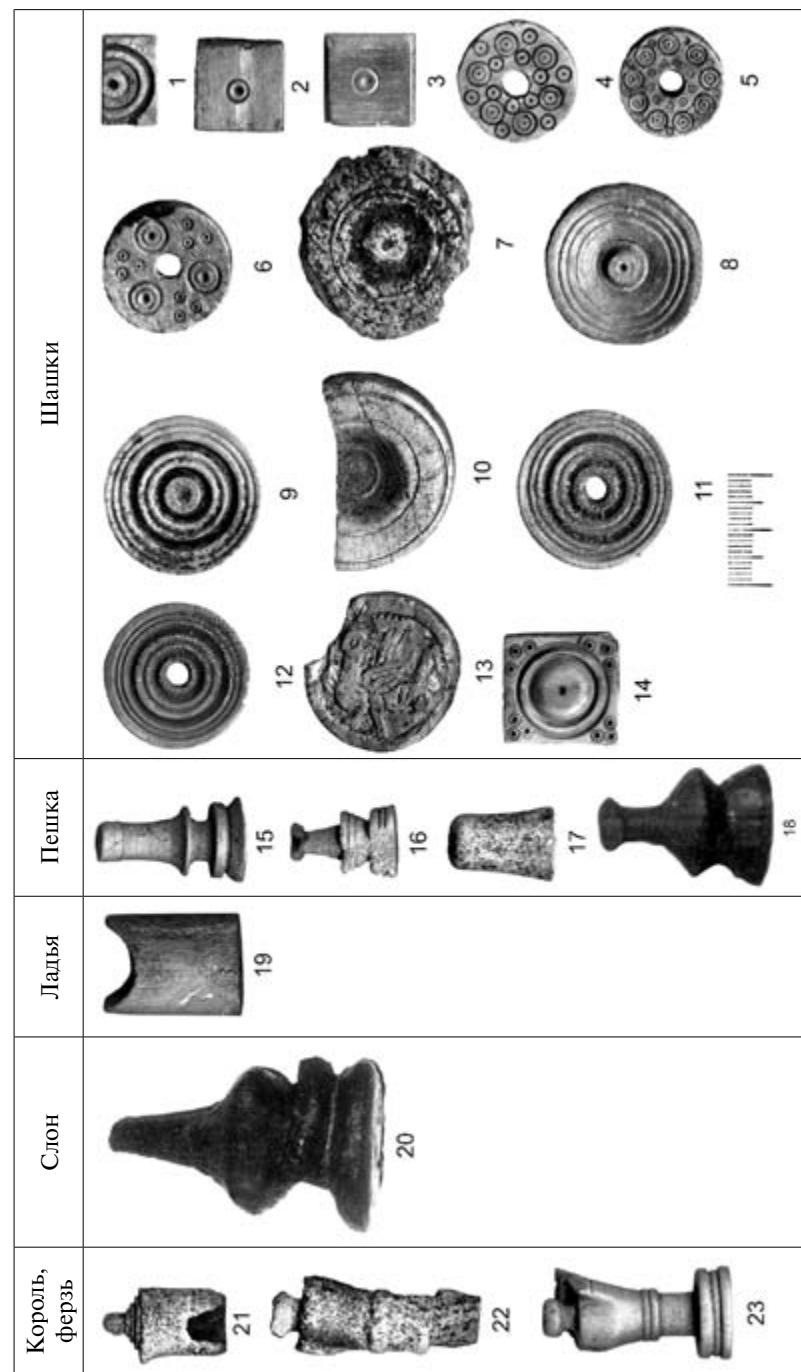

Рис. 1. Шахматные фигуры и шашки Переяславля Рязанского

Литература

- Антипина Е.Е., 2007. Результаты определения таксономической принадлежности сырья для костяных изделий из раскопок 2006 г. Переяславля Рязанского // НА РИАМЗ. № 3899.
- Бадеев Д.Ю., 2010. Шахматы и шашечные игры (по данным археологических исследований Московского Кремля) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М. Вып. 6.
- Буланкин В.М., 1992. Отчет о раскопках в исторической части г. Рязани // НА РИАМЗ. № 4062.
- Завьялов В.И., 2005. Отчет об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2004 г. // НА РИАМЗ. № 3834.
- Завьялов В.И., 2007. Отчет об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2006 г. // НА РИАМЗ. № 3899.
- Завьялов В.И., 2008. Отчет об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2007 г. // НА РИАМЗ. № 3955.
- Завьялов В.И., 2010. Отчет об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2009 г. // НА РИАМЗ. № 4004/1, 2.
- Захарова О.Ю., 2010. Шахматные фигурки и шашки в археологических коллекциях ВСМЗ // Материалы исследований. Владимир. Вып. 16.
- Козлова Т.Н., 2011. Костяные изделия позднего средневековья // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Рязань. Вып. 1.
- Корзухина Г.Ф., 1963. Из истории игр на Руси // Советская археология. № 4.
- Линдер И.М., 1975. Шахматы на Руси. М.
- Макаров М.М., 1989. Отчет об археологических раскопках в Кремле г. Рязани в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р — 1, № 14991.
- Рыбина Е.А., 1991. Из истории шахматных фигур // Советская археология. № 4.
- Судаков В.В., 1988. Отчет об охранных археологических раскопках в кремле г. Рязани в 1988 г. // НА РИАМЗ. № 3473.
- Судаков В.В., 1996. Изделия из кости из Переяславля Рязанского // Археологические памятники окского бассейна. Рязань.
- Челяпов В.П., 1982. Отчет о раскопках на территории Спасского и Рязанского районов Рязанской области, раскопках кремля г. Рязани и набережной р. Трубез // НА РИАМЗ. № 3244.

О.А. Фатюнина

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ ЖИТНОГО РАСКОПА
ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО (2004–2011)

За восемь лет работ Переяславль-Рязанской археологической экспедиции (2004–2011 г.) на Житном раскопе кремля Переяславля Рязанского было обнаружено 122 изделия из цветных металлов (4,1% от общего количества индивидуальных находок).

В данной статье рассмотрены четыре группы изделий: украшения¹, детали одежды, бытовые вещи и предметы христианского культа.

Артефакты происходят из культурных напластований конца XIV — начала XVII в., за исключением пяти находок, не имеющих привязки к слоям (выявлены в процессе разбора осыпи стенок раскопа). Основаниями для датировки пластов являются результаты анализа керамического материала, дендрохронологические данные, анализ вещевого комплекса (Завьялов, 2004; Завьялов, 2005; Завьялов, 2006; Завьялов, 2007; Завьялов, 2008; Завьялов, 2009; Завьялов, 2010; Завьялов, 2011а; Завьялов, 2011б, с. 53–86; Завьялов, наст. изд.).

Украшения из Житного раскопа представлены несколькими видами.

Серьги обнаружены в количестве десяти экземпляров (семь сохранились в полной форме, одна в деформированном виде, две фрагментарно) (рис. 1, 1–10). Все состоят из проволочного стержня, изогнутого в виде вопросительного знака, на окончание которого надета бусина. Кончик стержня загнут петлей. По данным химического анализа одной из серег, стержень сделан из свинцово-латунной проволоки (табл. 1, 1)². Бусины изготавливались из различных материалов: у трех серег они металлические, у двух хрустальные, одна сердоликовая³ и две из стекла. Стержни трех серег украшены перевитием проволоки. В четырех случаях имеются мелкие металлические бусинки, располагающиеся по обе стороны от бусины, причем у одного экземпляра вместо бусинок — загнутая в один оборот проволока (рис. 1, 1).

¹ В данной работе не рассматривается такой вид украшений, как перстни; результаты их изучения будут отражены в отдельной статье.

² Анализы сделаны на основе рентгенофлюорисцентного энергодисперсного безэталонного метода к.г.-м.н. Р.А. Митояном на факультете геологии МГУ (см. приложение в отчетах В.И. Завьялова).

³ Автор выражает благодарность зав. кафедрой физической географии и методики преподавания географии РГУ, д. г. н. В.А. Кривцову за определение породы камней.

Одна серьга деформирована: ее обруч согнут на две части (рис. 1, 6). Характер заломов на проволоке указывает на изначальную форму серьги в виде знака вопроса.

Серьги такого вида были широко распространены на Руси начиная с XIV в. (Сарачева, 2007, с. 82), а вот верхняя граница их бытования еще требует уточнения. Если М.В. Седова по результатам анализа новгородских серег доводит время их использования до середины XV в. (Седова, 1981, с. 15–16), то Т.Г. Сарачева, исследовав значительное количество находок из памятников Северо-Восточной Руси, расширяет эти рамки до второй половины XV в. (Сарачева, 2007, с. 81). Но, скорее всего, серьги использовали и в более позднее время. Так, в статьях ряда исследователей приводятся фрагменты подобных серег из слоя второй половины XV – начала XVI в. (Травкин, 1989, с. 7; Солдатенкова, Персов, 2005, с. 216). Этим же временем датируются находки из Житного раскопа: три серьги обнаружены в слое конца XV – начала XVI в., а четыре – в слоях первой половины XVI в.⁴

Головные украшения представлены перстнеобразным проволочным **височным кольцом** (рис. 1, 11). Т.Г. Сарачева, вслед за М.В. Седовой, указывает, что такие украшения бытуют до XV в. (Сарачева, 2007, с. 74). Кольцо изготовлено из свинцово-латунной проволоки (табл. 1, 2).

К универсальным по месту ношения украшениям отнесены привеска, бубенчик, разнообразные накладки.

Единственная **привеска** – монетовидной формы (рис. 1, 12). Центровое изображение не прослеживается ввиду плохой сохранности металла. Заметны лишь две концентрические окружности. Обнаружена в слое второй половины XIV в. Подобные привески присутствуют в новгородских материалах и также датируются XIV в. (Седова, 1981, с. 41, рис. 12, 9; рис. 14, 14; Гайдуков, 1992, с. 96, рис. 69, 13).

Бубенчик сильно фрагментирован и деформирован, так что определение его типа не представляется возможным. Сохранилась верхняя часть с плоским округлым ушком. Изготовлен из «чистой» меди (табл. 1, 3), так же как и новгородские, большая половина которых, согласно А.А. Коновалову (2008, с. 36), сделана из металла без легирующих добавок.

Обнаруженные **накладки** в количестве восьми штук довольно разнообразны. V-образный экземпляр (рис. 1, 13) аналогичен обнару-

женной на подмосковном селище Мякинино 2 (Сарачева, 2007, с. 85). Изделие подобной формы, но выполненное из железа, зафиксировано и на селище Кленово 2 (Шполянский, 2007, с. 102, рис. 1, 17).

Аналогий трехчастной фигурной накладке с округлым завершением оконечностей для крепления и отверстием в центре пока обнаружить не удалось (рис. 1, 15).

Накладка из «чистой» меди (табл. 1, 12) в виде полусферы крепилась при помощи двух штифтов, один из которых не сохранился, а второй – деформирован (рис. 1, 14).

Изначальную форму накладки, сохранившейся в нескольких фрагментах, можно четко проследить. Она относится к довольно распространенному типу прорезных накладок с крюковидным выступом внутри (рис. 1, 17). Близкая аналогия есть на территории Верхнего посада Переяславля Рязанского (см. статью Фатюниной наст. изд.). Она схожа с тверской находкой, отмеченной В.В. Солдатенковой (2008, с. 158). Встречена подобная накладка на поселении XV – середины XVI в. у д. Рождественно (Богомолов, Гоняный, Заидов, Шебанин, Шеков, 2012, с. 375), на селище Минино VI (Археология северорусской деревни X–XIII вв., 2008, с. 80).

Стоит отметить два однотипных квадратных плоских украшения, находившихся, вероятно, на одном изделии (рис. 1, 16). Накладки орнаментированы пуансоном. По периметру и в центральной окружности нанесены вдавления, линии таких же вдавлений расходятся от центра к краям изделия. Накладки крепились бугристой поверхностью наружу, о чем говорит деформация отверстий для крепежа.

К деталям костюма относятся многочисленные **булавки** типа «пуйеппи» (рис. 1, 20–23), время бытования которых определяется XIV–XVII вв. (Сарачева, 2007, с. 84). Обнаружен 31 экземпляр (из них 18 сохранились в полной форме, 13 – фрагментарно). Булавки состоят из проколки и округлой головки. Практически все головки булавок из Житного раскопа – прилитые к основанию шарики, в трех случаях головка изготовлена из обмотанной в два ряда и припаянной проволоки (рис. 1, 23), тогда как, к примеру, в Твери подавляющее большинство – проволочные головки (Солдатенкова, 2008, с. 160). Булавки с проволочными головками из Житного раскопа найдены в слоях конца XIV–XV вв., а с литой головкой обнаружены в слоях XVI в. По контуру, в верхней части четырех литых головок прослеживается литейный шов. Размеры булавок варьируются в следующих пределах: длина проколки 38–53 мм, диаметр головки 2–7 мм, диаметр проколки в сечении 0,5–2 мм. Исключением является одна булавка, длина

⁴ Автор выражает благодарность зав. кафедрой физической географии и методики преподавания географии РГУ, д. г. н. В.А. Кривцову за определение породы камней.

которой вместе с головкой лишь 26 мм (рис. 1, 22). Изучение проколки показало, что следов ее повреждения нет, т.е. она изначально была небольшого размера.

Проколки сделаны из волооченой проволоки: на всех экземплярах (за исключением одной) прослеживаются риски волочения. На трех проколках обнаружена пористость металла. По данным химического анализа, проколки булавок выполнены из свинцовой латуни, а прилитые к ней головки — из оловянно-свинцового сплава (табл. 1, 4–7).

Бытовые изделия Житного раскопа представлены чашечкой, копоушкой, оправами зеркал.

Чашечка из слоя второй половины XV в. (рис. 1, 18) имеет слом с одной стороны, что предположительно может указывать на изначальное расположение в этом месте какой-либо ручки.

Копоушка (рис. 1, 19) по форме и наличию штифта на плоском конце схожа с зафиксированной на поселении Настасьино (*Сарачева, Сапрыкина*, 2004, с. 56). Однако в отличие от указанной, выполненной из оловянно-свинцовой бронзы, переяславль-рязанский предмет личной гигиены изготовлен из железа, но покрыт оловом по всей площади. Оконечность копоушки раздвоена. Вероятно, туда могло вставляться еще одно изделие, которое скреплялось с копоушкой при помощи штифта.

Интересны два предмета округлой формы плохой сохранности (рис. 1, 24–25). Похожие вещи М.В. Седова определяла как крышки коробочек и датировала их 60 гг. XIV — второй половиной XV в. (*Седова*, 1981, с. 168–169). Позднее Е.А. Рыбина интерпретировала такие находки как **оправы зеркал** XIV–XV вв. (*Рыбина*, 1996, с. 156–158).

Одна оправа зеркала с утраченным центральным изображением (рис. 1, 24) найдена в слое первой половины XVI в. По периметру изображения идет ложная филигрань, за ней — бордюр из растительного орнамента, завершающийся рядом ложной филигрании. На оборотной стороне проходит круговой бортик.

Вторая оправа зафиксирована в процессе разбора осыпавшихся стенок раскопа, так что соотнести ее с пластом не представляется возможным (рис. 1, 25). Изображение в центре, окруженное рядом ложной филигрании, утрачено. Вокруг него проходит отчетливо читаемая надпись. На сохранившемся фрагменте написано «**ЬКАЛЕДАТ**». По мнению Е.А. Рыбиной⁵, «ькале» могло быть окончанием слова *зерькало*. По мнению Е.В. Шапиловой⁶, палеографические особен-

ности надписи не исключают ее датировку XIV в. Подобный стиль написания встречается вплоть до XVII в. Надпись ограничена тонким выступающим ободком, за которым идет бордюр из растительного орнамента, а по краю — еще один ряд ложной филигрании. На оборотной стороне есть круговой бортик.

Фрагментарно дошли до нас два предмета, представляющие собой тонкую металлическую основу с припаянной к ней проволокой, образующей орнамент. М.В. Седова приводит изображение крышки коробочек со сканым орнаментом новгородского Неревского раскопа, одна из которых (*Седова*, 1981, с. 162, рис. 64, 9) имеет сходство с обнаруженными на Житном раскопе (рис. 1, 26–27). Е.А. Рыбина не исключает, что такие фрагменты можно отнести к ажурным **накладкам** на металлические оправы зеркал. Одно изделие состоит из трех рядов гофрированной проволоки, обрамленных с обеих сторон рифленой проволокой (слой конца XV в.). Аналогии ему найдены в материалах Нутного раскопа в Новгороде, где похожее изделие обнаружено в слое середины XV в. (*Гайдуков*, 1992, с. 159). Второе, из слоя первой половины XVI в., имеет расположенный по краю тонкий проволочный ободок, за ним идет ряд гофрированной проволоки и ряд колечек, ограниченный двумя рядами проволоки, плотно прилегающей друг к другу. На оборотной стороне, параллельно краю, прослеживается тонкая линия выступающего металла, которая, возможно, является следами крепления (припайки) накладки на оправу.

К предметам христианского культа относятся 15 нательных и два наперсных креста, два оглавия энколпионов, четыре подвески-иконки.

Кресты-тельники представлены несколькими типами.

Односторонний крест с криновидными концами и дугами в средокрестии (рис. 2, 1). В центральной части помещен четырехконечный крест с кругом в средокрестии. В круглое расширение каждого крина и на граненое оглавие вписан выпуклый равноконечный крест. Подобные кресты датируются XI–XIII вв. (Археология. Древняя Русь. Быт и культура, 1997, с. 349). Похожий по форме крест, но с другим оформлением средокрестия и отличным стилем изображения крестов на лопастях найден при сборах на поверхности в Можайске (*Янишевский, Зайцева*, 2010, с. 220–221). Переяславль-рязанский крест происходит из слоя конца XIV — начала

⁵ Автор выражает благодарность д.и.н., проф. Е.А. Рыбиной за консультацию.

⁶ Автор выражает благодарность главному хранителю ФГБУК РИМЗ к.и.н. Е.В. Шапиловой за консультации.

Рис. 1. Изделия из цветных металлов:

1–10 – серьги и их фрагменты; 11 – височное кольцо; 12 – подвеска;
13–17 – накладки; 18 – чашечка; 19 – копоушка (луженое железо);
20–23 – булавки; 24–25 – оправы зеркал; 26–27 – накладки на оправы зеркал.

XV в. В этом же слое обнаружен еще один крест такой формы, но с изображенным Распятием и косыми крестами в круглых расширениях кринов (рис. 2, 2).

Широко распространенный тип крестов – односторонний, равноконечный, с криновидными концами и равноконечным крестом в ромбе в средокрестии – на Житном раскопе представлен двумя экземплярами, обнаруженными в слое конца XIV – первой половины XV в. (рис. 2, 3–4). Аналоги зафиксированы на ряде памятников: в Ростиславле Рязанском (Остапенко, 2013, с. 131); Москве (Археология Романова двора... 2009, с. 110–111; Кренке, 2000, с. 211); Подмоскovie на селищах Рождествено (Шполянская, 2008, с. 267), Мякинино-1 (Энговатова, Коваль, 2007, с. 77), поселении Настасьино (Сарачева, Сапрыкина, 2004, с. 57–58); Новгороде (Седова, 1981, с. 51); Можайске (Янишевский, Зайцева, 2010, с. 220–221; Серенске (Зайцева, 2009, с. 214); Белоозере (Захаров, 2004, рис. 44, 13) – и датированы исследователями XIV–XV вв. Наличие ряда дефектов на обоих крестах Переяславля Рязанского говорит о довольно низком качестве их литья (табл. 2).

Два односторонних шестиконечных креста с прямоугольными концами и килевидным завершением нижней оконечности из слоя конца XIV – начала XV в. В средокрестии первого (рис. 2, 5) помещен небольшой выпуклый равноконечный крест в окружении косых крестов. Надпись на верхней лопасти – «НИ», на правой – «ИС», на левой – «ХС», на нижней – «КА». По форме и изображению имеет сходство с находкой на селище Кленово 2, датируемой на основании состава вещевого комплекса второй половиной XIII – первой половиной XIV в. Однако у этого креста, в отличие от переяславльского, присутствует эмаль (Шполянский, 2007, с. 102, 106, 110).

В центральной части второго креста (рис. 2, 6) помещено рельефное изображение Престола Уготованного (Этимасии), под ним плетенка. На левой оконечности – монограмма «IX», на верхней – «И»(?). Знаки на правой и нижней оконечностях не читаются. Аналогичный крест зафиксирован при раскопках Лавского археологического комплекса в Ельце, датируемого концом XIV–XV вв. (Археологические открытия 2006 г. в Липецкой области, 2007, с. 13), и селища конца XIV – первой половины XV в. Городок 1 (Андреев, 2011, с. 265, рис. 26, 2). Датировка креста по слою Житного раскопа затруднительна ввиду небольшой осыпи стенки.

Двусторонний четырехконечный крест с прямоугольными концами и килевидным завершением нижней оконечности (рис. 2, 7).

В центральной части — рельефное изображение четырехконечного Голгофского креста. На верхней оконечности — «НИ», на боковых — «ИС» и «ХС». В нижней оконечности изображение могилы с Головой Адама. На оборотной стороне по всей поверхности креста прослеживаются чуть выпуклые геометрические изображения ромбов. Аналогичные по форме и композиции двусторонние кресты (за исключением оформления оборотной стороны) обнаружены в Твери и датированы XV, концом XV—XVI вв. (Солдатенкова, 2008, с. 157, 164—165). Крест из Житного раскопа происходит из слоя конца XIV — первой половины XV в.

К этому же типу крестов, с изображением креста на лицевой стороне, можно отнести фрагмент из слоя конца XV в. (рис. 2, 8). В центре рельефное изображение четырехконечного креста. На оконечностях боковых ветвей видны буквы «О» и «Н». В нижней части креста нечитаемое изображение.

Аналогий одностороннему шестиконечному кресту с прямоугольными концами и килевидным завершением нижней оконечности и изображением Христа(?) в рост в центральной части, обращенным на три четверти вправо, обнаружить не удалось (рис. 2, 9). В боковых оконечностях погрудные фигуры святых, обращенные к центру. В расширении верхней оконечности прослеживаются буквы, предположительно «КОХ». Под фигурой заметны буквы или знаки. Предмет обнаружен в слое последней трети — конца XV в.

Односторонний шестиконечный крест с прямоугольными концами и килевидным завершением нижней оконечности (рис. 2, 10) из сплава олова с медью и цинком (табл. 1, 10). В центре выпуклое изображение семиконечного Голгофского креста с венком в средокрестии. Нижний конец древа креста опирается на пещеру Адама, имеющую форму треугольника. Под подножием креста с двух сторон помещены четырехконечные равносторонние кресты. Под боковыми лопастями креста расположены верхние части трости и копия. Надпись на верхней лопасти — «ЧРС», на правой — «С», на левой — «Х», на нижней — «К...». Пространство вокруг Голгофского креста заполнено косыми насечками. Обнаружен в слое конца XVI — начала XVII в. По Э.П. Винокуровой, это тип IV, датируемый XVII в. (Винокурова, 1999, с. 340—341). Похожие кресты зафиксированы в погребениях XVI—XVII вв. в Пскове (Колпакова, Салмина, 2003, с. 68—69).

Односторонний четырехконечный крест с прямоугольными лопастями и прямыми углами в средокрестии с изображением сюжета «Никита, побивающий беса» (рис. 2, 11) изготовлен из оловянно-

свинцовой бронзы (табл. 1, 9). В центральной части представлена рельефная фигура святого в полный рост. Он одет в короткополую перепоясанную одежду. Зайцеподобного беса Никита бьет стоя, держа его за волосы левой рукой. На боковых и нижней лопастях погрудные изображения святых; надпись на верхней — «НК...». Третья буква предположительно «А». Круглое отверстие для подвешивания проделано в верхней лопасти. По стилю изображенного сюжета он относится ко второму типу образов, характерному для крестов XV—XVI вв. (Хухарев, 1994, с. 214). Аналогичные тельники обнаружены в бронзолитейной мастерской XV в. в Твери (Олейников, 1997, с. 185, рис. 6, 7—8), в Москве в горизонте XVI в. (Векслер, Беркович, 2005, с. 226, рис. 1, 1, 4).

Два креста имеют очень плохую сохранность, и определение их типа затруднительно. Кроме этого, оба обнаружены в осыпи слоев раскопа. На боковых оконечностях фрагмента двустороннего креста прослеживаются погрудные изображения святых (рис. 2, 14). На оборотной стороне изображен крест, внутреннее пространство которого заполнено плетенкой. Согласно Д.А. Беленькой, изображение плетенки на крестах характерно для конца XIV — конца XV в. (Беленькая, 1993, с. 15).

Обнаружены два двусторонних четырехконечных креста с прямоугольными лопастями и прямоугольником в средокрестии (рис. 2, 12—13). На лицевой стороне обоих крестов расположен выпуклый семиконечный крест на Голгофе над могилой Адама. От подножия креста под углом исходят трость и копие. Надписи на оборотных сторонах крестов сильно стерты, что делает невозможным их прочтение. Крест (рис. 2, 12) сохранил в углублениях на лицевой стороне, вероятно, остатки позолоты(?). Кресты этого типа, согласно классификации Э.П. Винокуровой, относятся к типу I, подтипу I и, судя по гладкому кольцевидному ушку, могут быть датированы XVII в. (Винокурова, 1999, с. 333, 335—336).

К **наперсным** отнесен круглоконечный крест с выступающими дугами средокрестия (рис. 3, 1). На одной створке изображено Распятие с предстоящими и архангелами, на другой — архангел Сихаил в рост с жезлом и зеркалом, в круглых медальонах расположены святые. Внутренняя сторона створок плоская, без полости для мощей. Широкий круг аналогий таким крестам, датируемым исследователями XIII—XVI вв., приведен в статье И.Е. Зайцевой (2009, с. 220—221). По технологии изготовления крест является поздней репликой креста-энколпиона древнерусского типа. Происходит из слоя второй

Рис. 2. Предметы христианского культа:
1–14 – кресты-тельники; 15–16 – оглавия энколпионов.

половины XIV в. Так же как и крест из Серенска (Зайцева, 2009, с. 221) и некрополя в Радонеже (Шемаханская, 2000, с. 83, табл. 1), переяславль-рязанский складень сделан из оловянно-свинцовой бронзы (табл. 1, 14–15).

Второй наперсный крест (рис. 3, 2) – односторонний восьмиконечный с процветшими концами и прямыми углами с изображением распятого Христа. Он не имеет стратиграфической привязки (обрушение верхних слоев). Поперечные ветви заканчиваются процветшими элементами в виде пяти лепестков. Такие же элементы отходят в стороны от верхнего и нижнего концов креста и по бокам ствола. На верхней лопасти изображение херувима. По Винокуровой, кресты такой формы относятся к типу II (Винокурова, 1999, с. 339). Похожий по форме крест из собрания Российского этнографического музея датируется XVIII в. (Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея, 2007, с. 184, каталог № 72). Прямых аналогий выявить пока не удалось.

Обнаружены два **оглавия энколпионов** (рис. 2, 15–16). Одно из них, бочковидное, изготовлено из многокомпонентной бронзы (табл. 1, 13). Второе, граненое, из оловянно-свинцовой бронзы (табл. 1, 8).

Иконки представлены четырьмя экземплярами.

Иконка крестовидной формы с выпуклым изображением святого Николая с благословляющим жестом правой руки и Евангелием в левой руке (рис. 3, 3). Над изображением надпись: «ННК». По обе стороны от изображения прослеживаются вертикально расположенные надписи: по левой стороне «А, Р, И», а с правой стороны «О» и ниже две нечитаемые буквы (низкое качество литья). Схожий образ из Ростиславля Рязанского датирован XIV в. (Остапенко, 2013, с. 135–136).

Иконка овальной формы с сюжетом «Никита, побивающий беса» (рис. 3, 4). Святой мученик Никита одет в короткополую перепоясанную одежду. Зайцеподобного беса Никита бьет стоя, придавив ногой. По классификации В.В. Хухарева, это второй тип образов, встречающийся на иконках XV–XVI вв. (Хухарев, 1994, с. 214). На оборотной стороне представлен ромб с выходящими концами, что является, вероятно, схематичным изображением херувима. По краю обеих сторон иконки проходит ободок, представляющий собой непрерывную линию углублений треугольной формы.

Этот же сюжет представлен на двух иконках арочной формы (рис. 3, 5). На образке полной формы великомученик Никита средних лет, одетый в короткополую подпоясанную одежду, за спиной – плащ,

бьет беса палкой, расположенной в правой руке, при этом держит беса за волосы левой рукой и придерживает ногой. Изображение помещено в рамку с рядом ложной зерни. По обе стороны от святого прослеживаются надписи: с левой стороны нечитаемая буква, с правой — «...КА»(?). На граненом ушке изображен крест. Иконка изготовлена из оловянной бронзы (табл. 1, 11). Переяславль-рязанские образки аналогичны обнаруженному в Москве и на поселении Кулаково 3 Московской области из слоя XVI в. (Векслер, Беркович, 2005, с. 226, рис. 1, 5; Богомолов, Заидов, Шебанин, Шеков, 2012, с. 212). Несмотря на широкое распространение этого сюжета на крестах и иконках на территории Московской Руси, считается, что изображение наиболее характерно для изделий тверского круга (Хухарев, 1994, с. 215).

Таковы основные группы находок изделий из цветных металлов из Житного раскопа Переяславля Рязанского.

Инструменты бронзолитейщика представлены пятью фрагментами тиглей в слоях конца XIV — первой половины XV в. Стоит упомянуть каменную заготовку литейной формы(?) (рис. 4).

Что касается **технологических особенностей** изготовления изделий из цветных металлов, то предварительно можно отметить следующее. Украшения на проволоочной основе изготовлены из круглой в поперечном сечении проволоки, полученной в процессе волочения — на проволоке сохранились следы от неровностей глазка волочильной доски. К другим, наиболее частым, примерам литейного брака можно отнести наплывы металла, образовавшиеся от плохого совмещения створок литейных форм, и смещение изображения ввиду сдвига створок литейных форм. Предметы христианского культа изготовлены литьем в двустворчатой разъемной форме, о чем свидетельствуют литейные швы по контуру. Вместе с тем, на поверхности оборотной стороны некоторых изделий замечена пористость, шероховатость. Это можно объяснить несоблюдением технологии изготовления формовочных масс или возникновением газовых пор (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 143). В ряде случаев изображение на крестах отличается нечеткостью, смазанностью, что может говорить об отливке по оттиску готового изделия или изношенности литейной формы из-за серийного производства.

Был проведен химический анализ некоторых предметов, но выборка слишком мала, чтобы делать какие-либо выводы (табл. 1). Пока можно только сказать, что большинство сплавов выполнены на основе меди и представлены четырьмя типами сплавов: однокомпонентные — чистая медь (в одном случае сумма примесей 2,3%, а во

Рис. 3. Предметы христианского культа:
1–2 — наперсные кресты; 3–5 — иконки.

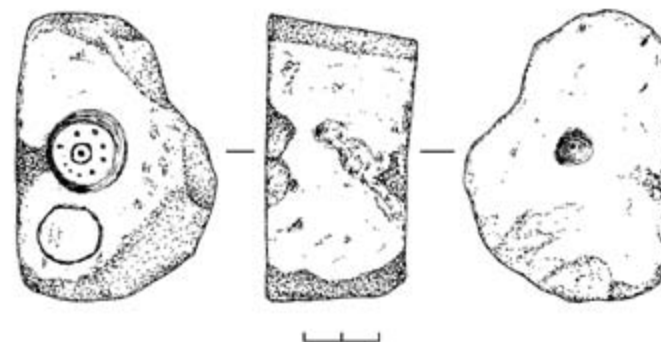

Рис. 4. Заготовка литейной формы(?), камень.

втором — 1,72%), двухкомпонентные — оловянная бронза, трехкомпонентные — свинцовая латунь, оловянная латунь, оловянно-свинцовая бронза, четырехкомпонентные — многокомпонентная бронза. Стоит обратить внимание на крест, изготовленный из олова с медью и цинком (рис. 2, 10): содержание олова около 94%, а сам крест отличается высокой техникой исполнения.

Подводя итоги изучению изделий из цветных металлов с Житного раскопа Переяславля Рязанского можно сделать несколько предварительных замечаний. На вещах выявлен ряд производственных дефектов, что свидетельствует о довольно низком качестве литья. Датировка находок по слою, в целом, совпадает с установленной на ряде памятников. В случае, когда вещи выбиваются из хронологии, это объясняется, скорее всего, местной спецификой, например более долгим их бытованием конкретно на территории Переяславля Рязанского, как это произошло с серьгами в виде знака вопроса, зафиксированных и в слоях первой половины XVI в. В связи с тем что изделия из цветных металлов найдены в раскопе в открытых комплексах, отдельные несовпадения с общепринятой датировкой могут объясняться и нарушениями культурного слоя.

⁷ Анализ вещей № 1–11 выполнен к.г.-м.н. Р.А. Митояном на факультете геологии МГУ; анализ вещей № 12–15 выполнен в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН В.Ю. Луньковым. Анализы сделаны на основе рентгенофлуорисцентного энергодисперсного безэталонного метода (см. отчеты В.И. Завьялова).

Таблица 1
Химический состав изделий из цветных металлов Житного раскопа⁷

№ пп. № рис.	Украшение	Элемент									
		Cu	Zn	Pb	Sn	As	Ag	Fe	Sb	Bi	Ni
1, 8	серьга	82	16	2	—	—	—	—	—	—	—
2, 11	височное кольцо	79	19	2	—	—	—	—	—	—	—
3 (A902/460 HB 5284)	бубенчик	97,7	—	1,3	0,7	0,02	0,14	—	0,45	—	—
4 (A902/236 HB 5008)	булавка «пус йеппи»-1 (стержень)	80,67	16,73	2,21	0,39	—	—	—	—	—	—
5 (A902/236 HB 5008)	булавка «пус йеппи»-2 (головка)	0,56	—	61,54	37,03	0,87	—	—	—	—	—
6 (A902/233 HB 5008)	булавка «пус йеппи»	24,67	73,23	2,1	—	—	—	—	—	—	—
7 (A902/235 HB 5008)	булавка «пус йеппи»	72,51	22,86	4,63	—	—	—	—	—	—	—
8, 15	оглавие	72,62	—	15,75	9,9	0,3	0,57	—	0,76	—	—
9, 11	крест «Никита»	49,65	—	40,47	9,88	—	—	—	—	—	—

10 2, 10	крест	1,77	1,84	—	93,97	2,42	—	—	—	—	—	—
11 3, 5	иконка «Никита»	80,43	—	1,45	17,51	0,17	—	0,44	—	—	—	—
12 1, 14	накладка	осн.	0,55	0,29	0,17	0,24	0,06	0,25	—	0,03	<0,04	0,09
13 2, 16	оглавие	осн.	11,44	1,03	3,2	0,18	0,06	0,17	—	0,07	0,63	0,01
14 3, 1	крест (часть 1)	осн.	0,02	3,8	10	0,13	0,09	—	—	0,22	0,07	—
15 3, 1	крест (часть 2)	осн.	0,52	7,15	12,11	0,03	0,08	—	—	0,43	0,07	0,03

Таблица 2
Характеристика изделий из цветных металлов

Тип, вид	Полевой шифр (фонды РИАМЗ)	Описание, особенности технологии	Размеры	Датировка по слою	№ рис.
Серьга					
в виде знака вопроса	ПРАЭ-11 пл. 23, кв. 37, гл. 457, № 357 (А902/114 КП29086)	волочение проволоки (риски воло- чения, глубокая риска, разделяю- щая проволоку пополам), изгиба- ние стержня; хрустальную бусину с 2-х сторон фиксирует проволока в 1 оборот; перевить проволоки в 7 оборотов на стержне	дл. 40 мм; диам. круглого в сече- нии стержня 1 мм; диам. бусины 7–8 мм; диам. круглой в сечении проволоки, фиксирующей буси- ну, 1,5 мм	кон. XIV – нач. XV в.	1, 1

—	ПРАЭ-11 пл. 21, зачистка, № 3 (А902/2 КП29086)	волочение проволоки (риски воло- чения, глубокая риска, разделяю- щая проволоку пополам), изгиба- ние стержня; литая металлическая круглая бусина (литейный шов делит бусину на 2 половины, ше- роховатость поверхности) дефор- мирована — сплющена с 2-х сторон	дл. 35 мм; диам. круглого в сечении стержня 1 мм; диам. бусины 10 мм	кон. XV в.	1, 2
—	ПРАЭ-09 пл. 18 (зачист- ка восточного участка), № 201 (А902/149 КП29086)	волочение проволоки (риски во- лочения, глубокая риска, раз- деляющая проволоку пополам), изгибание стержня; с литой (ше- роховатость поверхности) метал- лической круглой бусиной	дл. 29 мм; диам. круглого в сечении стержня 1 мм; диам. бусины 6 мм	кон. XV в.	1, 3
—	ПРАЭ-08 пл. 16, кв. 35, № 526 (А902/43 КП28523)	волочение проволоки (риски во- лочения, глубокая риска, раз- деляющая проволоку пополам), изгибание стержня; с 2-х сторон от сердечниковой бусины по 1 ме- таллической литой бусине (следы литейного шва)	дл. 43 мм; диам. круглого в сечении стержня 1,2 мм; диам. бусины 10 мм; диам. круглых в сече- нии металлических бусин 3 мм	кон. XV – нач. XVI в.	1, 4
—	ПРАЭ-08 пл. 16, кв. 33, гл. 319, № 475 (А902/409 НВ5284)	фрагмент, волочение проволоки (риски волочения, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам), изгибание обруча	диам. круглого в се- чении обруча 1 мм	кон. XV – нач. XVI в.	1, 9

—	ПРАЭ-08 пл. 15, кв. 32, гл. 299, № 350 (А902/24 КП28523)	волочение проволоки (риски волочения, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам), изгибание стержня; хрустальная эллипсоидная бусина, над ней — круглая металлическая бусина, еще 1 под ней не сохранилась	дл. 38 мм; диам. круглого в сечении стержня 1 мм; размер бусины 4—9 x 12 мм, диам. металлической бусины 3,5 мм	кон. XV — нач. XVI в.	1, 5
—	ПРАЭ-08 пл. 14, кв. 28, № 14 (А902/1 КП28523)	волочение проволоки (риски волочения, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам), изгибание стержня; с 2-х сторон от призматического стержня — клянский камень синего цвета по 1 металлической округлой бусине	дл. 36 мм; диам. круглого в сечении стержня 1 мм, диам. бусин 5 мм, камень 6 x 6 мм	1-я пол. XVI в.	1, 6
—	ПРАЭ-07 пл. 13, кв. 29, № 449 (А902/241 НВ5008)	волочение проволоки (риски волочения, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам), изгибание стержня; с круглой стержневой бусиной темно-зеленого цвета; перевитые проволоки в 5(?) оборотов и чуть выше в 3 оборота на стержне; обруч отломан	дл. 47 мм; диам. круглого в сечении стержня 1 мм; диам. бусины 6 мм	1-я пол. XVI в.	1, 7
—	ПРАЭ-07 пл. 13, кв. 21, № 421 (А902/13 КП28310)	волочение проволоки (риски волочения, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам), изгибание стержня; 2 граненые металлические бусины округлой формы; навитие проволоки в 6 оборотов на стержне	дл. 38 мм, диам. круглого в сечении стержня 1,2 мм, диам. бусин 3 мм	1-я пол. XVI в.	1, 8

—	ПРАЭ-07 пл. 13, кв. 17, № 334 (А902/240 НВ5008)	фрагмент, волочение проволоки (риски волочения, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам), изгибание обруча	диам. круглого в сечении обруча 1,2 мм	1-я пол. XVI в.	1, 10
Височное кольцо					
перстнеобразное проволочное разомкнутое	ПРАЭ-07 пл. 13, кв. 13, № 313 (А902/12 КП28310)	волочение проволоки (риски волочения, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам), изгибание	диам. 20 мм; из круглой в сечении проволоки диам. 1,5 мм	1-я пол. XVI в.	1, 11
Привеска					
монетовидная	ПРАЭ-11 траншея (пл. 24-25), № 413 (А902/282 НВ5654)	литье (литейный шов по краю ушка), плохая сохранность металла	диам. 15 мм, выс. с ушком 20 мм	2-я пол. XIV в.	1, 12
Бубенчик					
?	ПРАЭ-08 пл. 14 (зач. вост. уч.), № 546 (А902/460 НВ5284)	фрагмент, деформация, литье по выплавляемой модели	диам. ≈ 15 мм, толщ. 0,5 мм	1-я пол. XVI в.	—

Крест-тельник				
односторонний с криновидными концами и дугами в средокрестии	ПРАЭ-11 пл. 23, кв. 24, гл. 455, № 254 (А902/90 КП29086)	в центральной части четырехконечный крест с кругом в средокрестии; литье, местами по контуру наплывы металла; на л.с. изображение четкое; на о.с. шероховатость поверхности	42 (с ушком) x 32 мм, толщ. 1 мм	кон. XIV – нач. XV в. 2, 1
—	ПРАЭ-11 пл. 23, кв. 7, гл. 451, № 266 (А902/94 КП29086)	в центральной части Распятие; нечеткость, смазанность изображения — отлит по оттиску (?); отсутствие литейных швов, наплывов; на о.с. пористость поверхности по всей площади	35 (с ушком) x 26 мм, толщ. 1 мм	кон. XIV – нач. XV в. 2, 2
односторонний равноконечный с криновидными концами и равноконечным крестом в ромбе в средокрестии	ПРАЭ-11 пл. 23, кв. 20, гл. 451, № 206 (А902/72 КП 29086)	в центральной части равноконечный крест в ромбе в средокрестии; литье в двусторонней разъемной форме: наличие литейного шва по краю оглавия; на л.с. и о.с. ярко выраженная пористость поверхности; нечеткость, смазанность изображения: отлит по оттиску	26 (с ушком) x 20 мм, толщ. чуть более 1 мм	кон. XIV – нач. XV в. 2, 3

—	ПРАЭ-11 пл. 22, кв. 19, гл. 434, № 109 (А902/40 КП29086)	в центральной части равноконечный крест в ромбе в средокрестии литье в двусторонней разъемной форме: наличие литейного шва по краю оглавия; наплывы металла на большей части контура изделия; нечеткость, смазанность изображения; на о.с. шероховатости, на нижней лопасти наплыв металла	26 (с ушком) x 20 мм, толщ. чуть более 1 мм	кон. XIV – нач. XV в. 2, 4
односторонний шестиконечный с прямыми концами и килевидным завершением нижней оконечности	ПРАЭ-11 пл. 23, кв. 40, гл. 458, № 385 (А902/121 КП 29086)	в центральной части изображение небольшого равноконечного креста в окружении косых крестов на лопастях; отсутствие литейных швов, наплывов металла; на о.с. в верхней части креста незначительная пористость поверхности; нечеткость, смазанность изображения: отлит по оттиску(?)	46 (с ушком) x 21 мм, толщ. чуть более 1 мм	кон. XIV – нач. XV в. 2, 5
—	ПРАЭ-11 пл. 17/18(?), кв. 10(?), № 26 (А902/10 КП29086)	в центральной части изображение «Престола Уготованного»; литье в двусторонней разъемной форме: наличие литейного шва по краю оглавия; правая лопасть деформирована: недолив металла(?); на о.с. шероховатость, пористость металла, на нижней лопасти наплыв металла	29 (с ушком) x 16 мм, толщ. 1 мм	кон. XIV – нач. XV в.? 2, 6

—	ПРАЭ-09 пл. 18, кв. 8, гл. 353, № 226	фрагмент, верхняя лопасть утрачена, в центральной части изображение четырехконечного креста; литье		кон. XV в.	2, 8
—	ПРАЭ-10 пл. 19, кв. 28, № 116 (А902/78 КП28825)	в центральной части ростовое изображение Христа(?), повернутое в три четверти; литье: литейный шов на левой и верхней лопастях; о.с. гладкая, заметны горизонтальные риски шлифования, незначительная пористость металла	37 (с ушком) x 20 мм, толщ. 1,5 мм	кон. XV в.	2, 9
—	ПРАЭ-06 пл. 9, кв. 9, гл. 175, № 40 (А902/3 КП28300)	в центральной части изображение семиконечного креста с венком в средокрестии, четкость изображения; литье в двусторонней разъемной литейной форме: по левому краю л.с. наплыв металла ввиду смещения створок литейной формы; на о.с. шероховатость поверхности	47 (с ушком) x 40 мм, толщ. 2,5 мм	кон. XVI — нач. XVII в.	2, 10
двусторонний шестиконеч- ный крест с прямоуголь- ными концами и килевидным завершением нижней око- нечности	ПРАЭ-11 пл. 23, кв. 29, гл. 452, № 347 (А902/112 КП29086)	в центральной части изображение четырехконечного креста; верхняя часть оглавия обломана; изготовлен литьем в двусторонней разъемной форме; горизонтальное смещение створки формы — смещенное изображение на о.с.; по контуру изделия местами наплыв металла	29 x 15 мм, толщ. 1 мм	кон. XIV — 1-я пол. XV в.	2, 7

—	ПРАЭ-11 траншея/осыпь, № 408 (А902/279 НВ5654)	нижняя лопасть утрачена; плохая сохранность металла	—	?	2, 14
односторон- ний четырех- конечный с прямоуголь- ными лопа- стями	ПРАЭ-11 верхние слои Южн. стенки, № 7 (А902/2 НВ 5654)	фрагмент; плохая сохранность металла	—	?	—
—	ПРАЭ-06 пл. 9, кв. 20, № 14 (А902/5 КП28300)	с отверстием для подвешивания в верхней лопасти; в центральной части изображение сюжета «Никита, побивающий беса»; о.с. гладкая, заметны редкие неглубокие горизонтальные риски шлифования; на оглавии, по всему контуру шлифовка: удаление литейных швов	26 x 17 мм, шир. лопастей 8–9 мм, толщ. 1 мм, а в верхней лопасти до 3 мм	кон. XVI— нач. XVII в.	2, 11
двусторонний четыреко- нечный с пря- моугольными лопастями и прямоуголь- ным в средокрестии	ПРАЭ-05 пл. 8, кв. 27, гл. 154, № 211 (А902/211 НВ4836)	литье в двусторонней разъемной форме (литейный шов по контуру)	45 (с ушком) x 30 мм, толщ. 1,5 мм	1-я пол. — сер. XVII в.	2, 12

—	ПРАЭ-05 пл. 8, кв. 33, гл. 152, № 256 (А902/256 НВ4836)	ушко обломано, плохая сохранность металла, литье в двусторонней разъемной форме (литейный шов по контуру)	41 (с ушком) x 24 мм, толщ. 1,5 мм	1-я пол. — сер. XVII в.	2, 13
Наперсный крест					
кругло- нечный с выступаю- щими дугами средокрестия	ПРАЭ-11 пл. 24-25, № 195 (А902/67 КП29086)	отлит по отгиску готового изделия: нечеткость выпуклых изображений, недолив металла по контуру дуг средокрестия, с внутренней стороны пористость поверхности, «смазанность» бортиков, практически полное их отсутствие	52 x 47 мм (без оглавия), выс. с оглавием 83 мм	2-я пол. XIV в.	3, 1
односторон- ний восьмиконеч- ный процветший	ПРАЭ-11 осыпь верхних слоев, № 25 (А902/9 КП29086)	в центральной части изображение Распятия; литье в двусторонней разъемной форме; на о.с. шероховатости металла, недолив металла на 2 лепестках; местами по контуру литейный шов; незначительное горизонтальное смещение створок литейной формы	80 (без ушка) x 55 мм, ушко 9 x 11 мм	—	3, 2
Оглавие					
бочковидное	ПРАЭ-09 пл. 18, кв. 20, гл. 355, № 216 (А902/150 КП29086)	от энколпиона; литье: литейный шов по верхнему краю; шероховатость поверхности	17 x 23 мм, диам. от- верстий 4 мм	кон. XV — 1-я пол. XVI в.	2, 16

граненое	ПРАЭ-06 пл. 11, кв. 14, гл. 215, № 210 (А902/7 КП28300)	от энколпиона; плохая сохранность металла	22 x 25 мм	2-я пол. XVI в.	2, 15
Иконка-привеска					
крестовидная	ПРАЭ-11 траншея (пл. 24-25) № 196 (А902/68 КП29086)	ушко обломано; литье в двусторонней литейной форме; на о.с. шероховатость поверхности, форма привески не вполне симметричная — горизонтальное смещение створок литейной формы	17 (без ушка) x 15 мм, толщ. 1 мм	сер. — 2-я пол. XIV в.	3, 3
овальная	ПРАЭ-11 пл. 21, зач-ка, № 4 (А902/3 КП29086)	«Никита, побивающий беса»; плохая сохранность металла	21 (с ушком) x 15 мм, толщ. 4 мм	2-я пол. XV в.	3, 4
арочная	ПРАЭ-07 пл. 12 (траншея), кв. 40, № 85 А902 НВ 5008/53	«Никита, побивающий беса», фрагмент; плохая сохранность металла	выс. 29 мм, шир. 25 мм	1-я пол. XVI в.	—
—	ПРАЭ-06 пл. 11, кв. 25, гл. 215, № 168 (А902/4 КП 28300)	«Никита, побивающий беса», литье в двусторонней разъемной литейной форме: по верхнему краю оглавия литейный шов, шероховатости по краю, на о.с. шероховатости, на л.с. незначительная шероховатость металла	выс. 28 мм, выс. ушка 6 мм, шир. 19–22 мм, толщ. 1,5 мм	1-я пол. XVI в.	3, 5

Булавка					
«пус йеппи»	ПРАЭ-11 пл. 23, кв. 32, гл. 455, № 318 (А902/217 НВ5654)	фрагмент, проколка	дл. 35 мм, диам. круглой в сечении проколки 0,5 мм	кон. XIV – нач. XV в.	–
–	ПРАЭ-11 пл. 22, кв. 20, гл. 438, № 120 (А902/76 НВ5654)	фрагмент, проколка	дл. 48 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	кон. XIV – нач. XV в.	–
–	ПРАЭ-11 пл. 22, кв. 7, гл. 431, № 96 (А902/36 КП29086)	форма полная, головка из обмотан- ной в 2 ряда и припаянной прово- локи, риски волочения на прокол- ке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам	дл. 40 мм, диам. головки 3 мм, диам. круглой в сечении проволоки 1,5 мм, диам. круглой в сече- нии проколки 1 мм	кон. XIV – нач. XV в.	–
–	ПРАЭ-11 пл. 21, зачист- ка, № 6 (А902/5 КП29086)	форма полная, головка – прилитый шарик	дл. 52, диам. головки 6 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	2-я пол. XV в.	–
–	ПРАЭ-10 пл. 21, кв. 21, гл. 415, № 383 (А902/74 КП28825)	форма полная, головка из обмотан- ной в 2 ряда и припаянной прово- локи, риски волочения на прокол- ке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам; проколка и головка из одной проволоки	дл. 38 мм, диам. головки 2 мм, диам. круглой в сечении проволоки 1 мм, диам. круглой в сече- нии проколки 1 мм	2-я пол. XV в.	1, 23

–	ПРАЭ-10 пл. 21, кв. 16, гл. 411, № 337 (А902/81 КП28825)	форма полная, головка из обмотан- ной в 2 ряда и припаянной прово- локи, риски волочения на прокол- ке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам	дл. 38 мм, диам. головки 2 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	сер. – 2-я пол. XV в.	–
–	ПРАЭ-09 пл. 17, кв. 38, гл. 336, № 67 (А902/56 КП28824)	форма полная, головка – прилитый шарик	дл. 48, диам. головки 6 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	кон. XV – нач. XVI в.	–
–	ПРАЭ-08 пл. 14, кв. 8, гл. 165, № 126 (А902/7 КП28523)	форма полная, согнута, головка – прилитый шарик, риски волочения на проколке, глубокая риска, раз- деляющая проволоку пополам	дл. 51 мм, диам. головки 6 мм, диам. круглой в сечении проколки 1,5 мм	1-я пол. XVI в.	–
–	ПРАЭ-08 пл. 14, кв. 27, гл. 266, № 54 (А902/50 НВ5284)	фрагмент, головка отсутствует, ри- ски волочения на проколке, по- ристость поверхности, глубокая риска, разделяющая проволоку по- полам	дл. проколки 47 мм, диам. круглой в сече- нии проколки 1 мм	1-я пол. XVI в.	–
–	ПРАЭ-08 пл. 14, кв. 6, гл. 272, № 187 (А902/168 НВ5284)	фрагмент, согнута, головка отсут- ствует, риски волочения на прокол- ке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам	дл. проколки 52 мм, диам. круглой в сече- нии проколки 1 мм	1-я пол. XVI в.	–

—	ПРАЭ-07 пл. 13, зач. Вост. уч., № 498 (A902/6 HB5008)	форма полная, головка — прилитый шарик	дл. 44 мм, диам. головки 5 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	1-я пол. XVI в.	—
—	ПРАЭ-07 пл. 13, кв. 15, пл. 258, № 360 (A902/65 HB5008)	форма полная, головка — прилитый шарик, риски волочения на проколке, шероховатости	дл. 46 мм, диам. головки 5 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	1-я пол. XVI в.	1, 20
—	ПРАЭ-07 пл. 13 кв. 29, № 441 (A902/57 HB5008)	форма полная, головка — прилитый шарик, риски волочения на проколке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам, литейный шов, делящий головку на две части	дл. 49 мм, диам. головки 5 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	1-я пол. XVI в.	1, 21
—	ПРАЭ-07 пл. 13 кв. 32, № 465 (A902/60 HB5008)	фрагмент, головка отсутствует, риски волочения на проколке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам	дл. проколки 40 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	1-я пол. XVI в.	—
—	ПРАЭ-07 пл. 13 кв. 37, № 478 (A902/235 HB5008)	форма полная, головка — прилитый шарик, литейный шов, делящий головку на 2 части, незначительный наплыв металла, риски волочения на проколке не заметны (отшлифованы?)	дл. 54 мм, диам. 5 мм, диам. круглой в сечении проколки 1,5 мм	1-я пол. XVI в.	—

—	ПРАЭ-07 пл. 13, кв. 38, № 477 (A902/233 HB5008)	форма полная, головка — прилитый шарик, риски волочения на проколке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам, литейный шов, делящий головку на 2 части	дл. 45 мм, диам. головки 5 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	1-я пол. XVI в.	—
—	ПРАЭ-07 пл. 13, зачистка восточного участка, № 493 (A902/58 HB5008)	форма полная, головка — прилитый шарик, риски волочения на проколке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам, шарик литой: заметен литейный шов	дл. 44 мм, диам. головки 5 мм, диам. круглой в сечении проколки 0,5 мм	1-я пол. XVI в.	—
—	ПРАЭ-2007 пл. 13, кв. 6, № 399 (A902/66 HB5008)	фрагмент, головка отсутствует, риски волочения на проколке, пористость поверхности, риска, разделяющая проволоку пополам слабо выражена, равномерное утолщение в верхней части проколки	дл. проколки 42 мм, диам. круглой в сечении проколки 0,5 мм, в верхней части до 1,5 мм, дл. 3,5 мм	1-я пол. XVI в.	—
—	ПРАЭ-2007 пл. 13, кв. 23, № 439 (A902/17 HB5008)	фрагмент, головка отсутствует, риски волочения на проколке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам	дл. проколки 45 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	1-я пол. XVI в.	—
—	ПРАЭ-2007 пл. 13, кв. 23, № 419 (A902/69 HB5008)	фрагмент, согнут, головка отсутствует, риски волочения на проколке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам	дл. проколки 47 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	1-я пол. XVI в.	—

—	ПРАЭ-2007 пл. 13, кв. 23, № 422 (А902/242 НВ5008)	фрагмент, согнут, головка отсутствует, риски волочения на проколке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам	дл. проколки 43 мм, диам. круглой в сечении проколки 0,5 мм	1-я пол. XVI в.	—
—	ПРАЭ-2007 пл. 12, кв. 1, № 284 (А902/61 НВ5008)	форма полная, головка — прилитый шарик, риски волочения на проколке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам, литейный шов, делящий головку на 2 части	дл. 26 мм, диам. головки 4 мм, диам. круглой в сечении проколки 0,5 мм	1-я пол. XVI в.	1, 22
—	ПРАЭ-2007 пл. 12, кв. 6, № 256 (А902/237 НВ5008)	фрагмент, головка отсутствует, риски волочения на проколке, присутствие поверхности, отсутствие глубокой риски, разделяющей проволоку пополам	дл. проколки 43 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	1-я пол. XVI в.	—
—	ПРАЭ-2007 пл. 12, кв. 1, № 288 (А902/67 НВ5008)	фрагмент, головка отсутствует, риски волочения на проколке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам	дл. проколки 42 мм, диам. круглой в сечении проколки 0,5 мм	1-я пол. XVI в.	—
—	ПРАЭ-2007 пл. 12, кв. 27, № 250 (А902/68 НВ5008)	фрагмент, часть проколки, риски волочения на проколке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам	диам. круглой в сечении проколки 0,5 мм	1-я пол. XVI в.	—

—	ПРАЭ-2007 пл. 11, кв. 27, гл. 210, № 12 (А902/62 НВ5008)	форма полная, головка — прилитый шарик, риски волочения на проколке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам	дл. 47 мм, диам. головки 5 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	2-я пол. XVI в.	—
—	ПРАЭ-07 пл. 11, кв. 3, гл. 209, № 20 (А902/236 НВ5008)	форма полная, головка — прилитый шарик, литейный шов, делящий головку на 2 части, незначительный наплыв металла; риски волочения на проколке, глубокая риска, разделяющая проволоку пополам	дл. 49 мм, диам. головки 6 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	2-я пол. XVI в.	—
—	ПРАЭ-06 пл. 11, кв. 12, гл. 212, № 251 (А902/91 НВ4975)	форма полная, головка — прилитый шарик	дл. 50 мм, диам. головки 4 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	2-я пол. XVI в.	—
—	ПРАЭ-06 пл. 11, кв. 12, № 252 (А902/92 НВ4975)	форма полная, головка — прилитый шарик	дл. 50 мм, диам. головки 3 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	2-я пол. XVI в.	—
—	ПРАЭ-06 пл. 11, кв. 26, гл. 219, № 187 (А902/147 НВ4975)	форма полная, проколка выходит за головку (коррозия?)	дл. 43 мм, диам. головки 4 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	2-я пол. XVI в.	—

—	ПРАЭ-11 осыпь (пл. 10-13), кв. 21/26, № 390	форма полная, головка — прилитый шарик	дл. 53 мм, диам. головки 2 мм, диам. круглой в сечении проколки 1 мм	XVI в.	—
Оправа					
для зеркала	ПРАЭ-07 пл. 12, зач-ка вост. уч., № 385	фрагмент	диам. 34 мм, с о.с. на расстоянии 2–3 мм от края круговой бортик выс. 4 мм	1-я пол. XVI в.	1, 24
—	ПРАЭ-11 осыпь верхних слоев, № 29	фрагмент	диам. ≈ 48 мм, с о.с. на расстоянии 2 мм от края круговой бортик выс. 3 мм	?	1, 25
Накладка					
V-образная	ПРАЭ-10 траншея (≈ пл. 22-23), № 347 (A902/79 КП28825)	форма полная, с 2 отверстиями для крепления	24 x 9 мм, толщ. 2 мм, диам. отв. 2 мм	кон. — 1-я пол. XV в.	1, 13
ажурная	ПРАЭ-10 пл. 19, кв. 29 (соор. № 15), пл. 378, № 124 (A902/157 НВ5619)	на оправу зеркала, фрагменты	—	кон. XV в.	1, 26

—	ПРАЭ-07 пл. 13, зач. зап. уч., № 453 (A902/55 НВ5008)	на оправу зеркала, фрагменты, на оборотной стороне — линия выступающего металла (следы от крепления (припайки)?)	—	1-я пол. XVI в.	1, 27
полусфера	ПРАЭ-09 пл. 18, № 196 (A902/151 КП 29086)	один штифт отломан; литье; неровности края, шероховатости поверхности; штифты припаяны	диам. 22 мм, дл. штифта 11 мм	кон. XV — нач. XVI в.	1, 14
фигурная	ПРАЭ-09 пл. 17, кв. 28, № 34 (A902/34 НВ 5617)	фрагмент	13 x 16 мм, толщ. 1 мм	кон. XV — нач. XVI в.	1, 15
квадратная	ПРАЭ-07 пл. 13, зач-ка зап. уч., № 450 (A902/20 НВ5008)	форма полная, плоская; орнаментирована пуансоном (подавляющее большинство пробито насквозь, отверстия разного размера); с 4 отверстиями для крепления по углам; из тонкого металлического листа; шероховатость металла с обеих сторон	21 x 21 мм, диам. отверстий для крепления 1,5 мм, толщ. 0,1 мм	1-я пол. XVI в.	—

–	ПРАЭ-07 пл. 12, кв. 17, № 86 (А902/63 НВ5008)	форма полная, плоская; орнаментована пуансоном (подавляющее большинство пробито насквозь, отверстия одного небольшого размера), с 4 отверстиями для крепления по углам; из тонкого металлического листа; металл ровный	21 x 21 мм, диам. отверстий для крепления 1,5 мм, толщ. 0,1 мм	1-я пол. XVI в.	1, 16
прорезная, с крюковидным выступом внутри	ПРАЭ-07 пл. 13, кв. 24, № 440 (А902/56 НВ 5008)	фрагменты, форма утрачена; округлые расширения по углам с отверстиями для крепления	дл. 23 мм	1-я пол. XVI в.	1, 17
Чашечка					
–	ПРАЭ-11 пл. 20(?)–ю-3 угол раскопа, № 32 (А902/13 КП 29086)	сломы	60 x 70 мм, диам. дна 48 мм	2-я пол. XV в.	1, 18
Копушка					
прямая, расширяющаяся в верхней части ножка	ПРАЭ-08 пл. 15, кв. 19, гл. 296, № 346 (А902/297 НВ5284)	форма полная, ложечка круглая; луженое железо, местами покрытие потрескалось	дл. 43, шир. ножки 2,5–6,5 мм, диам. ложечки 4,5 мм	кон. XV – нач. XVI в.	1, 19

Литейная форма					
заготовка	ПРАЭ-11 пл. 22, кв. 1, гл. 437, № 157 (А902/57 КП29086)	камень неправильной формы, слегка подработан по краям; нижняя и верхняя части плоские; на верхней части вырезана форма для круглого изделия диаметром 23 мм, в центре формы прочерчен круг диаметром 6 мм с точкой в центре, с внешней стороны круга по окружности наметены 9 точек; рядом с формой прочерчен круг диаметром 17 мм; на противоположной плоской стороне намечено коническое углубление диаметром 11 мм	выс. 45 мм, размеры площадки 90 x 65 мм	кон. XIV – нач. XV в.	4

Литература

- Андреев С.И., 2011. Исследования селища Городок 1 // АП. Вып. 7. М. Археологические открытия 2006 г. в Липецкой области, 2007. Липецк. Археология. Древняя Русь. Быт и культура, 1997. М.
- Беленькая Д.А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. Вып. 208. М.
- Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2012. Археологические комплексы раннего поселения при погосте у с. Рождественно // АП. Вып. 8. М.
- Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2012. Позднесредневековый комплекс из раскопок на поселении Кулаково 3 Раменского района Московской области // АП. Вып. 9. М.
- Винокурова Э.П., 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы XVII в. М.
- Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
- Винокурова Э.П., 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы XVII в. М.
- Завьялов В.И., 2005. Отчет об археологических исследованиях Кремля Переяславля Рязанского в 2004 году // НА РИАМЗ. № 3834.
- Завьялов В.И., 2006. Отчет об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2005 году // НА РИАМЗ. № 3858.
- Завьялов В.И., 2007. Отчет об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2006 году // НА РИАМЗ. № 3899.
- Завьялов В.И., 2008. Отчет об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2007 г. // НА РИАМЗ. № 3955.
- Завьялов В.И., 2009. Отчет об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2008 г. // НА РИАМЗ. № 3992/1, 2.
- Завьялов В.И., 2010. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2009 году // НА РИАМЗ. № 4004/1, 2.
- Завьялов В.И., 2011а. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2010 году // НА РИАМЗ. № 4024/1, 2.
- Завьялов В.И., 2011б. Исследования Житного раскопа в Кремле Переяславля Рязанского (2004–2006) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Рязань. Вып. 1.
- Завьялов В.И., 2012. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2011 году // НА РИАМЗ. Б/н.
- Зайцева И.Е., 2009. Предметы христианского культа из раскопок Серенска // АП. Вып. 5. М.
- Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI–XIII вв. М.
- Колпакова Ю.В., Салмина Е.В., 2003. Раскопки у церкви Богоявления с Запсковья в городе Пскове в 2001 году: погребальный обряд и инвентарь XVI–XVIII вв. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 5.
- Коновалов А.А., 2008. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.

- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А., 2003. Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.
- Кренке Н.А., 2010. Нателные крестики из раскопок во дворе старого здания Московского университета // РА. № 1. М.
- Олейников О.М., 1997. Новые материалы по исторической топографии бывшего Затьмацкого посада г. Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 2.
- Остапенко А.А., 2013. Христианские древности Ростиславля Рязанского (из раскопок 1991–2010 гг.) // РА. № 1. М.
- Рыбина Е.А., 1996. К атрибуции одной находки из Зарядья // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды музея города Москвы. М. Вып. 9.
- Сарачева Т.Г., 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI вв. с территории северо-восточной Руси // КСИА. Вып. 221. М.
- Сарачева Т.Г., Сапрыкина И.А., 2004. Средневековое поселение Настасьино // Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. М. Т. 2.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные украшения Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Солдатенкова В.В., Персов Н.Е., 2005. К вопросу о бронзолитейном производстве и бытовании некоторых образцов медного литья в одном из кварталов средневековой Твери XV–XVI веков // Ставрографический сборник. М. Кн. 3.
- Солдатенкова В.В., 2008. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. // КСИА. Вып. 222. М.
- Травкин П.Н., 1989. Петровское селище на р. Увель // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново. Вып. 2.
- Хухарев В.В., 1994. К вопросу об изображениях святого мученика Никиты, изгоняющего беса, на крестах и иконках из Твери // Тверской археологический сборник. Тверь.
- Чернов С.З., 2000. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже // РА. № 1. М.
- Шемаханская М.С., 2000. Результаты химико-технологического анализа комплекса меднолитых энколпионов и крестов могильника в урочище «Погост» на Афанасовом поле в Радонеже // РА. № 1. М.
- Шполянская Д.В., 2008. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI веков Рождествено 1 (предварительное сообщение) // АП. Вып. 4. М.
- Шполянский С.В., 2007. Вещевой комплекс селища Кленово 2 из окрестностей Перемышля Московского // КСИА. Вып. 221. М.
- Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2007. Мякининский комплекс памятников археологии // АП. Вып. 3. М.
- Янишевский Б.Е., Зайцева И.Е., 2010. Новые находки предметов из цветных металлов XI–XV веков из Можайска и его окрестностей // АП. Вып. 6. М.

О.А. Фатюнина, В.В. Судаков

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ НА ВЕРХНЕМ ПОСАДЕ г. ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

Изделия из цветных металлов Переяславля Рязанского — одна из категорий находок, исследованная в наименьшей степени. Предварительные замечания о ювелирном ремесле города высказали Т.Г. Сарачева и В.В. Судаков (*Сарачева, Судаков*, 1994, с. 141–143), наиболее интересные находки опубликовал А.Л. Монгайт (*Монгайт*, 1961, с. 298–304), сведения об отдельных находках можно найти в «Подземной охранной зоне исторической территории Рязанского кремля» (1995, с. 29–30, 48), были изучены изделия из цветных металлов Житного раскопа в Кремле (*Фатюнина*, 2012; *Фатюнина*, наст. изд.). Продолжающиеся археологические исследования расширяют источниковую базу изучения обработки цветных металлов Переяславля Рязанского. В данной статье рассматриваются вещи, обнаруженные на территории Верхнего посада.

Понятие «Верхний посад» довольно условно, и в письменных источниках оно встречается поздно — в XVII–XVIII вв., упоминаются и отдельные его части (Черный посад, Владычина (Архиерейская, Астраханская) слобода, Всполье) без точного указания их границ (*Кусова, Филиппов*, 2011, с. 23). Под Верхним посадом мы понимаем район Переяславля Рязанского к юго-западу от Острога и Кремля — от современной ул. Петрова до ул. Каширина и Кудрявцева, — расположенный на мысу правобережной террасы р. Оки между р. Трубежом (правый приток р. Оки) и долиной р. Лыбеди (правый приток р. Трубежа) (рис. 1).

Изучение Верхнего посада началось в 1981 г. с заложения В.П. Челябинским трех разведочных шурфов (площадь 92 кв. м) в различных его частях. Позднее исследования здесь проводили В.В. Судаков (пять разведочных шурфов в 1990 г., площадью 87 кв. м, раскоп в 2000 г., площадью 256 кв. м) и В.М. Буланкин (три раскопа в 1992 г., площадью 260 кв. м) (*Судаков*, 2010, с. 5–13). Таким образом, общая раскопанная площадь составляет 695 кв. м (рис. 2).

Исследования проводились, главным образом, в северо-восточной части посада. В центральной части — только наблюдения, которые показывают: до XVI в. эта территория не была заселена, что было связано, скорее всего, с первоочередным освоением участков по берегам рек и более поздним заселением водоразделов.

Культурный слой на территории Верхнего посада сухой. На значительной части он нарушен в результате поздних перепланировок и строительной деятельности, и поэтому довольно часто ранние находки оказываются в более поздних сооружениях и наоборот, что затрудняет датировку объектов. В северной части вдоль р. Трубежа мощность культурных напластований составляет 0,6–0,8 м (за исключением засыпанных оврагов и остатков построек, уходящих в материк) и датируется преимущественно в пределах XVII–XX вв., хотя отдельные находки позволяют говорить о заселении данной территории, по крайней мере, с эпохи раннего железного века. В материке сохранились остатки жилых и хозяйственных построек XII–XVII вв., в которых найдено большинство изделий из цветных металлов и отходов их производства (*Судаков, Буланкин*, 2005, с. 252).

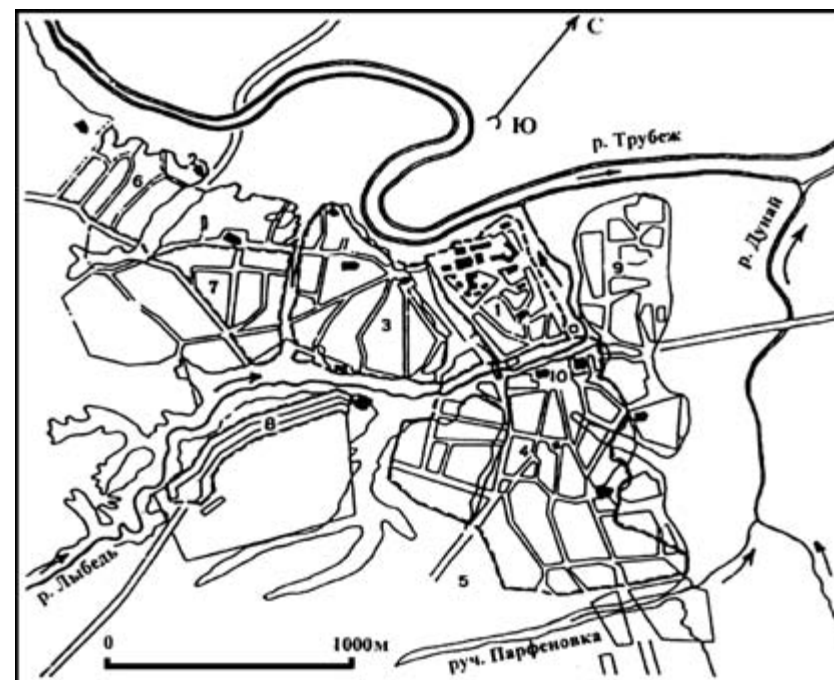

Рис. 1. План Переяславля Рязанского.

1 — Кремль; 2 — Старый острог; 3 — Острог; 4 — Нижний посад;
5 — надолбы; 6 — Владычная слобода; 7 — Верхний посад; 8 — Ямская слобода;
9 — Выползова (Рыбацкая) слобода; 10 — древний торг.

В центральной и южной частях Верхнего посада мощность слоя, который датируется временем не ранее XVI в., доходит до 1,5 м. У дна ныне засыпанных оврагов, во влажном слое хорошо сохраняется органика XVI–XVIII вв.

Находки из цветных металлов на раскопанных участках Верхнего посада встречаются не так часто и распространены очень неравномерно (рис. 3). Наибольшая их часть происходит из района шурфа № 2 1981 г. (раскопки В.П. Челяпова) и расположенного рядом раскопа № 2 1992 г. (раскопки В.М. Буланкина). Это 54 из всех 89 находок из цветного металла и 172 из 178 отходов производства (рис. 4).

В шурфе № 2 1981 г. раскопаны остатки подпольной части жилища (полуземлянка?) неправильной формы. В ее заполнении найдены многочисленные предметы: донца гончарных сосудов с клеймами, железные подковы, дужка от цилиндрического замка, шило, кресало, обломок железного ножа, бронзовый крест, фрагмент решетчатого перстня, шиферное пряслице, глиняное грузило, монетка «мордка», стеклянные браслеты, поделки из кости и многочисленные обрезки

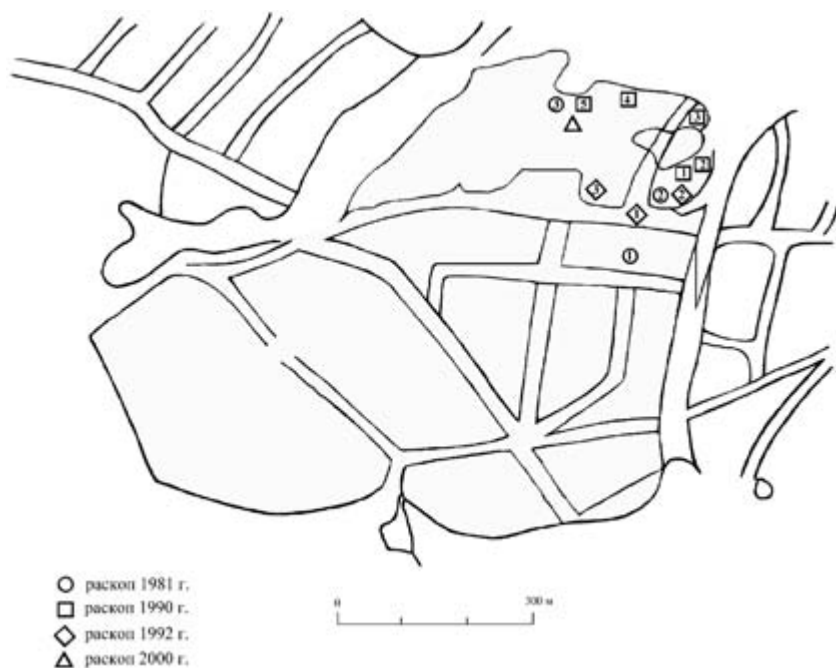

Рис. 2. Расположение раскопов на Верхнем посаде.

бронзы. Керамика датируется XII–XVII вв. Несмотря на перемешанность слоя, в жилище преобладают материалы второй половины XIII – первой половины XIV в.

В раскопе № 2 1992 г. основная мощность культурного слоя составила 40–80 см, который, в целом, по керамике и индивидуальным находкам датируется XVI–XVII вв. Наиболее интересными в археологическом отношении оказались хозяйственные и жилые постройки, расположенные в материке и относящиеся ко времени XII–XVII вв.

Год работ	Площадь (кв. м)	Индивидуальные находки (шт.)	Отходы производства (шт.)	Тигли (шт.)
1981 шурф 1	28	3	—	—
1981 шурф 2	34	14	51	—
1981 шурф 3	30	—	—	—
1990 шурф 1	16	1	1	—
1990 шурф 2	16	2	—	15
1990 шурф 3	16	—	—	—
1990 шурф 4	20	—	—	—
1990 шурф 5	19	—	1	3
1992 раскоп 1	32	5	4	—
1992 раскоп 2	168	37	121	—
1992 раскоп 3	60	1	—	—
2000 раскоп	256	26	—	—

Рис. 3. Количественное распределение находок из цветного металла, обнаруженных на территории Верхнего посада.

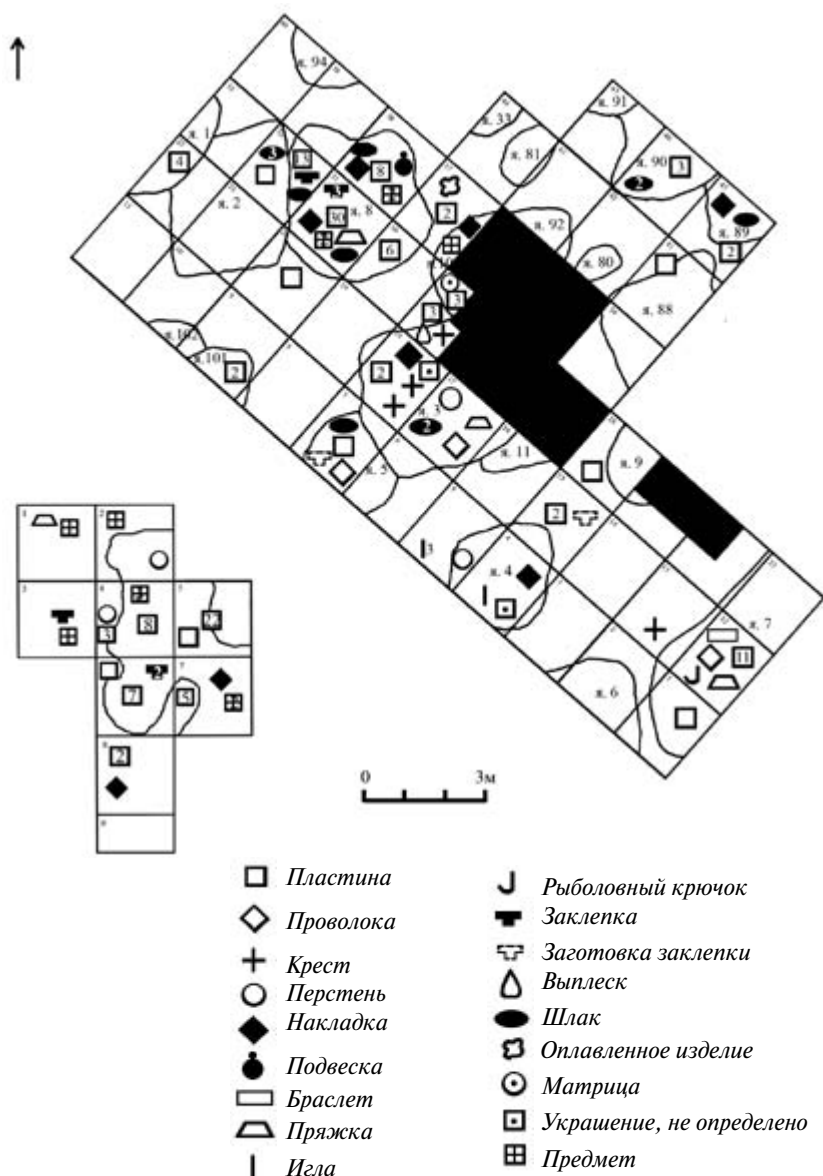

Рис. 4. Изделия из цветных металлов на плане шурфа № 2 1981 г. и раскопа № 2 1992 г.

Почти половина предметов из цветных металлов в раскопе № 2 концентрируется в заполнении ямы 8, являющейся подпольной частью жилища. Форма ямы — неправильная четырехугольная, ориентирована по сторонам света, имеет размеры 380 x 280 см. Ее стенки уступчатые, дно неровное, в материк заглублена на -90 — -150 см. Заполнение ямы до уровня материка на отметках -80 — -100 см представлено слоем темно-серого гумусированного суглинка, ниже пачка горизонтально залегающих слоев разных оттенков серого цвета с прослойками глины и угля, прокаленной глины. В северо-восточном углу и средней части ямы расчищено скопление обгоревшего древесного тлена. Дерево плохой сохранности, конструктивные особенности не фиксируются.

Керамика в заполнении ямы представлена фрагментами горшков XIII—XIV вв., что позволяет датировать остатки постройки этим временем. Индивидуальных находок в яме 72, в том числе несколько бронзовых изделий: подвеска к украшению, две накладки, пряжка, четыре заклепки, четыре неидентифицированных предмета. Отходы производства (57 находок) представлены пластинами, обрезками тонких металлических листов, металлической стружкой, шлаками (3 шт.).

Такое скопление изделий из цветных металлов, а особенно отходов, указывает на производство в данном жилище изделий из цветного металла. Отсутствие же тиглей, льячек, литейных форм позволяет предположить наличие здесь определенной специализации — изготовление предметов из листовой бронзы. Также можно предположить, что постройки из шурфа № 2 1981 г. и раскопа № 2 1992 г. являются частью одной усадьбы ювелира: в постройках большое количество обрезков листовой бронзы, находятся они на расстоянии 8—10 м друг от друга и их датировка совпадает. Концентрация находок из цветных металлов и отходов производства здесь самая высокая — чуть меньше одного предмета на кв. м в раскопе № 2 1992 г. и немногим менее двух в шурфе № 2 1981 г.

В раскопе В.В. Судакова 2000 г. найдено 26 предметов из цветного металла (Судаков, 2000), но концентрация небольшая — одна находка на 10 кв. м. Средняя мощность культурного слоя в раскопе с преобладанием материала XVII—XVIII вв. на участках, не нарушенных поздними перекопами и не связанных с более ранними ямами, составляет 20—30 см. Позднесредневековый слой залегает непосредственно на стерильном предматерике и перекрыт перемешанным слоем с материалом XIX—XX вв. мощностью 50—40 см. По всей видимости, слой XVII—XVIII вв. в значительной степени переработан при планировке

участка в связи с благоустройством набережной р. Трубежа в конце 1940 г. В материке исследованы остатки хозяйственных и жилых построек XII–XVII вв.

В остальных шурфах и раскопах на Верхнем посаде изделия из цветных металлов или единичны, или отсутствуют совсем.

Всего индивидуальных находок из цветного металла с территории Верхнего посада — 89. Это разнообразные ювелирные украшения и бытовые вещи. При описании они разбиты на группы.

Инструментарий, используемый в ювелирном производстве, практически не представлен. Исключение составляет специальный инструмент, относимый к группе формующих, — *матрица* (Буланкин, 1992, раскоп 2, кв. 37, гл. 63, № 340). Литая матрица для тиснения криновидных подвесок имеет размеры 43 x 38 x 7 мм (рис. 5, 1). Найдена она в верхней части ямы 10 конца XIII–XIV вв. на границе со слоем XVII в., поэтому точно датировать находку не представляется возможным. Интересно, что яма 10 находится буквально в 30–40 см от ямы 8, содержащей большое количество отходов производства — обрезков листовой бронзы. Очень близкая аналогия матрице есть в материалах А.Л. Монгайта со Старой Рязани, где она датируется XII–XIII вв. (Монгайт, 1955, с. 136). Определенное сходство есть с матрицей из Городца на Волге (Ениосова, Сарачева, 2006, с. 92).

Приспособления для плавки металла немногочисленны и представлены 18 фрагментами *тиглей* из шурфов № 2, 5, раскопанных В.В. Судаковым в 1990 г. (Судаков, 1990). Причем 15 из них найдены в заполнении ямы 2 из шурфа № 2 в перемешанном слое XVII–XIX вв. За исключением двух, тигли имели вид конусов с округлым дном, толщина их стенок 0,4–0,9 см; высота 4–5 см, почти на всех остатки шлака грязно-зеленоватого, коричнево-зеленоватого цветов (Судаков, 1992). Еще три фрагмента найдены в заполнении ямы 1 шурфа № 5 второй половины XIII — первой половины XIV в. Подобные тигли имеют широкую датировку: с домонгольского времени до XVIII в. (Розенфельдт, 1968, с. 57).

К головным украшениям относятся два **височных кольца**.

Разомкнутое *перстнеобразное проволочное* височное кольцо (Судаков, 2000, сект. II, я. 5, кв. 38, гл. 129, № 245) (рис. 5, 3) из круглой в поперечном сечении проволоки диаметром 1 мм с загнутым наружу концом найдено в подпольной яме 5 XVII–XVIII вв. В.П. Левашова определила их распространенность X–XIII вв. (Левашова, 1967, с. 15). Обнаруженное кольцо относится к группе с малым диаметром — 10 мм. Судя по новгородским материалам, такие кольца продолжают

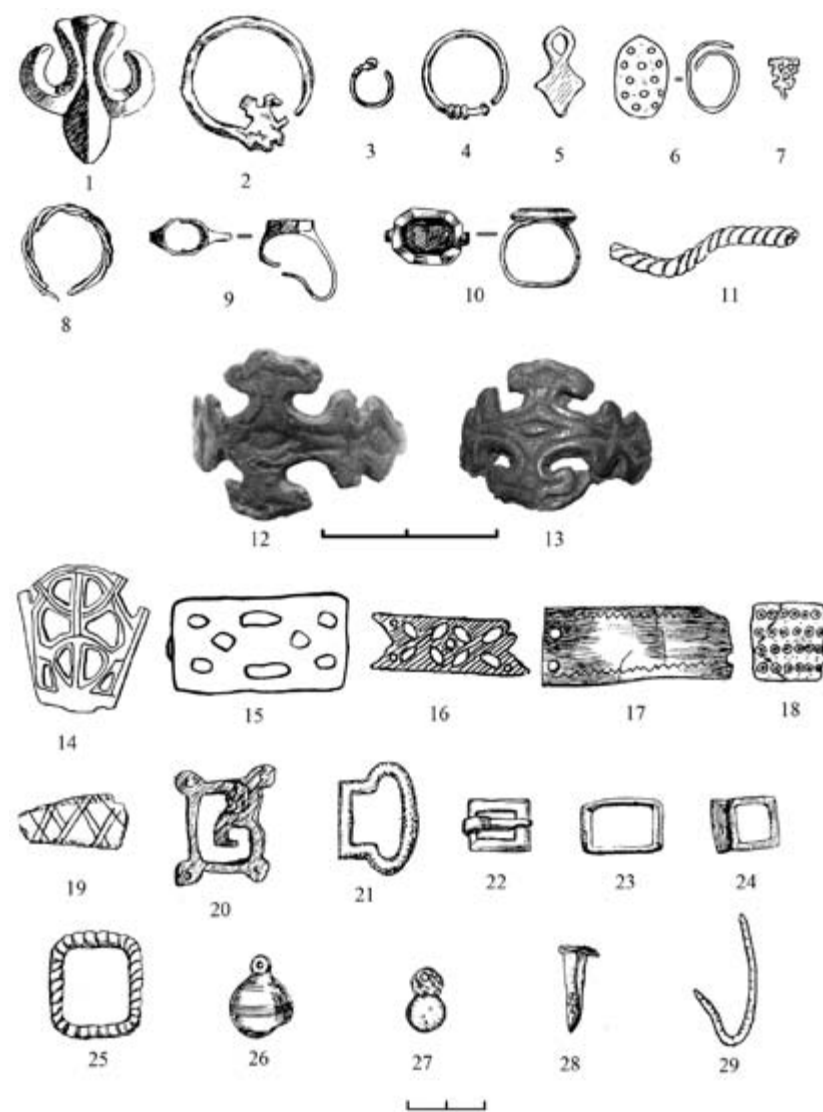

Рис. 5. Изделия из цветных металлов:

1 — матрица, 2–3 — височные кольца, 4 — серьга(?), 5 — привеска к шумящему украшению, 6–10, 12–13 — перстни и их фрагменты, 11 — браслет, 14–20 — накладки, 21–25 — пряжки, 26 — бубенчик, 27 — пуговица, 28 — заклепка, 29 — рыболовный крючок.

бытовать до начала XV в. (Седова, 1981, с. 13). Находки последних лет позволяют сказать о наибольшем их применении во второй половине XI–XII вв. (Сарачева, 2009, с. 204).

Широкие хронологические рамки бытования имеют и *разомкнутые височные кольца с фигурной лопастью* из верхнего нарушенного слоя (Судаков, 2000, сект. III, кв. 14, гл. 58, № 21) (рис. 5, 2). Встречаются они в XI и XIII вв. у веси (Археология СССР, 1987, с. 61, 266, рис. 9). Согласно Т.Г. Сарачевой, подобный тип встречается вплоть до XV в. (Сарачева, 2007, с. 76, 81–82). Что касается орнамента, то С.Д. Захаров, изучив кольца с фигурными лопастями из Белоозера, Устюга, Коломны, подмосковного селища Мякинино II, отмечает, что на них отчетливо прослеживаются изображения птичек и голов безрогих зверей с раскрытой пастью (Захаров, 2004, с. 170; рис. 51). На обнаруженном нами кольце представлена птичка. Обруч кольца круглого поперечного сечения диаметром 3 мм. Диаметр изделия — 34 мм. Химический анализ кольца показал, что оно выполнено из оловянной бронзы (Cu — 93,77 %, Ag — 0,15 %, Sn — 6,09 %) (Митоян, 2010).

Фрагментированное изделие из верхнего нарушенного слоя (Судаков, 2000, сект. I, кв. 19, гл. 57, № 31) (рис. 5, 4) предположительно может быть идентифицировано как **серьга** в виде знака вопроса. Она изготовлена из круглой в поперечном сечении проволоки диаметром 1,5 мм. Диаметр обруча 19 мм. На одной его оконечности — перевитье из проволоки в три оборота.

В единичном экземпляре присутствует фрагмент **браслета** (Буланкин, 1992, раскоп 2, кв. 12, гл. 200, № 447), обнаруженный в заполнении ямы 7 XII–XIII вв. (рис. 5, 11). Браслет витой, выполненный из сложенной вдвое и перевитой круглой в поперечном сечении проволоки диаметром 2 мм. Длина сохранившейся части украшения — 58 мм, обруч в поперечном сечении — ребристый, розетка, тройной, диаметром 4 мм. Подобные браслеты встречаются в XI–XIV вв. (Седова, 1981, с. 94–95).

Украшения пальцев обнаружены в количестве девяти единиц **перстней**, пять из которых в хорошей сохранности, четыре — фрагментированы. По набору конструктивных элементов их можно отнести к четырем морфологическим группам.

Пластинчатые перстни (4 экз.) представлены решетчатыми и в виде так называемого «криноконечного креста».

К характерным украшениям вятичей относятся *решетчатые перстни* (3 экз.), время бытования которых определяется XI–XIII вв. (Недошивина, 1967, с. 259–260; Археология. Древняя Русь... 1997,

с. 77). Диаметр решетчатого перстня с заходящимися концами из поздней ямы XVII–XVIII вв. — 19 мм (Буланкин, 1992, раскоп 3, кв. 1, гл. 187, № 45) (рис. 5, б). Размер щитка 14 x 23 мм. Орнамент представлен округлыми отверстиями, расположенными в пять рядов. Перстни с таким декором А.В. Арциховский назвал пятипунктирными (Арциховский, 1930, с. 75–76). Фрагменты решетчатых перстней зафиксированы в ходе работ Челябинова (1981, ш. 2, № 172, рис. 131, 2) и Буланкина (1992, раскоп 2, я. 8, кв. 31, гл. 88, № 280) (рис. 5, 7).

Особо интересен пластинчатый разомкнутый перстень с плоским щитком в *виде криноконечного креста*, находящегося в одной плоскости с обручем (Судаков, 2000, сект. II, гл. 118, № 345) (рис. 5, 12). Изображения разнообразных крестов на щитках перстней присутствуют среди киевских украшений X — первой половины XIII в. (Михайлик, 2006, с. 55, рис. 2, 23). Кресты, похожие на представленный на перстне, имели широкое распространение в X–XV вв. (Археология Романова двора... 2009, с. 110). Предмет христианского культа с кружком в средокрестии датируется XII–XIII вв. (Археология Романова двора... 2009, с. 111). А наличие маленького крестика, вписанного в ромб в средокрестии, характерно для XIV–XV вв. (Археология Романова двора..., 2009 с. 111; Шполянская, 2008, с. 277). Диаметр найденного плоского прямоугольного в поперечном сечении обруча перстня — 20 мм. Размер отображенного креста — 40 x 15 мм. На его оконечностях прослеживаются геометрические изображения: ромбы, а в центре — овал, вписанный в ромб. Перстень найден в яме 7 XIV в. (Судаков, 2000).

Подобный перстень был обнаружен на Дураковском селище, расположенном в 50 км от Переяславля Рязанского (Судаков, Буланкин, Иванов, 2012, с. 153, рис. 11, 4) (рис. 5, 13). На основании стратиграфических наблюдений и вещевого материала Дураковское селище датируется IX–X и XII–XIII вв. Перстень с сельского памятника имеет производственный дефект — наплыв металла. Подобный брак может быть объяснен неточностью соединения частей литейной формы или же несовершенством восковой модели, изготовленной по оттиску готового изделия (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 133–134). Аналогов таким перстням из других памятников Руси нами пока не выявлено.

Витой петлеконечный перстень найден в верхней части ямы 4 XVI–XVII вв. (Буланкин, 1992, раскоп 2, кв. 5, гл. 76, № 445). Он выполнен из кованой круглой проволоки в поперечном сечении диаметром 1 мм, сложенной вдвое и переплетенной. Его концы разомкнуты, один согнут в петлю, крючок на другом отломан (рис. 5, 8).

Подобные перстни были широко распространены в XI в. (*Недошивина*, 1967, с. 263), но бытовали и позднее, в XII — начале XIV в. (*Седова*, 1981, с. 125; *Лапшин*, 2009, с. 105).

Обнаруженные перстни *со вставкой* (3 экз.) относятся к позднему времени. Один из перстней (*Буланкин*, 1992, раскоп 2, кв. 17, гл. 84, № 236) имеет щиток в виде правильного вытянутого восьмиугольника для вставки размерами 10 x 12 мм (рис. 5, 9). Сама вставка утрачена. Обруч перстня из трапециевидной в сечении полосы, несколько деформирован, концы обломаны. Найден в яме 3 XVI—XVII вв. Еще один перстень (*Судаков*, 2000, сект. II, кв. 37, гл. 120, № 154) также имеет щиток в виде вытянутого восьмиугольника под вставку, которая не сохранилась (рис. 5, 10). Пространство между периметром щитка и гнездом украшено двумя концентрическими бороздками. Размер щитка 15 x 19 мм, гнезда — 10 x 14 с углублением на 5 мм. В раскопе найден в подпольной яме 5 XVII—XVIII вв. (*Судаков*, 2000). Третий перстень с восьмиугольным щитком плохой сохранности, происходит и из шурфа № 1 В.П. Челяпова (1981, рис. 93, 8).

Привеска в виде трехпалой лапки к шумящему украшению, встречающемуся у славян вплоть до XIV в. (*Рябинин*, 1981, с. 13), найдена в яме 8 XIII—XIV вв. (*Буланкин*, 1992, раскоп 2, кв. 38, № 422) (рис. 5, 5).

Среди предметов христианского культа семь **крестов-тельников** и два **наперсных креста**. Почти все они плохой сохранности и представлены фрагментарно. Два креста с круглыми концами и выступающими дугами средокрестия с изображением Распятия и предстоящими (*Челяпов*, 1981; *Буланкин*, 1992, раскоп 2, кв. 13, гл. 62, № 374). Фрагмент креста с прямоугольными лопастями из верхнего перемешанного слоя (*Судаков*, 2000, сект. 4, кв. 47, гл. 59, № 7), в центральной части прослеживается изображение Распятия (рис. 6, 1). Четырехконечный крест найден в яме 5 XVII — XVIII вв. (*Судаков*, 2000, сект. II, я. 5, кв. 38, гл. 92, № 176). Предположительно, в центральной его части помещен четырехконечный крест и на оконечностях лопастей также кресты (рис. 6, 2).

На лицевой стороне процветшего четырехконечного креста (*Судаков*, 2000, сект. I, кв. 18, гл. 77, № 90) (рис. 6, 3) с оконечностями в виде крина и лучистым венцом вокруг средокрестия (лучи в виде стерженьков) прослеживается рельефное изображение Голгофского креста с венком в средокрестии. На оконечностях декор в виде ромба с окружностью по его углам. Обратная сторона гладкая. Оглавие в виде плоского ушка. В раскопе найден в яме 3 второй половины XVII в. Прямых аналогий не выявлено.

В центральной части двустороннего четырехконечного креста (*Буланкин*, 1992, раскоп 2, кв. 18, гл. 194, № 379) (рис. 6, 4) изображен шестиконечный крест, а на нижней оконечности — четырехконечный крест. С обеих сторон креста по краю проходит выступающий бортик. На оборотной стороне нечитаемый текст. Общая высота с плоским ушком 25 мм, ширина 13 мм. В раскопе обнаружен в яме 3 XVI—XVII вв.

Односторонний шестиконечный крест с килевидным завершением нижней лопасти (*Судаков*, 2000, с. 2, кв. 21, гл. 100, № 321) (рис. 6, 5) обнаружен в подпольной яме 5, датируемой XVII—XVIII вв. В центральной части лицевой стороны рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста с цатой в средокрестии. Цата и стилизованное изображение орудий Страстей выполнено в технике ложной зерни. Нижняя часть креста переходит в плетенку. На верхней лопасти в квадратном медальоне монограмма «ЦРЬС» под титлом (Ц и Р образуют лигатуру). На боковых оконечностях в прямоугольных медальонах хризмы «IC» «XC» под титлами. На нижней оконечности монограмма «НКА». Высота креста 48 мм, ширина 26 мм. Оглавие имеет вид плоского ушка. Хорошая сохранность креста позволяет выявить особенности технологии его изготовления. Крест литой, по контуру креста не удалены литейные швы. Из других дефектов производства можно отметить шероховатость металла

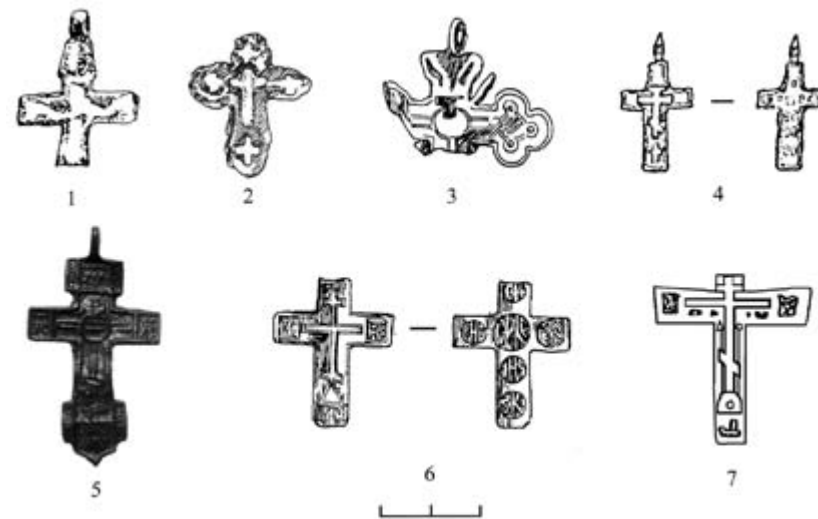

Рис. 6. Кресты.

на оборотной стороне, изображение на лицевой стороне несколько смещено в правую сторону, что может быть объяснено смещением литейной формы. Аналогичные кресты найдены в Пскове (*Колпакова, Салмина, 2003, с. 69*).

Двусторонний четырехконечный крест с прямоугольными лопастями (*Судаков, 2000, сект. II, кв. 38, гл. 67, № 61*), верхняя лопасть обломана (рис. 6, б). В центральной части — рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста. Голгофа имеет вид треугольника. На оконечностях прослеживаются монограммы «НС» и «ХС» под титлами. На нижней — надпись «НИКА». На оборотной стороне в круглых клеймах, расположенных по всей поверхности, помещены надписи. Похожий по форме крест обнаружен в Пскове (*Колпакова, Салмина, 2003, с. 65, 67*) и датирован концом XVII—XVIII вв. Аналогичный двусторонний крест зафиксирован в Москве в слое XVII—XVIII вв. (*Векслер, 2009, с. 137*), в раскопе на Верхнем посаде Переяславля Рязанского найден в слоях этого же времени.

Односторонний четырехконечный крест с прямоугольными лопастями (*Челяпов, 1981, ш. 1, № 71*) (рис. 6, 7). Верхняя лопасть утрачена. На лицевой стороне в центральной части рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста с орудиями Страстей — тростью и копием, — расположенными вдоль ствола и исходящими от основания креста. Нижняя часть креста занята схематичным изображением Голгофы и могилы Адама в виде шара с черепом внутри. На боковых оконечностях помещены прямоугольные клейма с изображением, не поддающимся прочтению. Под большой перекладиной Голгофского креста неразборчивая надпись. Согласно Э.П. Винокуровой, изделие может быть отнесено к XVII в. (*Винокурова, 1999, с. 333–337*). Крест такого же типа, но двусторонний, обнаружен на Подмосковном селище XVII—XIX вв. (*Сарачева, 2009, с. 209–210*).

К деталям одежды относятся **пряжки** (6 экз.).

Пряжка с одночастной рамкой, относимая к типу лировидных, с утраченным язычком, размерами 2 x 3 см (*Судаков, 2000, сект. II, кв. 38, гл. 150, № 310*) (рис. 5, 21) найдена в подпольной яме 5 XVII—XVIII вв. Декорирована неглубокими насечками. Имеет аналогии среди золотоордынских вещей (*Сарачева, 2007, с. 84–85*). Зафиксирована такая пряжка и в захоронении XVII в. на территории Спасо-Елеазаровского монастыря, расположенного недалеко от Пскова (*Степанов, 2011, с. 101*).

Две пряжки с одночастной прямоугольной рамкой, язычки утрачены (*Буланкин, 1992, раскоп 2, кв. 31, гл. 137, № 418; Буланкин, 1992,*

раскоп 2, кв. 17, гл. 61, № 215) (рис. 5, 23–24). Размеры первой — 24 x 16 мм. Задняя сторона плоская, лицевая — выпуклая. Найдена в яме 8 XIII—XIV вв. Вторая размерами 15 x 15 мм, с одной стороны имеется продолжение трапецевидной формы шириной около 4 мм. Найдена в верхней части ямы 3 XVI—XVII вв.

Две одночастные пряжки (*Судаков, 2000, с. II, кв. 22, гл. 202, № 173; Челяпов, 1981, № 125*) (рис. 5, 22) прямоугольной формы, с изогнутым подвижным язычком в одной плоскости с рамкой. Размеры первой из ямы 5 XVII—XVIII вв. — 13 x 15 мм, вторая фрагментирована.

Одночастная пряжка (*Судаков, 2000, сект. II, кв. 38, гл. 85, № 170*) прямоугольной формы, с утраченным язычком, орнаментирована насечками (рис. 5, 25). В раскопе найдена в яме 5 XVII—XVIII вв. Похожие пряжки М.В. Седова датировала 20–30 гг. XIII в. (*Седова, 1981, с. 146*).

Шаровидная **пуговица** с плоским округлым ушком происходит из верхнего перемешанного слоя (*Буланкин, 1992, раскоп 1, кв. 2, гл. 56, № 1*) (рис. 5, 27) Аналогична обнаруженным в ряде памятников (*Захаров, 2004, рис. 106; Археология северорусской деревни... 2008, с. 111*).

Округлый продольно-прорезной **бубенчик** с тройной опояской, с плоским круглым усеченным ушком в верхней части тулова (*Судаков, 2000, сект. III, кв. 25, гл. 92, № 114*) (рис. 5, 26) найден в яме 12 XIV—XV вв. Относится к довольно редкой разновидности, у которой тройной пояс образован вдавленными дорожками. Бубенчик полый с шариком внутри. Изготовлен литьем в двусторонней разъемной форме — наличие литейного шва по контуру, делящего изделие на две части. Бытовали с середины XII до второй половины XIII в. (*Поветкин, 2009, с. 81*).

Накладки обнаружены в количестве семи единиц.

Прорезная накладка из верхнего перемешанного слоя (*Буланкин, 1992, раскоп 2, кв. 37, гл. 43, № 340а*) (рис. 5, 20) подпрямоугольной формы, 20 x 23 мм, с ромбовидными выступами размерами 6 x 6 мм по углам, имеющими отверстия для крепления гвоздиками. От правого верхнего угла вниз спускается крюковидный выступ. Подобные накладки хорошо известны (см. статью Фатюниной наст. изд.).

Накладка из ямы 4 XVI—XVII вв. (*Буланкин, 1992, раскоп 2, кв. 4, гл. 127, № 313*) представляет собой штампованную прорезную пластину (рис. 5, 14). В профиле она выгнута, конец обломан. Размеры — 23 — 40 x 45 мм. Подобная, согласно Монгайту (*Монгайт, 1955, с. 135, рис. 101, 1*), крепилась, вероятно, на ножны или колчан.

Нескольким накладкам прямых аналогий не выявлено. Среди них прямоугольная накладка плоского поперечного сечения размерами 25 x 55 мм (Челяпов, 1981, ш. 1) (рис. 5, 15). Она украшена сквозными округлыми отверстиями, расположенными в шахматном порядке. На оборотной стороне два штифта для крепления. Штифты прямоугольные в поперечном сечении, заостряющиеся, выступающие на 14 мм.

Еще одна накладка прямоугольной формы (Судаков, 2000, сект. IV, кв. 13, гл. 55, № 341) имеет размеры 20 x 45 мм, один конец обломан (рис. 5, 17). Параллельно двум продольным краям прослеживается зигзагообразный орнамент. Найдена в яме 13 конца XIII — первой половины XIV в.

Фрагмент накладки из ямы 4 XVI—XVII вв. (Буланкин, 1992, раскоп 2, кв. 4, гл. 167, № 233) с отверстиями для крепления гвоздиками (рис. 5, 18). Размер — 20 x 22 мм. На лицевой стороне орнамент в виде четырех линий пуансонных вдавлений — центральная точка и точечная окружность диаметром 2,5 — 3 мм.

Накладка из ямы 8 XIII—XIV вв. (Буланкин, 1992, раскоп 2, кв. 38, гл. 177, № 406а) (рис. 5, 16) имеет размеры 15 x 44 мм. В торцах треугольные вырезы. Прорезной орнамент в виде лепестков. По углам пластины — отверстия для гвоздей. Один угол сломан.

Накладка из ямы 89 XVIII—XIX вв. (Буланкин, 1992, раскоп 2, кв. 45, гл. 210, № 439) сохранилась фрагментарно, украшена ромбической сеткой (рис. 5, 19).

Ассортимент бытовых изделий не разнообразен: иглы, рыболовный крючок (Буланкин, 1992, раскоп 2, кв. 12, гл. 265, № 406) (рис. 5, 29), заклепки (Буланкин, 1992, раскоп 2, кв. 31, гл. 88, № 240) (рис. 5, 28).

Подводя итоги, следует отметить, что изделия из бронзы представлены в весьма незначительном количестве. Цветная металлообработка зафиксирована только в одном месте: в двух хозяйственных постройках XIII—XIV вв., в которых отмечена определенная специализация — изготовление предметов из листовой бронзы.

Литература

- Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987. М.
 Археология. Древняя Русь. Быт и культура, 1997. М.
 Археология северорусской деревни X—XIII вв., 2008. Материальная культура и хронология. М. Т. 2.
 Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII—XIX вв. Материалы охранных археологических исследований, 2009. М. Т. 12.
 Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.

Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2012. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождественно // АП. М. Вып. 8.

Буланкин В.М., 1992. Отчет о раскопках в исторической части Рязани в 1992 г. // Архив ИА РАН. № 22578—22581.

Векслер А.Г., 2009. Раскопки на Великом посаде. Теплые торговые ряды. М.

Винокурова Э.П., 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы XVII в. М.

Енисова Н.В., Сарачева Т.Г., 2006. Древнерусские ювелирные инструменты из цветных металлов (результаты химико-технологического исследования) // КСИА. М. Вып. 220.

Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI—XIII вв. М.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.

Колпакова Ю.В., Салмина Е.В., 2003. Раскопки у церкви Богоявления с Запсковья в городе Пскове в 2001 г.: погребальный обряд и инвентарь XVI—XVIII вв. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 5.

Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю., 2011. Переяславль Рязанский XVII—XVIII вв.: планировочная структура, застройка, социальная топография // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Рязань. Вып. 1.

Латшин В.А., 2009. Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг). СПб.

Левашова В.П., 1967. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. М. Вып. 43.

Митоян Р.А., 2010. Рентгенофлюоресцентный энергодисперсный безэталонный анализ (РФА) височных колец и других предметов из цветного металла из коллекции археологии ИИАМЗ // НА ИИАМЗ. № 4059.

Михайлик Л.П., 2006. Металлические перстни X — первой половины XIII в. из Киева (хронология, типология) // РА. № 3. М.

Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань. М.

Недошивина Н.Г., 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. М. Вып. 43.

Персов Н.Е., Солдатенкова В.В., 2007. Некоторые итоги изучения одного из средневековых «кварталов» Затымского посада г. Твери (по материалам раскопок 1992—2002 гг.) // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 6. Т. II.

Поветкин В.И., 2009. Бубенчики-звонцы в древнем Новгороде (применение, способы производства, типология и хронология) // РА. № 2. М.

Розенфельд Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII—XVII вв. // САИ. М. Вып. Е1-39.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. // САИ. Л. Вып. Е1-60.

Сарачева Т.Г., Судаков В.В., 1994. Цветная металлообработка Переяславля Рязанского XII — начала XVI в. // Историко-культурное наследие. Памятники археологии центральной России: охранное изучение и музеефикация (материалы научной конференции). Рязань.

Сарачева Т.Г., 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII—XVI вв. с территории северо-восточной Руси // КСИА. М. Вып. 221.

Сарачева Т.Г., 2009. Ювелирные изделия и предметы христианского культа из раскопок средневекового селища Степаново 2 в Подмоскowie // АП. Вып. 5. М.

Солдатенкова В.В., 2008. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. // КСИА. Вып. 222. М.

Степанов С.В., 2011. Исследования на территории некрополя Спасо-Елеазаровского монастыря // Археология и история Пскова и псковской земли. М.–Псков.

Судаков В.В., 1990. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Кремля и Верхнего посада г. Переяславля Рязанского (современная Рязань) в 1990 г. // Архив ИА РАН. № 17660–17662.

Судаков В.В., 1992. Археологические исследования на территории Верхнего посада г. Переяславля Рязанского в 1990 году // Археологические памятники Среднего Потожья. Рязань.

Судаков В.В., Челяпов В.П., Буланкин В.М., Романова Е.И., 1995. Материальная и духовная культура древнего Переяславля // Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля. Рязань.

Судаков В.В., 2000. Отчет о раскопках на территории Верхнего посада Переяславля Рязанского (совр. г. Рязань) в 2000 г. // Архив ИА РАН. № 24708, 24709.

Судаков В.В., Буланкин В.М., 2005. Культурный слой Переяславля Рязанского // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.

Судаков В.В., 2010. Археологическое изучение Переяславля Рязанского // Материалы по археологии...

Судаков, Буланкин, Иванов, 2012. Дураковский комплекс поселений IX–XIII вв. на реке Воже // Материалы по истории и археологии России. Рязань. Том 2.

Челяпов В.П., 1981. Отчет о раскопках и разведках на территории Спаского и Рязанского районов Рязанской области в 1981 г. // НА РИМЗ. № 3244.

Шполянская Д.В., 2008. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI веков Рождествено 1 (предварительное сообщение) // АП. М. Вып. 4.

Д.А. Иванов

ОХРАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ГАЛЕНЧИНО 2 В 2007 г.

Археологические исследования последних лет позволили довольно полно изучить обширную территорию округа Переяславля Рязанского (современной Рязани), что способствовало выявлению целой сети (чуть менее 200) сельских поселений XII–XIV вв. (Судаков, Буланкин, Вячин, 2005. С. 34–35). К сожалению, все наши представления об этих поселениях базируются в основном на материалах разведочных работ, тогда как раскопками изучались лишь единичные памятники.

В связи с этим заслуживают внимания данные, полученные в 2007 г. в ходе охранных работ на поселении Галенчино 2, расположенном на землях, отводимых под жилую застройку микрорайона «Братиславский» в г. Рязани. Это пока единственное в ближайшей округе Переяславля сельское поселение, исследованное раскопками на значительной площади (около 688 кв. м).

Поселение расположено в южной части современной Рязани, на северо-восточной окраине пос. Галенчино, в верховьях безымянного ручья (правый приток р. Лыбеди), в 700 м к северу от церкви с. Галенчина, в 60–70 м к востоку от дома № 7 по ул. Галенчинской.

Памятник занимает мыс, образованный безымянным ручьем и запруженным оврагом (рис. 1). Территория поселения занята старопашотным лугом, задернована, в северо-западной части поселения располагались огороды жителей поселка. Высота поселения от дна долины безымянного ручья 3–6 м, предположительные размеры памятника около 80 х 50 м.

Поселение Галенчино 2 открыто А.А. Вячиным в 2003 г. (Вячин, 2004). В том же году были проведены и первые охранные раскопки памятника на площади 228 кв. м (раскоп 1). В ходе работ был выявлен культурный слой мощностью от 4 до 42 см, содержащий фрагменты керамики и вещевой материал конца XII–XIII вв.; на уровне материка выявлены контуры подпольных, хозяйственных и столбовых ям этого же времени. По результатам работ памятник интерпретировался как малодворное сельское поселение ближней округе Переяславля Рязанского (Судаков, 2004; Судаков, Иванов, 2008, с. 13–29).

Раскоп 2007 г. (раскоп 2) общей площадью около 460 кв. м заложен в западной части поселения, южной стенкой примыкая к раскопу 2003 г. (рис. 2).

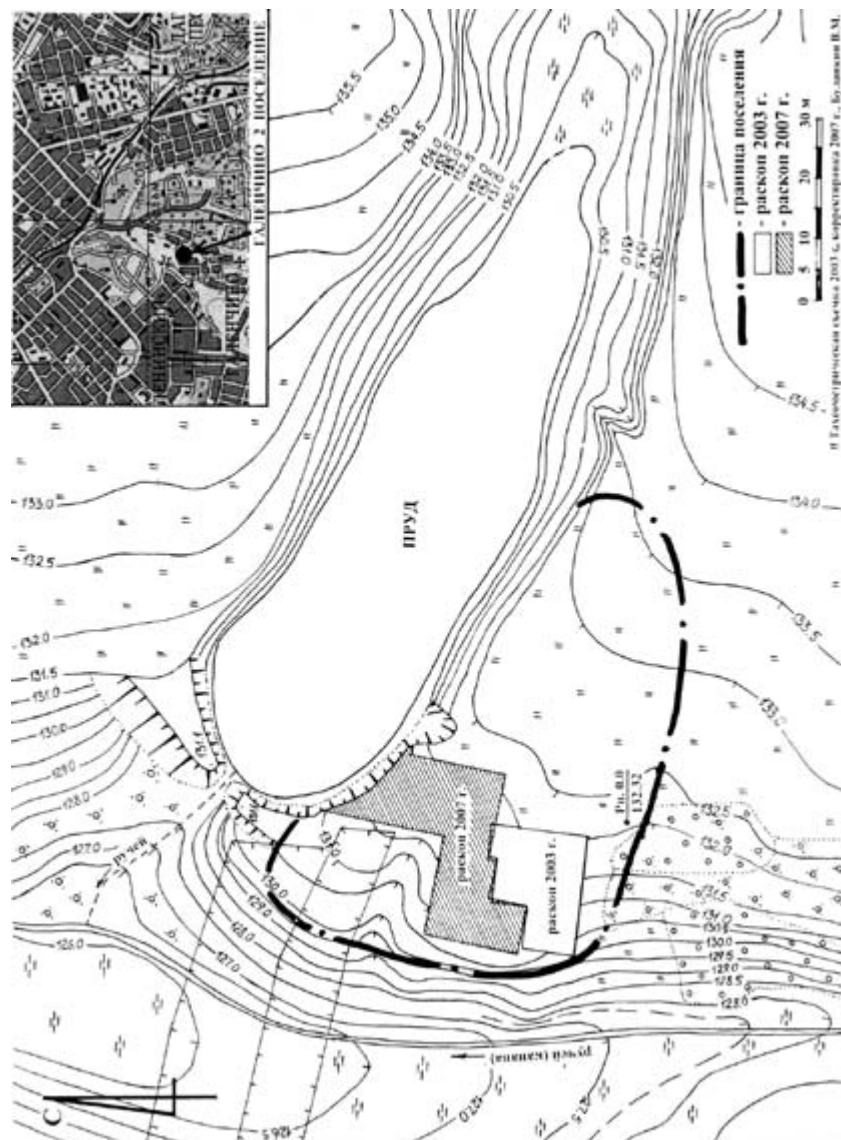

Рис. 1. Галенчино 2 поселение. Ситуационный план.

Культурный слой на большей части раскопа 2 не превышал 10–20 см, увеличиваясь только по склонам оврагов в северном и западном направлениях. Стратиграфия культурного слоя выглядит следующим образом: 1) дерн, мощностью 5–8 см; 2) коричнево-серый суглинок с фрагментами битого кирпича, асфальта, щебня, мощностью 10–32 см, выявлен только в западной и северо-западной части раскопа (по сообщению жителей соседних домов, данный слой представляет собой грунт, привезенный со стороны в 1979–1980 гг. для выравнивания склонов берега ручья и строительства земляной пло-

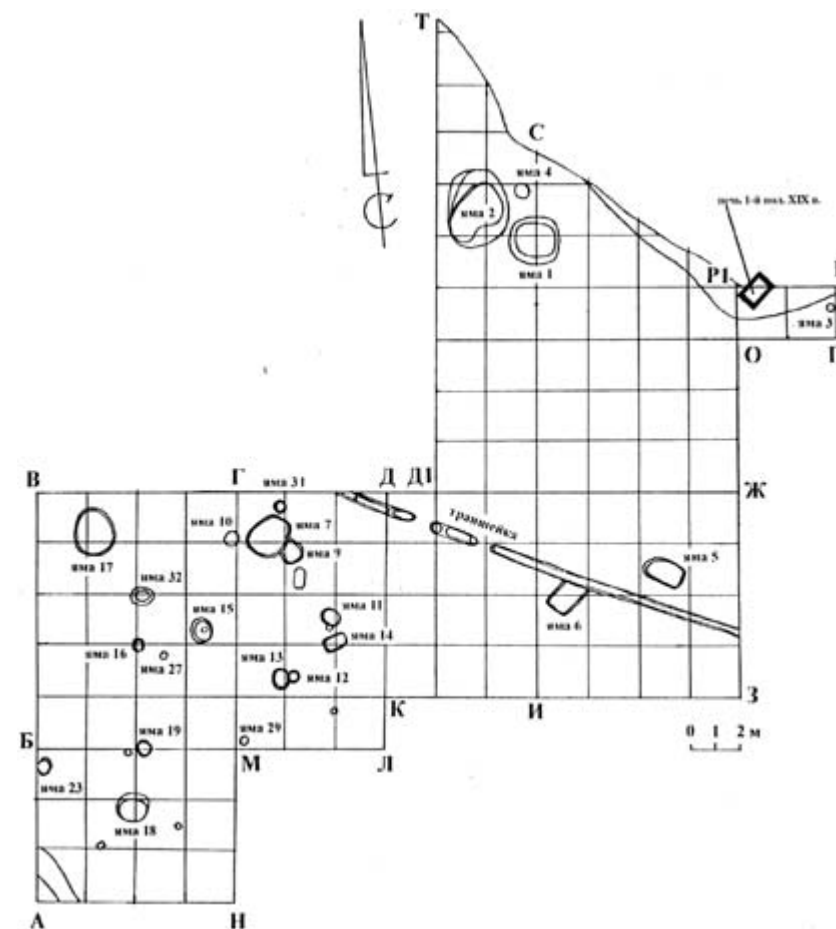

Рис. 2. Галенчино 2 поселение. Раскоп 2. План материка.

тины); 3) переотложенный серый суглинок, имеющий мощность от 8–10 см в центральной, южной и юго-восточной части раскопа и до 20–36 см в северной и западной части по естественным склонам рельефа; 4) светло-серый суглинок (предматерик), мощностью до 22 см (выявлен только в южной, юго-западной и западной частях раскопа); 5) материк — светло-коричневая суглинок.

Из-за незначительной мощности культурных напластований, уже после снятия первого пласта в центральной части раскопа были отмечены хорошо читаемые контуры столбовых и хозяйственных ям, а также следы многолетней распашки в виде длинных параллельных полосок темно-серого суглинка, вследствие чего большая часть культурного слоя дошла до нас уже в переотложенном виде.

Коллекция керамики, полученная в ходе работ на раскопе 2, насчитывает 1675 фрагментов, из них 1666 принадлежат круговой посуде, девять фрагментов — от лепных сосудов.

Комплекс лепной керамики насчитывает всего девять фрагментов (0,54% от всей керамики), которые тяготеют к северо-западной и северо-северо-восточной частям раскопа, с наибольшей концентрацией вдоль левого борта бровки запруженного оврага.

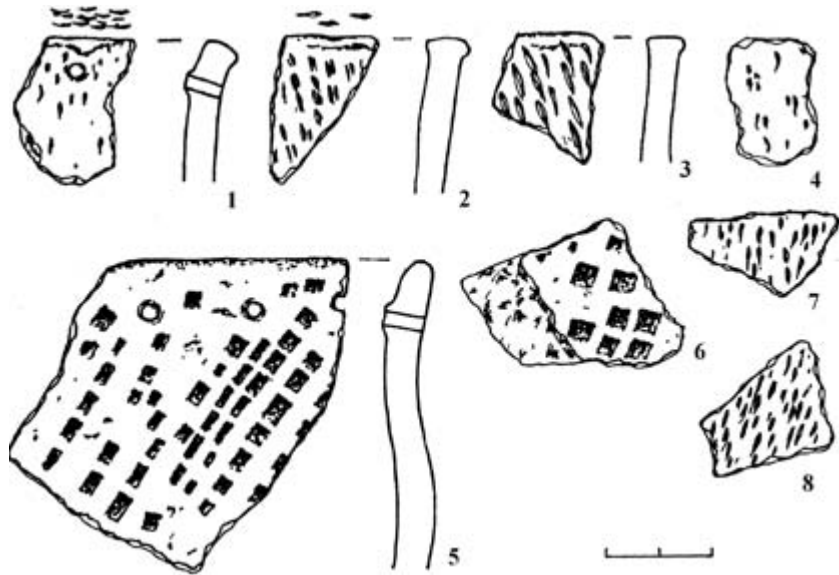

Рис. 3. Галенчино 2 поселение. Раскоп 2.
Фрагменты лепной керамики раннего железного века.

Лепная керамика представлена фрагментами горшковидных и баночных сосудов. Горшковидные сосуды имеют слабопрофилированный венчик с покатыми плечиками. Края венчиков приплюснены, в одном случае край округлый. Снаружи фрагменты коричневого, красно-коричневого, серо-коричневого цвета, в изломе темно-серого или черного. В глиняном тесте примесь мелкой и средней дресвы, встречаются черепки с примесью дресвы и песка или просто с примесью песка. Толщина стенок 0,4–0,5 см, реже — 0,6 см. Внешняя поверхность двух фрагментов покрыта крупноячеистыми псевдорогожными отпечатками (рис. 3, 5, 6), остальные фрагменты имеют сетчатые отпечатки с рябчатой фактурой (рис. 3, 1–4, 7, 8). У двух венчиков под краем нанесен горизонтальный ряд сквозных отверстий (рис. 3, 1, 5).

Керамика с сетчатыми и рогожными отпечатками находит широкие аналогии среди материалов городецкой культуры, ареал распространения которой приходится на территорию Волго-Окско-Донского междуречья. По схеме периодизации В.Г. Миронова, разработанной для городецкой культуры, псевдорогожная керамика характерна для раннего и развитого этапов, датирующихся VI–II вв. до н.э. (Миронов, 1995, с. 78–79).

Круговая посуда хронологически делится на древнерусскую, керамику позднего средневековья и нового времени.

Древнерусская керамика насчитывает 1142 фрагмента, что составляет 68,18% от всей керамики с раскопа, и является самой многочисленной. При этом большая ее часть происходит из старого пахотного слоя, не образуя закрытых комплексов, относительно равномерно, без заметных скоплений, распределяясь по площади раскопа. Материалы же из заполнения ям довольно непрезентативны, насчитывают, как правило, от одного до девяти фрагментов керамики, редко — более 30.

В своей группе посуда, изготовленная из ожелезненных глин, составляет чуть более половины коллекции (625 фрагментов — 54,73%) (рис. 4, 1–39; 8, 2, 6, 7, 9–12; 9, 2, 4–6; 10, 2–7, 9–11, 13, 14; 11, 1, 6, 8, 9; 12, 4). В формовочной массе керамики, изготовленной из ожелезненной глины, доминирует примесь песка (432 фрагмента), реже встречается посуда без визуально заметных примесей (144 фрагмента).

Стенки горшков украшены различными вариантами линейного (рис. 4, 32, 36–38) и волнистого орнамента (рис. 4, 9, 31, 35). Находки керамики с комбинированным линейно-волнистым орнаментом

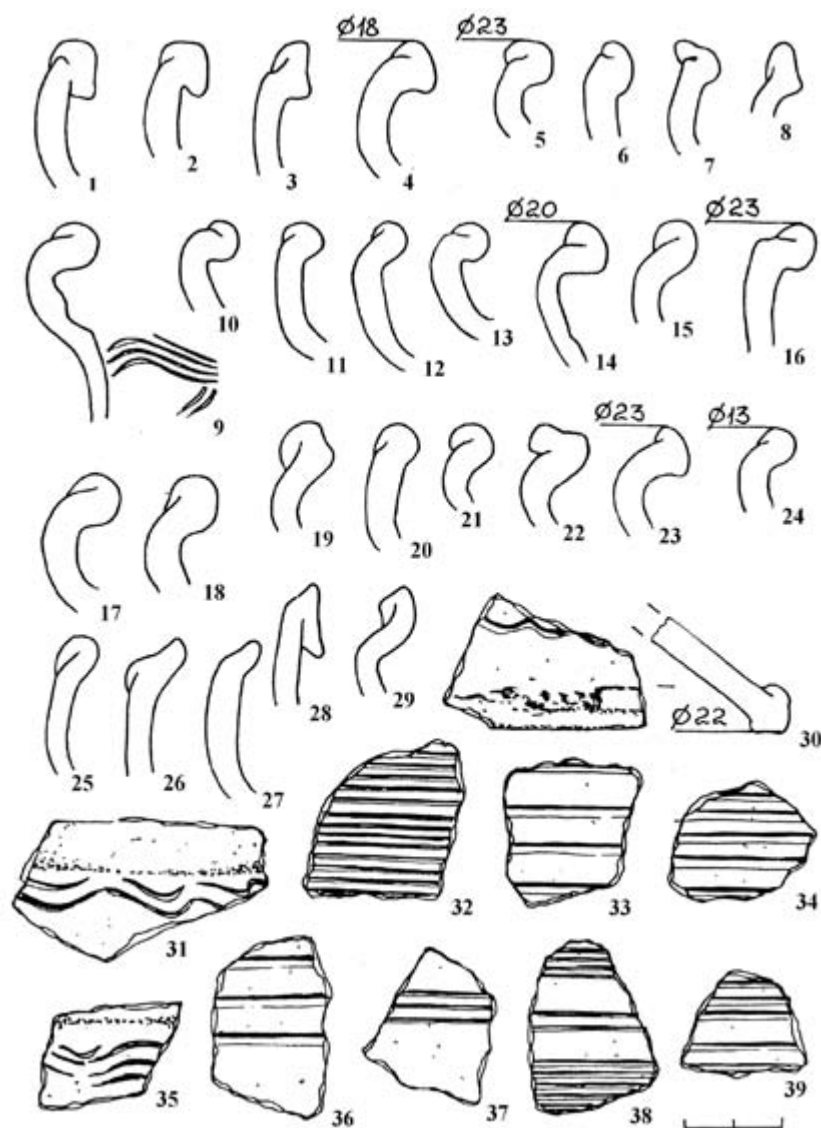

Рис. 4. Галенчино 2 поселение.
Раскоп 2, пласт 1–2.

Фрагменты керамики, изготовленной из ожелезненной глины.

единичны. Днища сосудов в большинстве случаев плоские простые, диаметром 7–8 см и более, сформированы на песчаной подсыпке. На одном фрагменте сохранились следы клейма в виде круга. Ассортимент посуды дополняет фрагмент крышки диаметром 22 см, орнаментированный волной (рис. 4, 30).

По типологии, разработанной И.Ю. Стрикаловым для керамики Рязанской земли XI–XV вв., данная группа керамики относится к типам 8 и 9, незначительный процент керамики относится к типу 11, в целом датируясь в пределах конца XII–XIII вв. (Стрикалов, 2006, с. 95–101):

Незначительным количеством (49 фрагментов) представлена керамика с примесью мелкой или средней дресвы (рис. 4, 6, 22–24, 33, 34, 39). Стенки сосудов такой керамики украшены разреженным линейным орнаментом, а профилировка венчиков горшков в ряде случаев имеет «секировидный» в сечении край, что характерно исключительно для керамики домонгольской эпохи (рис. 4, 23).

Керамика, изготовленная из белогжущихся глин, насчитывала 517 фрагментов (45,27 % от древнерусской керамики) (рис. 5, 1–33; 8, 1, 3–5, 8; 9, 1, 3; 10, 1, 8, 12; 11, 3–5, 10; 12, 1–3). Около половины коллекции белоглиняной керамики изготовлено с примесью песка, вторая половина в глиняном тесте примесей не имеет.

Стенки сосудов украшены линейным сплошным и линейным зональным орнаментом (рис. 5, 2, 4, 27, 28, 30, 31), крайне редко в этой группе керамики встречаются фрагменты, украшенные волнистым или линейно-волнистым орнаментом (рис. 5, 29, 32). Днища сосудов плоские простые, редко с закраиной, сформированы на песчаной, реже – зольной подсыпке). Диаметры днищ в пределах 10 – 14 см. На одном фрагменте имеется клеймо в виде левосторонней свастики (рис. 5, 33).

По типологии, разработанной И.Ю. Стрикаловым для керамики Рязанской земли XI–XV вв., данная керамика сходна с типами 8, 9, редкие фрагменты сопоставимы с типом 11 и в целом датируется концом XII–XIII вв. (Стрикалов, 2006, с. 95–101).

Позднесредневековая керамика XVI–XVII вв. насчитывает 264 фрагмента (15,76% от всей коллекции керамики), из которых только 26 фрагментов изготовлено из жирной белогжущейся глины без примесей (коломенская белоглиняная керамика) (Коваль, 2001, с. 98–109), остальные 238 фрагментов принадлежат посуде из ожелезненной глины без визуально определяемых примесей. Венчики горшков имеют короткую прямую вертикальную шейку, украшенную

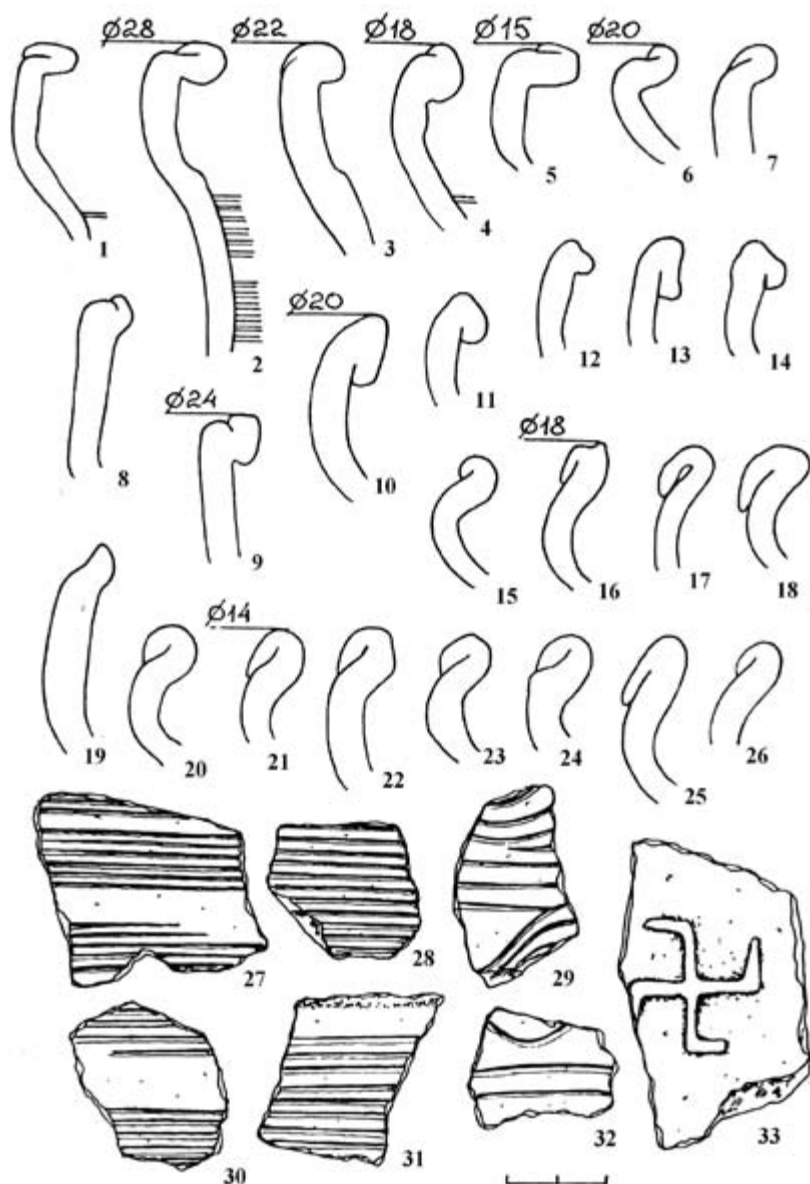

Рис. 5. Галенчино 2 поселение. Раскоп 2, пласт 1–2.
Фрагменты керамики, изготовленной из беложгущейся глины.

многорядным линейным орнаментом. Среди всей группы керамики выделяются четыре фрагмента венчиков сосудов первой половины – середины XVI в. (рис. 6, 6–8) и 12 фрагментов венчиков второй половины XVI–XVII вв. (рис. 6, 1–5).

Чернолощеная и мореная посуда XVIII–XIX в. насчитывает 217 фрагментов (12,95% от всей коллекции), 67 из которых происходят из слоя темно-серого суглинка, подковообразно охватывающего кирпичную печь первой половины XIX в. в северо-восточной части раскопа. Керамика представлена высокорлыми сосудами с диаметром устья от 12–14 см до 17–18 см с рельефными валиками с внешней стороны (рис. 6, 9–14). Два развала мореных сосудов найдены непосредственно у самой печи. Один сосуд горшковидный округлобокий, в месте наибольшего расширения украшен, как минимум, четырьмя горизонтальными бороздками (рис. 6, 16). Другой сосуд баночной формы, черновой край завернут наружу в виде плоского фигурного валика, диаметр устья сосуда 21,5 см, высота сохранившейся части сосуда 14,5 см (рис. 6, 15).

Самый поздний комплекс керамики характеризует поливная посуда конца XIX – первой половины XX в. Найдено 43 фрагмента (2,57 % от всей керамики), которые равномерно распределялись по площади раскопа, а также находились в заполнении ямы 7 и ямы 9. Поливная посуда изготовлена из беложгущейся глины без визуально определяемых примесей. Внутренняя и частично внешняя поверхности покрыты глазурью желтого, желто-коричневого, зеленого, реже – желто-зеленого, салатного, зелено-коричневого цвета.

Второй по численности группой массового материала, полученного при раскопках, была остеологическая коллекция, анализ которой был выполнен доцентами РГСХА С.М. Лавреновым и В.И. Розановым (Лавренов, Розанов, 2008). Коллекция насчитывала 438 костей и их фрагментов, происходящих, как минимум, от 11 животных. Судя по состоянию обломков костей и их размерам, кости животных были раздроблены в процессе кухонной разделки туш.

В связи с тем что большая часть остеологического материала подверглась значительному естественному разрушению, видовой уровень удалось определить примерно у 25% костей.

Крупный рогатый скот (не менее семи особей) представлен костями молодых животных возрастом от полутора до двух лет. В это время живая масса молодняка достигает 80–95% массы взрослых животных. Размеры костей, обнаруженных в раскопе, уступают размерам современных животных на 15–20%. В заполнении ямы 3 об-

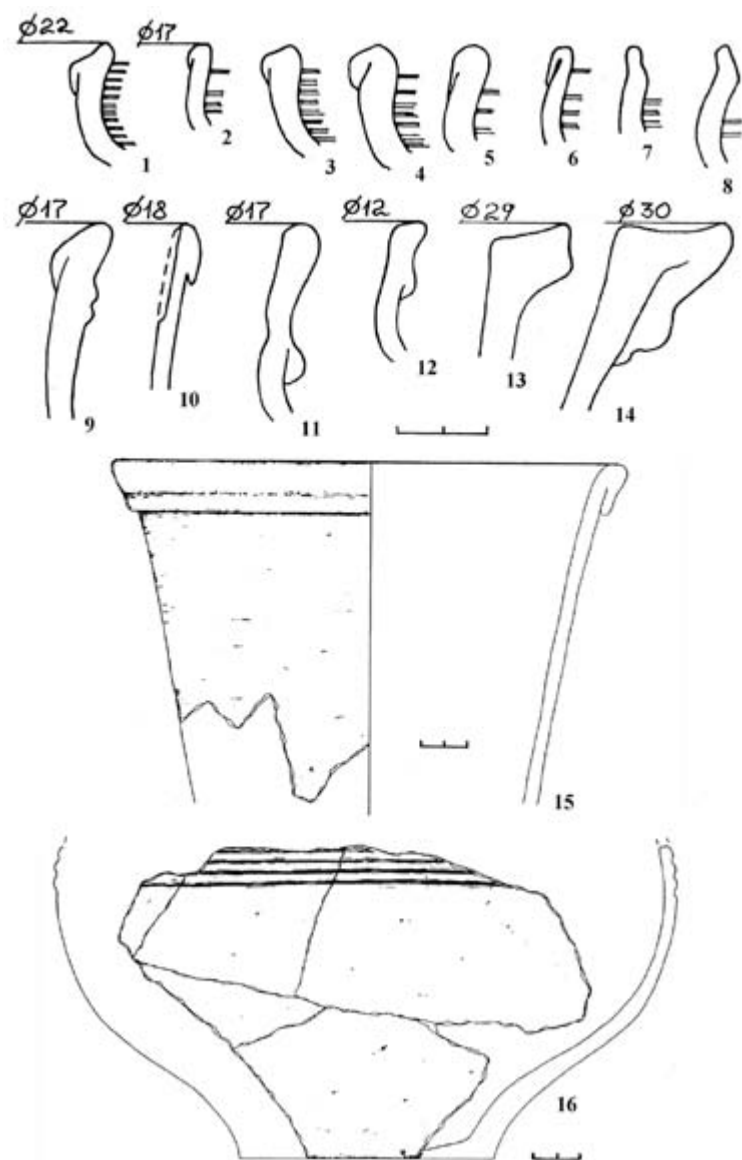

Рис. 6. Галенчино 2 поселение. Раскоп 2. Фрагменты круговой посуды:
1–8 – фрагменты посуды XVI–XVII вв. из культурного слоя;
9–16 – фрагменты мореной посуды, собранные у печи первой половины XIX в.

наружен фрагмент локтевой кости теленка прижизненным возрастом 5–6 месяцев.

Свиньи (не менее трех особей) представлены костями взрослых животных возрастом от года до полутора лет. Полторагодовалые свиньи завершают рост и развитие, у них заканчивается формирование мышечной и жировой ткани. Размеры найденных костей идентичны размерам костей современных животных.

Лошади. Обнаружены четыре резца и коренной зуб взрослой (старше семи лет) лошади. Размеры зубов не отличаются от аналогичных размеров современных лошадей.

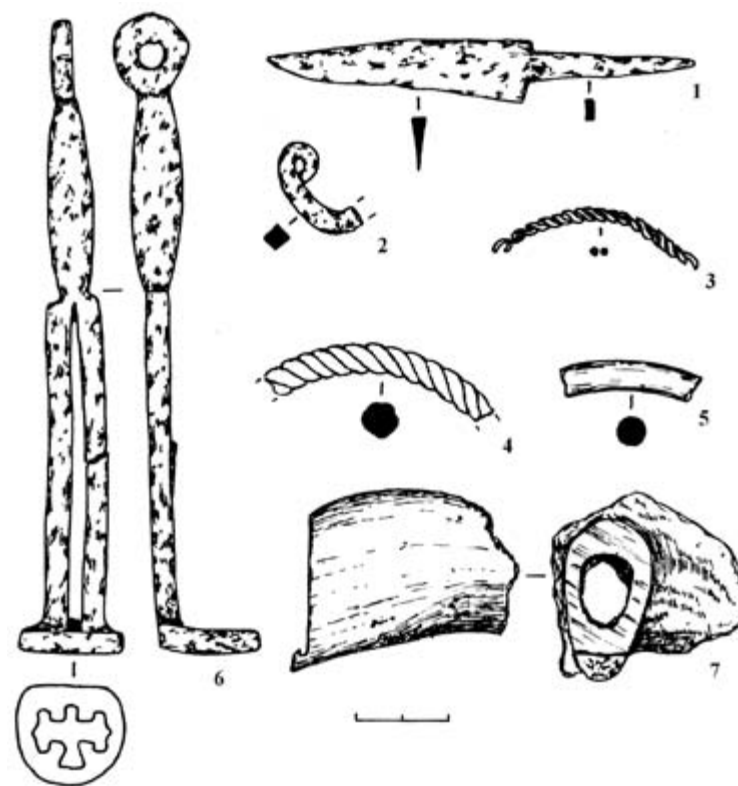

Рис. 7. Галенчино 2 поселение. Раскоп 2.

Находки из культурного слоя:

1 – нож; 2 – фрагмент кресала; 3 – 5 – фрагменты браслетов; 6 – ключ;
7 – кость со спилом (1, 2, 6 – железо; 3 – бронза; 4, 5 – стекло; 7 – кость).

Собаки. Кости представлены нижней челюстью собаки, фрагментами плечевой и большеберцовой кости. Прижизненный возраст, судя по состоянию зубов, — не менее 10 лет. Рост собаки в холке около 40 см.

Наибольшее количество костных остатков принадлежит крупному рогатому скоту и свиньям. Судя по прижизненному возрасту и размерам животных, разведению животных уделялось значительное внимание. Население учитывало биологические особенности роста животных и использовало их экономически целесообразно. Примечательно, что костей диких животных в раскопе не обнаружено.

Общее число вещевых находок с раскопа составило 53 предмета, среди них преобладают изделия из черного и цветного металла.

Из железных изделий самыми ранними являются железный черешковый нож с четкими верхним и нижним уступами (рис. 7, 1), фрагмент завитого конца однолезвийного калачевидного кресала (рис. 7, 2) и ключ (рис. 7, 6). Ключ от навесного пружинного цилиндрического замка типа «Б». Стержень ключа разделен на две части

одним сквозным пазом, переходит в округлую лопасть под углом 90°, отпирающая лопасть имеет фигурный крестовидный внутренний контур. Длина изделия 13,5 см, ширина стержня до 1,3 см, ширина лопасти до 2,3 см, в верхней части стержня — ушко для подвешивания. По новгородским древностям, замки типа «Б» бытовали на протяжении XII—XIII вв., выходя из употребления к середине XIV в. (Колчин, 1982, с. 162. Рис. 3).

Коллекция изделий из цветных металлов представлена 13 изделиями, из которых можно отметить фрагменты бронзовой и свинцовой пластин, фрагмент бронзового браслета, свитого из двух проволочек (рис. 7, 3). В Новгороде подобные браслеты встречаются в слоях начала XII — 40 гг. XIII в. (Седова, 1981, с. 97).

Стеклянные изделия представлены двумя фрагментами браслетов XII—первой половины XIII в., коричневого цвета, один из которых витой, второй — гладкий. Внутренний диаметр браслетов 7 см, диаметр прута 0,6 см (рис. 7, 4, 5).

В коллекции также имеется фрагмент трубчатой кости животного со следами спила (рис. 7, 7).

На раскопанной площади выявлено и исследовано 33 объекта, представляющих собой остатки заглубленных в материк столбовых и хозяйственных ям. Планиграфически большая часть выявленных объектов тяготеет к западной и юго-западной частям раскопа. Здесь сконцентрированы небольшие по размерам и слабо углубленные в материк ямы, из которых можно выделить следующие.

Яма 7 — подовальной формы размером 196 x 142 см, углублена в материк на 5–10 см, заполнение — темно-серый суглинок с фрагментами керамики XIII и XVII–XVIII вв.

Яма 13 — овальной формы размером 88 x 68 см, углублена в материк на 9 см, заполнение — темно-серый суглинок. При расчистке ямы найден один фрагмент керамики XIII в.

Яма 14 — прямоугольной формы со скругленными углами, размером 108 x 62 см, углублена в материк на 13 см, заполнение — серый суглинок. В ходе выборки ямы найден один фрагмент керамики XIII в.

Яма 15 — овальной формы размером 87 x 106 см, углублена в материк на 40–42 см, дно уплощенное, по центру дна расположена еще одна яма овальной в плане формы размером 32 x 24 см, глубиной до 15 см, заполнение ямы 15 — серый суглинок с фрагментами прокаленной глины, угольками и фрагментами посуды XIII в. (рис. 8).

Яма 17 — подовальной формы размером 196 x 168 см, углублена в материк на 10–11 см, заполнение — темно-серый суглинок с уголька-

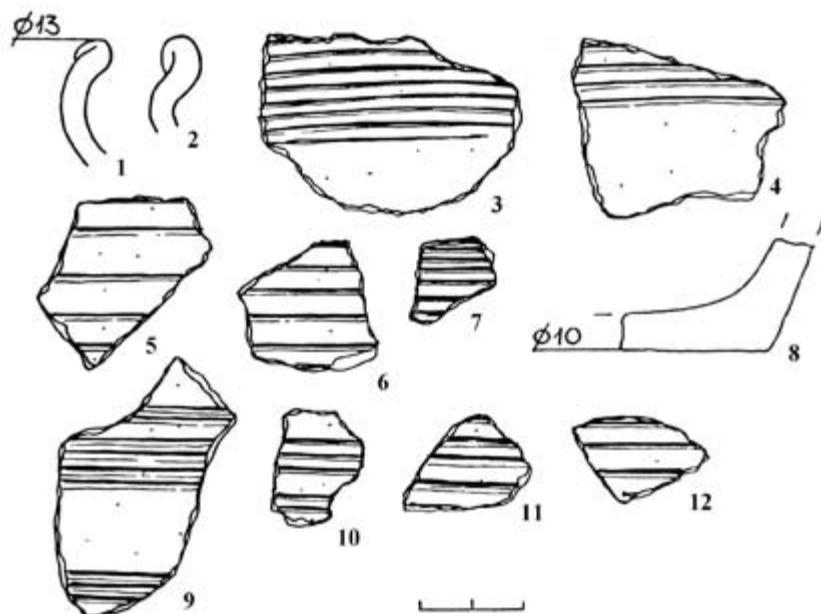

Рис. 8. Галенчино 2 поселение. Раскоп 2.
Фрагменты керамики из заполнения ямы 15.

ми, фрагментами прокаленной глины, жестяными банками, кусками оконного стекла, алюминиевой проволоки, битого кирпича, редкими фрагментами круговой посуды XIII и XIX вв. Представляет собой, вероятно, помойную яму последней четверти XX в.

Яма 18 — подовальной формы с плоским дном, размером 132 x 102 см, углублена в материк на 10–33 см, заполнение — темно-серый суглинок с кусочками древесного угля, прокаленной глины и фрагментами керамики XIII в. (рис. 9).

Яма 19 — круглой формы диаметром 64 см, углублена в материк на 18 см, заполнение — серый суглинок, в котором найдено два фрагмента керамики XIII в.

Яма 22 — круглой формы диаметром 35 см, углублена в материк на 6 см, заполнение — серый суглинок, в котором найдены тазовые кости коровы и фрагмент круговой керамики XIII в.

В центральной части раскопа на уровне материка расчищена канавка, которая пересекает его в направлении с северо-запада на юго-восток с двумя небольшими разрывами шириной 60 и 44 см (рис. 2). Длина исследованной части канавки составила 14,8 м, ширина колеблется в пределах 32–44 см, глубина 9–12 см, дно плоское. Заполнение — темно-серый суглинок, в ходе выборки которого найдено 45 фрагментов гончарной керамики конца XII–XIII вв. (рис. 10) и восемь фрагментов костей домашних животных. Канавка перерезала северо-восточную часть *ямы 6*, имеющую прямоугольную форму, размером около 110 x 160 см, глубиной 7–12 см. Заполнение ямы — серый суглинок с мелкими угольками, где встречены фрагменты керамики конца XII–XIII вв.

В 0,7 м к северу от канавки и в 2,9 м к востоку от *ямы 6* располагалась еще один объект — *яма 5*. Она имела подовальную форму размером 174 x 66 см, углублена в материк на 3–7 см, располагалась параллельно канавке. Заполнение ямы — серый суглинок с мелкими угольками и фрагментами керамики конца XII–XIII вв. (рис. 11).

Особняком, на расстоянии 12 м к северу от канавки располагались ямы 1, 2 и 4.

Яма 1 — поздняя мусорная яма округлой формы размером 176 x 200 см, углублена в материк на 13–25 см. Заполнение — темно-серый суглинок с фрагментами битого кирпича, щебня, оконного и бутылочного стекла, железных изделий последней четверти XX в.

Яма 2 — неправильной подпрямоугольной формы со скругленными углами, размером около 320 x 170 см, углублена в материк на 30 см. Это самая крупная яма в раскопе, заполнение — темно-серый

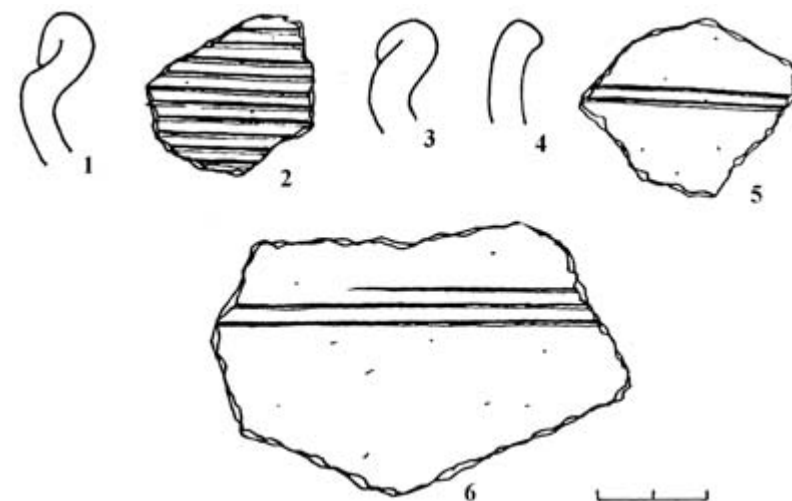

Рис. 9. Галенчино 2 поселение. Раскоп 2.
Фрагменты керамики из заполнения ямы 18.

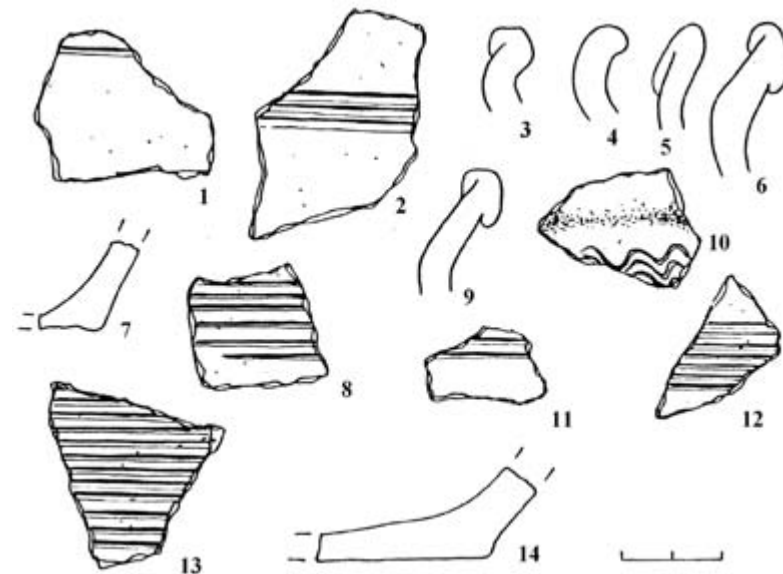

Рис. 10. Галенчино 2 поселение. Раскоп 2.
Фрагменты керамики из заполнения канавки.

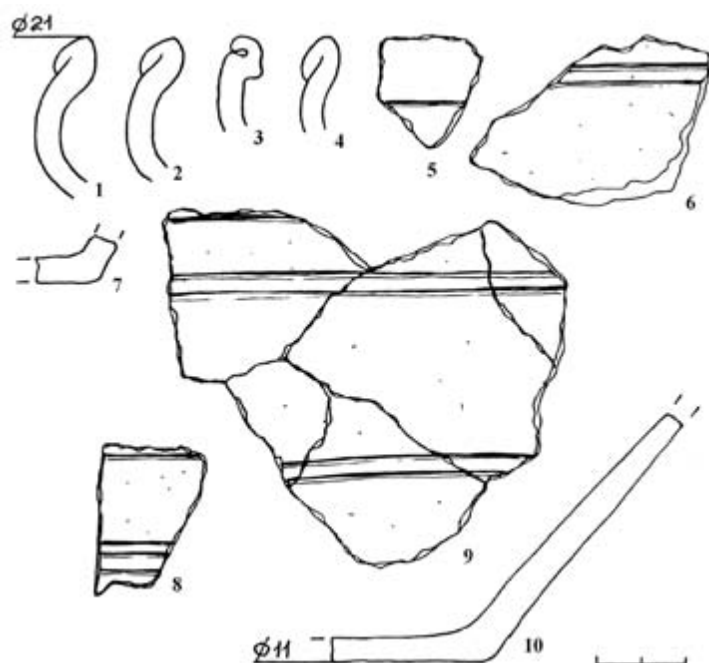

Рис. 11. Галенчино 2 поселение. Раскоп 2.
Фрагменты керамики из заполнения ямы 5.

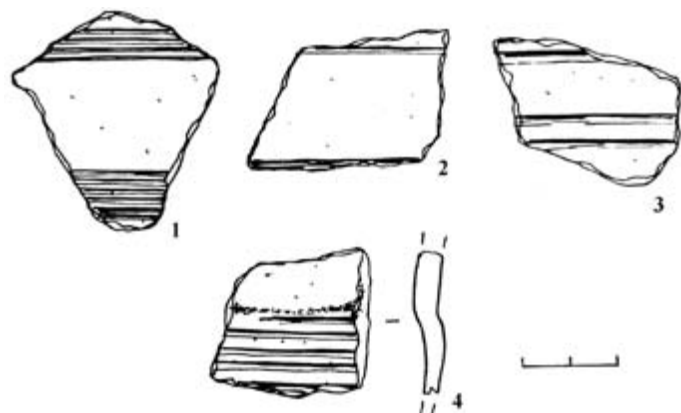

Рис. 12. Галенчино 2 поселение. Раскоп 2.
Фрагменты керамики из заполнения ямы 2.

суглинок мощностью от 4–5 см по периметру ямы до 34 см в центральной части. Под темно-серым суглинком по периметру ямы залегает коричнево-серый суглинок. В заполнении ямы найдено девять фрагментов гончарной керамики XIII в. (рис. 12).

Яма 4 – округлой формы размером 77 x 66 см, углублена в материк на 15 см, заполнение – коричнево-серый суглинок с кусочками угольков и глины, без находок.

В северо-восточной части раскопа у самого края береговой кромки с уровня 1 пласта прослеживалась линза темно-серого суглинка размером около 3,0 x 1,6 м, мощностью до 20 см с многочисленными кусками битого кирпича, угольками, костями животных. В центре этого слоя расчищено сооружение, сложенное из красного кирпича. Сооружение размером 120 x 100 см с шириной кладки около 24 см, предположительно летняя надворная печь, имело прямоугольную форму. В верхней части – темно-серый суглинок с кусками битого кирпича и редкими вкраплениями древесного угля. В ходе дальнейшей расчистки заполнения печи, на глубине 80–93 см выявлен слой битого кирпича мощностью не более 10–15 см, без находок. Следов золы и угольков не обнаружено. Под слоем битого кирпича идет слой светло-серого суглинка (предматерик) без находок.

Высота сохранившейся части печи около 40 см, ширина до 25 см. Печь сложена в четыре ряда кирпичей, причем нижний ряд юго-западной стенки печи выступает наружу от вышележащих рядов на 4–5 см. Нижний ряд кирпича лежит прямо на предматериковом слое (светло-серый суглинок), где отмечены контуры подпрямоугольного котлована под фундамент печи размером около 156 x 130 см, глубиной не более 5 см, заполненного коричнево-серым перемешанным суглинком.

Кирпич, из которого сложена печь, изготовлен из ожелезненной глины, имеет цвет от оранжевого до красно-оранжевого, сформован грубо, обжиг некачественный – большинство экземпляров при разборке крошились и разваливались на куски. Раствор, скрепляющий кладку, сформирован на основе песка. Размеры кирпича колебались в пределах 22,5–24,7 x 11,0–11,5 x 6,3–7,3 см.

В слое темно-серого суглинка, подковообразно охватывающего печь, найдено 67 фрагментов круговой мореной посуды XIX в. Вещевой материал, собранный вокруг печи, включает в себя четыре подковых гвоздя (рис. 13, 3–6), девять кованых строительно-крепежных гвоздей (рис. 13, 7, 9–12), железный черешковый нож (рис. 13, 2), два фрагмента железного сосуда с коротким прямым слабоотогну-

тым наружу венчиком (рис. 13, 1), пуговицу из медного сплава (рис. 13, 8) и две монеты достоинством 1 копейка (1829 и 1832 гг.).

Подводя итог проведенным работам, можно отметить, что основная часть полученного при раскопках материала связана с древнерусским временем. Исследованный раскопом 2 участок селища, вероятно, являлся окраиной однодворного (или малодворного) поселения второй половины XII–XIII вв., основная часть которого была изучена раскопом 2003 г. На это указывает относительно небольшое коли-

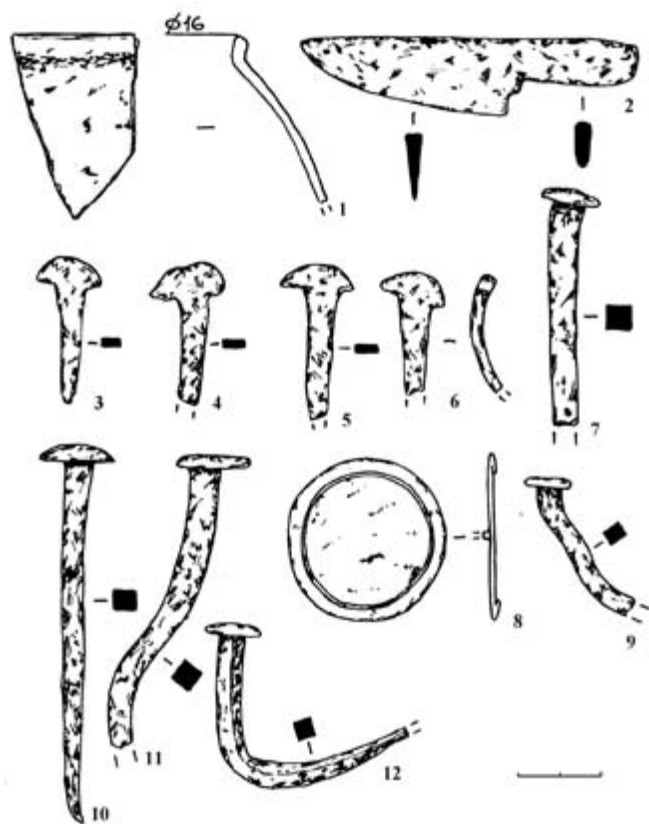

Рис. 13. Галенчино 2 поселение. Раскоп 2. Находки, собранные вокруг печи первой половины XIX в.: 1 – фрагмент сосуда; 2 – нож; 3–6 – гвозди подковные; 7, 9–12 – гвозди строительно-крепежные; 8 – пуговица (1–7, 9–12 – железо; 8 – медный сплав).

чество находок, отсутствие крупных хозяйственных и жилых объектов, а также следы канавки, вероятно от частокола, ограничивающего саму усадьбу.

Выявленный позднесредневековый материал XVI–XVII вв. не составлял каких-либо комплексов, был разрознен и немногочислен. Связать его можно с периферией территории с. Галенчина, первое упоминание о котором в письменных источниках приходится на конец XVI в., в настоящее время расположенного через овраг к западу (Свод письменных источников... 2005. Т. 4. С. 387). Вероятно, с жизнью села связано и кирпичное сооружение (печь?), функционировавшее, судя по связанным с ним находкам, в первой половине XIX в.

Самые же ранние находки с поселения относятся к городецкой культуре раннего железного века, однако количество их настолько мало, что мы можем говорить только о сезонном посещении этого места во второй половине I тыс. до н.э.

Литература

- Вячин А.А., 2004. Отчет о разведках в Рязанском районе Рязанской области в 2003 г. // Архив ИА РАН.
- Иванов Д.А., 2008. Отчет об охранных археологических раскопках на поселении Галенчино 2 в поселке Галенчино г. Рязани в 2007 году // Архив ИА РАН.
- Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
- Коваль В.Ю., 2004. Заключение по результатам изучения керамики с поселения Галенчино II // В.В. Судаков. Отчет об охранных археологических раскопках на Галенчино II поселении в г. Рязани в 2003 году (Архив ИА РАН. Р-П. № 23942).
- Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Лавренов С.М., Розанов В.И., 2008. Отчет о результатах остеологических исследований материалов археологических раскопок на поселении Галенчино 2 в г. Рязани в 2007 г. // Д.А. Иванов. Отчет об охранных археологических раскопках на поселении Галенчино 2 в поселке Галенчино г. Рязани в 2007 году (Архив ИА РАН).
- Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв. 2005. Рязань. Т. 4.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Стрикалов И.Ю., 2006. Керамика Рязанской земли XI–XV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М.
- Судаков В.В., 2004. Отчет об охранных археологических раскопках на Галенчино II поселение в г. Рязани в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-П. № 23942.
- Судаков В.В., Буланкин В.М., Вячин А.А., 2005. Археологическая карта округа Переяславля Рязанского. Сельские поселения IX–XIV вв. // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.
- Судаков В.В., Иванов Д.А., 2008. Новый средневековый памятник на территории г. Рязани (Галенчино II поселение) // Четвертые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 24–27 октября 2006 г. Рязань.

В.А. Попов

ПРОЕКТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДЕРЕВЯННЫХ СРУБНЫХ ПОСТРОЕК ИЗ ЖИТНОГО РАСКОПА

Одним из важнейших результатов современных археологических раскопок древнерусских городов, в слоях которых сохраняются остатки деревянных сооружений, стал вывод о том, что основные конструкции деревянных построек и способы сопряжения их элементов в IX–XIII вв. практически не отличаются от известных нам по сохранившимся памятникам XVI–XVIII вв. Это обстоятельство позволяет считать, что в деревянной архитектуре существуют достаточно устойчивые технологии и приемы, которые сохранялись на протяжении многих веков. Исследователи деревянного зодчества — П.И. Засурцев, Ю.П. Спегальский, П.А. Раппопорт, Г.В. Борисевич и др. — выполняли графические реконструкции древних деревянных сооружений на археологической основе, дополняя их, в той или иной мере, этнографическими сведениями.

В данной работе по реконструкции деревянных построек, выявленных на Житном раскопе на территории кремля г. Рязани (бывшего Переяславля Рязанского) в 2006–2009 гг., применен подобный же метод. Кроме этого была учтена функциональная особенность сооружений, а также отдельных их конструкций.

Археологические материалы (фиксационные чертежи раскопа, натурные фотографии), а также пояснения к фиксационным чертежам были предоставлены начальником Переяславль-Рязанской археологической экспедиции д.и.н В.И. Завьяловым. Данный проект предварительно обсуждался с ним и с заведующим отделом археологии Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника В.В. Судаковым. В результате этого обсуждения в проект были внесены необходимые корректировки.

Для реконструкции были выбраны сооружения №№ 2, 5 и 8 (рис. 1). Результаты дендрохронологического анализа позволяют датировать сооружение № 2 1547 г., сооружение № 5 — 1568 г. (Карпухин, Соловьёва, 2011).

Сооружения № 5 и № 8, по всей вероятности, относились к одной усадьбе, так как между ними в рассматриваемый период не было ограды (усадьба А, см.: Завьялов, 2010), а сооружение № 2 — к усадьбе, расположенной через улицу от усадьбы А. Тын из бревен вдоль восточного фасада сооружения № 5 относится к более раннему времени:

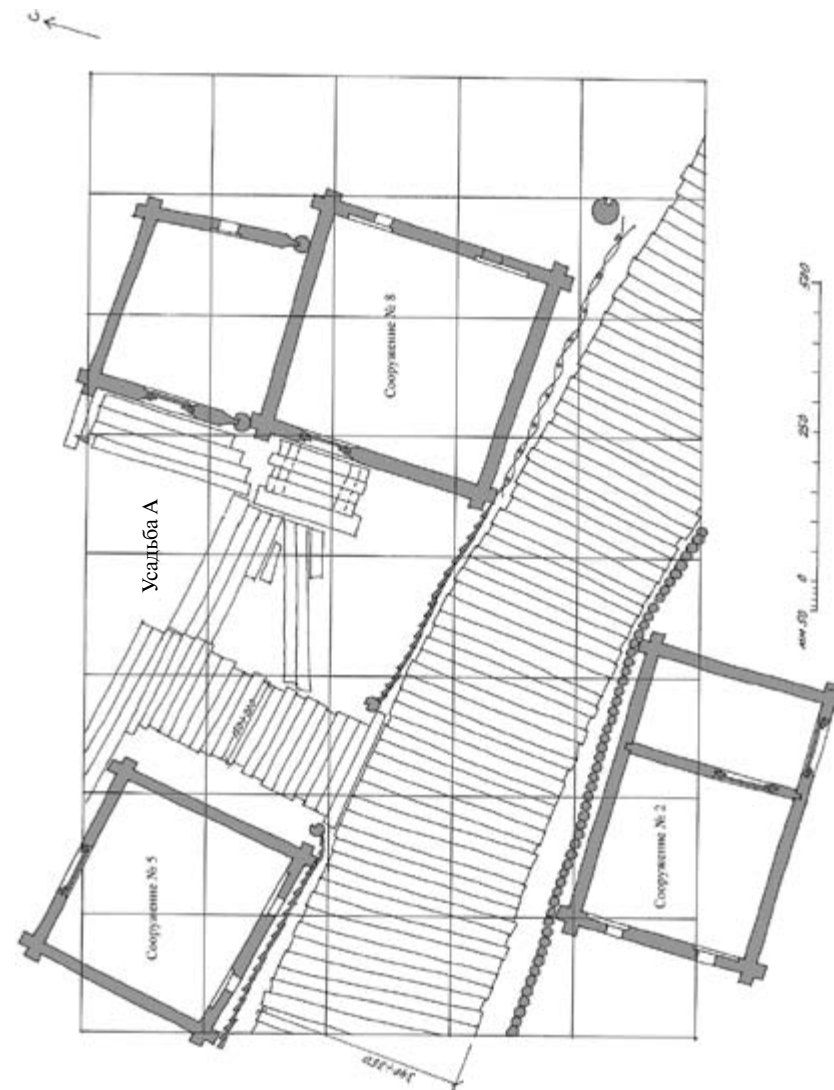

Рис. 1. План расположения улицы и жилых усадеб XVI–XVII вв. на Житном раскопе.

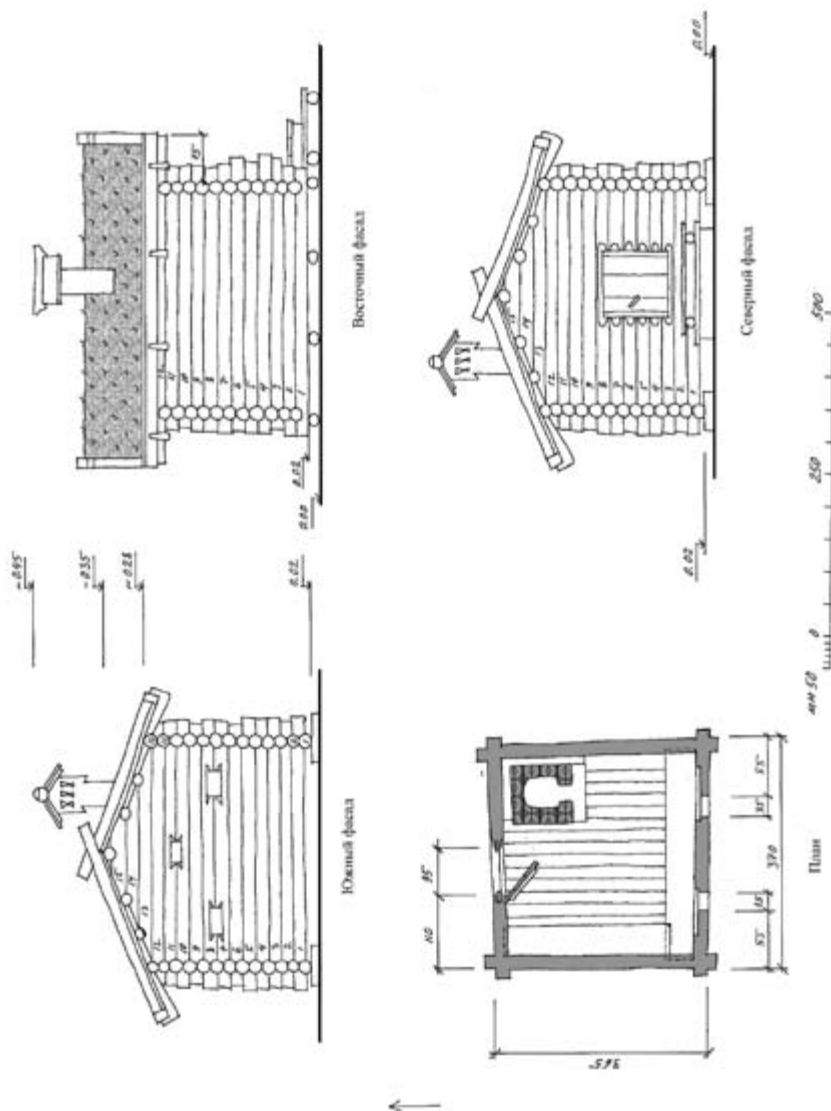

Рис. 2. Графическая реконструкция сооружения № 5.

ко времени существования постройки № 6 — предшественника сооружения № 5. Ворота же к востоку от сооружений № 5 и № 6 наблюдались на протяжении нескольких пластов.

Сооружение № 5 (рис. 2) было отапливаемым, о чем свидетельствуют остатки (следы) печи, которая располагалась у задней северной стены. Первоначально печь находилась в северо-восточном углу, а после устройства бревенчатого пола была перенесена в северо-западный угол. Судя по характеру пола (из бревен), постройка имела производственное назначение (например, мастерская). Дверь, согласно направлению бревен пола, могла находиться только в задней стене сруба.

Постройка была одноэтажной. Перекрытие и крыша у нее могли быть совмещены, и, в этом случае, с наибольшей вероятностью можно реконструировать дерновое (земляное) покрытие, широко распространенное в древнерусское время. Такие крыши были теплыми, дешевыми и долговечными. Уклон крыш делался небольшим — в пределах 20–25°, чтобы дерн не сползал. Срок службы таких покрытий обычно 50–60 лет (заменялись только ограничивающие бревна). Дерновые крыши упоминаются в документах XVI в. (по Великому Новгороду). Они стали исчезать с появлением потолков. Примечательно, что в скандинавских странах дерновые кровли до сих пор сохранились на постройках XIV–XVII вв. и активно применяются в новом строительстве.

Окна, по всей вероятности, были в передней стене, противоположной двери. Они были небольшими волоковыми и составляли известную треугольную композицию: два окна внизу и третье по центру над ними. Верхнее окно служило, в основном, для вытяжки дыма. Так как помещение было производственное и печь могла топиться чаще и продолжительнее, чем в жилых помещениях, то здесь могло существовать еще одно дымоволочное отверстие, в данном случае в виде трубы с дымоходом наверху.

Сооружение № 8 состояло из двух частей (двухчастная связь). Южное помещение было жилое отапливаемое (изба). Печь стояла в юго-западном углу, устьем к восточной стене (по археологическим материалам, она была вытянута в плане в направлении запад–восток). Дверь могла располагаться только в западной стене; на это указывает направление пола постройки и планировка усадьбы, где восточная стена выходит на смежную усадьбу.

Северное помещение могло быть жестко соединено с южным только в нижней части (в окладном венце). Выше стены были

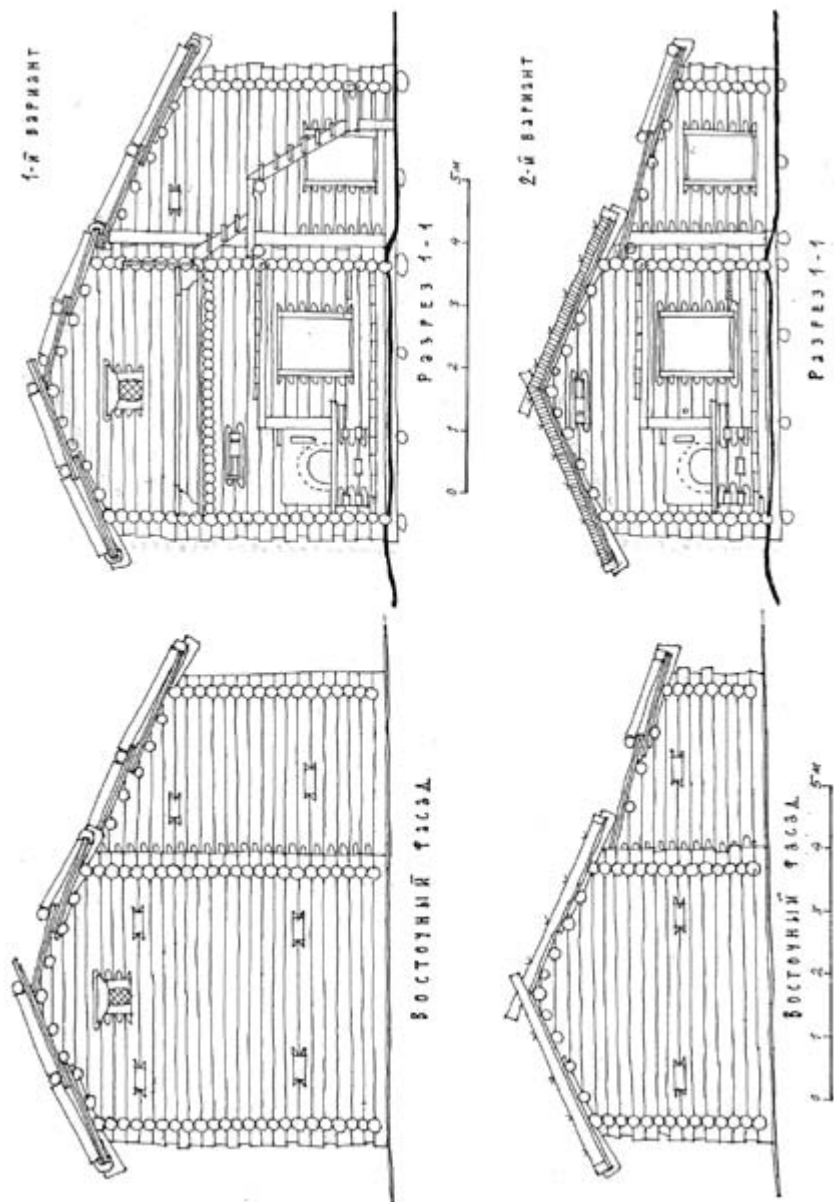

Рис. 3. Графическая реконструкция сооружения № 8.

1 — вариант двухэтажной постройки; 2 — вариант одноэтажной постройки.

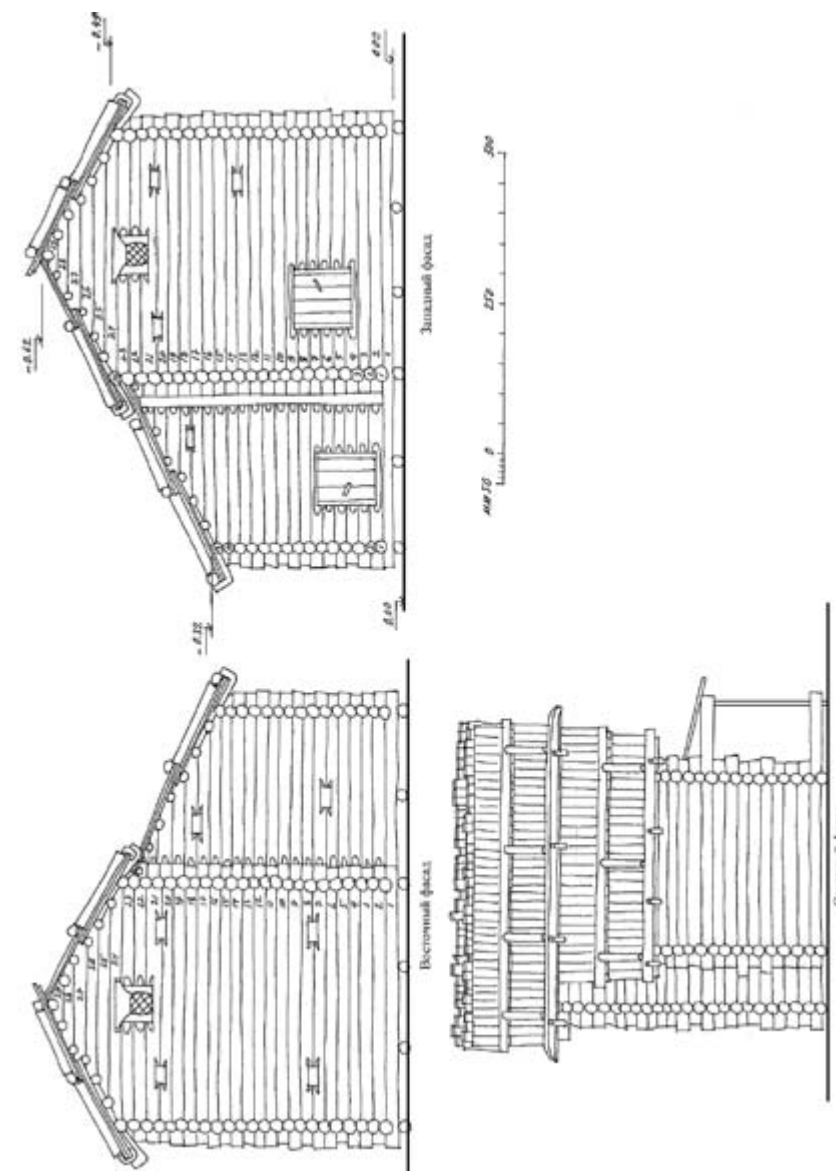

Рис. 4. Графическая реконструкция сооружения № 8.

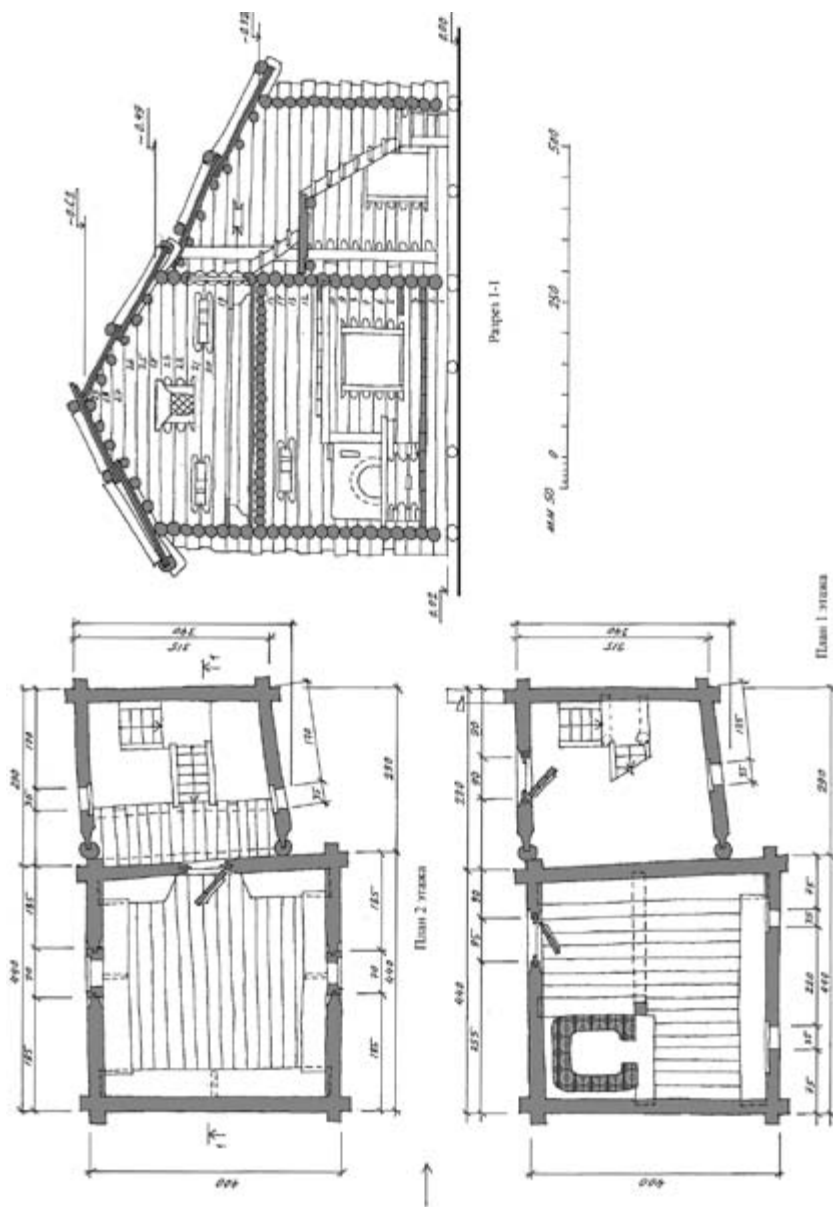

Рис. 5. Графическая реконструкция сооружения № 8.

смешанные: северная рубленая, а южные концы западной и восточной стен забраны в столбы («в замет», «в заплот»). Это обычная конструкция для нежилых построек, примыкающих к основному сруб. Она не могла играть роль сеней, так как здесь не было двери в избу. Скорее всего, это была кладовая (рис. 3, 2).

Но не исключено, что постройка была двухэтажной (рис. 3, 1; 4; 5). В этом случае в кладовой могла располагаться лестница на второй этаж. На верхнем этаже избы находилась летняя спальня (светелка, горница, повалуша). Тогда между этажами было теплое изолированное перекрытие из наката, а верхний этаж перекрывался обычной самцово-слеговой крышей из теса или «драниц» по курицам и потокам с гнетами. «Драницы» — колотые кровельные доски длиной 2–4 м, изготовление которых было менее трудоемко по сравнению с длинным тесом. Кровли из «драниц» часто упоминаются в документах XVI в. Потолок в летнем помещении был не нужен.

Фронтами (залобками) постройка была обращена на запад и восток, другое направление менее вероятно из-за расположения северной пристройки. В избе могло быть два волоковых окна, которые располагались на стене, противоположной двери. Дымоволокное отверстие, устроенное по типу волокового окна, могло быть за печью на западной стене. На втором этаже окон было больше — по три в торцевых стенах, при этом средние могли быть косячатые («красные») со слюдяными окончинами.

Сооружение № 2 было двухкамерным (рис. 6). Но не чистым пятистенком, так как внутренняя стена была тоньше и врубалась в продольную стену скрытым шипом. Это обстоятельство позволяет, с известной долей вероятности, предположить, что или вся постройка была теплой, или малое помещение играло роль тамбура (сеней) перед жилой частью (избой). Второе предположение подкрепляется наличием печи в большом помещении. В этом случае наружная дверь находилась в южной стене малого помещения, а внутренняя дверь в поперечной стене. Это согласуется с наличием печи, которая стояла в северо-восточном углу избы. В данном случае большое помещение могло перекрываться совмещенной земляной крышей (по типу сооружения № 5), а малое помещение односкатной слеговой крышей из теса или «драниц».

Окна были волоковые и располагались на фронтовой западной стене, имели трехчастную композицию (по типу сооружения № 5). Устройство интерьера было традиционное: глинобитная печь на срубном опечке, у печи — жерди-грядки и печной столб, над две-

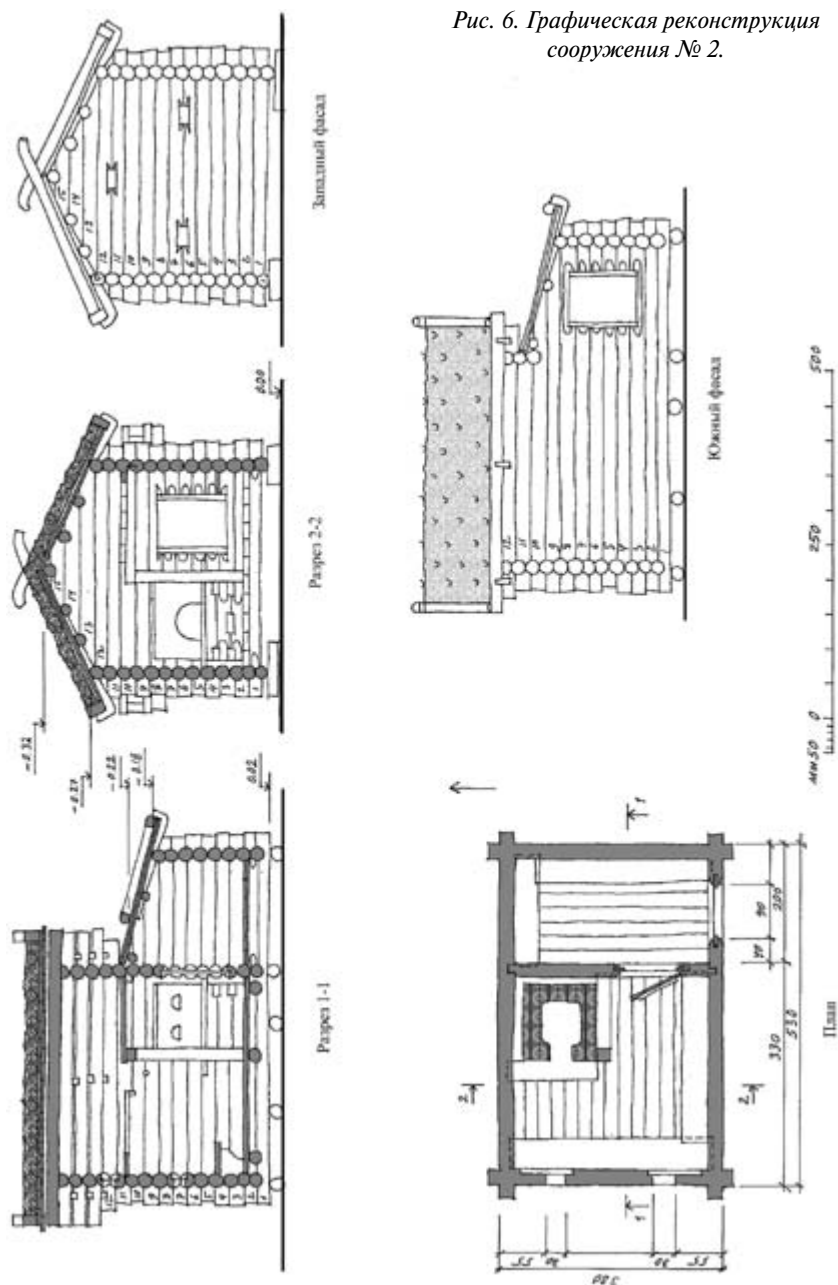

Рис. 6. Графическая реконструкция сооружения № 2.

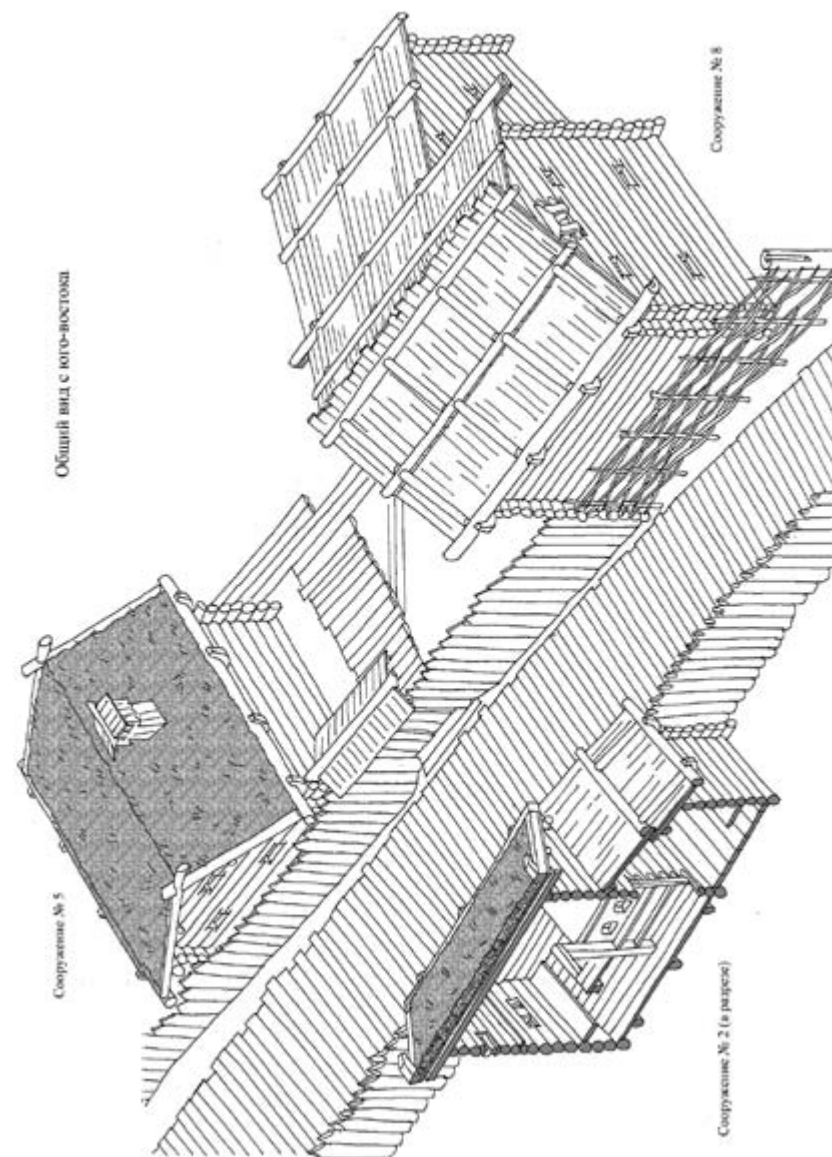

Рис. 7. Графическая реконструкция улицы и жилых усадеб XVI–XVII вв. на Житном раскопе.

рю — полати, по свободным стенам — лавки, над лавками — полки-полавошники.

Графическая реконструкция деревянных построек Житного раскопа выполнена с целью изготовления экспозиционного макета в М 1:10 (рис. 7). В силу недостаточности источниковедческого материала, а также плохой сохранности древесины построек прилагаемые рисунки (представляют часть документации для макета) являются только иллюстрациями на эту тему и не могут претендовать на полную достоверность.

Литература

Засурцев П.И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. № 123.

Снегальский Ю.П., 1972. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв.

Раппопорт П.А., Колчин Б.А., Борисевич Г.В., 1985. Жилище // Древняя Русь. Город, замок, село.

Завьялов В.И., 2010. Усадьба А на Житном раскопе в кремле Переяславля Рязанского // Археология Подмоскovie. М. Вып. 6.

Карпухин А.А., Соловьёва Л.Н., 2011. Предварительные результаты дендроанализа образцов древесины из Житного раскопа в Переяславле Рязанском // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Рязань. Вып. 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП	— Археология Подмоскovie
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
МГУ	— Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НА РИАМЗ	— Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РА	— Российская археология
РГУ	— Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
ТСРО	— Топонимический словарь Рязанской области
ТСРЯ	— Толковый словарь русского языка

АВТОРЫ

Алёшинская Анна Сергеевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, г. Москва.

Гольева Александра Амуриевна, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва.

Гордова Ю.Ю., кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН

Завьялов Владимир Игоревич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, г. Москва.

Иванов Дмитрий Александрович, заведующий сектором Вожской битвы отдела археологии РИАМЗ, г. Рязань.

Козлова Татьяна Николаевна, научный сотрудник научно-фондового отдела РИАМЗ, г. Рязань.

Кочанова Мария Дмитриевна, научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, г. Москва.

Милованов Сергей Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.

Попов Виктор Александрович, ведущий архитектор-консультант Новгородского государственного музея-заповедника, г. Великий Новгород.

Соловьёва Лидия Николаевна, старший лаборант лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, г. Москва.

Спиридонова Елена Александровна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, г. Москва.

Судаков Василий Васильевич, заведующий отделом археологии РИАМЗ, г. Рязань.

Сутягина Полина Антоновна, старший лаборант лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, г. Москва.

Фатюнина Олеся Александровна, научный сотрудник отдела археологии РИАМЗ, г. Рязань.

SUMMARY

The materials on the archaeology of Pereyaslavl Ryazansky
Issue 2

2013 was the tenth year of field works of the Pereyaslavl Ryazansky archaeological expedition, created in 2004 on the initiative by L.D. Maksimova, then the Director of the Ryazan Historical and Architectural Museum Resort. The main objective of the archaeological works was a wide-scale fundamental study of the cultural deposits in the Ryazan Kremlin within a large area, with application of natural-scientific methods used for the analysis of the archaeological materials. After years of field work tens dwelling and household constructions, street pavements, manor complexes have been revealed by the expedition. The obtained materials and the results of their analytical research permit to throw a new light upon many problems related to the city's history, life and activity of medieval townsmen.

Another aspect of activity of the expedition is monitoring of the cultural deposits in Kremlin and the rescue excavations in the place of pipeline laying. In the course of this research new materials on the cultural deposits and their peculiarities were revealed. So, due to investigation of the cultural layer near the Kremlin mound it was concluded that the gradual cultural layer formation falls within the second half of the XIIth – XIVth centuries at that the most ancient pre-Mongol materials are observed just in the holes. Rapid increase of the cultural deposits and finds falls within the XVth – first half of the XVIth centuries. The cultural layer of the XVIIth – XVIIIth centuries almost isn't revealed. The materials of this period are singular. It may be connected with the displacement of the living buildings line.

Recent years the archaeological investigation of the cultural layer of Pereyaslavl Ryazansky is getting more intensive. Primarily it's connected by the enlargement of building activity in the city. So, the number of rescue excavations is increasing. Considerable excavations were on the territory of Verhny Posad and Nizhny Posad, Goncharnaya Sloboda, Rybatskaya Sloboda, on the south suburb of modern Ryazan (Slavonic settlement Galenchino).

The necessity of consolidation of all archaeological investigations leads to the creation of a periodical issue «The materials on the archaeology of Pereyasavl Ryazansky». The first one was published in 2011.

The Second Issue has been continuing to introduce new finds and discoveries from the second capital of the Great Principality Ryazan. Studying of the processes proceeded in a such large centre of trade and handicraft as Pereyasavl Ryazansky in all their diversity is a very important aspect to reconstruct the development of the Russian city.

The investigation of the cultural deposits of the XVIth century in the Zhitny excavation area in the Ryazan Kremlin allows revealing the peculiarities of homestead's construction in Pereyasavl Ryazansky. It is the first time when it has become possible to determine the particularities of the buildings and the things of everyday use, characterize climatic changes during all the time of the city's existence and ascertain the human diet of the inhabitants of the homesteads.

Besides the excavations in Kremlin, on the territory of the ancient centre of the city, the observations within the territory of the city are in progress. In the course of them the important materials are revealed.

Systematical study of Kremlin cultural layer leads to the conclusion that it is non-homogeneous. The territory of Kremlin can be divided in two parts. The first one is on the terrace above flood-plain. It contains the wet cultural layer with the things of organic materials (bone, wood, leather). The excavation sites with such cultural deposits were found out on the arhiebi-shop's territory in Kremlin (excavations by A.L. Mongait, A.A. Konovalov, V.I. Zavyalov). The second part can be characterized by the dry layer, where the organic materials are not preserved.

Like the First Issue, the articles presented in the given edition bring into limelight various aspects of historical and archaeological investigations.

In the paper by Yu.Yu. Gordova three main versions of the origin of the toponym «Pereyasavl Ryazansky» are considered. A wider application of the linguistic and archaeological data allows estimating a degree of their reliability and reevaluate well-known facts. The description of the toponymic landscape in the period of Ancient Rus' gives an opportunity to

make some supervision concerning regularities of the development of the toponymic system.

The results of the archaeological research in 2007–2009 in the Kremlin of Pereyasavl Ryazansky are under the consideration in the article by V.I. Zavyalov. The analysis of pottery allows dating cultural layer from the end of the XVth to the XVIth cc. The layer is strongly wet and artifacts of organic materials are numerous. More than 10 dwellings have been revealed. The most part of the territory was under the homestead «A». The complex of artifacts testifies the privilege level of life of the inhabitants. The most interesting artifacts are the bone stamp-matrix, the fragments of ornamental leather shoes, the bone cross, the fragments of seladon pots.

The most part of the book is devoted to the publication of the results of the analytical research of the archaeological materials. In the article «The results of palynological research of cultural layer from the Zhitny excavation area» by A.S. Aleshinskaya, M.D. Kochanova, E.A. Spiridonova the results of palynological research of cultural layer from the Zhitny excavation site are published. So, six pollen and spore complexes were revealed. They characterize the vegetation changes through the formation of the cultural layer. The homogeneity of the vegetation was typical of the period under review. Climatic conditions changed slightly and insignificant changes in vegetation were connected with fluctuations of the humidity and human activity. Only in the last complex some changes, probably connected with the starting coldness of the climate, are about to appear.

In the paper «The results of spore and pollen analyses of the samples from the Trench 3 on the territory of the Pereyasavl Ryazansky Kremlin» the authors publish the results of spore and pollen analyses of the samples from excavation site 3, situated near the foot of the rampart of the Pereyasavl Ryazansky Kremlin. The excavations revealed layers differ by their lithological structure, including the deposits formed during the long period of the Middle Ages. The results of the analyses allow to reveal 9 pollen and spore complexes which characterize the vegetation since the XIth to the XVIIth centuries.

In the article by A.A. Golyeva the results of the soil research, based on the morphological analysis, determination of the gross phosphorus

and microbiomorph analysis, are introduced. Such investigations are undertaken for the first time, so the results have both scientific and methodological importance. The objects «Street», «Workshop», «Dwelling» had been studied and their peculiarities were revealed. The main uniting feature is very high content of phosphorus which testifies people's activity in the area during the whole period of cultural layer formation. Object «Street» is characterized by the most contrast indexes of all components that point out an unevenness of the cultural layer forming with various organic materials. This contrast reflects the periods of the «Street» functioning. The author supposes that the dwellings were reconstructed at the same place or not far from the territory ruined by fire. Thus this research does not indicate long-lasting waste grounds.

The article by P.A. Sutyagina is devoted to the analysis of the remains of the grains plants from the wet cultural layer of two medieval capitals – Staraya Ryazan (the middle of the XIIth c.) and Pereyasavl Ryazansky (the 2nd half of the XVth – the beginning of the XVIIth c.). The aim of the research is the determination of vegetation of these cities and near environs. The author considers that the flora of Pereyasavl Ryazansky was more various than in Staraya Ryazan. The main sources of diaspora in the cultural layer were manure, dirt on man's shoes, to a lesser degree – hay, straw and grains which were brought on the manors' territory. It is possible to suppose that in the neighbourhood of Staraya Ryazan and Pereyasavl Ryazansky were spread meadow and wood-shrubby vegetation. Weed, roadside and ruderal vegetation were spread in the cities.

L.N. Solovyeva publishes the results of investigations of wooden objects from the Zhitny area. The author concludes that wood of leaf-bearing species decisively dominates. This fact completely correlates with the results of palynological research.

In the course of the archaeological investigations in Pereyasavl Ryazansky an enormous group of artifacts connected with the trade relationship of the city in the Medieval Period were found out. S.I. Milovanov characterizes the trade links and reveals the dynamic of its development since the 2nd half of the XIIth until the XVth cc. So the author concludes that in the 2nd half of the XIIth – the beginning of the XIIIth centuries the items

of import origin were not in great number. Most of them originated from the Dnieper area. The most intensive trade links were natural of the period of the 2nd half of the XIVth – the beginning of the XVth cc. The things of this period were made in the Golden Horde.

In the article by T.N. Kozlova chessmen and checkers from Pereyasavl Ryazansky are introduced into scientific circulation. In the result of the research the types of figures were revealed and the period of their using was determined.

Two articles are devoted to the investigation of objects of non-ferrous metal from the territory of Pereyasavl Ryazansky. In the paper by O.A. Fatyunina the finds from the Zhitny excavation area, found in the course of archaeological excavations in 2004–2011, are under review. The article by V.V. Sudakov and O.A. Fatyunina deals with the complex of artifacts from the territory of Verchny Posad.

In the article by D.A. Ivanov the results of rescue excavations of settlement Galenchino 2 are presented. The obtained materials are in an interest for studying of rural settlements from the nearest neighborhoods of Pereyasavl Ryazansky in the second half of the XIIth – XIIIth centuries.

V.A. Popov gives the graphic reconstruction of three wooden dwellings (the 2nd half of the XVIth c.). The reconstruction allows to create a model of one of the manors in Pereyasavl Ryazansky, which is presented at a new exposition on Pereyasavl Ryazansky' history.

Thus, our knowledge about the history of medieval Pereyasavl Ryazansky enlarged due to new facts, which have been introduced into scientific circulation in this book.

Translated by O.A. Fatyunina

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Ю.Ю. Гордова Топонимия Переяславля Рязанского в свете лингвистических и археологических данных.....	8
В.И. Завьялов Исследования Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского (2007–2009 гг.).....	20
А.С. Алешинская, М.Д. Кочанова, Е.А. Спиридонова Результаты палинологических исследований культурного слоя из Житного раскопа (2010 г.)	70
Е.А. Спиридонова, А.С. Алешинская, М.Д. Кочанова Результаты спорово-пыльцевого анализа образцов из шурфа 3 (2009 г.) на территории Переяславль-рязанского кремля	88
А.А. Гольева Почвенные и микробиоморфные исследования в Переяславле Рязанском (житный раскоп, 2009 г.)	100
П.А. Сутягина Субфоссильная флора Переяславля Рязанского (вторая половина XV в.; конец XVI – начало XVII в.) и Старой Рязани (середина XII в.).....	116
Л.Н. Соловьёва Краткий обзор находок из дерева по материалам Житного раскопа в Переяславле Рязанском (2006–2011 гг.).....	142
С.И. Милованов Предметы торгового инвентаря и импортного происхождения второй половины XII–XV вв. из раскопок Переяславля Рязанского	148

Т.Н. Козлова Шахматные фигуры и шашки Переяславля Рязанского (из археологической коллекции Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника)	179
О.А. Фатюнина Изделия из цветных металлов Житного раскопа Переяславля Рязанского (2004–2011)	189
О.А. Фатюнина, В.В. Судаков Изделия из цветных металлов на Верхнем посаде г. Переяславля Рязанского	226
Д.А. Иванов Охранные исследования поселения Галенчино 2 в 2007 г.	243
В.А. Попов Проект восстановления деревянных срубных построек из Житного раскопа.....	262
Список сокращений.....	273
Авторы	274
Summary.....	275
Содержание	280

CONTENTS

From the editor	3
Yu.Yu. Gordova Toponymy of Pereyasavl Ryazansky in the light of linguistic and archaeological data.....	8
V.I. Zavyalov Investigations in the Zhitny excavation area in the Pereyasavl Ryazansky Kremlin (2007–2009)	20
A.S. Aleshinskaya, M.D. Kochanova, E.A. Spiridonova The results of palynological research of cultural layer from the Zhitny excavation area	70
E.A. Spiridonova, A.S. Aleshinskaya, M.D. Kochanova The results of spore and pollen analyses of the samples from Trench 3 in the territory of the Pereyasavl Ryazansky Kremlin	88
A.A. Golyeva Soil and microbiomorph research in Pereyasavl Ryazansky (the Zhitny Excavation area, 2009)	100
P.A. Sutyagina Subfossil flora of Pereyasavl Ryazansky (the 2 nd half of the XV th c., the end of the XVI th – the beginning of the XVII cc.) and Staraya Ryazan (the middle of the XII th c.).....	116
L.N. Solovyeva Overview of wooden objects from the Zhitny excavation area (2006–2011)	142
S.I. Milovanov The items of trade and foreign origin of the 2 nd half of the XII th – XV th cc. from excavations in Pereyasavl Ryazansky.....	148

T.N. Kozlova Chessmen and checkers from Pereyasavl Ryazansky (archaeological collections of the Ryazan Historical and Architectural Museum Resort)	179
O.A. Fatyunina Objects of non-ferrous metal from the Zhitny excavation area (2004–2011)	189
V.V. Sudakov, O.A. Fatyunina Objects of non-ferrous metal from excavations in the territory of Verhny Posad of Pereyasavl Ryazansky	226
D.A. Ivanov Rescue excavations of settlement Galenchino 2 in 2007.....	243
V.A. Popov Project of reconstruction of log buildings from the Zhitny excavation area	262
List of abbreviates	273
Authors	274
Summary.....	275
Contents.....	280

На Житном раскопе Кремля Переяславля Рязанского (современный г. Рязань) продолжаются археологические исследования под руководством доктора исторических наук В.И. Завьялова. Мы приглашаем всех, кто интересуется археологией, принять участие в археологических раскопках. Стать участником экспедиции может любой желающий старше 12 лет.

Дополнительную информацию можно получить по телефону отдела археологии (4912) 27-00-74.

По результатам археологического изучения Переяславля Рязанского в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике открылась экспозиция «Переяславль-Рязанский. Археология открывает тайны». В результате гибели рязанского летописания сообщения о ранней истории города в письменных источниках весьма немногочисленны, в связи с чем осветить историю города XI–XVII вв. возможно только на основании археологических источников. Эту задачу и призвана решить экспозиция через знакомство со спецификой археологических исследований. В экспозиции представлены сотни находок, полученных в ходе раскопок Переяславля. Посетители могут увидеть антропологические реконструкции, реконструкцию оборонительной системы и городской застройки XVI–XVII вв.

Экспозиция расположена на 2 этаже Гостиницы Черни.

Время работы: с 10.00 до 18.00 (касса до 17.15)

Выходной: понедельник, четверг

Научное издание

**Материалы по археологии Переяславля Рязанского.
Вып. 2.**

Корректор: Т.В. Рахманина
Макет: М.В. Коновалов
Верстка: Е.М. Сахарова Е.М.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 18. Тираж 500 экз. Заказ № ?

Издательство РИАМЗ. 390000, г. Рязань, Кремль, 15. Тел. (4912) 27-21-11
e-mail: museumt@riamz.ru
www.ryazankreml.ru

Отпечатано:

